

В Е С Т Н И К

**НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

№ 2 (12)

САРАНСК
2009

У ч р е д и т е л и:

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

*Ученый совет Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

Основан в 2006 году

Главный редактор

В. А. Юрченков

Заместитель главного редактора

Г. А. Куршева

Ответственный секретарь

Т. И. Кильдюшкина

Р е д к о л л е г и я:

Е. Н. Бикейкин, Е. В. Глазкова, Т. М. Гусева, О. В. Зарубина,
И. В. Зубов, Д. Ф. Ильин, А. Н. Келина, И. Г. Кильдюшкина, В. А. Ломшин,
Л. И. Никонова, Е. Г. Скворцова, А. В. Чернов

Адрес редакции:

430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3, каб. 304

© НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

Рапава С. Т., Торопов А. И. Формирование системы государственной поддержки регионального АПК в условиях современной аграрной политики	7
Кунев С. В. Формирование подходов к управлению экономическим потенциалом предприятий фармацевтической промышленности	12
Матюшин А. В. К вопросу об активизации инвестиционной деятельности в промышленности	24
Топорков С. Н. Инновационные процессы на предприятии	30
Соколов А. В. Технологические аспекты капитального ремонта железнодорожного подвижного состава	36
Моисеева И. В. Специфика факторов, определяющих конкурентоспособность высшего учебного заведения	44

ИСТОРИЯ

Осипова М. И. Мордовское крестьянство XVI — XVIII вв. глазами исследователя (по работам о мордве А. А. Гераклитова)	52
Шкердина Н. О. Вклад М. Д. Чулкова в историко-этнографическое исследование Среднего Поволжья	58
Видяйкин С. В., Котляров С. Б. К вопросу о переселенческой политике в начале XX в. (по материалам Симбирской губернии)	64
Денискин Е. И. Лесной фонд мордовского края в 1920-е гг.	69
Ломшин В. А., Надькин Т. Д. Средневожская деревня в 1946 — 1948 гг. (на примере Мордовской АССР)	76
Юрчёнков В. А. Проблемы истории послевоенной Мордовии (1945 — 1953 гг.) в региональной историографии	87
Бикейкин Е. Н. Развитие сельского хозяйства и реформы на селе во второй половине 1960-х гг. (по материалам республик Среднего Поволжья)	103

ПОЛИТОЛОГИЯ

Сальникова Э. Ю. Общественно-политический аспект деятельности партийных, советских и общественных организаций Мордовии в период Великой Отечественной войны (1941 — 1945 гг.)	113
Ивлиев С. А. Этнополитические процессы в России на рубеже XX — XXI вв. (на примере Республики Мордовия)	120
Ильин Д. Ф., Батаев С. В. Региональный аспект участия гражданского общества в преодолении последствий мирового экономического кризиса	125

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Кемаев Е. Н. Изучение некросферы древней мордвы: в поиске новых путей	133
Никонова Л. И., Шерстобитова Ж. В. Переселение мордвы в Западную Сибирь: традиции и инновации	142
Щанкина Л. Н. Свадебные обряды мордвы Циркумприбайкальского региона и Республики Хакасия (по материалам экспедиций 2008 г.)	149
Охотина Т. Н. Дохристианские верования мордвы, связанные с охотой и рыболовством	155
Спицина О. В. Обычное право в родильной обрядности у русских Республики Мордовия	163
Кириллова Е. А. Роль печи в системе жизнеобеспечения русского населения Республики Мордовия	168

ФИЛОЛОГИЯ

Цыплякова О. Ю. Сложноподчиненные предложения с придаточными условными в эрзянском языке	174
Кукушкина Е. А. Полносложные именные соединения в эрзянском и немецком языках	179
Шеянова И. И. Влияние национальных эпических традиций на творческую индивидуальность А. Д. Куторкина (на примере романа «Покш ки лангсо умарина» — «Яблоня у большой дороги»)	183
Пацуткина В. Н. Мифология и религия эрзи и мокши в книге У. Харвы «Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen» («Религиозные воззрения мордвы»)	189
Некаева Л. Н. Взаимодействие фольклорных культур Лукояновского района Нижегородской области (на примере свадебного обряда)	194

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Сомкин А. А., Ильин Д. Ф. Смена парадигм в понимании взаимосвязи личности и общества в отечественной социальной философии	201
Куршева Г. А. Региональная система среднего образования в условиях модернизации 1930-х гг.	210
Гвоздева И. Н. Воспитание нравственности средствами урока литературы	218
Пивцайкина О. А. И. Д. Воронин как историк искусства	222
Щукин Д. С. Система управления культурой Мордовии и подготовка кадров работников культуры в 1928 — 1953 гг.	228
Ломшин А. В. Роль сельского культурного комплекса в удовлетворении культурных потребностей жителей села Мордовии в 1975 — 1982 гг.	238
Семелев В. В. Социокультурные истоки православного монашеского подвижничества	242
Зарубина О. В. Деятельность культурно-просветительных учреждений Мордовии в конце 1920-х — 1930-х гг.	246
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	251
АРХИВЫ	254

CONTENTS

ECONOMICS

Rapava S. V., Toropov A. I. Formation of the System of Regional Agricultural Sector State Support under the Conditions of Modern Agricultural Policy	7
Kunev S. V. Formation of Approaches to Economic Potential Administration of the Pharmaceutical Industry Enterprises	12
Matjushin A. V. To the Problem of Investing Development in Industry	24
Toporkov S. N. Innovation Processes at an Enterprise	30
Sokolov A. V. Technological Aspects of the Railway Rolling Stock Major Repair	36
Moiseeva A. V. Specific Character of Factors Determining the Higher Education Institution Competitiveness	44

HISTORY

Osipova M. I. Mordovian Peasantry of the XVI — XVIII Centuries in a Researcher Opinion (According to the Works about the Mordvins by A. A. Geraklitov)	52
Shkerdina N. O. M. D. Chulkov's Contribution to Historical-Ethnographical Study of the Middle Volga Region	58
Vidjaikin S. V., Kotjarov S. B. To the Question of the Migratory Policy at the Beginning of the XX Century (Based on Materials of Simbirsk Province)	64
Deniskin E. I. Forest Reserves of Mordovian Land in 1920s	69
Lomshin V. A., Nadkin T. D. The Middle Volga Countryside in 1946 — 1948 (by the Example of the Mordovian ASSR)	76
Yurchenkov V. A. Problems of Post-War History of Mordovia (1945 — 1953) in Regional Historiography	87
Bikejkin E. N. Agriculture Development and Reforms in the Country in the Second Half of 1960s (Based on Materials of the Republics of the Middle Volga Region)	103

POLITICAL SCIENCE

Salnikova E. Yu. Social and Political Aspect of Party, Soviet and Public Organizations Activity in Mordovia During the Great Patriotic War (1941 — 1945)	113
Ivliev S. A. Ethnic-Political Processes in Russia on Boundary of the XX — XXI Centuries (by the Example of the Republic of Mordovia)	120
Iljin D. F., Bataev S. V. Regional Aspect of Civil Society Participation in the World Economic Crisis Consequences Overcoming	125

ETHNOGRAPHY

Kemaev E. N. Ancient Mordvins Necrosphere Study: in the Search for New Ways	133
Nikonova L. I., Sherstobitova Zh. V. Migration of the Mordvins to West Siberia: Traditions and Innovations	142
Schankina L. N. Wedding Rites of the Mordvins in Tsirkumpribajkalskiy Region and in the Republic of Khakassia (Based on Materials of 2008 Expedition)	149
Okhotina T. N. Pre-Christian Beliefs of the Mordvins, Connected with Hunting and Fishing	155
Spitsina O. V. Common Law in the Maternity Ritualism of the Russians in the Republic of Mordovia	163
Kirillova E. A. The Role of Furnace in the Life-Support System of the Russian Population in the Republic of Mordovia	168

PHILOLOGY

Tsypljakova O. Yu. Compound Sentences with the Adverbial Clauses of Condition in the Erzya Language	174
Kukushkina E. A. Full-Syllabic Units in the Erzya and German Languages	179
Shejanova I. I. Influence of National Epic Traditions on A. D. Kutorkin's Creative Individuality (by The Example of the Novel «Poksh Ki Langso Umarina» — «An Apple Tree at the Main Road»)	183
Pashutkina V. N. Mythology and Religion of the Erzias and the Mokshas in the Book «Die Religiösen Vorstellungen Der Mordwinen» by U. Harva	189
Nekaeva L. N. Interaction of the Lukoyanov Area Folklore Cultures in the Nizhny-Novgorod Region (Based on the Example of Wedding Rites)	194

CULTURAL THEORY AND HISTORY

Somkin A. A., Iljin D. F. The Change of Interpretation Paradigms of Personality and Society Interrelation in Domestic Social Philosophy	201
Kursheva G. A. Regional System of Education under the Conditions for Modernization in 1930s	210
Gvozdeva I. N. Upbringing of Morality by Means of the Literature Lesson	218
Pivtsajkina O. A. I. D. Voronin as a Historian of Art	222
Schukin D. S. The System of Administration by the Culture of Mordovia and the Training of the Culture Specialists in 1928 — 1953	228
Lomshin A. V. Role of Rural Cultural Complex in Satisfaction of Cultural Needs of the Village Inhabitants in Mordovia in 1975 — 1982	238
Semelev V. V. Sociocultural Sources of the Orthodox Monastic Selflessness	242
Zarubina O. V. Cultural-Educational Institutions Activity in Mordovia at the End of 1920s — 1930s	246
INFORMATION ABOUT AUTHORS	251
ARCHIVES	254

ЭКОНОМИКА

УДК 338.436.33:332.37

С. Т. Рапава, А. И. Торопов
S. V. Rapava, A. I. Toropov

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ РЕГИОНАЛЬНОГО АПК В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

FORMATION OF THE SYSTEM OF REGIONAL AGRICULTURAL SECTOR STATE SUPPORT UNDER THE CONDITIONS OF MODERN AGRICULTURAL POLICY

Ключевые слова: аграрная политика, сельское хозяйство, агропродовольственный сектор, рынок, АПК, финансирование, бюджетная поддержка.

В статье подняты ключевые проблемы современной аграрной политики, дана характеристика ее основных задач и принципов построения, проанализированы система государственной поддержки АПК в Республике Мордовия и нормативно-правовые акты, связанные с ее формированием, а также перспективы дальнейшего развития.

Key words: agricultural policy, agriculture, agricultural food sphere, market, agricultural sector, financing, budgetary support.

The key problems of modern agricultural policy are considered in the article and the characteristic of its basic tasks and principles of construction is given. The system of agricultural sector state support in the Republic of Mordovia and legal documents, connected with its formation and prospects for further development, are analyzed as well.

Аграрная политика — это государственная политика, направленная на устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий. Под устойчивым развитием понимается увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, рациональное использование земель.

К основным задачам российской аграрной политики в современных условиях, определенным Федеральным Законом № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» от 29 декабря 2006 г., относятся следующие:

1) повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции и российских сельскохозяйственных товаропроизводителей, обеспечение качества продовольственных товаров;

2) обеспечение устойчивого развития сельских территорий, занятости сельского населения, повышения уровня его жизни, в том числе оплаты труда работников, занятых в сельском хозяйстве;

3) сохранение и воспроизводство используемых для нужд сельскохозяйственного производства природных ресурсов;

4) формирование эффективно функционирующего рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, обеспечивающего повышение доходности сельскохозяйственных товаропроизводителей и развитие инфраструктуры этого рынка;

5) создание благоприятного инвестиционного климата и повышение объема инвестиций в сфере сельского хозяйства;

6) наблюдение за индексом цен на сельскохозяйственную продукцию, сырье и индексом цен (тарифов) на промышленную продукцию (услуги), используемую сельскохозяйственными товаропроизводителями, и поддержание паритета индексов таких цен (тарифов) [1].

Современная аграрная политика России основывается на следующих принципах: доступности и адресности государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей; доступности информации о состоянии государственной аграрной политики; единстве рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия и обеспечении на нем равных условий конкуренции; последовательности осуществления мер государственной аграрной политики и ее устойчивом развитии; участии союзов (ассоциаций) сельскохозяйственных товаропроизводителей в формировании и реализации государственной аграрной политики.

Агропродовольственный сектор экономики является одним из немногих объектов в развитых и развивающихся странах, подверженных усиленному государственному регулированию (только государственная оборона сопоставима с аграрным сектором по уровню господдержки). Поэтому на современном этапе в число ключевых элементов аграрной политики входит государственная поддержка агропромышленного комплекса.

Теория экономики государственного сектора в качестве основного мотива экономической деятельности государства рассматривает несостоятельность рынков, т. е. несостоятельность конкуренции, неполноту рынков, необходимость производства общественных товаров, наличие экстерналий и некоторые другие характеристики. В качестве аргументации в пользу осуществления государственной поддержки приводятся различные доводы: обеспечение продовольственной безопасности, относительно более низкая доходность сельского хозяйства, необходимость сохранения и развития сельского населения как фундамента нации и др.

В отечественной и зарубежной практике государственной поддержки, по нашему мнению, используется достаточно широкий набор методов и инструментов государственной поддержки АПК:

— предоставление бюджетных средств сельскохозяйственным товаропроизводителям в форме субсидий (дотаций);

— применение особых налоговых режимов в отношении сельскохозяйственных товаропроизводителей;

— осуществление закупки, хранения, переработки и поставок сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных и муниципальных нужд;

— регулирование рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, в том числе таможенно-тарифное и нетарифное регулирование;

— антимонопольное регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия;

— проведение закупочных и товарных интервенций на рынке сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, а также залоговых операций и др.

Сегодня проблема заключается в формировании целостной системы государственной поддержки в противовес применению отдельных элементов стимулирования сельскохозяйственного производства для решения краткосрочных или сиюминутных задач. В результате механизм реализации мер государственной поддержки нередко носит противоречивый и непоследовательный характер.

В Республике Мордовия переход от отдельных мер по стимулированию сельскохозяйственных товаропроизводителей к формированию системы государственной поддержки связан с принятием закона РМ № 63-З «О государственной поддержке сельского хозяйства» от 26 декабря 2001 г. [2]. В соответствии с ним был определен систематизированный перечень субсидий и пособий, предоставляемых из средств республиканского и местных бюджетов сельскохозяйственным организациям всех организационно-правовых форм, а также крестьянским (фермерским) хозяйствам и личным подворьям граждан.

Необходимость развития региональной системы бюджетной поддержки в то время была связана с переносом расходов на развитие сельского хозяйства с федерального уровня на региональные «центры тяжести». В наибольшей степени это коснулось выделения средств на поддержку производства сельскохозяйственной продукции через механизмы прямого субсидирования (дотирования), в то время как приоритетными формами финансирования АПК на федеральном уровне стали поддержка кредитования, страхования, лизинга и другие формы, основанные, прежде всего, на принципах софинансирования.

Стоит отметить, что законом были определены 10 категорий субсидий, предоставляемых сельскохозяйственным организациям и крестьянским (фермерским) хозяйствам из республиканского и местных бюджетов в зависимости от вида деятельности: племенное животноводство, производство и реализация животноводческой продукции, элитное и первичное семеноводство, повышение плодородия почв, страхование урожая и др.

Каждая из категорий субсидий включала несколько видов субсидий, направленных на развитие отдельных отраслей или видов деятельности. Например, категория субсидий на производство и реализацию животноводческой продукции предусматривала три вида выплат: 1) на производство и реализацию молока, мяса крупного рогатого скота и свиней; 2) категория субсидий на повышение плодородия почв; 3) компенсация части затрат на известкование и фосфоритование кислых почв, заготовку и вывоз торфа и органических удобрений, проведение культурных технических работ и т. д.

Кроме того, впоследствии в отдельную группу субсидий были объединены выплаты владельцам личных подсобных хозяйств (за приобретение зернофуража, ветеринарно-санитарное обслуживание и др.). Не последнюю роль сыграла проведенная в Республике Мордовия в мае 2002 г. расширенная выездная коллегия Минсельхоза России, посвященная проблемам развития личных подсобных хозяйств

населения как важного сектора аграрной сферы экономики. Республика Мордовия при этом выступала как регион, имеющий современный положительный опыт развития хозяйств населения и механизм государственной поддержки личных подворий.

Результатом работы коллегии стала разработка мер по реализации «Основных направлений агропродовольственной политики Правительства Российской Федерации на 2002 год» в части развития многоукладной аграрной экономики и поддержки личных подсобных хозяйств населения. Для республики это событие стало толчком к совершенствованию государственной поддержки малых форм хозяйствования в АПК и, в частности, увеличению направлений и форм государственной поддержки личных подсобных хозяйств населения.

Впоследствии органами власти республики было разработано и принято более десятка изменений и дополнений в указанный закон, а также более 20 подзаконных актов, регламентирующих порядок выплаты субсидий, предоставляемых как сельскохозяйственным организациям, крестьянским (фермерским) хозяйствам, так и хозяйствам населения.

В результате к началу 2008 г. республиканская система государственной поддержки насчитывала уже более 40 видов субсидий и пособий, выплачиваемых сельскохозяйственным товаропроизводителям, а также организациям АПК, оказывающим те или иные виды услуг.

Подобное количество выплат при условии полного финансового обеспечения требовало существенного роста расходов на финансирование сельского хозяйства из республиканского бюджета и вполне закономерного процесса постепенного переноса части субсидий на местные уровни. Так, уже к 2006 г. 21 вид субсидий из 37 должен был выплачиваться за счет средств местных бюджетов. Однако перевод ряда значимых субсидий на местный уровень (например, субсидий на производство и реализацию животноводческой продукции) негативно отразился на результативности бюджетной поддержки в целом, поскольку часто приводил к отказу от их выплат ввиду отсутствия достаточных средств в местных бюджетах.

Несмотря на положительную роль сформировавшейся в республике системы субсидирования сельского хозяйства в целом, она имеет и существенные недостатки, которые свидетельствуют о размытости приоритетов и отсутствии системности в решении задач, связанных с государственной поддержкой сельскохозяйственного производства в регионе и негативно отражающихся на эффективности бюджетного финансирования:

- большое количество субсидий, относящихся к разным категориям, но нацеленных на решение одних и тех же задач;
- рост числа субсидий с «непродуктовым характером», т. е. не направленных непосредственно на рост производства продукции;
- перегруженность порядков выплаты субсидий ограничивающими условиями и требованиями к товаропроизводителям;
- незначительные размеры субсидий, не позволяющие оказать существенный стимулирующий эффект на ту или иную отрасль и др.

Следующий этап развития системы государственной поддержки регионального АПК связан с утверждением в марте 2008 г. Программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и

продовольствия Республики Мордовия на 2008 — 2012 гг. [4]. Указанная программа определяет не только приоритетные направления агропродовольственной политики региона, механизмы государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей и регулирования сельскохозяйственных рынков, но и, что немаловажно, показатели результативности применяемого комплекса мер (целевые индикаторы).

Несомненно, ее реализация потребовала внесения значительных изменений в действующую систему государственной бюджетной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, в том числе и в решение обозначенных выше проблем.

В новой редакции закона РМ № 41-3 «О государственной поддержке сельского хозяйства», принятой 26 мая 2009 г. [3], нашли отражение как уже осуществляемые направления аграрной политики (доступность кредитования, развитие системы страхования рисков в сельском хозяйстве, поддержка товарного кредитования и аграрного лизинга и др.), так и новые приоритеты, в частности, поддержка инновационной деятельности предприятий, обеспечение устойчивого развития сельских территорий и др. В то же время новая редакция закона носит достаточно общий характер, например, в нем отсутствует систематизация категорий и видов субсидий, ориентированных на решение конкретных задач в рамках каждого из направлений государственной поддержки, что в свою очередь свидетельствует о нерешенности проблемы формирования системы государственной поддержки регионального АПК.

Источники

1. Федеральный Закон от 29.12.2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства». URL: www.grnt.ru
2. Закон Республики Мордовия от 26.12.2001 г. № 63-3 «О государственной поддержке сельского хозяйства». URL: www.grnt.ru
3. Закон Республики Мордовия от 26.05.2009 г. № 41-3 «О государственной поддержке сельского хозяйства». URL: www.grnt.ru
4. Программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Республики Мордовия на 2008 — 2012 годы, утвержденная постановлением Правительства Республики Мордовия № 79 от 07.03.2008 г. URL: www.grnt.ru

Поступила 12.10.2009 г.

УДК 330:615.1

С. В. Кунев

S. V. Kunev

ФОРМИРОВАНИЕ ПОДХОДОВ К УПРАВЛЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ ПРЕДПРИЯТИЙ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

FORMATION OF APPROACHES TO ECONOMIC POTENTIAL ADMINISTRATION OF THE PHARMACEUTICAL INDUSTRY ENTERPRISES

Ключевые слова: фармпроизводитель, лекарства, фармрынок, дженерики, медицинские представители, фармбренды, перепозиционирование, прайсинг.

В статье рассмотрены ступенчатая стратегия развития фармпроизводителя, маркетинговый инструмент минимизации колебаний спроса на фармпродукцию, дифференцированная структура службы медицинских представителей, предполагающие обеспечить создание предпосылок формирования основы инновационного производства, а также конкурентоспособности предприятий в отрасли.

Key words: pharmaceutical producers, medicines, pharmaceutical market, generics, medical representatives, pharmaceutical brands, repositioning, pricing.

Graded development strategy of the pharmaceutical producer, marketing method of minimization of demand fluctuations for pharmaceutical product, differentiated structure of the medical representatives service are considered in the article. They suppose to ensure the formation of prerequisites for organization of essential principles of innovation manufacture as well as competitive ability of enterprises in the branch.

Низкий уровень развития экономического потенциала большинства отечественных производителей лекарственных средств (ЛС) свидетельствует о невозможности формирования на его основе устойчивых конкурентных преимуществ предприятий. Необходимым является определение основных стратегических целей и приоритетов в развитии предприятия, а также построение стратегии в достижении поставленных целей организации посредством управления ее потенциалом.

Стратегической целью фармпроизводителей является достижение в ближайшее пятилетие конкурентоспособности на фармрынке РФ, которая возможна через определение приоритетных направлений в развитии фармкомпаний на основе активизации ключевых подсистем ее экономического потенциала. В связи с этим очень важно правильно выстроить логическую схему развития экономического потенциала отечественного фармпроизводителя.

Анализ элементов экономического потенциала основных отечественных фармпроизводителей указывает на наибольшее сосредоточение незадействованных ресурсов в производственной и инновационной сферах. Кроме того, более $\frac{2}{3}$ продуктового портфеля данных предприятий представляют собой международные непатентованные лекарственные наименования, являющиеся устаревшими генериками низшего

класса. По прогнозам МЭРТ РФ, указанные группы препаратов в будущем не будут иметь перспектив конкурентоспособности [7]. Эффективное управление продажами будет возможным лишь в отношении фармбрендов [3, с. 78], количество которых, как правило, невелико. Например, 75 % продаж (более 22 млрд дол.) компании Pfizer формируют всего восемь продуктов [Там же, с. 59]. Развитие указанных сфер станет допустимым в случае разработки и реализации специальной продуктовой стратегии, имеющий императив повышения доли продуктов высшего класса.

Таким образом, основными компонентами общей схемы реализации стратегических приоритетов фармпроизводителя выступают инвестиционный и управленческий потенциалы, призванные активизировать элементы потенциала, имеющие наибольшее сосредоточение резервов: производственный и инновационный при соответствующем взаимодействии со службой маркетинга на предприятии.

Поиск источников инвестиционных ресурсов представляет собой одну из основных проблем в сфере повышения инвестиционно-финансового потенциала отечественных фармкомпаний. При этом собственные и заемные средства являются наиболее реальными источниками используемых инвестиционных ресурсов. Однако объем инвестиций из этих источников, как правило, может покрыть только потребность в финансовых ресурсах для текущей производственной деятельности и решения задач выживания предприятия в краткосрочной перспективе.

Для обновления основных производственных фондов в соответствии с требованиями GMP ЕС, для репрофилирования производства на выпуск более рентабельных и востребованных рынком ЛС необходим значительный объем инвестиций, потенциальными источниками которых являются: слияние с более крупными и известными иностранными компаниями, поглощение предприятий российским дистрибутором, средства бюджетов различных уровней.

Изучение материалов эволюционного развития фармотраслей стран ЕС и США позволяет сделать вывод о наличии у отечественных производителей лекарств нескольких путей стратегического развития. Первой стратегией является создание оригинальных ЛС. В настоящее время стоимость разработки принципиально новой лекарственной формулы достигает 800 млн дол. (превышает стоимость создания новой модели самолета). Бюджет R&D компаний, входящих в ассоциацию PhRMA (Pharmaceutical Research and Manufacturers of America), в 2007 г. превысил 30 млрд дол. (бюджет NASA — около 15 млрд дол., при этом затраты на научные исследования по ядерной физике, биотехнологии и биологическим наукам, финансируемых правительством США, в 2007 г. составили около 20 млрд дол.) [Там же, с. 69 — 71]. При этом характерен постоянный рост затрат на изготовление новых лекарств (затраты компании Pfizer Inc. на создание одного инновационного ЛС увеличились с 54 млн дол. в 1986 г. до 360 млн дол. в 1990 г.) [6, с. 78]. Продажи новых ЛС приносят их владельцам значительные прибыли. В 2008 г. на мировом рынке присутствовали 76 проприетарных продуктов с ежегодными продажами, превышающими 1 млрд дол. [7].

Вторая альтернативная продуктовая стратегия — копирование разработок инновационных компаний. Главным преимуществом генериков перед оригинальными продуктами является их цена. Первая копия оригинального лекарства, выходящая на рынок, сильно дисконтирует цену изначального бренда, а по мере появления на рынке новых игроков, цена снижается.

Многочисленные исследования, проведенные на различных фармрынках, показывают, что в течение первого года генеризации продукта цена снижается до 61 % от первоначальной, еще через год — до 37 %. Низкая стоимость генериков детерминирована следующими причинами: во-первых, низкими затратами компаний на создание копий (фирмы-копиловщики ЛС, даже на наиболее регулируемом фармрынке США, тратят не более 2 — 3 млн дол. для заявки на регистрацию препарата, что значительно ниже затрат инновационных компаний); во-вторых, фактическим отсутствием коммерческого риска от операций в связи с внедрением в уже сформированный сегмент и отсутствием значительных затрат на PR продукты [3, с. 88 — 92].

Вследствие более низкой цены генерики быстро наполняют рынок и в течение первого года генеризации захватывают в среднем 55 — 65 % натуральных продаж оригинального продукта. К концу второго года эта доля возрастает до 70 — 80 % (например, в сентябре 2001 г. Eli Lilly Co, потеряв патентное право на блокбастер «Прозас», в течение месяца с начала появления на рынке генериковых копий утратила более 80 % продаж в натуральном выражении). С 1986 по 2007 г. доля генериков на 7 основных фармрынках увеличилась с 8 до 60 % [8].

Для отечественной фармотрасли реально выполнимой является вторая продуктовая стратегия — освоение и производство генериков, на что указывают следующие причины:

- отсутствие необходимого объема инвестиционных ресурсов для создания инновационных разработок;
- отсутствие необходимой научно-исследовательской и производственно-технологической баз для создания оригинальных продуктов;
- невозможность использования предприятием потенциала российского и стран СНГ рынков при создании инновационных ЛС в связи с низкой платежеспособностью населения, нереальность конкуренции с лидерами мировой фарминдустрии.

Однако и развитие второй стратегии в условиях дефицита финансовых ресурсов является затруднительным, в связи с чем возникает необходимость в разработке стратегических подходов, адаптированных к условиям функционирования большинства отечественных производителей лекарств и ориентированных на мобилизацию резервов их экономического потенциала. Вместе с тем, новая стратегия должна иметь императив формирования продуктового портфеля из лекарственных средств, отвечающим основным требованиям отечественного фармрынка: востребованность современными видами терапии и приемлемая цена. Поэтапная реализация стратегии должна способствовать формированию необходимого финансового и производственно-технологического потенциала для производства инновационных ЛС.

Алгоритм реализации возможной стратегии (рис. 1) включает 3 этапа.

Первый основан на переходе от производства генериков типа I, представляющих собой лекарства последующих поколений, копирующих оригинальные продукты в условиях наличия на рынке других аналогичных генериков (указанные генерики являются недифференцированными товарами-симилятами, использующими международное непатентованное наименование в качестве торгового), к их модифицированным видам. Модификация продуктов осуществляется путем использования иного средства доставки, изменения дозировки и/или упаковки, создания ретардных форм пролонгированного действия, сочетания нескольких генериков и т. д. Фармацевтическая наука

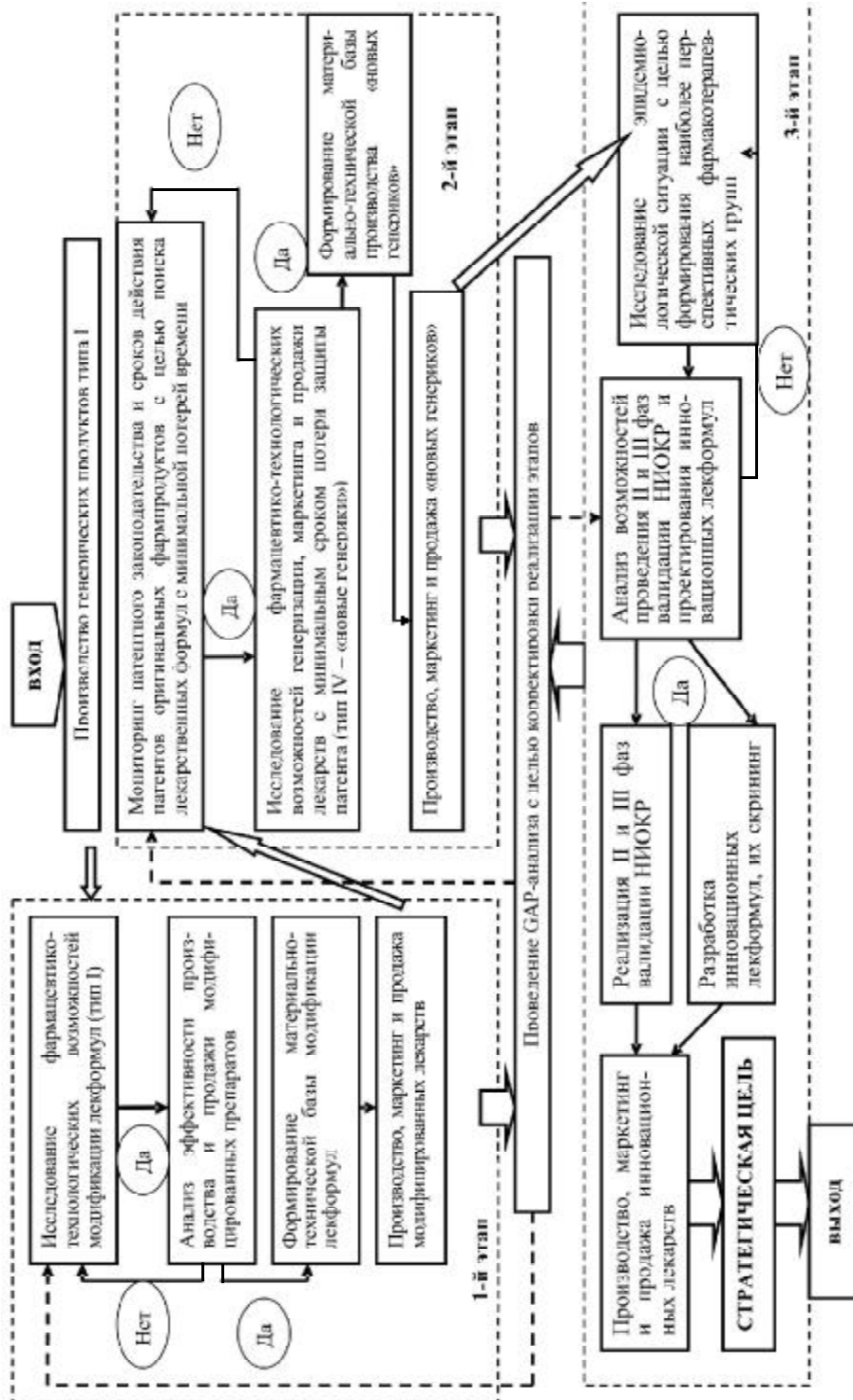

Рис. 1. Алгоритм реализации возможной стратегии развития отечественного производителя лекарств

приемлет сотни возможных комбинаций традиционных активных фармацевтических ингредиентов (АФИ).

Такое решение позволяет сохранить преимущества старого продукта путем небольших инвестиций (по сравнению с разработкой инновационного средства), добавив к этому хорошо воспринимаемый рынком атрибут «новизны» или «улучшенных свойств».

К возможностям модификации ЛС также относятся: пролонгированные формы, более высокая биологическая активность и доступность, меньший уровень токсичности и побочных реакций, эргономичность, «доброжелательный» интерфейс. Весьма часто модификанты становятся вполне патентоспособными, что дает дополнительные преимущества эксклюзивности [7] и позволяет использовать такие маркетинговые инструменты, как дифференцирующее позиционирование и брендинг.

Обязательным условием реализации первого этапа является анализ технико-фармацевтических возможностей и экономической целесообразности реформуляции лекарственных средств данного типа.

Второй этап предполагает производство ЛС типа II — продуктов, недавно потерявших протекцию патентного законодательства. Данный уровень является наивысшим при создании генерических средств в предлагаемой стратегии, поскольку предприятие, осуществившее его реализацию, будет иметь возможность получения большой прибыли при сравнительно меньшем первоначальном капиталовложении. В 2001 — 2007 гг. истек срок патентной защиты 150 оригинальных ЛС, имевших совокупный объем продаж в размере 60 млрд дол. [Там же], поэтому их генеризация и продвижение могут в короткие сроки принести значительные прибыли.

Финансовый потенциал фармпроизводителей в результате указанных преобразований от этапа к этапу будет иметь устойчивый императив роста, поскольку каждый из них отличается производством более кассовых продуктов.

Предложенные преобразования позволяют плавно наращивать производственно-технологический потенциал и создавать базу для собственной инновационной деятельности.

Апогеем стратегии должно стать формирование предпосылок для разработки и запуска на рынок инновационных ЛС. В отличие от стран ЕС и США, где на создание нового лекарственного средства требуется до 1 млрд дол. инвестиций, в России для этих целей необходимо 10 млн дол. и еще около 10 млн дол. — на первичную коммерциализацию. Опыт ТОП-3 отечественных производителей свидетельствует о возможности достижения 200 — 300%-й рентабельности продаж оригинальных продуктов, что в дальнейшем обеспечивает возможность развития и инвестирования, в том числе и в последующие разработки новых лекарств [3, с. 56].

К предложенной стратегии развития, призванной посредством реализации 3 этапов обеспечить формирование производственно-технологических и финансовых предпосылок создания и коммерциализации инновационных продуктов с целью смягчения и предотвращения возможных последствий колебаний спроса на фармпродукцию вследствие функционирования отечественных фармкомпаний в турбулентной среде, следует применить инструментарий управления жизненным циклом генериков типа I, т. е. ЛС-копий с низким ростом спроса и рыночной доли — рефокусированный клайм, т. е. совокупность модифицированных фармако-медицинских свойств (расширенных, суженных или альтернативных), регистрируемых при про-

хождении регуляторных процедур, отличных от первоначального клайма. Данное средство развития сферы использования лекарственных препаратов предполагает наличие (кроме утвержденных и названных в инструкции показаний к применению) целесообразности применения ЛС для иных терапий (возможность с позиции доказательной медицины) [2, с. 85 — 87]. В зависимости от рецептурного статуса продукта, врач или пациент могут самостоятельно на свой риск принимать решение о его назначении.

В практике отечественных фармпроизводителей применение указанного инструментария будет иметь положительный эффект, заключающийся в минимуме расходов на внутренние исследования возможности рефокусированного применения продуцируемых ЛС. Указанная особенность состоит в том, что основные ассортиментные линии многих российских фармкомпаний представлены генериками типа I, большинство применений которых в альтернативных видах терапий уже давно разработано, имеет соответствующее валидационное обеспечение и отчасти практикуется врачами (как правило, узкими специалистами) [1]. Содержание предлагаемой стратегии (рис. 2) заключается в скрининге (селективном отборе) генерических ЛС типа I на предмет использования по рефокусированным показаниям и формированию соответствующих фармакологических групп с целью дальнейшего ранжирования продуктов по ассортиментным линиям на основе анализа валидационной базы, структурированной посредством исследований обширных клинических данных. Указанные мероприятия целесообразно проводить и в отношении модифицированных генериков (тип II).

Таким образом, маркетинг формируемых продуктов будет заключаться в создании нового профиля ЛС: искусственного и целенаправленного образования новых атрибутов продуктов, их перепозиционировании, перезапуске на рынок (повторная первичная коммерциализация) и соответствующем каналинге (управление каналами сбыта) в рамках возможных применений лекарств по рефокусированному клайму.

В нашем понимании перепозиционирование ЛС как продукта подразумевает придание ему нового или обновленного медицинского профиля, а также доведение знаний о нем до фармрынка средствами коммуникаций. Мы считаем, что в результате применения указанной технологии отечественный фармрынок и, в первую очередь, сегмент ЛПУ могут сформировать новый уточненный активный образ ЛС, существенно отличающийся от первоначального. Перепозиционирование препаратов может осуществляться в любое время: как на стадиях, предшествующих их запуску на рынок, так и в коммерческий период жизни продукта [3, с. 125 — 131]. Единственным критическим ограничением для перепозиционирования лекарств будет совокупность медицинских показаний применения, степень и условия сохраняемости, максимальные терапевтические дозы применения по рефокусированному клайму. Таким образом, перепозиционирование указанных ЛС можно проводить по следующим направлениям изменения (расширение/сужение) совокупной симптоматики, являющейся показанием к применению, вплоть до придания лекарству статуса «ОТС-препарата», а также репрайсинга.

Рефокусирование фармпродукции необходимо проводить в случае недостижения целевых значений продаж и/или прибыли или их снижением в результате конкурентной турбулентности, либо в результате эволюционной потребности в качественном изменении позиции продукта. Рефокусирование ЛС предполагает переориентацию их профиля

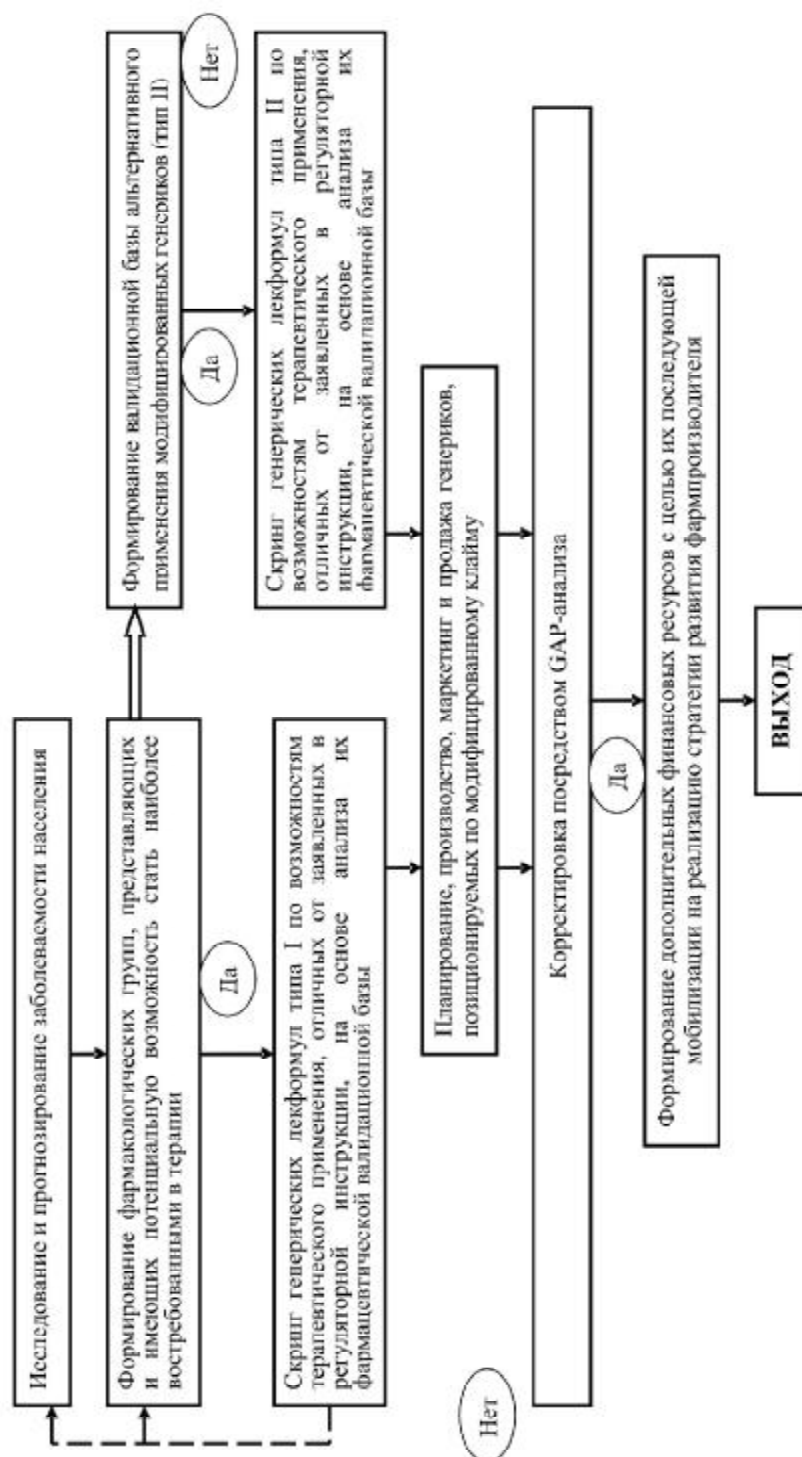

Рис. 2. Алгоритм минимизации негативных последствий колебания спроса на фармпроизводство при реализации ступенчатой стратегии

на новый сегмент фармрынка [5, с. 132]. Классическим примером такого процесса является ацетилсалициловая кислота, позиционировавшаяся на рынке блокаторов ЦОГ (циклооксигеназа — звено воспалительной реакции иммунитета) более 70 лет назад и позднее перешедшая в сегмент ангио- и кардиопротекторов благодаря открытию ее вазодилатирующих и метаболизм регулирующих свойств.

Поскольку генерики типа I, как правило, представляют собой симилаты, т. е. продукты, не имеющие существенных отличий между собой и конкурирующие друг с другом лишь по цене, перепозиционирование необходимо осуществлять через придание им дифференцирующих свойств путем символизации и создания нового профиля, что позволит установить новую цену.

Дифференциация продукта и его перепозиционирование проводились в кардиологический сегмент как препарат комплексной терапии ишемической болезни сердца и ренковаленсентов с инфарктом миокарда. В результате перепозиционирования цена была увеличена на 52 %, а доходность — на 20 — 25 %. Доля рынка при этом в течение первых трех лет выросла с 0,39 до 5,09 % [Там же, с. 95 — 97].

Мы считаем, что в указанной стратегии перепозиционирование товара через реп-райсинг не будет иметь смысла из-за невысоких рыночных цен генериков типа I. Перезапуск ЛС на рынок становится неизбежным следствием перепозиционирования. Его масштабы будут находиться в прямой зависимости от степени рефокусирования профиля препаратов. Особенностью коммуникативной составляющей перезапуска является нивелирование старого активного образа продукта, связанного с применением лекарств устаревшей симптоматики, и формирование нового, соответствующего уточненным или инновационным показаниям [4, с. 98 — 99].

Перепозиционирование и перезапуск ЛС зависят от реализации главной задачи их продвижения: коммуникации своей стратегии рынку — сообщения о собственных преимуществах. Таким образом, продвижение лекарств является главной технологией управления мнением рынка. Основные ресурсы продвижения ЛС делятся на следующие группы: реклама, персональные продажи, интенсификация продаж и общественные отношения [2, с. 142]. В обсуждаемом контексте реклама может быть охарактеризована как опосредованная, неличная форма передачи информации о ЛС конечному потребителю или его представителю в лице врача или фармацевта [1]. Выше уже упоминалось, что лекарства имеют особенности (тем более их рефокусированный клэйм), приводящие к более узкому пониманию рекламы в фармацевтике, чем в прочих отраслях. Учитывая это, основными носителями рекламы становятся специальные журналы, брошюры и система прямой рассылки (direct mail) информационной корреспонденции в целевой группе. Негативным моментом является прямая реклама ЛС на центральном телевидении, не являющаяся перспективным видом ресурсов для продвижения указанных препаратов.

Интенсификация продаж входит в план мероприятий, проводимых фармкомпаниями в целях обеспечения беспрепятственного доступа медицины и пациентов к ЛС [3, с. 95]. С одной стороны, данная деятельность относится как к работе по оптимизации взаимодействия производственных звеньев и торговых систем, так и к деятельности, направленной на получение консолидированных заказов в результате тендеров и конкурсов. С другой стороны, интенсификация продаж также обеспечивается созданием механизмов, управляющих заинтересованностью медицины и торговых систем в работе с продуктами данного фармпроизводителя.

Общественные взаимоотношения (PR), или комплекс коммуникативных мероприятий с широкими слоями общества, включают в себя не только профессиональную аудиторию, но и, в первую очередь, пациентов. Важной составляющей частью целевой аудитории будут также люди, не испытывающие необходимости в употреблении ЛС, но имеющие перспективу (в силу биологических причин) впоследствии примкнуть к категории пациентов [Там же, с. 102].

Применение последних ресурсов продвижения ЛС, по нашему мнению, не будет иметь надлежущего эффекта по причине изначальной симилизированнойности продуктов. Получить максимальный результат в управлении мнением фармрынка будет возможно в случае обеспечения личных продаж, в рамках которых существует практика функционирования служб медицинских представителей. В случае продвижения препаратов, имеющих рефокусированный клайм, указанные функциональные подразделения должны стать краеугольным камнем всей системы продвижения ЛС. Основываясь на постоянной работе по обучению своих представителей, на их профессионализме, отечественные фармкомпании смогут пользоваться уникальной возможностью личной (неопосредованной) передачи информации о лекарстве лицам, от которых зависит, или может зависеть в будущем, назначение лекарства пациенту. Высокий уровень доверия к личному общению определяет эффективность деятельности медицинских представителей.

Следующим этапом в создании нового профиля ЛС является каналинг — комплекс мероприятий, производимых фармкомпанией по управлению каналами сбыта с целью доведения продукта до пациента. Именно благодаря указанным действиям происходит движение ЛС от их производителя к потребителю и, тем самым, исполняется назначение всей фармотрасли. В отличие от других отраслей фармацевтические каналы сбыта являются более организованным, эффективным и профессиональным отраслевым кластером, что связано с особенностью товарных характеристик лекарств, требующих надлежущей квалификации ключевого персонала компаний, а так же сравнительно высокого уровня регуляторных требований, предъявляемых к их коммерческой деятельности [4, с. 124 — 147].

Структура товаропродвижения фармацевтических продуктов включает в себя оптовые и розничные компании, электронные почты, виртуальные аптеки, супермаркеты, ЛПУ, частнопрактикующих врачей, государственный прокьюремент (различные силовые ведомства, стратегический запас) [6]. Совокупность участников фармрынка делится на две группы: промежуточные каналы и диспенсеры. К первой относятся оптовые компании и уполномоченные организации по централизованному государственному прокьюременту; ко второй — участники рынка, вступающие с целевой аудиторией в непосредственный контакт, связанный с отпуском лекарств: розничные организации, ЛПУ, частнопрактикующие врачи [1].

В практике фармбизнеса выделяют три основные модели организации продвижения ЛС по каналам сбыта [6, с. 102 — 104]:

— продажи через оптовые компании. В этом случае торговая цепочка включает крупнейших федеральных или межнациональных дистрибьютеров, а также средних (региональных) и локальных дистрибьютеров. Их присутствие на рынке диктуется особенностями номенклатуры и логистическими ограничениями, находящимися в зависимости от размеров фармкомпании (лимит минимального размера одной грузочной партии товара, территория охвата и т. д.);

— продажи через консолидированные склады сетевых розничных аптек. Данная модель используется преимущественно почтовыми аптеками вследствие большей ориентированности розничных сетей на формирование адекватного интерфейса у целевой аудитории (пациентов), чем специфика бизнеса оптовиков;

— прямые поставки от производителя к диспенсеру посредством заключения двустороннего договора. В этой модели участия посредников нет.

Сбытовые каналы ЛС разделяют на прямые — предусматривающие реализацию исключительно 3-й модели каналинга, и косвенные — предполагающие наличие в цепочке продвижения ЛС торгового или иного логистического посредника, т. е. 1-ю и 2-ю модели [5, с. 171]. Сбыт продукции фармкомпаниями строится по трем моделям: интенсивной (препарат направляется в любой доступный канал, где предполагается отсутствие каких-либо ограничений на доступ оптовых компаний и диспенсеров к фармпродукту, при этом осуществляется активное вталкивание продукта при минимуме менеджмента мнений и использование любых каналов с доминированием косвенных). Такая модель сбыта не позволяет фармпроизводителям контролировать движение ЛС и манипулировать рынком; селективной (фармкомпания вырабатывает критерии отбора каналов товаропроведения, например, территориальный, клиентский, конкурентный или др. При этой модели клиентская база формируется на основе квалификации оптовых компаний и диспенсеров); эксклюзивной (крайняя форма селективности с выделением одного клиента, обеспечивающего все продажи в пределах одного рынка) [4, с. 135].

Для каналинга препаратов с рефокусированным клаймом мы рекомендуем выбрать именно селективную модель путем вталкивания с использованием прямых каналов и служб медпредставителей, так как это позволит избежать больших снабженческо-сбытовых наценок и эффективно осуществить управление мнением, а следовательно, сохранить фармпродукцию в прежней ценовой категории и привлекательность последней для диспенсеров.

Осуществлять управление жизненным циклом указанных ЛС через их повторный запуск, как и репозиционирование, необходимо в сегменте ЛПУ посредством активной «аквизиционной» деятельности службы медпредставителей, формирование которой будет рассмотрено ниже.

В целом реализация данной стратегии развития фармбизнеса позволит отечественным производителям выйти на продуцирование современных, в том числе инновационных, ЛС и, формируя на их основе свои продуктовые портфели, достичь конкурентоспособности на фармрынке РФ.

Основными функциями, выполняемыми службами медицинских представителей, являются [2, с. 120 — 126]:

— информационная, связанная с донесением до врача информации о профиле продукта, его особенностях и сравнительных характеристиках;

— коммерческая, направленная на побуждение врача к назначению продукта;

— позитивизирующая, формирующая у врача положительное эмоциональное отношение к продукту, компании и лицу, их представляющих.

Службы медпредставителей лидеров фарминдустрии, как правило, имеют весьма сложную организационную структуру, сформированную по матричному или дивизионному принципу. Менее крупные производители вследствие лимитированности собственных ресурсов не имеют возможности содержать значительный штат

медпредставителей. В связи с этим мы предлагаем дифференцированную структуру данной службы с внутренним распределением по региональному принципу, а также по принципу модифицированности клайма (рис. 3), состоящую из двух секторов (секторы продвижения оригинальных и генерических ЛС, позиционируемых по базовым медико-фармацевтическим свойствам и рефокусированным).

Сектор продвижения ЛС, позиционируемых по базовым медико-фармацевтическим свойствам, обязательно должен иметь подразделение на продукты массового спроса (антибактериальные, нестероидные противовоспалительные, гастроинтестинальные, сердечно-сосудистые и другие фармакологические группы), и орфанные (от англ. Orphan — «сирота») лекарственные средства. Указанное ранжирование оправдано тем, что последние представляют собой препараты, показания к применению которых являются очень узкими, специфическими и для их продвижения в среде медицинских представителей необходима дополнительная подготовка кадров. Продвижение данных средств непосредственно в целевой аудитории не рекомендуется, поскольку они, как правило, относятся к так называемому списку Б и имеют строгий рецептурный отпуск. Рекламная кампания в этом секторе должна осуществляться через соответствующее позиционирование, т. е. технологию управления жизненным циклом продукта, включающую действия по созданию образа, который займет различимое и устойчивое сравнительное положение в сознании целевой аудитории, а также эффективный маркетинговый инструмент, обеспечивающий капитализацию на символах продукта. При этом будет целесообразно распределить усилия по формированию бренд-генериков.

Для лекарств, производимых и реализуемых под известным международным непатентованным названием, необходимо применять «зонтичное» брендинг, т. е. неполный брендинг, при котором в торговом названии лекарства сохраняется международное непатентованное наименование с добавлением имени производителя. При этом расходы на продвижение данных медикаментов должны распределяться на все препараты, являющиеся носителями этого бренда, вследствие чего возникнет падение нагрузки на конкретное лекарство, но сохранится возможность ретрайсинга. Основной акцент при формировании «зонтичного» бренда должен делаться на полный охват всей торговой сети — от крупнейших дистрибьютеров и диспенсеров до конечной целевой аудитории. В качестве примера из отечественной практики можно привести «Веро-рибаверин»: после запуска указанного зонтичного бренд-генерика продажи составили более 500 тыс. дол., в то время как издержки на маркетинг — всего 50 тыс. дол. [1].

В отношении генериков типа III, представляющих собой лекарства с небольшим сроком потери патентной протекции, в случае наличия быстрорастущего рынка необходимо применять полное брендинг. Данные маркетинговые мероприятия позволят эффективно управлять продажами производимых лекарств. Положительный этому пример — препарат компании Верофарм «Ирунин», имеющий совокупный годовой объем продаж более 1 млн дол. при затратах на маркетинг в 100 тыс. дол.

Формирование сектора продвижения генерических ЛС, позиционируемых по рефокусированным медико-фармацевтическим свойствам, детерминировано их значительной коммерческой спецификой, вследствие чего необходимо применять особые инструменты продвижения, описанные выше, — дифференцирующее перепозиционирование и перезапуск, призванные нивелировать в сознании целевой аудитории старый образ данных препаратов и сформировать новый.

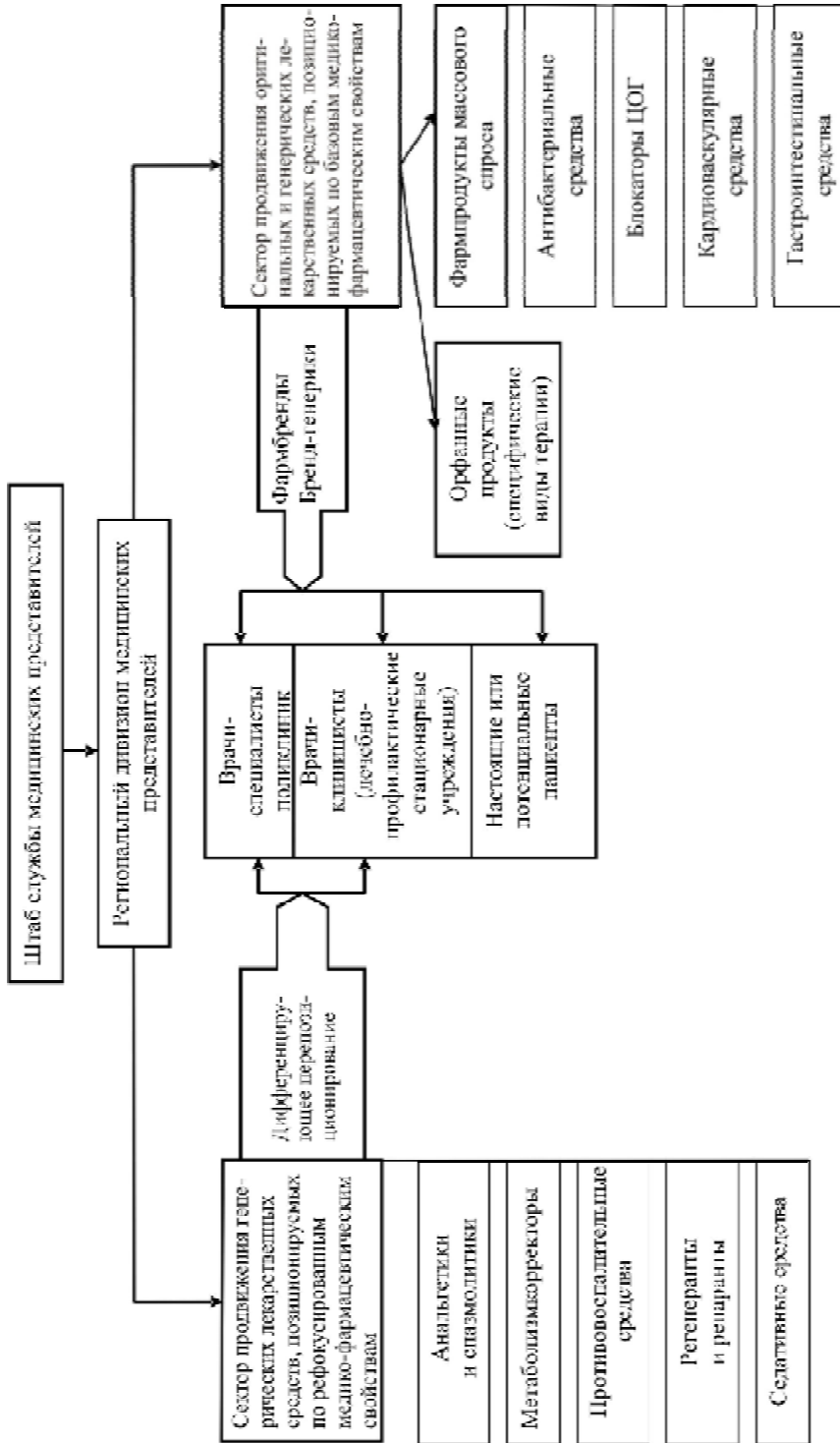

Рис. 3. Организационная структура дифференцированной службы медицинских представителей как основа маркетинговой деятельности фармпроизводителя

Литература и источники

1. Апазов А. Д. Основные направления перестройки фармацевтической службы / А. Д. Апазов // Фармация. 1988. № 7. С. 25 — 37.
2. Белошапка В. А. Стратегическое управление и маркетинг в практике фармацевтических фирм / В. А. Белошапка, Г. В. Загорий, В. А. Усенко. Киев : Триумф, 2001. 368 с.
3. Гацан В. В. Менеджмент фармацевтического предприятия / В. В. Гацан. М. : Феникс, 2002. 352 с.
4. Гетьман М. А. Большая фарма / М. А. Гетьман. М. : Литтерра, 2005. 312 с.
5. Дремова Н. Б. Маркетинговое планирование в фармации / Н. Б. Дремова. М. : Професионал-центр, 1999. 148 с.
6. Кеннеди Т. Инновационный менеджмент в фармацевтической индустрии / Т. Кеннеди. М. : Литтерра, 2004. 164 с.
7. www.farmmarketing.ru
8. www.farminindex.ru

Поступила 20.08.2009 г.

УДК 336.531.2:66

A. B. Matyushin
A. V. Matjushin

К ВОПРОСУ ОБ АКТИВИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

TO THE PROBLEM OF INVESTING DEVELOPMENT IN INDUSTRY

Ключевые слова: экономика, инвестиции, капиталовложения, промышленность, Федеральная адресная инвестиционная программа, рентабельность, экономический рост.

В статье рассматриваются факторы, способствующие активизации инвестиционной деятельности в России в начале 2000-х гг., анализируются основные формы воздействия государства на инвестиционную деятельность промышленных предприятий, а также сравнивается эффективность их использования. Проводится анализ тенденций, характеризующих инвестиционную деятельность в отечественной промышленности до финансового кризиса 2008 г. и в течение 2009 г. На основе проведенного анализа предлагаются мероприятия, способствующие активизации инвестиционной деятельности и повышению ее результативности.

Key words: economy, investments, capital investments, industry, the Federal investment program, profitability, economic growth.

Factors made for investing development in Russia at the beginning of 2000s are considered in the article as well as basic forms of state influence on the industrial enterprises investment activity are analyzed and the effectiveness of their use is compared. The analysis of tendencies, which characterize investment activity in domestic industry before the financial crisis of 2008 and during 2009, is given here. On basis of the analysis actions, promoting investment activity and its profitability increasing are proposed in the article.

Инвестиции в современной экономике приобретают все большее значение, а инвестиционная деятельность после нескольких лет пассивного развития становится одной из перспективных сфер экономических отношений. Растущая популярность инвестиционной деятельности и желание хозяйствующих субъектов приумножить собственный экономический потенциал предопределяются фактором мобильности инвестиционных ресурсов, направляемых в те отрасли, регионы и предприятия, которые располагают условиями для производства конкурентной продукции, а также имеют меньший риск и более развитую производственную, социальную и рыночную инфраструктуру.

Анализ динамики макроэкономических показателей России свидетельствует о непрерывном росте национального дохода и производственных капиталовложений в стране до 1990 г. Их динамика в этот период превышала рост национального дохода и выступала его локомотивом.

Начавшаяся в 1992 г. либерализация хозяйственной деятельности, сопровождавшаяся изменениями в традиционной модели инвестиционного процесса, а также радикальная экономическая реформа в отечественной экономике положили начало определению экономических факторов и финансовых возможностей субъектов хозяйствования при выборе инвестиционных решений. Стремительно упало значение некогда основного источника инвестиционных средств — бюджетных ассигнований в развитие народного хозяйства. Резкое сокращение общего объема централизованных инвестиций предполагало в свою очередь перенос центра тяжести в инвестиционном процессе на уровень предприятия, расширение их инвестиционной деятельности за счет собственных и заемных средств.

Снижение уровня воспроизводства основных фондов вызвало и снижение объема производимого общественного продукта, который в условиях российской экономики находится в тесной зависимости от состояния основных фондов производства. Таким образом, спад производства за счет выбытия основных фондов привел к снижению масштабов накопления, обусловивших сокращение финансовой базы инвестиций и уменьшение их объема. Сокращение объема инвестиций инициировало снижение капиталовооруженности, которое при низком уровне эффективности использования инвестиций ускорило снижение объема производимого продукта. Круг взаимозависимости замкнулся.

Однако подобную пагубную тенденцию в социально-экономическом развитии России на рубеже тысячелетий удалось преломить. В 1999 г. начался период устойчивого экономического роста, показавший высокий потенциал отечественной экономики. Подъем государственной экономики сопровождался увеличением объема инвестиций, осуществляемых на макро-, мезо- и микроуровнях.

Основными факторами, обусловившими повышение инвестиционной активности и рост вложений в 2000 — начале 2008 г. выступали:

- сохранение высоких цен мирового рынка на энергоресурсы и металлы, обеспечивавшие рост накоплений активов в экспортно-ориентированных отраслях и производствах;
- улучшение финансового положения предприятий;
- рост спроса на отечественные инвестиционные товары при высоком уровне цен на аналогичные импортные, нашедшие отражение в ускорении роста производства;
- увеличение инвестиционных ресурсов населения за счет роста реальных располагаемых денежных доходов;

- активное вовлечение денежных ресурсов в инвестиции за счет падения доходности по рублевым финансовым инструментам, стимулирующее вложение средств в реальный сектор экономики со стороны частных инвесторов;
- снижение процентных ставок рефинансирования Банка России;
- формирование позитивного инвестиционного имиджа Российской Федерации по оценкам международных рейтинговых агентств.

Необходимо отметить, что в 2000 — 2008 гг. активизировалась инвестиционная деятельность на всех уровнях экономики: национальном, региональном и непосредственно предприятий. С 1999 г. инвестиции в основной капитал в России имели тенденцию постоянного подъема. Рост осуществлялся как в номинальном, так и в реальном выражении. В разные годы он составлял от 2,5 до 22,7 % [4, с. 435]. Положительная динамика инвестиций в основной капитал сохранялась вплоть до 2009 г. (в первом полугодии 2009 г. объем инвестиций в основной капитал составил всего 81,2 % от уровня 2007 г.) [3].

Наиболее значимой формой государственного воздействия в РФ стало осуществление Федеральной адресной инвестиционной программы, реализация которой позволила на высшем уровне определить приоритетные ориентиры развития страны, а следовательно, направить бюджетные средства на поддержку и исполнение контроля за их использованием. Однако неэффективность обозначенных мероприятий складывалась из-за невысокого уровня достижения целевых индикаторов, затягивания исполнения программ, низкого качества отчетности [5]. Очевидно, что более приемлемой формой воздействия государства в период рыночных отношений является организация условий, стимулирующих инвестиционную деятельность самих предприятий.

Характеризуя инвестиционную деятельность Республики Мордовия в целом, стоит указать, что не обладая значительными ресурсами для обширного участия в этом процессе, в регионе имеется положительный опыт его стимулирования. Сосредоточившись на вопросах законодательства и льготного налогообложения, республиканские власти широко использовали такие меры стимулирования инвестиций, как предоставление: 1) льгот по налогам и сборам; 2) субсидий; 3) государственных гарантий Республики Мордовия [1]. В результате стимулирующих мероприятий в 2000 — 2008 гг. совокупный рост вложений в основной капитал на предприятиях республики составил 320 %.

В то же время устранение от прямого финансового участия в инвестиционной деятельности несет ряд недостатков: в условиях образовавшейся у предприятий Мордовии нехватки ресурсов, объемы вложений в основной капитал стали стремительно падать (в первом полугодии 2009 г. объем вложений составил 67,3 % от показателя соответствующего периода 2008 г.) [3].

В 2006 г. для поддержки инвестиционной деятельности в регионе был создан ЗПИФ «Региональный венчурный фонд инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере Республики Мордовия», сформированный из средств федерального и регионального бюджетов. Основной целью образования венчурного фонда являлась финансовая поддержка субъектов малого предпринимательства на пути реализации научно-технических проектов. При этом обращает на себя внимание, что средства фонда выделяются без предоставления какого-либо залога или поручительства и за пользование ими не взимаются проценты. Фонд получает свой доход за счет долевого участия в реализуемых проектах [8].

Значительный подъем инвестиционной активности в 2000 — 2008 гг. на национальном и региональном уровнях является отражением активизации инвестиционной деятельности отдельных юридических лиц. Предприятия Республики Мордовия вкладывали (и вкладывают) значительные средства в обновление основных фондов, увеличение производственных мощностей и научно-исследовательские работы. Эффект от данных вложений по срокам наступления и величине отдачи был различен, но положительная динамика экономических показателей промышленных предприятий, осуществляющих инвестиционную деятельность, стала вполне очевидной. Например, ОАО «Мордовцемент» увеличило объем денежных средств, направляемых на инвестиции в 2000 — 2007 гг. с 38 228 тыс. до 7 015 160 тыс. руб. (вложения в основной капитал составляли соответственно 4 633 тыс. и 4 619 475 тыс. руб.). Рентабельность собственного капитала возросла с 3,84 до 107,60 %. В 2008 г. показатель рентабельности составил 54,17 %, но причиной этого стало не снижение прибыли (ее величина повысилась с 5 604 884 тыс. до 5 952 288 тыс. руб.), а увеличение собственного капитала предприятия (среднегодовое значение выросло с 5 208 848 тыс. руб. в 2007 г. до 10 987 434 тыс. руб. в 2008 г.).

Наряду с высокой отдачей инвестиционная деятельность отечественных предприятий периода экономического роста характеризовалась сравнительно низкими рисками (рис. 1).

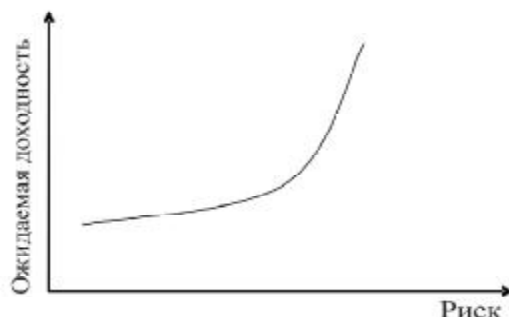

Рис. 1. Соотношение риск — доходность для инвестиционного портфеля предприятия в условиях экономического роста

Данный график характеризует соотношение риска и доходности для портфеля финансовых инвестиций предприятия, однако с известной степенью допущения его можно использовать и для характеристики всего инвестиционного портфеля. Прямпропорциональная зависимость риска и доходности сохранялась до конца 2008 г. — начала финансового кризиса. Его приход ознаменовался снижением темпа роста объема производства (если в 2007 г. он составлял 6,3 %, то в 2008 г. — 2,1 %) [4, с. 35], а в первой половине 2009 г. индекс промышленного производства совсем пошел на убыль (в январе — августе 2009 г. по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года составил 86,0 %) [6].

Одновременно ужесточились условия банковского кредитования, тогда как заемные средства выступали одним из важнейших источников финансирования инвестиций. Таким образом, в регионе условия ведения хозяйственной деятельности вообще

и осуществления инвестиций в частности значительно усложнились. Изменение динамики инвестиций Республики Мордовия в основной капитал красноречиво отражает линия тренда на рис. 2 [7].

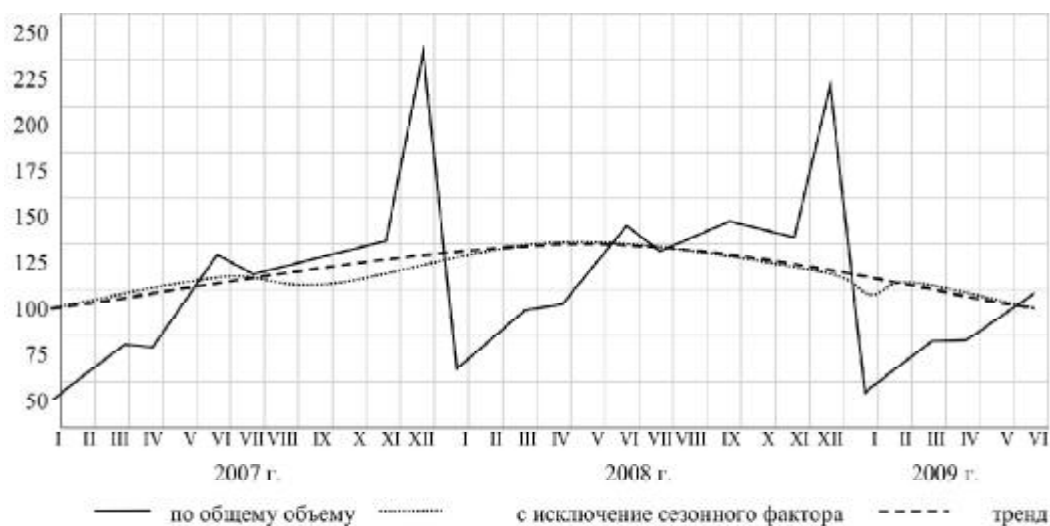

Рис. 2. Динамика инвестиций Республики Мордовия в основной капитал в 2007 г. — начале 2009 г.

В конце 2008 г. — начале 2009 г. доходность от вложений, осуществляемых предприятиями Республики Мордовия, падала, а риск в ходе осуществления инвестиционной деятельности значительно вырос. Изменилось и само соотношение риска и доходности, которое в создавшихся кризисных реалиях описывается кривой на рис. 3.

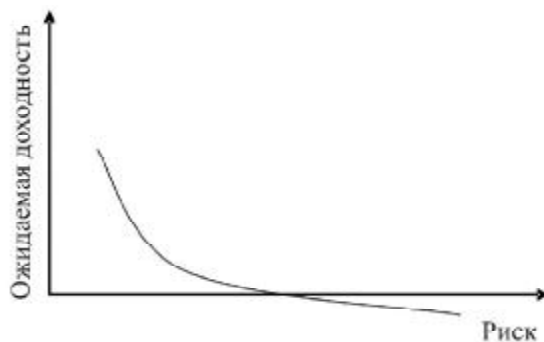

Рис. 3. Соотношение риск — доходность для инвестиционного портфеля в условиях кризиса

В ситуации, когда у многих предприятий финансовые вложения в рисковые активы (т. е. акции других организаций) значительно превосходили инвестиции в основной капитал и депозиты, негативные последствия изменения динамики фондового рынка

не замедлили сказаться. Падение ведущих индексов сразу отразилось на финансовом благополучии отечественных предприятий. Наиболее рискованные вложения не только не принесли прибыли, но стали значительными убытками для предприятий. Такое плачевное положение сложилось вследствие недостаточного внимания со стороны руководителей российских предприятий, которые начинают просчитывать варианты противодействия негативным явлениям экономической среды только при столкновении с ними.

На наш взгляд, для вложения средств в период экономического спада наиболее целесообразным представляется осуществление технического перевооружения предприятия, поскольку цены на оборудование в данный период, как правило, снижаются, а перестройка производственных линий проходит с наименьшими потерями при выпуске востребованной продукции. С целью сохранения имеющихся активов оптимальным вариантом является конвертация средства в низкорисковые и безрисковые активы (например, депозиты и государственные краткосрочные облигации).

В связи с началом с середины 2009 г. оживления на фондовом рынке, сопровождаемым общеэкономическим повышением деловой активности, промышленным предприятиям необходимо направление средств: в сфере реальных инвестиций — на увеличение производственных мощностей; в сфере финансовых инвестиций — на вложение в акции наиболее надежных компаний. Однако при этом, по нашему мнению, в инвестиционной деятельности промышленных предприятий должен сохраняться приоритет реальных инвестиций, а финансовые вложения должны осуществляться только для размещения временно свободных ресурсов. От эффективности использования инвестиций, направленных в основной капитал, зависит успешность работы промышленного предприятия в долгосрочной перспективе. Использование финансовых инвестиций иногда позволяет получить видимый эффект за короткий период, однако не может выступать движущей силой развития предприятий реального сектора экономики.

Таким образом, для оптимизации инвестиционных процессов на всех уровнях экономики необходимо провести следующие мероприятия.

1. На федеральном уровне:

- ужесточить контроль за использованием государственных средств, выделяемых в ходе осуществления Федеральной адресной инвестиционной программы;
- изменить законодательство в целях стимулирования инвестиционной деятельности, постепенно отходя от прямых вливаний, не способствующих развитию рыночных механизмов в экономике.

2. На региональном уровне:

- изыскивать резервы для непосредственного финансового участия субъекта федерации в инвестиционной деятельности по причине недостаточности мер косвенного стимулирования в условиях нехватки ресурсов;
- изменить рамки деятельности венчурных фондов, финансирующих только субъекты малого предпринимательства и инновационные разработки, поскольку многие масштабные и потенциально высокорентабельные разработки можно вести и на уровне крупных предприятий. Кроме того, иногда возникает необходимость в финансировании не только инноваций, но и обычного обновления основных фондов.

3. На уровне предприятий:

- осуществлять переход от спекулятивных финансовых краткосрочных инвестиций к реальным долгосрочным вложениям;

— при организации инвестиционной деятельности больше уделять внимания созданию регуляторов, позволяющих минимизировать риски и масштаб их последствий.

Сочетание изложенных мероприятий позволит не только активизировать инвестиционную деятельность на всех уровнях экономики, но и повысить эффективность ее реализации.

Литература и источники

1. Закон Республики Мордовия от 20.02.2006 г. № 6-З «О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Республике Мордовия». URL: <http://mineco.e-mordovia.ru/invest/norm1.html>
2. Инвестиционная деятельность : учеб. пособие / Н. В. Киселева, Т. В. Боровикова, Г. В. Захарова и др. ; под ред. Г. П. Подшиваленко и Н. В. Киселевой. М. : КНОРУС, 2005. 432 с.
3. Основные показатели инвестиционной и строительной деятельности в Российской Федерации в I полугодии 2009 года. Федеральная служба государственной статистики. № 3. URL: http://www.gks.ru/doc_2009/inv-s/bul03.zip
4. Россия в цифрах. 2009 : крат. стат. сб. М. : Росстат, 2009. 526 с.
5. <http://www.duma.gov.ru/promstroykom/listen/faip.htm>
6. http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d03/177.htm
7. http://www.gks.ru/free_doc/2009/b09_01/Image1276s.gif
8. <http://www.vfirm.ru/?cat=about>

Поступила 22.10.2009 г.

УДК 001:895

С. Н. Топорков
S. N. Toporkov

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПРЕДПРИЯТИИ

INNOVATION PROCESSES AT AN ENTERPRISE

Ключевые слова: научно-технический прогресс, нововведение, инновация, инновационный процесс, технологический процесс, финансирование.

В статье дается общая характеристика инновационных процессов, приводится определение технического развития предприятий. Рассматривается программа инвестиционного кредитования Сбербанка РФ в качестве источника средств на осуществление технического перевооружения предприятий.

Key words: scientific and technological advance, innovation, innovation process, engineering process, financing.

The general characteristic of innovation processes is given in the article as well as the determination of the enterprises technical development. The Sberbank Investment crediting program is considered as the source of financial assets to accomplish the technical reequipping of enterprises.

В последние десятилетия исследователи уделяют особое внимание вопросам влияния научно-технического прогресса (НТП) на экономическую систему, динамику ее качественных и количественных изменений. В таких разработках ключевыми понятиями стали «нововведение» и «инновация». При этом научная традиция в изучении инновационных процессов уже образовала ряд работ, посвященных проблеме возникновения и распространения инноваций в хозяйственных системах, анализу и оценке их результатов [2, с. 31].

Достижения НТП распространяются в основном в форме инноваций, внедряемых на промышленных предприятиях. Понятие «инновация» (русское — «нововведение») происходит от английского слова *innovation*, что в переводе означает «введение новаций» (новшеств) [3]. В Большом экономическом словаре даются следующие определения: «Инновация (нововведение): 1) вложение средств в экономику, обеспечивающее смену поколений техники и технологии; 2) новая техника, технология, являющаяся результатом достижений научно-технического прогресса» [1, с. 261]. Мюнхенский ИФО-Институт при проведении опросов (высшего управленческого персонала) на предприятиях ФРГ использует следующую формулировку термина: «инновации или нововведения – это новшества или существенные улучшения в выпускаемом продукте (продукт-инновация) или в производственном процессе (процесс-инновация)» [2, с. 31]. Согласно одному из наиболее кратких определений, принадлежащих Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), «технологическое нововведение – это новое приложение научных и технических знаний, приводящее к успеху на рынке».

В развернутых определениях «инновации» подчеркивается сложный, системный характер нововведения как процесса, включающего ряд взаимосвязанных этапов: технологическим нововведением является «совокупность технических, производственных и коммерческих мероприятий, приводящих к появлению на рынке новых и улучшению производственных процессов и оборудования» [Там же].

В одном из последних докладов ОЭСР по РФ «инновация» определяется как «процесс создания нового технического продукта и распространения его по всей экономике, в долгосрочном плане это принципиальный источник благосостояния» [Там же, с. 32]. На основе представленных определений можно сделать следующие выводы: во-первых, говоря об инновациях, всегда имеется в виду возникновение и распространение чего-то нового в производстве, в сфере обращения; во-вторых, возможно двойное толкование термина — как процесса и результата проводимых мероприятий. Однако данное противоречие не принципиально: «нововведение» означает процесс, приобретающий «инновационное» содержание, смысловую законченность только как реализующий конкретное новшество в экономике. В этом случае мы говорим о нововведении, подразумевая совокупность протяженных в пространстве и времени мероприятий, целью которых становится материализация и легализация исходной новой идеи в производстве или на рынке [Там же]. Инновационный процесс представляет собой «процесс использования новшества, связанный с его получением, воспроизводством и реализацией в материальной сфере общества». Многочисленные новации «зарождаются в отдельных отраслях науки, а завершаются в сфере производства, вызывая в ней прогрессивные, качественно новые изменения» [5].

В целом инновации могут относиться как к технике и технологии, так и к формам организации производства и управления. Все они тесно взаимосвязаны и являются

качественными ступенями в развитии производительных сил, повышении эффективности производства.

С учетом предмета инноваций различают следующие их виды [5]:

— *техничко-технологические*, проявляющиеся в форме новых продуктов, технологий их изготовления, средств производства и являющиеся основой технологического прогресса и технического перевооружения производства;

— *организационные*, представляющие собой процессы освоения новых форм и методов организации и регламентации производства и труда, а также инновации, предполагающие изменения соотношения сфер влияния (как по вертикали, так и горизонтально) структурных подразделений, социальных групп или отдельных лиц;

— *управленческие*, направленные на изменение состава функций, организационных структур, технологии и организации процесса управления, методов работы аппарата управления, ориентированные на замену элементов системы управления (или всей системы в целом) с целью ускорения, облегчения или улучшения решения поставленных перед предприятием задач;

— *экономические инновации на предприятии*, которые можно определить как положительные изменения в его финансовой, платежной и бухгалтерской сферах деятельности, а также в области планирования, ценообразования, мотивации, оплаты труда и оценки результатов деятельности;

— *социальные*, проявляющиеся в форме активизации человеческого фактора путем разработки и внедрения систем: а) усовершенствования кадровой политики; б) профессиональной подготовки и усовершенствования работников; в) социально-профессиональной адаптации вновь принятых на работу лиц; г) вознаграждения и оценки результатов труда; д) улучшения социально-бытовых условий жизни работников, их безопасности и гигиены труда, культурной деятельности, организации свободного времени;

— *юридические*, включающие новые и измененные законы, а также нормативно-правовые документы, определяющие и регулирующие все виды деятельности предприятий;

— *экологические*, приводящие к изменениям в технике, организационной структуре и управлении предприятием, улучшающие или предотвращающие его негативное воздействие на окружающую среду.

Подробнее рассмотрим первый вид инноваций, поскольку техническое развитие предприятия — это «процесс формирования и совершенствования его технико-технологической базы, ориентированный на конечные результаты хозяйственной деятельности за счет технико-технологических нововведений» [Там же]. В число основных целей вышеуказанных инноваций входят: 1) снижение конструктивно-технологической сложности выпускаемых изделий за счет конструктивных новшеств; 2) снижение материалоемкости изделий за счет применения новых материалов; 3) комплексная механизация и автоматизация технологических процессов; 4) применение робототехники, манипуляторов и гибких автоматизированных систем; 5) снижение технологической трудоемкости изделий и затрат ручного труда за счет повышения технического уровня и качества технологической оснастки, инструментов, приспособлений, научной организации труда; 6) комплексная автоматизация и регулирование процессов управления производством на основе электроники и компьютерной техники и т. д.

Развитие технико-технологической базы может осуществляться как за счет модернизации оборудования, технического перевооружения, реконструкции и расширения, так и нового строительства. При этом выбор конкретного направления технического развития предприятия проводится на основе результатов диагностического анализа и оценки технико-организационного уровня производства, основными показателями которого являются [4]:

- степень охвата рабочих механизированным и автоматизированным трудом;
- техническая оснащенность труда (фондовооруженность и энерговооруженность);
- доля новых технологий в объеме или трудоемкости продукции;
- средний возраст применяемых технологических процессов;
- коэффициент использования сырья и материалов (выход готовой продукции из единицы сырья);
- мощность (производительность) оборудования;
- удельный вес прогрессивного оборудования в общем его парке;
- средний срок эксплуатации оборудования;
- коэффициент физического износа оборудования;
- доля технически и экономически устаревшего оборудования в общей его численности;
- коэффициент технологической оснащенности производства (количество примененных приспособлений, оснастки и инструмента в расчете на одно рабочее место в основном производстве);
- степень утилизации отходов производства и др.

Управление техническим развитием предприятия должно включать: установление целей и выявление их приоритетов; выбор направлений технического развития; оценку эффективности возможных вариантов решений; составление программы технического развития; корректировку плана и контроль за выполнением предусмотренных программой мер [5].

Техническое перевооружение — процесс дорогостоящий, и не всегда у предприятий есть достаточно ресурсов для его осуществления. На наш взгляд, решить эту проблему можно за счет привлечения долгосрочных денежных средств: кредитов и облигационных займов. Однако надо признать, что данный путь решения является более долгим и не всегда выгодным по причинам значительной затратности, прямой зависимости экономической эффективности от суммы займа, а также низкой степени ожидаемого результата. Использование долгосрочного кредита позволяет получить денежные средства у различных финансовых организаций и банков. В качестве примера рассмотрим механизм привлечения финансовых ресурсов на предприятие через Сбербанк РФ. Для выдачи долгосрочных кредитов в Мордовском ОСБ № 8589 создано специализированное подразделение — сектор инвестиционного кредитования и проектного финансирования, в задачи которого входит размещение долгосрочных кредитных ресурсов в эффективные инвестиционные проекты. В данном случае преимуществами инвестиционного кредитования предприятия выступают:

- стратегическое планирование деятельности компании, финансовых показателей и рисков;
- сумма привлеченных долгосрочных ресурсов, не снижающая лимита сумм кредитования на пополнение оборотных средств (при возможности раздельного финансирования инвестиционных и текущих целей);

— привлечение краткосрочных кредитов с расчетом на последующую пролонгацию или, так называемую перекредитовку, имеет риск изменения условий предоставления последующих кредитов в течение реализации проекта, включая отказ банка от дальнейшего финансирования, в то время как долгосрочное финансирование гарантирует заемщику неизменность условий (за исключением макроэкономических факторов);

— снижение издержек по оформлению имущества в залог (особенно требующего регистрации) по долгосрочным кредитным договорам по сравнению с краткосрочными, при которых требуется оплата регистрации каждого обременения;

— снижение организационных издержек или временных затрат на сбор документов для оформления и пролонгации краткосрочных кредитов;

— отсутствие необходимости резервирования (изымания из оборота) денежных средств либо поиска источников покрытия краткосрочных (среднесрочных) разрывов (снижения) ликвидности на период оформления очередной ссуды после погашения действовавшей;

— возможность возмещения затрат заемщика по уплате процентов за счет средств бюджетов различных уровней (при участии заемщика в национальной программе «Развитие агропромышленного комплекса»);

— возможность снижения процентной ставки по мере реализации инвестиционного проекта;

— отсутствие дополнительных расходов, связанных с оценкой передаваемого в залог имущества.

Немаловажным фактором является то, что Сбербанк России предоставляет кредиты для финансирования инвестиционных проектов на срок до 7 лет. Доля его участия в финансировании проекта не может превышать 80 % от суммы самого проекта. Потенциальный заемщик должен вложить не менее 20 % от его суммы из незаемных источников. Цели, на которые выдается долгосрочный кредит, могут быть различными [3]:

— приобретение оборудования, техники и агрегатов для реализации следующих проектов: технического перевооружения, модернизации и расширения действующего производства, создания нового производства, включая косвенные затраты по соответствующим контрактам (затраты по оплате таможенных пошлин, налогов и сборов; на осуществление инжиниринговых, шеф-монтажных, строительного-монтажных и пусконаладочных работ; на запасные части, обучение персонала и т. п.);

— выполнение строительного-монтажных работ, связанных с возведением, реконструкцией или техническим перевооружением объектов;

— финансирование разработки месторождений полезных ископаемых с целью их коммерческой эксплуатации;

— финансирование расходов на приобретение объектов недвижимости и формирование оборотного капитала в рамках реализации инвестиционных проектов;

— финансирование сделок предприятий по купле-продаже, осуществляемых для реализации инвестиционных проектов;

— возмещение ранее понесенных заемщиком инвестиционных затрат при реализации инвестиционных, в том числе строительных проектов.

Следует учитывать основной пакет соответствующих документов для рассмотрения возможности участия банка в указанном проекте: заявка на получение креди-

та; учредительные документы; финансовая отчетность; разрешения и лицензии (если деятельность подлежит лицензированию); бизнес-план; проектная и разрешительная документация; документы по обеспечению (залог).

Поскольку речь идет о долгосрочных вложениях, необходимо учитывать, что банк должен быть уверен, что вложения осуществляются в стабильное предприятие и экономически эффективный проект (стабильно убыточным предприятиям такие кредиты не предоставляются). Проект, под который выдается кредит, должен быть «прозрачным», окупаемым и перспективным. Кроме того, осуществляется кредитование в рамках программ поддержки отдельных отраслей промышленности. Волго-Вятский банк Сбербанка России является уполномоченным банком по реализации целого ряда программ, предусматривающих возмещение затрат заемщика по уплате процентов за счет средств бюджетов различных уровней.

Основные преимущества подобных программ состоят в снижении затрат на обслуживание кредита в размере до ставки рефинансирования Банка России, более низких процентных ставках по сравнению с обычными коммерческими кредитами, применении повышенного коэффициента при оценке принимаемого в залог имущественного обеспечения, использовании вексельных схем кредитования, а также применении в качестве залога приобретаемой техники и оборудования. В связи с этим показателен пример работы национального проекта «Ускоренное развитие АПК», участникам которого на различных уровнях субсидируются уплаченные проценты по привлеченным кредитам в размере ставки рефинансирования. Их кредитование в Сбербанке России осуществляется по отдельной шкале процентных ставок для кредитов с государственной поддержкой. В целом это выгодно не только заемщикам, но и банку, поскольку компенсация предоставляется только по платежам, произведенным в срок.

В заключение стоит отметить, что пока государство не может в полном объеме и одновременно обеспечить такую поддержку всем отраслям промышленности. Только на основе целостной государственной политики в области стимулирования технического перевооружения (прежде всего, с применением инновационных разработок) всего производственного аппарата национальной экономики возможно максимально эффективное использование имеющихся природных, трудовых и интеллектуальных ресурсов России.

Литература и источники

1. Большой экономический словарь. М. : Фонд «Правовая культура», 1994. 528 с.
2. **Медведев А. М.** Технологические нововведения как фактор саморазвития хозяйственных систем : автореф. дис. ... канд. экон. наук / А. М. Медведев. М., 1996.
3. Сбербанк России. Волго-Вятский Банк. URL: www.vvb.sbrf.ru
4. **Уткин В.** Стратегия и практические результаты технического перевооружения предприятий стройиндустрии / В. Уткин, Ю. Чумерин. URL: www.uralstroyinfo.ru/?id=62&topic=2&doc=285
5. **Яркина Т. В.** Основы экономики предприятия : электрон. пособие / Т. В. Яркина. URL: www.aup.ru/books/m64

Поступила 21.10.2009 г.

УДК 629.4

А. В. Соколов

A. V. Sokolov

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПОДВИЖНОГО СОСТАВА

TECHNOLOGICAL ASPECTS OF THE RAILWAY ROLLING STOCK MAJOR REPAIR

Ключевые слова: капитальный ремонт, технологический процесс, производственный цикл, подвижной состав, конкурентоспособность, срок окупаемости.

В статье рассмотрены схемы технологического процесса ремонта полувагонов и вагонов-цистерн, основные этапы технологического процесса капитального ремонта вагонов согласно утвержденному регламенту, а также вопросы повышения качества ремонта и общие проблемы вагоноремонтного комплекса.

Key words: major repair, technological process, production cycle, railway rolling stock, competitiveness, payback time.

Schemes of the technological process of railway semi-cars and cars-tanks repair, the basic stages of the technological process of railway cars major repair according to the regulations confirmed are considered in the article as well as problems of repair quality improvement and main problems of the car-repair complex.

В настоящее время железнодорожный транспорт остается основным видом передвижения в России. В отечественной транспортной системе более 80 % грузооборота транспорта общего пользования и 40 % пассажирооборота обеспечивают железные дороги. При этом на железнодорожный транспорт приходится значительная часть прироста объемов перевозок. Несмотря на современный экономический и промышленный спад, сокращение грузоперевозок, его роль остается на доминирующих позициях: только в 2006 г. он обеспечил почти 90 % общего прироста грузооборота и около 60 % прироста пассажирооборота.

По железным дорогам страны курсируют порядка 600 тыс. грузовых вагонов ОАО «РЖД» и аффилированных с нею структур, более 320 тыс. собственных вагонов компаний-операторов, а также более 25 тыс. пассажирских вагонов. Поскольку количество вагонов ежегодно значительно увеличивается (согласно инвестиционным планам ОАО «РЖД»), данная тенденция продолжится еще более высокими темпами), вопрос развития ремонтной базы железнодорожного комплекса требует постоянного внимания.

Очевидно, что ремонтные и наладочные работы составляют неотъемлемую часть перевозочного процесса. Обеспечение надежности и безопасности средств технического транспорта, повышение экономической эффективности их применения являются важными задачами как на стадии изготовления, так и в условиях эксплуатации транспортных средств, в связи с чем видное место в процессе эксплуатации промышленного транспорта занимают работы, связанные с поддержанием и восстанов-

лением работоспособности техники. В производственной деятельности эту проблему решают с помощью капитальных и текущих видов ремонта, станочного парка и персонала, по численности сопоставимых с аналогичными ресурсами сферы основного машиностроения. В свою очередь, затраты на капитальный ремонт сравнимы с затратами на новое производство. В калькуляции себестоимости внутренних железнодорожных перевозок одной из самых расходных статей является «ремонт и содержание подвижного состава», на который приходится, в частности, по вагонному парку — до 45 % от общих затрат на эксплуатацию (по тепловозному — до 25 %, по электровозному — до 26 %)*.

Ремонт железнодорожного подвижного состава, наряду с общими закономерностями, обладает рядом особенностей, обусловленных совокупностью технических положений, стандартов состава и требования отрасли по обеспечению этого уровня. Одним из главных является требование надежности ремонта подвижного состава, гарантирующее качество осуществления перевозочного процесса в различных эксплуатационных условиях.

Специфика работы промышленного железнодорожного транспорта связана с необходимостью бесперебойного обслуживания производственных процессов, выполнения внешних перевозок и обеспечения четкого взаимодействия всех звеньев, участвующих в перевозочном процессе, что предъявляет особые требования к организации и качеству ремонта, а также к содержанию технических средств. Содержание подвижного состава в технически исправном состоянии, обеспечение его эксплуатации на основе установленных нормативов может осуществляться только при наличии эффективно функционирующей системы ремонтных хозяйств железнодорожного транспорта.

В число важнейших внутренних факторов, влияющих на устойчивое развитие и конкурентное положение вагоноремонтных предприятий, входят факторы производства, обуславливающие общее техническое состояние производства и уровень его технологической развитости. Для их исследования на примере дочерних вагоноремонтных предприятий (Барнаульского, Рославльского и Саранского), обратимся к схеме технологического процесса ремонта вагонов (рис. 1). Исходя из специализации исследуемых компаний, составим схемы технологического процесса ремонта двух видов вагонов: вагонов-цистерн и полувагонов (рис. 2). Следует отметить, что различия в технологическом процессе ремонта вагонов одного типа на разных предприятиях существенно не отражаются на общей структуре техпроцесса. Основные отличия заключаются в последовательности и продолжительности мелких и основных производственных операций (очистка и мойка всегда будут в начале производственного цикла, демонтаж навесных конструкций проводится до снятия и ремонта основного котла вагона-цистерны или кузова полувагона). Другая последовательность действий невозможна и нецелесообразна.

Под капитальный ремонт попадает ряд вагонов, не удовлетворяющих эксплуатационным требованиям и имеющих значительные повреждения, а также вагоны с пробегом, превышающим установленный срок службы.

Первым и очень важным этапом в технологическом процессе ремонта является осмотр вагона, оценка повреждений и составление дефектной ведомости. В ней

* Данные Аналитической записки к круглому столу «Эксплуатация и ремонт собственного и арендованного подвижного состава», состоявшемуся 11 марта 2008 г. С. 2.

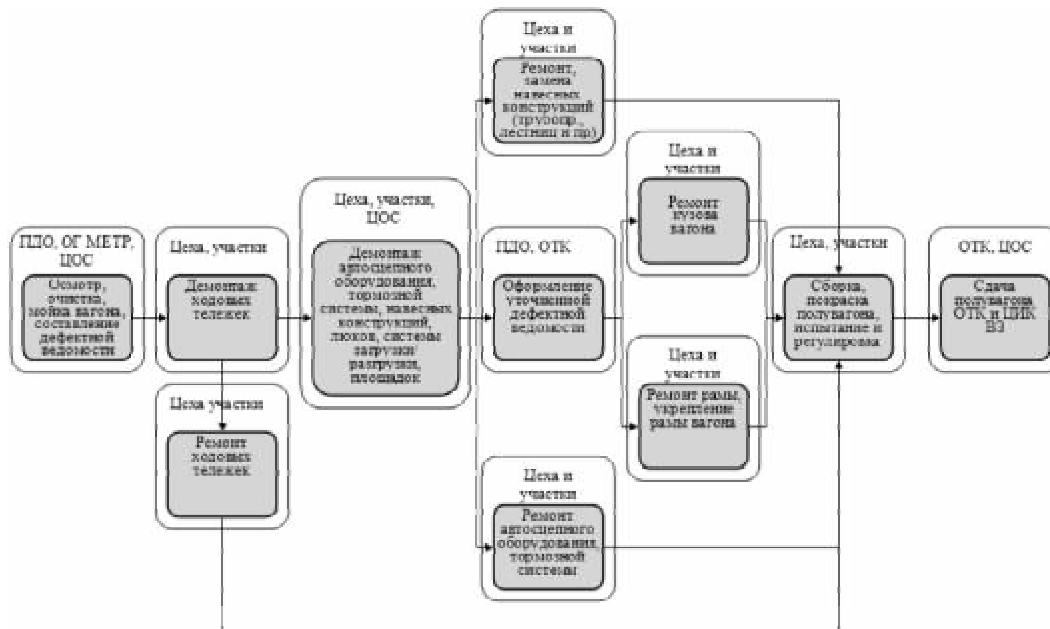

Рис. 1. Схема технологического процесса ремонта полувагона

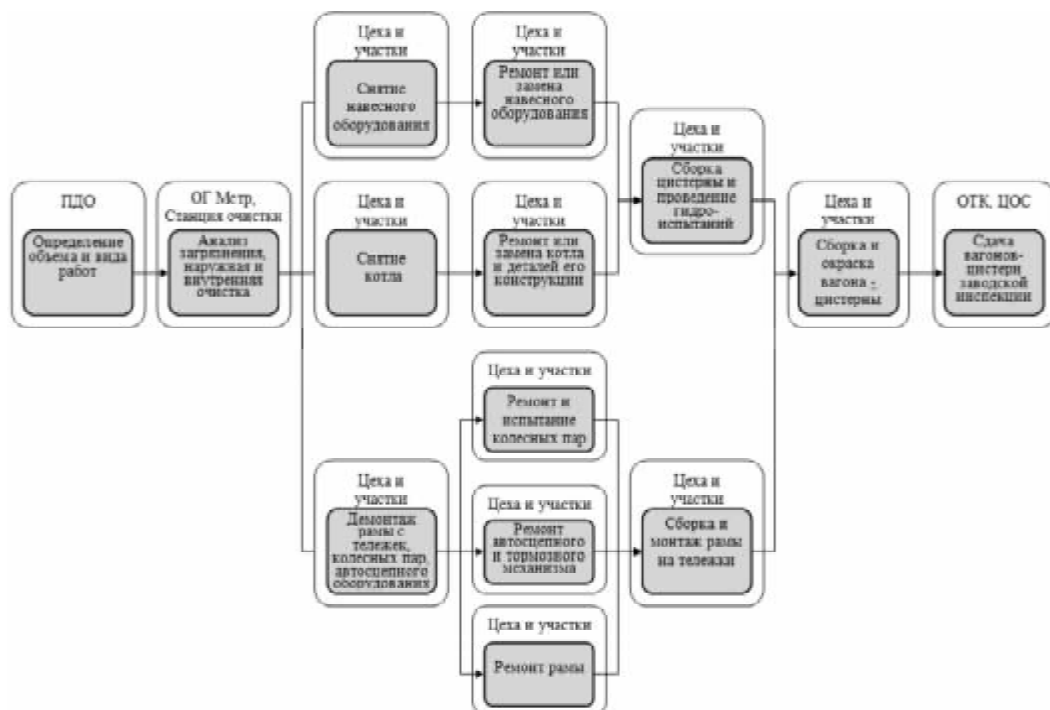

Рис. 2. Схема технологического процесса ремонта вагона-цистерны

устанавливаются повреждения и неисправности, вызванные эксплуатацией вагона; калькулируется себестоимость предстоящего ремонта; определяются виды ремонтных работ; устанавливаются сроки выполнения работ; составляется расчетно-дефектная ведомость.

Дефектацию сборочных единиц и деталей грузовых вагонов производят методом визуального контроля, с использованием контрольно-измерительных приборов, а также применяя методы неразрушающего контроля при наличии методики данной детали, согласованной с Департаментом вагонного хозяйства ОАО «РЖД»*. По результатам проведенных мероприятий определяют объем ремонта с заполнением дефектной ведомости формы ВУ-22. При этом дефектация узлов и деталей тележек грузовых вагонов должна производиться после проведения неразрушающего контроля.

При проведении ремонтных работ в расчетно-дефектную ведомость могут вноситься изменения, вызванные производственной необходимостью. При расчете итоговой стоимости ремонта указанная базовая калькуляция берется лишь как шаблон для расчета, исходными параметрами для которого являются тарифная часть оплаты труда производственного персонала и стоимость материалов по ценам Росжелдорснаба, указанные в дефектной ведомости. Однако качественным недостатком такого подхода является то, что при значительных объемах ремонта заказчику довольно сложно контролировать конечную стоимость ремонта, которая может в значительной степени разниться с начальной (оценочной) стоимостью. Даже на этапе оценки присутствие представителя заказчика не гарантирует, что в дефектную ведомость не будут вписаны дополнительные, не требующие ремонта статьи. Далее идут производственные процессы, первым из которых является процесс очистки, как в производственном процессе ремонта вагонов-цистерн, так и полувагонов.

Необходимо учитывать, что при очистке полувагонов и вагонов-хопперов может применяться метод пескоструйной обработки, обеспечивающий относительно небольшие затраты времени. При очистке вагонов-цистерн используются промывочные камеры, потому что в вагонах-цистернах, как правило, перевозятся огнеопасные и токсичные грузы, а в зависимости от модификации вагон-цистерна может иметь навесные конструкции в виде трубопроводов различной сложности или системы подогрева. Наиболее сложным процессом считается очистка вагонов-цистерн, перевозящих цемент, поэтому для обеспечения безопасного ремонта такие вагоны, независимо от модификации, проходят обследование степени загрязнения и обязательные мероприятия по очистке.

Очищенные сборочные единицы и детали вагонов подвергаются комплексному контролю и сортировке на следующие группы: а) годные, сохранившие свои первоначальные размеры и форму; б) требующие ремонта, имеющие износ или повреждения, устранение которых экономически целесообразно и технически возможно; в) негодные, подлежащие замене, имеющие износ, коррозию или механические повреждения, устранение которых либо невозможно по техническим причинам, либо экономически нецелесообразно.

Следующим этапом в технологическом процессе капитального ремонта вагона-цистерны является процесс демонтажа навесного оборудования (лестницы, площадки,

* Далее использованы материалы руководства по капитальному ремонту «Грузовые вагоны железных дорог колеи 1520 мм. № 627» (2007).

люка, вспомогательных трубопроводов и др.), во время которого производится анализ их состояния и определяется целесообразность ремонта или замены. У поступивших в ремонт цистерн котлы снимают с рамы, независимо от их технического состояния, выявляя в процессе осмотра дефекты, требующие устранения (трещины, вмятины, коррозионные повреждения). Одновременно перед началом сварочных работ на цистернах проверяется газо-воздушная среда котла газоанализатором на взрывобезопасность и отсутствие токсичных выделений.

Демонтаж кузова полувагона происходит после осмотра и выявления повреждений, которые в соответствии со стандартами считаются ремонтпригодными. Кузов осматривают, коррозионные износы обшивки измеряют ультразвуковым толщиномером. На основании проведенной комплексной проверки определяют объем работы, после чего кузов поступает в ремонт.

Далее происходит демонтаж рамы вагона с ходовых тележек и направление ее на участок ремонта, где она должна очищаться и обмываться в моечной машине без колесных пар, которые в свою очередь передаются на колесно-роликовый участок. Колесные пары ремонтируют согласно требованиям «Инструкции по осмотру, освидетельствованию, ремонту и формированию вагонных колесных пар» ЦВ / 3429 и «Инструктивных указаний по эксплуатации и ремонту вагонных букс с роликовыми подшипниками» 3-ЦВРК. Тормозная рычажная передача ремонтируется в соответствии с требованиями «Инструкции по ремонту тормозного оборудования вагонов» ЦВ-ЦЛ-945. Детали и узлы тележки подвергаются дефектоскопированию согласно действующей нормативной документации, утвержденной МПС или ОАО «РЖД» России.

Во время сборки вагона производятся монтаж рамы на ходовые тележки, автотормозного и автосцепного оборудования, котла и навесных конструкций, подготовка вагона под покраску. Установку отремонтированных узлов и прием собранного тормозного оборудования проводят в соответствии с чертежами завода-изготовителя и требованиями Инструкции по ремонту тормозного оборудования вагонов. Все ответственные детали грузовых вагонов подвергают испытанию на растяжение и неразрушающий контроль в соответствии с Общим положением о неразрушающем контроле деталей вагонов феррозондовым, вихретоковым и магнитно-порошковым методами неразрушающего контроля деталей вагонов и методикой испытаний на растяжение деталей грузовых и пассажирских вагонов.

До сдаточных испытаний вагона все узлы, оборудование, детали и приборы, требующие специальных испытаний и проверок, подвергаются промежуточному контролю работниками ОТК завода и уполномоченным представителем ОАО «РЖД», а промежуточный контроль в вагонном депо проводят приемщик вагонов и мастера ремонтных участков и отделений. Промежуточному контролю и приемке подлежат: буксовые узлы; колесные пары; тележки в сборе; автосцепное устройство; автотормозное оборудование; рама и кузов, в том числе крыша крытого вагона, двери крытых вагонов, металлический каркас кузова, крышки люков полувагонов, загрузочные и разгрузочные устройства, котлы цистерн; наружное и внутреннее оборудование (специализированных вагонов); контрольно-измерительная аппаратура, приспособления для навешивания запорно-пломбировочных устройств (порядок проверки отремонтированных кузовов вагонов для перевозки специализированных грузов приведен в табл. 1).

Вагоноремонтные заводы, выполняющие капитальный ремонт, несут ответственность за качество и работоспособность отремонтированных вагонов и их деталей до

Таблица 1

Порядок проверки грузовых вагонов

№ п/п	Типы вагонов (испытываемые узлы)	Порядок испытаний	Технические требования
1	Цистерны для перевозки нефтепродуктов, спирта (котлы цистерн, котлы цистерн с нижним сливом)	Испытание гидравлическим давлением 2 МПа (2 кгс/см ²) в течение 5 мин. Цистерны должны 10 мин находиться под давлением 0,2 МПа (2 кгс/см ²) с открытой нижней крышкой сливного прибора (заглушкой) и 5 мин с частично открытым клапаном и закрытой нижней крышкой сливного прибора (заглушкой) для проверки плотности закрытия сливного прибора и нижней крышки (заглушки)	Исключение течи
2	Цистерны для перевозки кислот (котлы цистерн)	Испытание гидравлическим давлением 0,25 МПа (2,5 кгс/см ²) в течение 15 мин, после этого устанавливают предохранительные клапаны на рабочее давление 0,25 МПа (2,5 кгс/см ²)	Исключение течи
3	Цистерны для перевозки цемента (котлы цистерн без арматуры и внутрикотлового оборудования, с технологическими крышками)	Испытание на герметичность сжатым воздухом давлением 0,25 МПа (2,5 кгс/см ²) в течение 5 мин	Исключение падения давления по манометру
4	Полувагоны	Проверка работоспособности запоров механизма закрытия крышек люков	Открытие и закрытие механизма запора крышек люков при приложении усилия с обеспечением зазора между пальцем запорного сектора и скобой запорного механизма в пределах 5 — 14 мм
5	Крытые вагоны-хопперы для перевозки цемента, зерна и другие хопперы (механизм разгрузки)	Проверка плотности прилегания крышек к рамке меловым покрытием	Сплошной отпечаток мелового покрытия на рамке

следующего планового вида ремонта, или до выполнения заданного объема перевозок при эксплуатации по «Пробегу».

В соответствии с указанием МПС России № К-1316у от 18 ноября 1998 г., ответственность за качество формирования, ремонта, освидетельствования колесных пар, монтажа и ревизии буксовых узлов несут ремонтные заводы, вагоноремонтные мастерские и вагонные депо. На узлы и детали, проработавшие менее указанного срока, оформляется акт-рекламация формы ВУ-41М установленным порядком.

Следовательно, повышение качества и эффективности ремонта грузовых вагонов является важной задачей вагоноремонтного комплекса, устойчивая работа которого не только способствует обеспечению непрерывности грузовых перевозок, но и повышает конкурентоспособность вагоноремонтного предприятия. Кроме того, надежность работы вагона способствует ускорению их оборачиваемости, а соответствие состояния вагона требованиям грузовладельцев позволяет удовлетворять их по мере предъявления, не создавая отложенного спроса на грузовые перевозки. Наоборот, превышение остатка неисправного парка дефицитных типов вагонов над их максимально допустимым для обеспечения своевременного вывоза грузов уровнем может стать сдерживающим фактором формирования грузопотоков, а низкое качество ремонта привести к отказам вагонов в пути следования и препятствовать быстрому продвижению грузопотоков. В целом эффективная вагоноремонтная деятельность является одним из резервов роста качественных показателей грузовых железнодорожных перевозок.

Выделение ряда дочерних вагоноремонтных заводов, способных привлекать сторонних (частных) заказчиков, и постепенный уход от практики, когда 100 % плана по ремонту вагонов обеспечивало ОАО «РЖД», продажа вагоноремонтных депо в частные руки для удовлетворения оперативной потребности в небольших объемах эффективного ремонта – последовательные шаги реформирования российских железных дорог и вагоноремонтной отрасли, проходящих в рамках третьего этапа реформ. В. Савчук — руководитель отдела исследований железнодорожного транспорта Института проблем естественных монополий (ИПЕМ), выступая во время круглого стола «Эксплуатация и ремонт собственного и арендованного подвижного состава» с докладом на тему «Рост конкуренции в сфере ремонта как необходимое условие повышения качества», высказал следующее мнение: «В среднем качество ремонта для подвижного состава Холдинга ОАО „РЖД“ и частных вагонов на частных предприятиях за прошедшие годы снизилось на 2 %, на заводах ОАО „РЖД“ — на 13 %, а в депо ОАО „РЖД“ — выросло на 2 %». Он, в частности, указал, что достаточно сложно оценить ситуацию из-за показателей качества ремонта, которые меняются от вида и принадлежности подвижного состава, а также ремонтных предприятий, но в целом качество ремонта в депо ОАО «РЖД» остается достаточно высоким по сравнению с частными ремонтными предприятиями.

Однако, по мнению эксперта ИПЕМ, при сохранении существующих тенденций, в ближайшее время произойдет выравнивание качества ремонта на частных предприятиях и в депо ОАО «РЖД» по большинству видов подвижного состава, а по некоторым видам, таким как цистерны и платформы, качество ремонта частных предприятий может быть выше уровня предприятий ОАО «РЖД». Хотя в частных компаниях и существуют проблемы, препятствующие повышению качества ремонта (дефицит запасных частей, их качество, недостаток квалифицированных кадров), сфера ремонта грузовых вагонов является одной из наиболее привлекательных для частных инвесторов. Причем, чем выше закладывается рентабельность предприятиями ОАО «РЖД» на услуги ремонта, — тем меньше сроки окупаемости инвестиционных проектов для частных фирм.

В. Савчук указал также, что ремонт грузовых вагонов является сферой, где рост конкуренции способствует росту качества предоставляемых услуг. Говоря о мерах по повышению качества ремонта подвижного состава, эксперт предложил в перспективе создание на базе ремонтных мощностей ОАО «РЖД» совместных с ним пред-

приятий и частных владельцев подвижного состава [1]. Таким образом, можно заключить, что повышение эффективности ремонта грузовых вагонов должно быть направлено на воспроизводство его работоспособности при обязательном достижении качественных изменений в организации вагоноремонтного производства. Безусловно, при этом первоочередным резервом остается совершенствование их конструкции, лежащее на плечах вагоностроителей.

Следует сказать, что последние исследования в области совершенствования элементов конструкции вагона направлены на увеличение межремонтного периода за счет повышения запаса прочности и увеличения полезного ресурса агрегатов с целью повышения экономической эффективности грузового вагона, достигаемое, прежде всего, за счет сокращения расходов на его содержание и ремонт. Бесспорно, улучшение технических характеристик и потребительских свойств грузового вагона является задачей железнодорожного машиностроения, но предшествующий в течение ряда лет дефицит новых запасных частей, особенно литых деталей тележки, привел к диверсификации деятельности вагоноремонтных предприятий в сферу производства. Опережение темпов выбытия полувагонов над их поступлением обусловило повышенный спрос на этот вид подвижного состава, что в свою очередь привело к созданию конкурентоспособного производства новых вагонов на базе вагоноремонтных заводов. Выпуск готовой продукции на этих предприятиях достиг 40 — 50 % (это свидетельствует о том, что в современных условиях деятельность вагоноремонтного комплекса может и должна быть направлена на повышение эффективности ремонта и совершенствование отдельных узлов и элементов конструкции грузового вагона) [2, с. 24 — 27].

Другим резервом повышения эффективности вагоноремонтной деятельности является качественное развитие вагоноремонтного производства. В открытой рыночной системе внешняя среда оказывает существенное влияние на организацию ремонта грузовых вагонов. У частных собственников появилось право выбора, основанное на экономических законах. Владелец частных вагонов, исходя из критерия экономической целесообразности, стремится разместить собственный подвижной состав в ремонт там, где сочетание цены и качества с учетом транспортной составляющей оптимально. В связи с этим проблема повышения эффективности ремонта грузовых вагонов состоит в выборе оптимального способа организации вагоноремонтного бизнеса и стратегии позиционирования на рынке ремонта с учетом факторов внутренней и внешней среды. Внутри системы важность вопроса заключается в ее влиянии на эффективность перевозочной деятельности, вне системы — в возможности развития ремонта как бизнеса, сопряженного с риском утраты конкурентоспособности ремонтной базы в случае неэффективного позиционирования ОАО «РЖД» на рынке ремонта грузовых вагонов. До начала формирования ремонтного рынка задача решалась различными способами внутри системы, направленными на повышение эффективности организации ремонтного производства. В условиях рынка она требует разрешения не только внутри, но и вне системы с учетом потребностей рынка [Там же].

Следует определить два принципиально различных направления повышения эффективности ремонта грузовых вагонов и задач по ее достижению. Первое — это формирование эффективного парка грузовых вагонов и совершенствование вагоноремонтного производства, что должно достигаться модернизацией существующего парка и приобретением вагонов нового поколения с улучшенными параметрами

стоимости жизненного цикла за счет повышения межремонтных пробегов, оптимального увеличения динамической нагрузки, сокращения массы тары, повышения надежности и безопасности, а также созданием эффективной системы вагоноремонтного производства посредством совершенствования технологии ремонта и материально-технической базы предприятий по ремонту грузовых вагонов на принципах ресурсосбережения, контроля за качеством, повышения производительности.

Второе — повышение конкурентоспособности вагоноремонтного комплекса через экономическое обоснование управленческих решений по рыночному позиционированию с учетом факторов внутренней и внешней среды для получения максимальной доходности, усиления инвестиционной привлекательности и роста капитализации вагоноремонтных активов.

По нашему мнению, в ОАО «РЖД» первое направление реализуется успешно, а второе только начинает развиваться и нуждается в тщательной проработке методических подходов. При этом повышение эффективности ремонта грузовых вагонов усложняется рядом проблем, оказывающих на нее прямое воздействие.

Литература

1. Савчук В. Ремонт грузовых вагонов — сфера, где рост конкуренции способствует росту качества предоставляемых услуг. URL: http://www.mashportal.ru/machinery_news-11051.aspx
2. Старых С. А. Повышение эффективности ремонта грузовых вагонов / С. А. Старых // Железнодорожный транспорт. 2007. № 8.

Поступила 05.11.2009 г.

УДК 378:339.137.2

И. В. Моисеева
I. V. Moiseeva

СПЕЦИФИКА ФАКТОРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

SPECIFIC CHARACTER OF FACTORS DETERMINING THE HIGHER EDUCATION INSTITUTION COMPETITIVENESS

Ключевые слова: конкурентоспособность, факторы конкурентоспособности, качество, образование, вуз, образовательная услуга.

В статье приведена систематизация точек зрения разных авторов на классификацию факторов конкурентоспособности как организации в целом, так и высшего учебного заведения, в частности. Особое внимание уделено условиям макро-, мезо- и микросреды вуза, которые определяют его основные конкурентные позиции. На основе изученного материала представлена авторская позиция по данному вопросу с выделением наиболее важных факторов конкурентоспособности вуза.

Key words: competitiveness, factors of competitiveness, quality, education, the higher education institution, educational service.

The systematization of different points of view on the classification of competitiveness factors of the higher education institution is given in the article. Special attention is paid to macro, meso and micro environment conditions of the higher education institution which define its basic competitive positions. On the basis of the studied material the author's approach to this problem is represented.

В системе рыночных отношений конкурентоспособность выступает как реальная и потенциальная возможность организаций в существующих для них условиях проектировать, изготавливать и сбывать товары по более привлекательным для потребителя ценовым и неценовым характеристикам, чем товары их конкурентов.

Общеизвестно, что на конкурентную борьбу влияет множество факторов. Однако из них необходимо выделить основные [4, с. 115 — 116], являющиеся, по мнению А. Б. Кулешовой, общими для большинства организаций (рис. 1).

Рис. 1. Основные факторы, определяющие конкурентные преимущества организации

Если рассматривать в качестве примера такой фактор, как размер рынка, то чем он больше, тем сильнее на нем конкуренты; быстрый темп роста рынка влияет на проникновение в него. Препятствия для входа и выхода из рынка защищают позицию фирмы, а их отсутствие делает его уязвимым. Размеры необходимых капитальных вложений являются жестким требованием, повышающим риск, а также создающим дополнительные барьеры входа и выхода из рынка.

Вертикальная интеграция усиливает требования к размерам капитала, приводит к сильным различиям в конкурентоспособности и затратах на производство интегрированных, частично интегрированных и неинтегрированных фирм и т. д.

По мнению ученых-экономистов, занимающихся данной проблематикой, наиболее значимыми являются другие факторы. Чтобы наиболее точно оценить, насколько прочны конкурентные позиции компании, важно количественно определить, какими преимуществами она обладает перед основными конкурентами по каждому из ключевых факторов успеха (показателей конкурентоспособности). Предприятие может успешно существовать и развиваться только в том случае, если оно обладает определенными конкурентными преимуществами, создающими предпосылки его высокого уровня производительности и эффективности деятельности. Такие предпосылки, определяющие эффективность работы предприятия, могут создаваться, по мнению А. Чаплиной [7], следующими факторами:

- 1) качества целеполагания, т. е. соответствия планируемых целей требованиям внешней среды, возможностям предприятия и интересам персонала;
- 2) адекватности выбранных стратегий поставленным целям;
- 3) силы и направленности мотиваций, побуждающих членов организации к достижению целей;
- 4) объема и качества вовлекаемых в производство ресурсов.

Следует указать, что три первых фактора характеризуют стратегический аспект эффективности управления, а последний — тактический.

Однако в настоящее время в научной среде из приведенных нами примеров нет единого подхода к определению группы факторов конкурентоспособности предприятия и тем более такой организации, как образовательное учреждение.

Исходя из вышесказанного, а также учитывая мнение Е. В. Белоусовой, факторами конкурентоспособности являются материальные (вещественные) и нематериальные условия, необходимые для формирования конкурентного преимущества образовательных услуг вузом [1]. Однако прежде чем говорить о конкретных факторах, определяющих и влияющих на конкурентоспособность вуза, требуется определить среду, в которой он функционирует. По отношению к конкретному образовательному учреждению принято различать макро-, мезо- и микросреду.

Макросреда включает в свой состав силы общерыночного действия (рис. 1), не подвластные контролю со стороны отдельного образовательного учреждения: политические, социально-экономические, правовые, научно-технические, культурные и экологические. Анализ факторов макросреды, как правило, оказывающих одинаковое воздействие на все вузы региона, в основном производится для отслеживания реальных и потенциальных опасностей или благоприятных тенденций. Действия одних вузов можно смягчить, а других использовать, исходя из имеющихся специфических возможностей.

По сравнению с другими сферами экономики, образование имеет наиболее широкие, устойчивые и сильные обратные связи со своей макросредой, поскольку формирует целые поколения специалистов, которые в своей дальнейшей деятельности начинают определять изменения этой среды. С другой стороны, образование в большей степени, чем какая-либо другая сфера деятельности, испытывает на себе воздействия внешней среды.

К показателям внешней среды вуза относятся: конкурентоспособность страны, субъекта федерации и города, в котором расположен вуз; отлаженность механизмов взаимодействия факторов (правовых, политических, экологических, инновационных, экономических, социально-демографических и др.) глобальной, национальной, региональной и местной среды [6].

Говоря о факторах внешней среды вуза, следует остановиться на показателях «входа» вуза, т. е. той ситуации внешней среды, значительным образом влияющей на тот «продукт», который вуз предоставит обществу. К показателям «входа» вуза относятся: степень интеграции школы, вуза, науки, производства и рыночного механизма; качество подготовки абитуриентов; конкурс в вуз, уровень требований к качеству знаний абитуриентов; конкурентоспособность профессорско-преподавательского состава (процент кандидатов и докторов наук, их средний возраст, повышение квалификации и т. п.); доля конкурентоспособных практиков среди преподавателей вуза; средняя заработная плата; состояние материально-технической базы (в том числе библиотечного фонда); прогрессивность учебных планов и программ; качество технологий обучения и программ; наличие стратегии развития вуза; условия труда и рекреации всех работников вуза и др.

Данные показатели в своей совокупности определяют *мезосреду* вуза, представленную силами, имеющими непосредственное отношение к образовательному учреждению и его возможностям и в определенной степени поддающимися его влиянию. Это, в первую очередь, потенциальные потребители образовательных услуг вуза, его деловые партнеры, конкуренты, фонды управления образованием, средства массовой информации, а также органы государственного контроля. Для упрочнения конкурентной позиции вуз должен оказывать влияние на его элементы, например, стремиться изменить общественное мнение, установить более теплые взаимоотношения с поставщиками необходимого оборудования и т. д.

Значительное влияние на конкурентоспособность образовательного учреждения оказывают факторы *микросреды*, которые необходимо исследовать для определения степени обладания вузом внутренними силами с целью использования внешних возможностей, а также выявления внутренних слабых сторон. Микросреда вуза включает главные подсистемы: учебно-методическую, научно-консалтинговую, хозяйственную, экономическую, управленческую и маркетинговую. Они являются определяющими показателями «выхода вуза», такими, как [4, с. 37 — 39]:

- конкурентоспособность выпускников на внешнем и внутреннем рынках труда;
- доля трудоустроенных выпускников;
- среднемесячный доход выпускников (за первый год после окончания);
- процент выпускников, обратившихся в вуз для получения послевузовского образования (повышение квалификации, аспирантура и т. п.);
- эффективность патентно-лицензионной работы в вузе;
- количество полученных международных и национальных премий и наград, число публикаций (с делением по важности);
- бренд вуза, его новшества, учебников, ученых и т. п.

На наш взгляд, перечисленные показатели следует синтезировать в интегральные, поскольку главными условиями повышения конкурентоспособности вуза являются интеграция школы, вуза, науки, производства и рыночного механизма, а также перевод инженерно-экономического образования на интегрированную систему МЭТУК (методика — экономика + техника + управление — конкурентоспособность).

Определять потенциал вуза в области качества образовательных услуг и гибко реагировать на изменения макросреды должна микросреда вуза, которая также подвержена изменениям. В противном случае образовательному учреждению не выжить. К факторам микросреды относят следующее: содержание и методы обучения,

кадровый, производственный и финансовый потенциал, систему управления качеством и т. д.

Представленный анализ факторов конкурентоспособности высших учебных заведений показывает, что на практике существуют и другие подходы к их классификации. В частности, по направленности действия совокупность факторов конкурентоспособности подразделяют на *позитивные* и *негативные*. Первые благотворно влияют на конкурентоспособность предприятия и способствуют ее повышению; под влиянием последних факторов вузы ослабляют свои позиции на рынке и теряют конкурентоспособность.

По методам ведения конкурентной борьбы факторы делятся на *ценовые* и *неценовые*. К первым относятся стоимость образовательной услуги и условия оплаты, ко вторым — качество образовательных услуг, имидж вуза, качество предоставления дополнительных услуг и т. д.

Обобщая вышесказанное о факторах конкурентоспособности учебного заведения, мы предлагаем свою классификацию (рис. 2), которая, по нашему мнению, является наиболее оптимальной, поскольку точнее раскрывает толкование его конкурентных возможностей. Каждый результативный показатель деятельности вузов важен. Несмотря на это, часто на практике, в том числе и в ходе комплексных оценок учреждений, делается акцент на затратные показатели в противоположность результативным (размеры вузов, объемы освоенных средств, количество доцентов и профессоров, наличие тех или иных документов, количество компьютеров, число «грифованных» учебников и т. п.).

Рис. 2. Факторы конкурентоспособности вуза

Анализ данных показателей позволяет установить истинное положение образовательного учреждения на рынке, определить факторы его успеха. Информация о

конкурентах, сгруппированная по определенным показателям, поможет образовательному учреждению лучше уяснить стратегию конкурентов, методы их учебно-сбытовой, коммерческой, ценовой и рекламной деятельности. Изучение образовательных услуг конкурента позволяет выявить не только его, но и свои слабые и сильные стороны [3].

В связи с ужесточением конкуренции между вузами успешность образовательной деятельности во многом зависит от научно-педагогического потенциала и конкурентоспособности выпускников на рынке труда. В силу ограниченности финансовых средств численность научных работников в вузе значительно сокращается, что приводит к изменению соотношения между профессорско-преподавательским и научным персоналом в пользу первых, которые не всегда обладают должным уровнем компетенций. При этом хорошо известно, что кадры являются одной из основных составляющих, обеспечивающих высокий деловой потенциал учреждения и его конкурентные преимущества. Поэтому вузы в первую очередь должны быть заинтересованы в востребованности своих выпускников, чтобы они впоследствии работали по специальности и перед ними открывались большие возможности карьерного роста. В связи с этим постоянное повышение конкурентоспособности выпускников является главной задачей, стоящей перед рыночно ориентированными образовательными учреждениями.

Исходя из результатов многочисленных опросов, проводимых Интернет-сообществами, можно отметить следующее: работодатели и ректоры вузов одинаково понимают конкурентоспособность выпускника. Во-первых, это обучаемость (умение и желание учиться), фундаментальная профессиональная подготовка, умение работать в команде. Во-вторых, трудоспособность, знание информационных технологий и иностранных языков. Большинство учебных заведений хотели бы более тесно привлекать работодателей к формированию ключевых компетенций выпускников, но при этом они наталкиваются на ряд проблем: сотрудничество вузов в основном с крупными предприятиями (у средних и мелких предприятий недостаточно финансовых возможностей для принятия студентов на практику или участия в учебном процессе), отсутствие законодательства, регламентирующего целевую подготовку и возврат кредита за обучение предприятию.

В приведенной группировке факторов не случайно отмечена степень продвижения образовательных услуг на рынке: имидж, реклама, участие в выставках, конференциях и т. д. Учитывая особенности организации и проблемы функционирования вуза в рыночных условиях (нехватка финансовых ресурсов для государственных вузов), мы предприняли попытку определить возможности использования маркетинговых инструментов для повышения конкурентоспособности образовательного учреждения. Для крупных вузов решение многих задач поведения на рынке образовательных услуг упрощается, прежде всего, ввиду приобретенного им имиджа (как составной части нематериальных активов), который в свою очередь помогает не только выдержать условия конкуренции, но и содействует упрочению конкурентных позиций в рыночной образовательной среде. В области связи вуза с общественностью под имиджем понимают воспринимаемые и подлежащие как субъективной, так и объективной оценке реалии, подвергающиеся всестороннему обсуждению. В этом случае имидж учебного заведения составляют: 1) студент как результат работы вуза; 2) преподаватель; 3) атрибуты института. Однако турбулентность

внешней среды может резко изменить расстановку сил и повлиять на имидж учреждения, если вовремя не реагировать на изменения (в составе специальностей, курсов методик, технологических средств и т. д.).

При формировании объективного представления о высшем учебном заведении и создании благоприятного имиджа, который служит одной из составляющих конкурентоспособности на рынке образовательных услуг, нужна соответствующая система мероприятий не разового, а постоянного характера [5]. Например, к маркетинговым способам обеспечения положительного имиджа можно отнести:

— прямые «продажи» (в том числе организацию дней карьеры, семинаров по результатам производственной практики, конференций, курирование школ и гимназий и т. д.);

— PR — развитие связей с общественностью (в том числе встречи на предприятиях, работа с префектурой и районными управлениями, фондом занятости, отраслевыми министерствами, студенческими ассоциациями и т. д.);

— рекламирование (с использованием различных средств, в том числе рекламных листов, газет, радио и телевидения).

Говоря о конкурентоспособности высшего учебного заведения на рынке образовательных услуг, особое внимание следует уделять системе менеджмента качества (СМК). Как показывает зарубежный и отечественный опыт, наиболее эффективные системы управления организациями создаются на основе требований ИСО серии 9001 «Управление качеством продукции и услуг», а также принципов TQM (всеобщего управления качеством). Система ИСО серии 9001 строится в соответствии с общими требованиями, исходя из задач, поставленных перед вузом. В целом это является совокупностью организационной структуры, ресурсов, нормативной и технологической (процедурной) документации.

Сегодня в образовательных учреждениях России используются три основные модели управления качеством подготовки специалистов, базирующиеся на следующих методах и подходах: а) оценочный метод управления качеством деятельности вуза; б) концепция, основанная на принципах TQM; в) подход, сформированный на требованиях международных стандартов качества ISO 9001:2001 [2].

В соответствии с задачами государственной образовательной политики, руководители учебных заведений определяют политику в области качества результатов деятельности, структурного построения учреждения, обязанностей и ответственности руководителей подразделений в достижении поставленных целей по каждому объекту управления. Составной частью системы управления образовательным учреждением является ее периодическая внутренняя проверка на соответствие требованиям ИСО серии 9001 и постоянная учеба персонала на рабочих местах.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить комплексность понятия конкурентоспособности, предполагающее несколько уровней. Исследование конкурентной среды требует соответствующего мониторинга, который позволит вузу оперативно устанавливать контакты с новыми партнерами и налаживать эффективную обратную связь. Конкурентоспособность образовательного учреждения предполагает открытый информационный доступ о своей деятельности для контрагентов, что в конечном итоге позволяет более конструктивно изучать механизмы повышения конкурентоспособности вуза и методы его оценки. Так, при реше-

нии проблемы трудоустройства, для выпускника учебного заведения станут понятными вопросы выбора вида деятельности, а также направлений в его научных исследованиях.

Литература

1. **Белоусова Е. В.** Маркетинговое управление в сфере оказания образовательных услуг / Е. В. Белоусова, С. А. Клименко // Университетское управление: практика и анализ. 2005. № 2. С. 76—81.
2. **Калинина Е. Ю.** Система менеджмента качества как фактор конкурентоспособности вуза / Е. Ю. Калинина, А. Ю. Останин // Науч. зап. НГУЭУ. 2000. № 3. С. 46—52.
3. **Корчагова Л. А.** Оценка конкурентоспособности вуза / Л. А. Корчагова // Маркетинг в России и за рубежом. 2007. № 5. С. 48—54.
4. **Кулешова А. Б.** Конкуренция в вопросах и ответах : учеб. пособие / А. Б. Кулешова. М. : ТК Велби ; Проспект, 2004. 256 с.
5. **Моисеева Н.** Маркетинг и конкурентоспособность образовательного учреждения (вуза) / Н. Моисеева, Н. Пискунова, Г. Костина // Маркетинг. 2005. № 1. С. 66—68.
6. **Фатхутдинов Р.** Управление конкурентоспособностью вуза / Р. Фатхутдинов // Высшее образование в России. 2006. № 9. С. 37—39.
7. **Чаплина А.** Конкурентоспособность как интегральный показатель эффективности предприятия / А. Чаплина // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 3. С. 108—113.

Поступила 10.09.2009 г.

ИСТОРИЯ

УДК 947:316.343:63–051(=511.152)

М. И. Осипова
M. I. Osipova

МОРДОВСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО XVI — XVIII вв. ГЛАЗАМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ (ПО РАБОТАМ О МОРДВЕ А. А. ГЕРАКЛИТОВА)

MORDOVIAN PEASANTRY OF THE XVI — XVIII CENTURIES IN A RESEARCHER OPINION (ACCORDING TO THE WORKS ABOUT THE MORDVINS BY A. A. GERAKLITOV)

Ключевые слова: А. А. Гераклитов, мордва, Поволжье, мордва — власть, мордва — соседи.

В статье нашли отражение основные результаты исследований А. А. Гераклитова по истории мордовского крестьянства XVI — XVIII вв. Раскрываются преимущественные направления в работах историка. Особое внимание уделяется расселению мордвы на территории Поволжья, основным видам хозяйственной деятельности, взаимоотношениям с властью и соседним населением. Проанализированы взгляды автора с точки зрения научной актуальности.

Key words: A. A. Geraklitov, the Mordvins, the Volga Region, the Mordvins – the authorities, the Mordvins – the neighbors.

The article reflects the main A. A. Geraklitov's findings on the history of the Mordovian peasantry of the XVI — XVIII centuries. Preferred directions in the work of historian are revealed. Particular attention is paid to the settling of the Mordvins in the territory of the Volga Region, basic types of their economic activities, interrelations with the authorities and neighboring population. The author's views are analyzed in terms of scientific relevance.

Изучить историю государства, значит изучить его народ — главного носителя истории. События и хронология в отрыве от субъекта истории не могут воспроизвести генезис исторических реалий. Крестьянство на протяжении длительного исторического периода составляло основную часть населения Российского государства. Несмотря на характерные признаки, существовали различные категории крестьян. Неоднородность данного класса в России более ярко проявлялась в условиях многонациональности страны. В связи с этим проблема изучения крестьянства регионов необходима для составления более полной исторической картины того или иного периода.

Эпоха XVI — XVIII вв. является периодом постепенного вхождения мордвы в состав Российского государства. Мордва терпела постоянные притеснения со сто-

роны соседей — русских и татар; население мордовского края облагалось налогом, обязалось выполнять разного рода государственные повинности. В связи с этим является интересным изучение особенностей хозяйственной деятельности мордвы, а также ее взаимоотношений с властью и другими народами в это время. Крестьянством Мордовии интересовались как историки-земляки, так и представители научной мысли соседних регионов. Тема активно изучается и в наши дни. Впервые проблему мордовского крестьянства затронули дореволюционные исследования А. Белокрысенко [1], И. Г. Петряковича [16], И. Н. Смирнова [18], Н. Н. Фирсова [20]. Основное количество работ, связанных с историографией вопроса, появилось в 50-х гг. XX в. Так, проблемы земледелия мордовского населения изучали М. И. Зевакин [14], М. Г. Сафаргалиев [17], А. Е. Захаркина [13], В. П. Ямушкин [22], К. И. Козлова [15], В. Б. Смирнова [19], И. П. Ермолаев [11]. Конец XX — начало XXI в. является временем детального рассмотрения развития крестьянства в Мордовии. Активно работают в этом направлении региональные историки В. А. Юрченков [21], С. В. Видяйкин [2], продолжает тему истории мордовского края периода феодализма Н. В. Заварюхин [12].

Много сил и времени отдал изучению мордовских крестьян Александр Александрович Гераклитов. Его основная работа в исследовании истории мордвы пришлась на период 20 — 30-х гг. XX в. Он был одним из немногих историков того времени, заинтересовавшимся прошлым мордовского народа. Стоит отметить, что работы А. А. Гераклитова о мордве не являются полновесными исследованиями, это, скорее, отдельные статьи по тем или иным вопросам. Однако нельзя не учитывать тот факт, что областью интересов ученого была преимущественно история мордовского населения XVI — XVIII вв. и более раннего периода. К сожалению, мордва принадлежит к тем народностям, которые оставили о своем прошлом не так много сведений. Источниковая база достаточно скудна из-за отсутствия письменности у этого народа. А. А. Гераклитов обратился к архивным документам, ввел в научный оборот некоторые факты, касающиеся мордвы. Большая часть исследований проводилась на основе изучения писцовых и переписных книг. Исторический отрезок, соответствующий датировке использованных А. А. Гераклитовым материалов, изучен недостаточно, однако его работы служат богатым материалом, даже несмотря на некоторые неточности.

А. А. Гераклитов рассматривал вопросы, касающиеся экономической и социальной истории мордовского народа в период феодализма. В поле зрения историка находились саратовская («Саратовская мордва (к истории мордовской колонизации в Саратовском крае)», 1926), кирдановская («Кирдановская мордва», 1927), нижегородская («Дозоры Нижегородской мордвы 96 и 122 г.», 1929), арзамасская («Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII — XVIII вв.», 1930) и алатырская («Алатырская мордва по переписям 1624 — 1721 гг.», 1936) мордва.

Архивный материал позволил А. А. Гераклитову сформировать основные направления исследований: территория заселения мордвы (историко-географический анализ, административное деление территории); преимущественные виды хозяйственной деятельности; отношения с властью и населением близлежащих территорий. Отдельно, в авторских рассуждениях, исследователь касался причин миграции мордвы по территории Поволжья, участия народа в некоторых исторических событиях общегосударственного значения.

Мордовский край в XVII в. включал часть территории Нижегородской, Пензенской и Ульяновской областей. К XVIII в. в его состав входили Темниковский, частично Алатырский, Саранский, Инсарский, Арзамасский, Кадомский и Шацкий уезды. В эпоху развития феодальных отношений сформировались четыре категории крестьян, проживавших на территории мордовского края: дворцовые, государственные, помещичьи и монастырские. В основном мордовские крестьяне составляли категорию дворцовых крестьян, перешедших из разряда государственных.

Свои первые работы о мордве А. А. Гераклитов начал с изучения исконно немордовских территорий. Этот интерес возник не случайно. Исследователь подробно занимался историей своей малой родины — саратовского края, особенно происходившими в нем этническими процессами, а также вопросами, касавшимися «народностей, не принадлежавших к великорусскому племени» [10, с. 1]. Одной из таких «народностей», весьма значительной по численности, была мордва. Доступный широкому кругу читателей материал по истории саратовской мордвы заслуживает особого внимания, поскольку является одним из серьезных и полновесных исследований в данном направлении.

А. А. Гераклитов одним из первых заинтересовался вопросами быта и языка саратовской мордвы. Историк много и увлеченно работал с документами, поэтому его работы несколько перегружены фактологическим материалом. Однако следует подчеркнуть научную смелость ученого: он сделал серьезные выводы о времени появления мордвы на исконно немордовской территории, рассуждал о причинах этого движения, подробно охарактеризовал занятия мордвы и характер ее взаимоотношений с русским населением.

Согласно современным исследованиям, мордва двинулась со своих земель в самарский, симбирский и саратовский края лишь после второй половины XVII в. А. А. Гераклитов же говорил о знакомстве мордовского крестьянства с саратовским краем еще до 1619 г.

Среди мордовских крестьян, хлынувших в саратовский край, автор выделил служилую мордву, сходившую к тому времени с исторической сцены. Среди основных занятий мордвы исследователь отметил традиционные виды хозяйственной деятельности: бортничество, земледелие и рыболовство.

Отдельное внимание автор уделил мордовским зимницам — лесным поселениям по типу хутора в привычном понимании. В своих рассуждениях автор исходил от словарных толкований данного термина, однако, не ограничиваясь только ими. Исследователь со свойственным ему усердием отыскивал различные источники, в которых хотя бы вскользь упоминались «зимницы». Не будучи удовлетворенным имеющимися разнородными определениями, он соотносил различные факты, касавшиеся экономической деятельности и быта мордвы, высказывая свое предположение о значении и понимании «зимниц» для этого народа. Чем именно занималась мордва, проживавшая в зимницах, А. А. Гераклитов не осмелился утверждать, но допускал постоянное поселение в них. Причины для этого он видел не только в занятости мордвы лесными и сельскохозяйственными промыслами, но и в желании скрыться от татарских набегов, которые ее очень беспокоили [7, с. 125 — 130].

Следует еще раз подчеркнуть, что работы А. А. Гераклитова отрывисты и не могут дать единой картины об истории мордвы Поволжья XVII — XVIII вв. Однако даже фрагментарные статьи не стоит оставлять без должного внимания. Примером

служит работа «Мордовский „беляк“ (происхождение термина)» [8], посвященная раскрытию значения термина «беляк», часто встречающегося в документах XVII в. Автор не только опроверг топографическую связь между территориями бывших уездов и границами беляков, но и выявил этимологическую природу этого слова, отнеся происхождение термина к древности и утверждая о наследовании его мордвой еще с татарских времен. По мнению исследователя, «беляк» имеет прямое отношение к традиционному занятию мордвы бортничеством и является формой организации совместной деятельности — «совместное пользование угодьем и общий оброк за него образуют беляк» [Там же, с. 9]. Это заключение имеет достаточно весомую ценность как для историков, так и для лингвистов, поскольку не только раскрывает логику понятия во взаимосвязи с конкретными действиями, но и дает некоторую информацию об особенностях формирования языка мордовского населения.

В 1929 г. А. А. Гераклитов опубликовал ряд работ, содержащих не затронутые ранее темы. Одна из них — «Дозоры Нижегородской мордвы 96 и 122 гг.» [5].

С материалами, ставшими основой для написания статьи, А. А. Гераклитов работал еще в 1926 г. Работа имеет аналитический характер, где основным предметом исследования является динамика мордовских сел и деревень нижегородского края периода смуты и последующего периода. Ученый привел данные о количестве дворов в селах и деревнях с мордовским населением, о площади пахотной земли и заброшенных территорий. Выводы А. А. Гераклитова связаны с миграцией мордовского народа по территории Нижегородского края и ее причинами. Рост численности населения мордовских деревень в годы смуты, по мнению исследователя, был обусловлен притоком русского крестьянства.

В работе «Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы» [9] А. А. Гераклитов продолжил тему истории мордвы Поволжья. Статья вышла в 1929 г., через два года после его последних публикаций о мордве. О взаимосвязи Саратова с мордовским народом А. А. Гераклитов писал и ранее. Научные командировки 1927 — 1928 гг. по Поволжью, посещение районов с мордовским населением, изучение скудной документации дали исследователю материал для изучения мордвы самарского края XVII в. Стоит отметить, что в предыдущих статьях автор уделял основное внимание времени появления мордвы на территории Поволжья, причинам ее переселений, особенностям экономической жизни народа. В последующих исследованиях автор перешел к изучению положения мордвы среди остального населения, характера их взаимоотношений. А. А. Гераклитов фиксировал свидетельства о жалобах саратовского мордовского крестьянства на произвол со стороны проезжих гонцов, в связи с чем автор сделал вывод о пассивности местной мордвы.

Касался автор и вопроса хронологии мордовского продвижения по Поволжью. Для него было очевидным преимущество Самары перед Саратовом и излюбленность первой со стороны как предков, так и современных насельников. А. А. Гераклитов отметил, что уже в первой половине XVII столетия мордва осела на территории Самарского уезда, указав на ее активное участие в жизни самарского Поволжья.

Исследователь представил материал, характеризующий положение мордовского населения в составе Московского государства XVI — XVII вв. [6]. Он отметил, что в некоторых случаях мордва находилась в подчинении должностных лиц, специально назначаемых для ведения мордовских дел. Им приведены факты, касающиеся

названия должностей, присущих им функций, выборной основы их назначения. Организованный таким образом порядок самоуправления в мордовских поселениях XVII в., ограничивавший общение с русским населением, позволил автору сделать вывод об отсутствии стремлений со стороны московского правительства ассимилировать мордву. Заключения А. А. Гераклитова имеют важную историческую ценность, поскольку свидетельствуют об особом характере управления мордовским населением, а также, что не менее важно, дают почву для размышлений о причинах сохранения самобытности мордвы в составе Московского государства.

Постепенно А. А. Гераклитов пришел к изучению более ранних территорий заселения мордвы. Предпосылкой к написанию статьи об арзамасской мордве [4] стал поиск исследователя источников о мордве в Московском Древлехранилище. Это была первая работа автора, в которой он обработал и собрал в одну статью большое количество фактического материала из архивных источников. Значительную ее часть занимает приложение, в котором приведены сведения о мордовских селениях Арзамасского уезда XVI — XVIII вв. Работа содержит интересные факты об административных единицах Арзамасского уезда, о географических особенностях территории во взаимосвязи с хозяйственной деятельностью населения, о численности мордовского населения, а также об особенностях русской колонизации, которая, по наблюдениям автора, привела к вытеснению мордвы с этой территории.

Работа А. А. Гераклитова «Алатырская мордва (по переписям 1624 — 1721 гг.)» [3] вышла уже после смерти автора. Несмотря на достаточно объемное содержание, исследование, тем не менее, не отражает суть исторических процессов, происходивших с алатырской мордвой в XVII — XVIII вв., как и не дает полного представления об уровне экономического и культурного развития народа. Отсутствие систематического анализа истории мордвы Алатырского уезда рассматриваемого периода явилось результатом использования А. А. Гераклитовым одного вида источников. Он брал во внимание только архивные материалы, что сделало содержание работы изложением данных переписных книг. Однако среди большого количества приведенных фактов о численности и составе мордовского населения, а также административном устройстве мордовских поселений следует выделить наличие ценной информации о колонизации мордовских земель, христианизации мордвы и об ее участии в крестьянской войне 1670 г.

В некоторых своих работах А. А. Гераклитов вскользь касался вопросов христианизации мордвы. Однако в большинстве оценок процесса принудительного крещения он был немногословен, отметил лишь ненасильственную политику Московского государства.

Таким образом, научное творчество А. А. Гераклитова не потеряло актуальности и в настоящее время, однако требуется сопоставление приводимых им данных по истории мордовского крестьянства с современными работами. К тому же, несмотря на ценность его исторических изысканий, современному исследователю явно не хватает выводов, сделанных А. А. Гераклитовым, что происходит как вследствие отрывочного изучения отдельных тем, так и использования одного вида источников. Достаточно узкие суждения не рисуют объективной картины прошлого. Автор практически не касался экономического и политического положения мордовского крестьянства, не раскрыл социальную дифференциацию мордвы. Тем не менее в условиях зарождавшегося движения научной мысли в сторону детального

и планомерного изучения региональной истории А. А. Гераклитов был тем ученым, чей вклад неоченим и является примером самоотверженной и увлеченной работы. Одной из причин фрагментарного рассмотрения истории мордвы является малый временной период работы А. А. Гераклитова над этой темой: он был достаточно «поздним» ученым, заинтересовавшимся мордвой на склоне лет. Следует принимать во внимание и тот факт, что в начале XX столетия изучение истории малых народов было на начальной стадии. При наличии той источниковой базы, которая была в распоряжении А. А. Гераклитова, им была проделана большая значимая работа. Наследие ученого в сферах историко-географического анализа, административного деления территории мордвы, преимущественных видов хозяйственной деятельности, отношений с властью и населением близлежащих территорий делают источники автора адекватными нашим дням и ценными с точки зрения научной актуальности.

Литература

1. **Белокрысенко А.** Исторический очерк постепенного покорения Симбирского края и административного устройства его в разное время: ист. и стат. материалы о Симбирской губернии / А. Белокрысенко. Симбирск, 1868.
2. **Видяйкин С. В.** Налоги и повинности дворцовых крестьян Алатырского уезда в XVII — начале XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук / С. В. Видяйкин. Саранск, 2005.
3. **Гераклитов А. А.** Алатырская мордва (по переписям 1624 — 1721 гг. / А. А. Гераклитов. Саранск, 1936. 114 с.
4. **Гераклитов А. А.** Арзамасская мордва. По писцовым и переписным книгам XVII — XVIII вв. / А. А. Гераклитов // Учен. зап. Саратов. ун-та. 1930. Т. 8, вып. 2. 152 с.
5. **Гераклитов А. А.** Дозоры Нижегородской мордвы 96 и 122 г. / А. А. Гераклитов // Изв. Нижне-Волжского ин-та краеведения им. М. Горького. 1929. Т. 3. С. 237 — 245.
6. **Гераклитов А. А.** Мордовские должностные лица / А. А. Гераклитов // Изв. Краевед. ин-та изучения Южно-Волжской области при СГУ. 1927. Т. 2. С. 113 — 123.
7. **Гераклитов А. А.** Мордовские зимницы / А. А. Гераклитов // Изв. Краевед. ин-та изучения Южно-Волжской области при СГУ. 1927. Т. 2. С. 125 — 130.
8. **Гераклитов А. А.** Мордовский «беляк» (происхождение термина) / А. А. Гераклитов // Изв. Краевед. ин-та изучения Южно-Волжской области при СГУ. 1927. Т. 2. С. 103 — 112.
9. **Гераклитов А. А.** Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы / А. А. Гераклитов // Изв. Нижне-Волжского ин-та краеведения им. М. Горького. 1929. Т. 3. С. 3 — 13.
10. **Гераклитов А. А.** Саратовская мордва (к истории мордовской колонизации в Саратовском крае) / А. А. Гераклитов. Саратов, 1926.
11. **Ермолаев И. П.** Среднее Поволжье во второй половине XVI — XVII в. / И. П. Ермолаев. Казань, 1982.
12. **Заварюхин Н. В.** Очерки по истории мордовского края периода феодализма / Н. В. Заварюхин. Саранск, 1993.
13. **Захаркина А. Е.** Феодально-крепостнические отношения в Мордовии в период складывания всероссийского рынка / А. Е. Захаркина // Зап. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР. Саранск, 1956. № 17.
14. **Зевакин М. И.** Экономическое развитие и расселение мордовского народа в XVI — XVII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. И. Зевакин. М., 1955.
15. **Козлова К. И.** О мордовской крестьянской общине XVII в. / К. И. Козлова // Вестн. Москов. ун-та. 1978. № 3.
16. **Петрякович Г. И.** Поволжье в XVII — начале XVIII века : Очерки из истории колонизации края / Г. И. Петрякович. Одесса, 1882.

17. Сафаргалиев М. Г. Ясак, как одна из форм феодально-крепостнической эксплуатации мордвы / М. Г. Сафаргалиев // Учен. зап. Мордов. пед. ин-та им. А. И. Полежаева. Саранск, 1956. № 4. С. 119—127.

18. Смирнов И. Н. Мордва : ист.-этногр. очерк / И. Н. Смирнов. Казань, 1895.

19. Смирнова В. Б. Монастырское землевладение на территории Мордовии и борьба с ним крестьян в XVII — XVIII вв. / В. Б. Смирнова // Социально-экономическое положение трудящихся Среднего Поволжья : (Дооктябрьский период). Саранск, 1989.

20. Фирсов Н. Н. Лекции по истории Поволжья / Н. Н. Фирсов. Казань, 1907.

21. Юрченков В. А. К вопросу о социально-экономическом развитии крестьянства Мордовии второй половины XVII — XVIII вв. / В. А. Юрченков // Проблемы дореволюционной истории крестьянства Мордовии : тр. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР. Саранск, 1991. Вып. 103.

22. Ямушкин В. П. О ясаке и мордовском беляке / В. П. Ямушкин // Тр. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР. Саранск, 1963. № 24. С. 100 — 115.

Поступила 22.10.2009г.

УДК 929Чулков(470.40/.43)

Н. О. Шкердина

N. O. Shkerdina

ВКЛАД М. Д. ЧУЛКОВА В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

M. D. CHULKOV'S CONTRIBUTION TO HISTORICAL- ETHNOGRAPHICAL STUDY OF THE MIDDLE VOLGA REGION

Ключевые слова: финно-угры, тюрки, вотяки, мордва, татары, черемисы, чувашы, история коммерции, хронология, историко-географический принцип, этнография, фольклор, нормативно-правовые акты, абевега.

Статья посвящена исследованию роли М. Д. Чулкова в изучении истории, этнографии и фольклора народов Среднего Поволжья. В частности, рассматривается вклад исследователя в создание первых историко-этнографических, историко-географических и историко-экономических сочинений по истории России, вобравших обширный свод сведений о финно-угорских и тюркских народах Среднего Поволжья. Оценивается вклад М. Д. Чулкова в развитие российского энциклопедизма во второй половине XVIII в.

Key words: Finno-Ugrians, Turks, Votyaks, Mordvins, Tatars, Cheremisses, Chuvashs, the history of commerce, chronology, historical and geographical principle, ethnography, folklore, legal documents.

The article is devoted to the analysis of M. D. Chulkov's role in the study of history, ethnography and folklore of the Middle Volga Region peoples. In particular, his contribution to the creation of the first historical-ethnographical, historical-geographical and historical-economic works on the history of Russia, which contained numerous information about the Finno-Ugric and Turkish peoples of the Middle Volga Region is considered in the paper. M. D. Chulkov's contribution to the development of Russian encyclopaedism in the second half of the XVIII century is evaluated as well.

Во второй половине XVIII в. в числе многих научных историко-этнографических сочинений появляются труды М. Д. Чулкова. Его работы отличаются информационной насыщенностью и содержат обширные сведения исторического, этнографического, лингвистического, фольклорного и географического характера. Объединение в одном исследовании разнообразной по содержанию информации было типично для традиций энциклопедизма, привнесенных западноевропейскими авторами в Россию в XVIII в. Не явились исключением из числа таких произведений и своеобразные энциклопедические справочные издания, созданные М. Д. Чулковым. Они содержат достаточно редкие сведения о финно-угорских и тюркских народах Среднего Поволжья, что представляет для нас большую ценность.

Чулков был одним из самых разносторонних писателей и ученых второй половины XVIII в. В свое время он был широко известен как журналист и прозаик, составитель фольклорных сборников народных песен и этнографических словарей, представляющих большой интерес как для филологов, так и для историков. Биография М. Д. Чулкова еще не достаточно исследована. Родился он, видимо, в Москве в 1743 г. в семье солдата московского гарнизона, учился в разночинной гимназии при Московском университете. Так, в предисловии его «Записок... экономических» сказано, что М. Д. Чулков «в малолетстве обучался в Московском университете и, изучив одно токмо начальное основание словесных наук, взят был из оног с прочими по памятному указу и определен на службу» [7, с. 198]. Достоверно известно, что в 1790 г. он был уже надворным советником и секретарем сената. Умер М. Д. Чулков в 1792 г.

Жизненный путь исследователя характерен для карьеры писателя-разночинца, выходца из социальных низов. Его карьера началась в 1760 г., когда он находился на службе в качестве камерлакея [1, с. 58]. М. Д. Чулков начал заниматься литературной деятельностью, успешно продвигаясь по чиновничьей лестнице.

К 1790 г. он дослужился до надворного советника, а затем и секретаря сената. Как исполнительный и опытный чиновник, М. Д. Чулков был известен самой Екатерине II.

Писатель оставил обширное как литературное, так и научное наследие. По свидетельствам современников, он отличался большой склонностью к литературному творчеству. М. Д. Чулков собрал несколько сотен народных песен и издал ряд фольклорных и этнографических сборников, написал несколько трудов по истории российской экономики и юриспруденции. Его интересы были разносторонни и многообразны. Первые научные опыты М. Д. Чулкова не дошли до нас, вероятно, их еще предстоит открыть исследователям вновь.

Одними из ранних известных сочинений М. Д. Чулкова были «Краткий мифологический лексикон» (1767) и «Пересмешник, или Славянские сказки» (1783 — 1789). В последней работе автор выступил в качестве собирателя этнографического и фольклорного материала. Приобретенные им навыки впоследствии сыграли значительную роль при составлении его знаменитой «Абеveги русских суеверий...» [5].

Следующим этапом в литературной деятельности М. Д. Чулкова стало издание журналов, в которых он публиковал свои литературно-фольклорные произведения. Затем исследователь обратился к большим сводным трудам этнографического характера. Кроме этого, в 1770-х гг., во время службы в Коммерц-коллегии, М. Д. Чулкова заинтересовала история русской экономики. В результате на основе архивных документов, статистических материалов и нормативно-правовых актов он создал обширное справочное издание «Описание о точном состоянии и свойстве российского

торга с владения Петра Великого по ныне благополучное время царствования великой императрицы Екатерины II», предназначенное для внутреннего пользования. Впоследствии этот труд был доработан до 7-томного издания, состоящего из 21 книги — «Историческое описание российской коммерции...» [6]. Издание содержало сведения по истории русской торговли с восточными и западными странами со времен Древней Руси и до XVIII в. включительно. М. Д. Чулков не выдвинул сколько-нибудь оригинальной идеи развития истории русской торговли — «Историческое описание российской коммерции...» вобрало в себя традиционную концепцию развития Российского государства, выдвинутую в первой половине XVIII в.

Ценность этого сочинения определяют два обстоятельства. Во-первых, М. Д. Чулков впервые в истории российской внутренней и внешней торговли создал справочное издание, которое первоначально использовалось для служебных нужд Коммерц-коллегии, а в дальнейшем и частными торгово-купеческими корпорациями, благодаря удобно размещенной информации.

Структура «Исторического описания российской коммерции...» была подчинена хронологическим и историко-географическим принципам. Сведения о торговле М. Д. Чулков гармонично вписал в канву краткого описания истории России и ее регионов. Автор дал краткую справку по истории каждой губернии, привел сведения историко-этнографического характера о ее жителях, их этнической принадлежности, быте, ремеслах, обычаях и нравах. Далее повествование строилось на описании специализации тех или иных губерний в производстве или продаже определенных товаров с указанием того, какие государства традиционно выступали их покупателями или продавцами. Для своего времени это был очень актуальный путеводитель по импорту и экспорту российских товаров.

Вторым обстоятельством, которое определило ценность «Исторического описания российской коммерции...» является привлечение автором колоссального источникового материала XVII — XVIII вв. В издание вошли выдержки из архивных материалов Сената и коллегий, управлявших экономикой, — Коммерц-коллегии, Берг-коллегии, Мануфактур-коллегии, и Коллегии иностранных дел. Кроме этого, М. Д. Чулков использовал всю доступную ему историческую, географическую и этнографическую литературу отечественных и зарубежных авторов. В «Историческом описании российской коммерции...» исследователь делал историко-этнографические отступления, приводя краткие справки: «О мордве и черемисах общественно», «О вотяках», «О чувашах» и т. д., в которых содержались доступные сведения из этнической истории этих народов.

Повествуя о мордве и марийцах, М. Д. Чулков давал характеристику их этнической истории, которую, по его словам, он заимствовал у В. Н. Татищева [4, с. 193, 209, 224, 255]. Так, автор указывал, что «оба оные народа по древнему их состоянию за один и за остатки древних сармат признаются, с объявлением сего, что мордва издревле именовалась меря, а сами себя до ныне называют моря. Имя же черемисы произошло от того, что оное на их языке значит восточного, или к востоку живущего человека, которым именем живущие от них к востоку черемисы именованы» [6, с. 428]. Эта характеристика говорит о том, что в указанный период интерес к этнической истории народов Российской империи был очень распространенным явлением. Далее М. Д. Чулков отмечал, что поселения мордвы «до прихода славян бывали около Ростова, Галича и Костромы до устья Оки и за Оку, где ныне Нижегородская,

Арзамасская и Шацкая провинции, так пространно, что едва если Белая Русь ими наполнилась» [Там же, с. 429]. Сведения подобного характера дополнялись описанием религиозных верований и обрядности.

Сочетание хронологического и историко-географического принципов позволило исследователю создать очень удобное в плане структуры распределения и поиска информации сочинение, вобравшее материалы по этнической и экономической истории финно-угорских и тюркских народов. Кроме того, благодаря такой форме подачи информации, финно-угорские и тюркские народы были очень удачно вписаны в канву истории Российского государства.

В работе над вышеуказанным сочинением М. Д. Чулкову покровительствовал А. Воронцов, возглавлявший Коммерц-коллегию с 1774 г. С его помощью М. Д. Чулков получил доступ к внутренним коллегияльным архивам. При его же помощи этот труд был опубликован в 1780 — 1788 гг. На основе «Исторического описания российской коммерции...» были созданы «Словарь учрежденных в России ярмарок, изданный для обращения в торговле» (1788) и «Наставление необходимо нужное для купцов, а особливо для молодых людей» (1788).

Всю жизнь М. Д. Чулков собирал народный фольклор во всем его многообразии. В 1780 г. он приступил к новому этнографическому собранию, которое критически было оценено потомками. В 1780 — 1783 гг. в университетской типографии Н. Новикова были отпечатаны его «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся через пересказывание в памяти приключения». Вольное обращение М. Д. Чулкова с былинами и народными рассказами по своему усмотрению объясняется тем, что он не обладал теоретико-методологическими навыками, необходимыми для сбора этнографического материала.

Писателю принадлежит один из первых удачных опытов систематизации на энциклопедическом уровне мифологических представлений и обрядности славян и народов, населявших Российскую империю. В 1782 г. вышел «Словарь русских суеверий», переизданный в 1786 г. под заглавием: «Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч.». А. Н. Пыпин справедливо называл эту книгу «замечательной для своего времени», рассматривая ее как первую «чисто этнографическую попытку XVIII века» [1, с. 59]. «Абевега...», в сущности, представляет собой этнографический энциклопедический словарь, вобравший первый опыт сведения материала о «суеверных» представлениях и обрядах различных народов. Необходимо подчеркнуть, что если во второй половине XVIII в. славянской мифологии уделялось более пристальное внимание, то религиозно-мифологическими представлениями «инородцев», населявших Среднее Поволжье, интересовался достаточно небольшой круг исследователей.

Тематические статьи в «Абевеге...» выстроены по алфавитному принципу. Каждая из них содержит концентрированные сведения по определенной тематике, очень разнообразной и охватывающей отдельные аспекты духовно-культурной жизни народов Среднего Поволжья.

В «Абевеге...» содержатся описания божеств, духов, домовых, леших и др. существ, почитаемых мордвой, марийцами, чувашами и удмуртами. Преобладание язычества в религиозных воззрениях этих народов нашло свое отображение в их мифологической картине мира и космогонических представлениях. В связи с этим М. Д. Чулков включил ряд тематических статей, посвященных Аве-юмонь — богине,

почитаемой марийцами, Албасту — удмуртскому домовому, Алиде — удмуртскому лешему, Ведаше — лешему у марийцев и другим сущностям, «населявшими» духовный мир инородца. Кроме персональных статей, посвященных языческим божествам «инородцев», М. Д. Чулков в статье «Вера» включил обширное комплексное описание их верований и религиозных воззрений [5, с. 115]. В ней он подробно описал языческий пантеон малых народов, повествуя об особенностях совершения ими жертвоприношений. Здесь же он поместил характеристику керемет у марийцев, удмуртов и чуваш, посвятив ему специальную статью [Там же, с. 218]. Отдельно автор повествовал о месте «для богомолия» в статье «Ирзям» [Там же, с. 208].

Несколько статей «Абевеги...», являющиеся сводными комплексными описаниями, посвящено брачной и родильной обрядности. Например, под словом «брак» автор дал свод сведений о разнообразных брачных обрядах у мордвы, чувашей, татар и др. В структурном плане статья выстроена не на описании брачной обрядности у определенного народа, а на анализе и сравнении элементов брачных церемоний у нескольких этносов сразу. Необходимо отметить, что при подготовке этих статей М. Д. Чулков руководствовался с трудами Г. Ф. Миллера «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов...», П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи», И. Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей» и др. В статье «История» автор упоминал об использовании некоторых летописных источников — «летописца названного Никоновским» [Там же].

В «Абевеге...» М. Д. Чулков привел значение отдельных народных примет, поверий, праздников, преданий, и наряду с ними дал сводку космогонических и мифологических представлений разных народов. В статье «Могилы» [Там же, с. 239] содержится описание различных погребальных обрядов; в статье «Ворожей» [Там же, с. 163] приводятся различные сведения о колдунах. Писатель стремился привлечь как можно больше сведений об отдельных обрядах, заимствуя их из разнообразных источников. Он считал необходимым давать сведения экономического характера (например, говоря о свадебной обрядности, он приводил смету свадебных расходов простолюдина) [Там же, с. 13 — 62].

Среди разнообразных тематических статей можно выделить некоторые, посвященные темпоральным представлениям чувашей. В статьях «Деньги медные» [Там же, с. 188] и «Ерих» [Там же, с. 194] и др. М. Д. Чулков рассказывал о мистической роли жертвенных и ритуальных предметов. Словарь также содержит предания об отдельных городах и местностях. Так, М. Д. Чулков привел легенду, согласно которой до постройки Казани на месте города обитал огромный змей [Там же, с. 216]. Большое внимание М. Д. Чулков уделил роли животных в языческих культах и обрядности.

Исследователи XIX в. неоднократно обвиняли М. Д. Чулкова в том, что он «много придумывал, много записывал чужих выдумок» [8, с. 97]. Однако, едва ли имеются достаточные основания для таких утверждений: при отсутствии критических навыков и выработанных методов научной проверки, он, как и другие его современники, не мог, конечно, разобраться в «чужих выдумках», которые в большинстве объясняются путешественниками и бытописателями обычными ошибками наблюдения. В то же время очень трудно указать случаи включения личных сведений, принадлежавших М. Д. Чулкову [2, с. 123].

М. Д. Чулков был истинным сыном своего времени. В равной степени ему были присущи и эрудиция, и талант ученого, и дар писателя. Несмотря на то что «Абевега...» носит во многом компилятивный характер, в нем присутствуют некоторые неточности в названиях и характеристиках, тем не менее необходимо подчеркнуть, что автор предпринял первую попытку не только сконцентрировать историко-этнографические свидетельства о народах, населявших Российскую империю, но сохранить и популяризировать сведения о духовно-культурных воззрениях «инородцев», основанных на язычестве, которое постепенно вытеснялось в связи с достаточно интенсивной политикой христианизации.

М. Д. Чулков одним из первых решил популяризовать русские законы и издать справочную книгу по юриспруденции. В 1791 — 1792 гг. вышел в 5 книгах его «Словарь юридический, или Свод российских узаконений, временных учреждений суда и расправы». В первой части словаря узаконения были расположены в алфавитном порядке, во второй — в хронологическом (с Уложения по 1790 г.). Соответственно, целый ряд законодательных актов также содержит сведения о финно-угорских и тюркских народах, проживавших на территории Среднего Поволжья. Параллельно М. Д. Чулков продолжал работу над сборником «Сельский лечебник, или Словарь врачевания болезней, бывающих в роде человеческого, в роде скотском и птиц домашних», изданный в 1789 — 1790 гг. и в 1803 г.

Его труды были в числе первых сочинений энциклопедического характера и принесли большую пользу русскому обществу. Работы М. Д. Чулкова по истории русской торговли, этнографии и юриспруденции составляют солидное ученое наследие, которое еще предстоит изучить. Его этнографические своды сыграли большую роль в истории изучения народов Российского государства. Для М. Д. Чулкова, как и для многих его современников, были характерны разносторонность интересов и занятий, просветительская направленность исторических, этнографических, литературных, экономических и правовых изданий.

Литература

1. **Азадовский М. К.** История русской фольклористики / М. К. Азадовский. М. : Учпедгиз, 1958. 246 с.
2. **Берков П. Н.** Ломоносов и фольклор / П. Н. Берков // М. В. Ломоносов : сб. ст. и материалов. М. ; Л. : Наука, 1946. Т. 2. 356 с.
3. **Венгеров С.** Русская поэзия / С. Венгеров. М., 1845. Вып. 5, ч. 2.
4. **Татищев В. Н.** История Российская : в 3 т. / В. Н. Татищев. М. : АСТ, 2003. Т. 1. 568 с.
5. **Чулков М. Д.** Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч... / М. Д. Чулков М. : Тип. Ф. Гиппиуса, 1786. 420 с.
6. **Чулков М.** Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне... : в 21 т. / М. Чулков. М. : Тип. Моск. ун-та у Н. Новикова, 1785. Т. 2, кн. 3. 462 с.
7. **Чулков М. Д.** Записки... экономические. 2-е изд-е. М., 1790. 432 с.
8. **Шкловский В.** Чулков и Левшин / В. Шкловский. Л., 1933. 164 с.

Поступила 19.11.2009 г.

УДК 331.556.2(470.42)

С. В. Видяйкин, С. Б. Котляров
S. V. Vidjaikin, S. B. Kotljarov

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ
В НАЧАЛЕ XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ
СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

**TO THE QUESTION OF THE MIGRATORY POLICY
AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY
(BASED ON MATERIALS OF SIMBIRSK PROVINCE)**

Ключевые слова: крестьянство, реформы, переселенческая политика, переселенцы, землеобеспеченность.

Статья посвящена рассмотрению проблемы переселенческой политики власти в начале XX в. в рамках аграрной реформы П. А. Столыпина. Ее анализ проводится по материалам Симбирской губернии, территория которой в начале XX в. включала части мордовского края.

Key words: peasantry, reforms, migratory policy, migrants, supply of land.

The article is devoted to consideration of the problem of the state migratory policy at the beginning of the XX century during P. A. Stolypin agricultural reforms. Its analysis is made based on materials of Simbirsk Province, which territory included the parts of Mordovian Land at that period.

В отечественной исторической науке исследование модернизации российского аграрного общества является динамично развивающимся направлением. На современном этапе, когда в сельском хозяйстве происходят очередные преобразования, существенное значение приобретает осмысление исторического прошлого российской деревни. Важную роль в экономическом развитии России сыграла аграрная реформа П. А. Столыпина, цель которой состояла в замене общинного землевладения частным и создании в деревне мощного слоя крестьян-собственников. 9 ноября 1906 г. был принят указ, предоставлявший крестьянам право свободного выхода из общины с передачей им части земли в частную собственность (14 июня 1910 г. указ был одобрен Государственной думой и приобрел силу закона). Разрешалась также продажа крестьянам части удельных казенных земель через посредство Крестьянского банка.

Важное место в аграрной реформе П. А. Столыпина отводилось переселению крестьян на окраины страны. Это была попытка правительства разрядить земельную тесноту путем предоставления участков в Сибири и азиатской части России. До конца XIX в. правительство официально запрещало переселение крестьян из центральных губерний в азиатскую часть России. Это было связано с тем, что первоначально оно было заинтересованно в том, чтобы крестьяне выплачивали выкупные платежи за землю, полученную в ходе реформы 1861 г. Однако переселение в Азиатскую Россию стало развиваться стихийно, и правительство было вынуждено создавать законодательную базу под уже реально происходивший процесс.

Была принята серия законов о переселении крестьян на окраины Российской империи. Возможности широкого развития переселения были заложены в законе 6 июня 1904 г., который вводил свободу переселения без льгот, при этом правительству предоставлялось право принимать решения об открытии свободного льготного переселения из отдельных местностей империи.

По указу 10 марта 1906 г. право переселения было предоставлено всем желающим крестьянам без ограничений. При этом земское начальство должно было содействовать поездке ходоков и выдавать им льготные железнодорожные билеты. Правительство ассигновывало большие средства на расходы по устройству переселенцев на новых местах, их медицинское обслуживание и общественные нужды, а также на прокладку дорог. В 1906 — 1913 гг. за Урал переселились 2 792,8 тыс. чел.

К сожалению, мало исследовательских работ, где бы проблемы крестьянских переселений из европейской части России, социально-экономическое положение крестьян на родине и в местах водворения рассматривались во взаимосвязи. В годы проведения Столыпинской аграрной реформы переселением на местах стали заниматься землеустроительные комиссии при содействии правительства, хотя отмечалось и самовольное переселение. Переселенческое движение стало одним из основополагающих направлений деятельности правительства, но преобразовать его в хорошо организованный масштабный процесс было сложно. Для этого требовалось создать фонд свободных земель, изыскать средства для организации переселения, наладить механизм взаимодействия переселенческих и землеустроительных органов Европейской России и Азиатской России, создать переселенческие пункты.

Переселение усиленно рекламировалось правительственными и губернскими властями. Среди крестьян распространялись брошюры и листовки, в которых говорилось о преимуществах переселения, например: «Что дает переселение крестьянам», «Что надо знать ходоку и переселенцу в Томскую губернию», «Как живут крестьяне в Сибири» и др. Подобная печатная продукция бесплатно раздавалась всем интересующимся людям, оказывая влияние на увеличение числа переселенцев. Сведения о ходе переселения, числе сводных душевых долей на переселенческих участках постоянно публиковались на страницах местных газет [10, 11, 12]. В частности, сообщалось, что переселенцы, особенно их дети, получают бесплатное продовольствие [11]. Все это содействовало усиленному стремлению к переселению.

Переселенцам предоставлялись различные льготы: проезд по железной дороге по низкому тарифу в течение пяти лет после водворения, освобождение от земских денежных и государственных сборов, а в последующие пять лет обложение половинным налогом. Переселенцы в течение трех лет освобождались от поставки лошадей, повозок и упряжи в войска, им предоставлялась отсрочка от службы в армии.

Необходимо отметить, что землеобеспеченность переселенцев в губерниях Среднего Поволжья была хуже, чем в среднем по Европейской России. Если в последней средний размер надела составлял 11,1 десятины на один наличный двор и 4,6 десятины — на переселенческий, то в Симбирской губернии он был меньше соответственно на 38,9 и 30,0 %. В среднем за 9 лет до начала Столыпинской аграрной реформы (с 1896 по 1905 г.) крестьянский надел у переселенцев Симбирской губернии составил 2,6 десятины [8, д. 318, л. 20 — 22]. Это было значительно меньше, чем приходилось в среднем на один крестьянский двор в конце XIX — начале XX в. в тех же губерниях. От общей массы крестьян Симбирской губернии безземельные

составляли, по данным Е. И. Кривякова, 4,8 %, а среди переселенцев губернии — 16,2 % [6, с. 26].

По мере истощения земельного фонда в близких губерниях и областях правительство направило переселенческий поток в более отдаленные районы. Так, из Симбирской губернии в период с 1901 по 1906 г. Томская губерния приняла 18,5 % переселенцев, в Иркутский район — 36,0, Енисейская губерния — 8,8, Дальний Восток — 19,7 %. В степном крае ходоков привлекала Акмолинская область, принявшая 5,3 % ходоков. Характерно, что переселенцы, как и ходоки, в основном направлялись в лесостепные районы [Там же, с. 87].

После 1905 г. переселение стало еще больше рекламироваться и поощряться, что привело к резкому увеличению переселенческого движения вообще и из Симбирской губернии, в частности. В 1906 г. число ходоков из Симбирской губернии в Сибирь превысило 640 чел. Так, в 1906 г. о переселении заявили 29 семей из Ардатовского уезда [7, д. 537, л. 1 — 2].

Переселение 1906 г., происходившее в соответствии с новым Положением, показало, что государство с финансовой стороны не справляется с хлынувшим потоком переселенцев. К тому же из-за сниженного тарифа на проезд для этой категории людей железная дорога терпела убытки. В связи с этим правительство в 1907 г. ограничило поток переселенцев, имевших право на бесплатный проезд и путевые пособия.

В 1908 г. массовое стремление к переселению наблюдалось в Симбирской губернии, особенно в Ардатовском уезде, из которого только в Енисейскую губернию изъявили желание переселиться 575 душ мужского пола [Там же, д. 1064, л. 273 — 274, 516, 537]. Ардатовская землеустроительная комиссия сообщила в «губернское по делам Присутствие», что весной 1909 г. «пожелали переселиться 1 078 домохозяев» и просила выделить ей «не менее 5 000 долей для переселения в Сибирь». К апрелю 1909 г. в Алатырскую землеустроительную комиссию поступило ходатайство «о переселении от 173 домохозяев в составе 615 душ мужского пола» [1, д. 19, л. 22, 46, 95].

В переселении крестьян из Симбирской губернии значительное место отводилось Восточной Сибири и Дальнему Востоку. Так, в апреле 1908 г. Ардатовская землеустроительная комиссия отправила 34 ходокам на зачисление 725 долей в Томском и других районах. Кроме этого она просила дополнительно выслать 50 «ходаческих свидетельств» для отправки желающих переселиться в Амурскую область и Хабаровский подрайон. В марте 1908 г. Карсунская землеустроительная комиссия сообщила, что ей «для весеннего ходачества требуется 260 долей в Томской, 33 — в Тобольской, и 4 — в Иркутской губерниях» [Там же, л. 8, 22, 108 — 109, 122, 127]. Осенью того же года из Алатырского уезда о переселении в Енисейскую губернию заявили 111 семей в числе 639 душ [7, д. 1064, л. 273 — 274, 516, 537]. Весной 1908 г. из Алатырского уезда в Томскую губернию были отправлены 10 ходоков и составлено групповое ходачество от 60 домохозяев [1, д. 9, л. 8].

В связи с появившейся у крестьян возможностью продавать свои земельные участки переселение из Симбирской губернии возросло и в 1909 г. достигло 4 269 чел. [5, с. 208].

Архивные данные подтверждают стремление правительства направить поток переселенцев на Дальний Восток и в самые отдаленные районы страны. Так, в

1910 г. Ардатовскому уезду были выделены 50 долей в Томском и 100 — в Енисейском районах; Алатырскому — 122 доли в Томском районе; Карсунскому уезду — 155 долей в Тобольском районе. В том же году Симбирская губернская землеустроительная комиссия запросила в Томском районе 2 499 долей (выделено 250), Тобольском — 357 (350), Акмолинском — 187 (150), в Енисейском районе — 446 долей (выделено 147) [8, д. 365, л. 910, 2189; д. 366, л. 23, 28 — 29].

В первой половине 1910 г. на зачисленные земли переселились 28 семей из Алатырского уезда, 50 — из Ардатовского и 5 — из Карсунского уездов Симбирской губернии в числе 58 душ мужского пола. Кроме того, заявили о переселении соответственно: 122, 150 и 155 душ мужского пола из этих же уездов [7, д. 333, л. 157, 158, 1605; д. 366, л. 23, 28 — 29]. В 1911 г. заявили о переселении около 190 семей из Ардатовского уезда [8, д. 1047, л. 1 — 32, 34, 37 — 38; д. 1145, л. 58 — 88]. В 1912 г. 17 семей из Ардатовского и 15 — из Алатырского уездов пожелали переселиться в Енисейскую губернию [Там же, д. 1145, л. 50, 57 — 60; д. 1729, л. 7 — 9, 13].

С 1906 по 1914 г. из Симбирской губернии переселились 27 622 чел. [3, 4]. По официальным данным, процент переселившихся из Симбирской губернии к общему числу по стране за 1906 — 1908 гг. составлял лишь 0,5. Значительное переселенческое движение в губернии наблюдалось в 1908 — 1909 гг. и в 1912 — 1913 гг. Так, в 1912 — 1913 гг. ее покинул 9 651 крестьянин. Больше всего переселенцев было из Ардатовского, Буинского, Алатырского и Сengилеевского уездов. Уезжали крестьяне преимущественно в Томскую и Енисейскую губернии, в Забайкалье и Казахстан [5, с. 208].

Определить количество крестьянских переселений по национальному признаку невозможно, поскольку такого учета не производилось. Однако можно сделать вывод, что в период с 1906 по 1914 г. заметную роль в переселениях из Симбирской губернии играли Восточная Сибирь и Дальний Восток.

Многие крестьяне возвращались на родину в том же году, в котором и переселились. Так, в 1901 — 1905 гг. число обратных переселенцев в год получения ими разрешения на переселение из Симбирской губернии составило 9,4 %. С 1906 по 1914 г. это число увеличилось до 42,3 % от общего числа переселенцев. Обратное движение самовольных ходоков из Симбирской губернии составило: с 1901 по 1905 г. — 86,1 %, с 1906 по 1914 г. — 58,7 % [3; 4, с. 3, 17].

В период проведения Столыпинской аграрной реформы в Симбирскую губернию возвратилась пятая часть всех переселившихся (такая ситуация наблюдалась и в Пензенской губернии). В целом по стране в 1906 — 1914 гг. назад возвратилось 17,4 % крестьян-переселенцев от общего числа выехавших. По Симбирской губернии процент возвратившихся крестьян был немного выше общероссийского — около 22 [5, с. 208].

В период с 1910 по 1911 г. обратных переселенцев из Симбирской губернии было 49,8 %, прямых — 29,4 %. Значительную роль в увеличении численности обратных переселенцев в 1911 г. сыграл неурожай в ряде центрально-черноземных губерний, в том числе и Симбирской [2, с. 397]. В годы Первой мировой войны переселенческое движение носило эпизодический характер. В Симбирскую губернию на тот период возвратилось 46,2 % от всех переселившихся в прямом направлении. Максимально высокий процент возвратившихся был в 1916 г. — 76,3 и в 1917 г. — 75,4 [9, с. 32 — 35].

До начала Первой мировой войны правительство не сумело коренным образом изменить и исправить недочеты в переселенческой политике. Частными поправками и указами изменить ее было невозможно. Численность прямых переселенцев постепенно снижалась, а обратных — росла. В целом, часть крестьян, сумевших основаться на сибирских просторах, сумела завести крепкое хозяйство. Такие переселенцы имели скота в 1,5 — 2,0 раза больше, чем на родине.

Некоторые переселенцы создавали артели и открывали маслодельные заводы, число которых в период проведения аграрной реформы росло быстрыми темпами. Так, в 1900 г. в Сибири было всего 240 маслодельных заводов, в 1907 г. — 2 тыс., в 1913 г. — 4 тыс. Эти предприятия были предметом гордости сибиряков. Экспорт масла из Сибири только с 1908 по 1913 г. вырос до 56 %. Его стоимость по тем временам достигала очень большой суммы — 60 млн руб. (около 40 % от стоимости всех вывозившихся из Сибири продуктов, включая золото) [13, с. 497].

Таким образом, можно сделать следующий вывод — переселенческое движение имело положительное значение в народно-хозяйственной жизни страны. Осваивая окраинные земли, переселенцы превращали пустынные малозаселенные местности в производящие сельхозпродукцию земледельческие районы, расширяли сельскохозяйственное производство, вносили оживление в экономическую жизнь окраин, увеличивая национальное богатство и доходы государства.

В свою очередь приток переселенцев в Сибирь способствовал развитию товарно-денежных отношений, увеличению спроса на сельскохозяйственные товары, росту рабочего рынка и развитию арендных отношений. Переселение значительно ускорило и углубило развитие капитализма в сельском хозяйстве данного региона. Переселение также способствовало увеличению спроса на сельскохозяйственную продукцию. Так, содействуя развитию производительных сил, помогая своим дешевым трудом расширять старожильческое хозяйство и организуя свое на новых площадях ранее неиспользуемых земель, переселенцы способствовали распространению новых культур и приемов ведения хозяйства.

Конечно, переселение имело много и недостатков. Прежде всего следует отметить слабое государственное финансирование и недостаточную подготовленность переселенческой организации, а также неподготовленность землеустроительных служб как центральной, так и азиатской России к массовому переселению. Назвать переселенческую политику правительства в период с 1906 по 1917 г. хорошо организованной сложно. Однако она была необходима для страны и при всех недостатках во многом улучшила положение трудового крестьянства.

Литература и источники

1. ГАУО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 9, 19.
2. **Дубровский С. М.** Столыпинская земельная реформа / С. М. Дубровский. М., 1963. 600 с.
3. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. СПб., 1910. 30 с.
4. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. Пг., 1916. 32 с.
5. Край Симбирский : крат. ист. очерк. Саратов, 1989. 256 с.
6. **Кривяков Е. И.** Переселение крестьян из Мордовии в период капитализма (1861 — 1917) / Е. И. Кривяков : автореф. ... дис. канд. ист. наук. Саранск, 1973.
7. РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 333, 537, 1064.
8. РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 318, 365, 366, 1047, 1145, 1729.

9. Сельское хозяйство России в XX веке : стат. сб. М., 1923. 230.
10. Симбир. губерн. ведомости. 1907. 19 мая.
11. Симбир. губерн. ведомости. 1907. 13 июня.
12. Симбир. губерн. ведомости. 1907. 21 июня.
13. **Скляров Л. Ф.** Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы / Л. Ф. Скляров. Л., 1962. 588 с.

Поступила 15.09.2009 г.

УДК 630(470.345)

Е. И. Денискин
E. I. Deniskin

ЛЕСНОЙ ФОНД МОРДОВСКОГО КРАЯ В 1920-е гг.

FOREST RESERVES OF MORDOVIAN LAND IN 1920s

Ключевые слова: лес, лесная площадь, лесосека, отпуск леса, лесной фонд, лесистость, дороги, губернская плановая комиссия, лесное хозяйство, Саранский округ, губерния.

В статье рассматриваются вопросы структуры лесного фонда мордовского края, его устройства и управления, а также выделение древесины из лесосечного фонда для нужд хозяйства и населения.

Key words: forest, woodland, cutting area, forest reserves, percentage of forest land, roads, the Province Planning Committee, forestry, the Saransk District, province.

Problems of the structure of Mordovian Land forest reserves, its organization and control as well as wood picking out the timber-cutting fund for the economy and population needs are considered in the article.

С образованием Мордовского автономного округа сформировалось и его лесное хозяйство, в которое вошли части лесов бывших губерний: Тамбовской, Нижегородской, Пензенской и Симбирской. Первоначально лесное хозяйство Мордовии испытывало определенные трудности, так как часть лесов, отошедшая к нему с территорий названных губерний, не была учтена. К концу 1923 г. на территории современной Мордовии насчитывалось 10 крупных и 35 мелких лесничеств. В качестве примера рассмотрим лесное хозяйство Нижегородской и Ульяновской губерний за 1924 — 1925 и 1923 — 1927 гг. соответственно, а также лесное хозяйство Саранского округа Пензенской губернии.

Леса Нижегородской губернии занимали площадь до 3 800 тыс. десятин. Ежегодный прирост древесины составлял до 800 тыс. кубических саженей. Лесные богатства не использовались полностью. По доходности одна десятина леса давала не более 50 % довоенной стоимости леса (имеется в виду Первая мировая война 1914 — 1918 гг. — *Е. Д.*). Рост доходов за три года (1923 — 1925 гг.) вырос с 700 тыс. до 3 100 тыс. руб.

В 1923 — 1925 гг. в лесистой части Нижегородской губернии для удовлетворения нужд населения была установлена норма — 1 кубическая сажень дров и $\frac{1}{2}$ кубической сажени строевого леса на двор. В малолесистой и безлесой части губернии — от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{4}$ квадратной сажени дров и от 0,3 до 0,1 квадратной сажени строевого леса на крестьянский двор. Таким образом, население получило 204 тыс. квадратных сажень строевого леса и 19 тыс. кубических сажень валежника. В помощь беднейшему и малоимущему населению было отпущено со скидкой в 75 % 106 тыс. квадратных сажень леса, на школы и больницы — более 28 тыс. квадратных сажень дров. В денежном исчислении помощь беднейшему населению выражалась в сумме 531 тыс. руб.

По данным за 1924 г., лесокультурные работы в Нижегородской губернии пребывали в начальной стадии: леса были поражены вредителями, лесные дороги находились в упадке. Со стороны государства требовались широкие мероприятия, связанные с привлечением хозяйственных организаций к полному охвату в эксплуатации леса, в котором было особенно заинтересовано население северных уездов, жившее заработками исключительно от лесных промыслов [2, с. 7 — 8]. В отличие от бывших государственных лесов Нижегородской губернии, удельные леса Симбирской губернии до революции были в лучшем состоянии — в 1913 г. Ульяновская губерния по лесной доходности относилась к числу наиболее рентабельных (табл. 1) [3, с. 95].

Таблица 1

**Доходность лесного хозяйства
Ульяновской губернии за 1923 — 1926 гг.***

Хозяйственный год	Валовой доход	Расход	Чистый доход	Валовой доход	Чистый доход
	тыс. руб.			коп. на 1 га	
1923—24	1 455	185	1 270	180	156
1924—25	2 795	468	1 827	280	227
1925—26	7 870	626	7 244	1 080	992

* Таблица составлена по: Природа, хозяйство, культура Ульяновской губернии. Ульяновск, 1927. С. 95.

Стабильная доходность лесного хозяйства, как отмечала Ульяновская губернская плановая комиссия, определялась, исходя из размера потребления и установленных цен на древесину. Запас нормальной годичной лесосеки для лесов государственного и особого назначения определялся в сосновом хозяйстве в 425 тыс. м³, лиственном — 1 455 тыс. м³, из которых 105 тыс. м³ не имели сбыта [Там же, с. 96]. Кубатура и продажная стоимость годичной лесосеки, имевшей сбыт, распределялась следующим образом (табл. 2).

Далее, характеризуя леса Саранского округа Пензенской губернии, можно отметить следующее: лесная площадь округа равнялась 118 223 десятинам. Леса по его территории распределялись крайне неравномерно: более крупные лесные массивы располагались по северо-западной и юго-восточной окраинам округа, центральные районы носили преимущественно степной характер. Средний процент лесистости

Таблица 2

Кубатура и продажная стоимость годичной лесосеки*

Категория потребителей	Сосновые леса, тыс. м ³	Продажная стоимость, тыс. руб.	Лиственные леса, тыс. м ³	Продажная стоимость, тыс. руб.	Всего лесов, тыс. м ³	Общая продажная стоимость, тыс. руб.
Местное население	180	360	870	610	1 050	970
Прочие потребители (по ценам 1926 — 1927 гг.)	245	1 480	480	580	725	2 060
Итого	425	1 840	1 350	1 190	1 775	3 030

* Таблица составлена по: Природа, хозяйство, культура Ульяновской губернии. С. 96.

округа составлял 13,1. Эта цифра указывала на крайний недостаток лесов, поскольку была значительно ниже уровня нормальной лесистости (25 %). По отдельным районам, входящим в состав округа, процент лесистости колебался от 1,5 до 32,1. Такая значительная амплитуда указывала на неравномерность распределения лесов в пределах округа со всеми вытекающими неблагоприятными последствиями [1, с. 238].

В материалах районирования Пензенского и Саранского округов отмечалось, что в районе соединить лесозаготовки воедино было практически невозможно: Сура и Мокша, протекавшие в пределах округа, как бы «растаскивали» регион в разных направлениях. Мокша протекала с юга на север, Сура — на северо-восток. Транспортирование лесоматериалов в пределах округа могло совершаться лишь по Московско-Казанской железной дороге или гужевым путем, что стоило весьма дорого. Такая форма транспорта была доступна только для ценных пород деревьев, оправдывавших стоимость доставки. Для потребителей доставка лесоматериалов в пределах округа на значительные расстояния повышала их стоимость [Там же, с. 238 — 239].

Лесные дачи Саранского округа имели следующее процентное соотношение: по составу пород твердолиственных — 59 %, мягколиственных — 19, хвойных — 8 %. В состав лесного фонда входили 14 % сельских угодий и неудобных земель.

Комиссия, работавшая по районированию, с сожалением констатировала: «Наиболее худшими по качеству насаждений и по ценности своей продукции являлись бывшие крестьянские и частновладельческие леса. Первые служили исключительно источником добывания самых низших по своему качеству видов древесной продукции: хвороста и низкомерных строевых жердей, кольев, также они использовались в качестве выгонов для скота. Частновладельческие леса, вследствие высокой ценности леса в округе и большого спроса на этот лес, были сильно истощены рубками и переведены в молодняки» [Там же, с. 239].

В первые годы Советской власти еще не было единого центрального руководства лесным хозяйством. Вся работа лесных подотделов уездов до 1922 г. сводилась к заготовке дров, укреплению аппарата лесоуправления, борьбе с самовольной вырубкой и проведению частичного обследования лесов. Лесокультурные работы почти не проводились, так как молодая Советская Республика не имела

возможности выделить на эти цели необходимые средства. Трудности в осуществлении поставленных задач усугублялись топливным кризисом в стране. В топливном балансе значительно возросло значение дров. В этот период основное внимание лесного хозяйства и лесной промышленности было сосредоточено на их заготовке. В 1918 — 1921 гг. в Инсарском, Краснослободском, Саранском и Рузаевском уездах широко стала применяться рубка леса (табл. 3) [4, с. 67].

Таблица 3

**Отпуск леса по отдельным уездам
в период 1918 — 1921 гг.*, га**

Уезд	Площадь годичной лесосеки	Отпущено сверхсметно за 1918 — 1921 гг.
Инсарский	549	2 375
Краснослободский	463	964
Саранский	313	1 346
Рузаевский	85	104

* Таблица составлена по: **Тонких В. С.** Леса Мордовии. Саранск, 1976. С. 67.

Первые шаги по налаживанию лесного хозяйства были предприняты после Гражданской войны. Так, в январе 1922 г. были ликвидированы уездные лесные подотделы. Управление лесами приобрело большую централизацию. С этого времени стал упорядочиваться отпуск леса под руководством губернских межведомственных лесосечных комиссий (ГМЛК). Управление лесами государственного значения было сосредоточено в Губернском лесном отделе, осуществлявшем контроль за лесным хозяйством через аппарат лесоинспекторов и лесоводство. Административное деление, существовавшее с 1918 г., вследствие изменившихся лесоэкономических условий и выделения лесов местного значения в значительной степени устарело и требовало пересмотра. Проблему решили за счет увеличения числа лесничеств, так как при средней площади лесничества в 21 тыс. га и в условиях постоянного отпуска леса интенсификация лесного хозяйства была невозможной.

При национализации вся лесная площадь губернии была поделена на 38 лесничеств. Площадь каждого из них, в целях охраны леса от самовольных вырубок, пожаров и др., распределили на объезды и обходы. Средняя площадь объезда составляла 4 200 га, обхода — 1 000 га.

По преобладанию пород деревьев лесная площадь распределялась следующим образом (к общей лесной площади): насаждений с преимуществом сосны — 24,00 %, осины — 5,00, дуба — 18,00, ясеня — 0,50, березы — 7,00, тала — 0,50, липы — 7,00, ольхи — 0,25 %. Остальная площадь (37,75 %) была занята смешанными лиственными насаждениями, для которых преобладание пород было не определено. Лесистость Ульяновской губернии (25,3 %) была ниже средней лесистости Европейской части РСФСР (33 %). По губернии площадь лесистости, приходившейся на одного жителя, в среднем была равна 0,61 га [3, с. 85] (табл. 4).

Из табл. 4 видно, что в Ардатовском уезде прирост древесины составлял лишь 50 % от всей потребности, в Ульяновском и Сызранском уездах он приближался к норме и только в Карсунском уезде был избыток древесины в размере 40 % от еже-

**Лесистость и ее процент по отношению к числу населения
по уездам всей губернии***

Таблица 4

Уезд	Лесистость, %	Норма лесистости, га	Число населения на 1 км ² , чел.
Карсунский	36	0,99	36,2
Сызранский	24	0,60	38,0
Ульяновский	23	0,52	43,0
Ардатовский	16	0,30	53,0

* Таблица составлена по: Природа, хозяйство, культура Ульяновской губернии. С. 86.

годного прироста, который шел на удовлетворение потребностей других районов губернии и отдаленных рынков [Там же, с. 86]. С Карсунским уездом Ульяновскую губернию связывала линия Московско-Казанской железной дороги с ветками Ульяновск — Инза, Инза — Сызрань, а также линией Сызрано-Вяземской железной дороги, которые пересекали территорию губернии в нескольких направлениях и обеспечивали полный сбыт сосновой древесины. В транспортировке леса большую роль играли реки и грунтовые дороги. Так, Волга связывала лесные массивы правого берега с лесными рынками Нижнего Поволжья. В северо-западной части на протяжении более 500 км Ульяновскую губернию пересекала Сура, по которой сосновая древесина сплавлялась на Алатырские лесозаводы и в переработанном виде отправлялась на отдаленные рынки по железной дороге. Благодаря возвышенному положению большей части губернии, грунтовые дороги не требовали значительных мелиораций и расходов по эксплуатации, обеспечивая транспортировку леса из лесных дач на железные дороги (табл. 5).

Лесной фонд Ульяновской губернии на 1927 г.*, га

Таблица 5

Категория лесов	Удобная лесная площадь	Неудобная лесная площадь	Общая площадь
Леса государственного значения (в Управлении губернским лесным отделом)	726 064	48 715	774 779
Леса особого назначения (городские и учебных заведений)	22 535	4 868	27 403
Леса местного значения (крестьянские)	126 067	4 215	130 882
Итого	874 666	57 798	933 064

* Таблица составлена по: Природа, хозяйство, культура Ульяновской губернии. С. 89.

Удобная лесная площадь делилась на покрытую и непокрытую лесом. В состав покрытой лесом площади входили: сосна, дуб (строевой и издельный), дровяной лес; в состав непокрытой — необлесившиеся гари, вырубki и пустырники (табл. 6).

Покрытая лесная площадь распределялась по возрастам. Так, леса государственного значения состояли из зрелых деревьев на 36 %, средневозрастных — 24,

Таблица 6

Соотношение удобной лесной площади, непокрытой и покрытой лесом площади*, га

Категория лесов	Удобная лесная площадь	Непокрытая лесом площадь	Площадь, покрытая лесом		
			Сосна	Дуб	Дровяной лес
Государственного значения	726 064	85 635	148 316	29 563	462 550
Особого значения	22 535	1 705	1 728	5 545	13 557
Местного значения	126 667	13 934	7 406	—	105 327
Итого	875 266	101 274	157 450	35 108	581 434

* Таблица составлена по: Природа, хозяйство, культура Ульяновской губернии.

молодняка — на 40 %; леса особого значения — соответственно 32, 26 и 42; леса местного значения — 28, 30 и 42 %.

Анализируя приведенные данные, эксперты по лесу обратили внимание на размер непокрытой лесом площади и забили тревогу: лесное хозяйство губернии находилось в серьезном расстройстве. «Значение последнего обстоятельства усугублялось тем, — писали они, — что большая часть непокрытой лесом площади была занята до вырубки сосновыми насаждениями, возобновить которые естественным путем было безнадежно, а искусственное облесение требовало громадных государственных средств, на выделение которых рассчитывать не приходилось» (табл. 7) [Там же, с. 89].

Таблица 7

Годичная лесосека в Ульяновской губернии по категориям лесов в середине 1920-х гг.*

Категория лесов	Сосновый		Лиственный		Всего	
	Площадь, га	Масса, тыс. м ³	Площадь, га	Масса, тыс. м ³	Площадь, га	Масса, тыс. м ³
Государственного значения	1 480	421,8	9 840	1 400	11 320	1 821,8
Особого значения	17	4,8	382	55	399	59,8
Местного значения	82	18,9	2 330	260	2 412	278,9
Итого	1 579	445,5	12 552	1 715	14 131	2 160,5

* Таблица составлена по: Природа, хозяйство, культура Ульяновской губернии.

Губернская плановая комиссия констатировала, что «для удовлетворения потребности местных и отдаленных рынков в топливе и строевой древесине, лесное хозяйство губернии располагало ежегодным запасом в 2 млн 160 тыс. куб. м, часть из которых, в первую очередь, в соответствии с хозяйственными и политическими интересами государства шла на удовлетворение потребности местного населения» [Там же, с. 90].

По нормам Госплана для Средне-Волжского района, к которому относилась Ульяновская губерния, потребность леса на душу населения составляла 0,22 м³

строевой и в 0,93 м³ дровяной древесины. С учетом климатических условий губернии приведенная норма строевого леса была недостаточной. Потребность сельского населения в строевой древесине комиссия губплана определила в 347 тыс. м³ и эту кубатуру принимали за показатель нормы отпуска древесины для населения губернии на ряд ближайших лет, так как городское строительство было незначительным.

Вследствие неравномерного расположения сосновых массивов, крестьянство тех районов, где произрастали только лиственные насаждения, заменяло сосну другими породами деревьев, главным образом осиной, а в безлесных районах использовало иные строительные материалы. По отчетным данным, ежегодный отпуск строевого лиственного леса определялся примерно в 85 тыс. м³. По сведениям статистики, крестьянские постройки из камня и глины составляли до 5 %, поэтому потребность в сосновой древесине составляла 240 тыс. м³. Таким образом, для местного населения ежегодно требовалось 200 тыс. м³ строевой сосновой древесины [Там же].

Топливные нормы Госплана были установлены в размере 0,93 м³ на душу сельского населения и 1,9 м³ — для городского. Для всего населения губернии это составляло 1 480 тыс. м³. При климатических условиях губернии эти нормы признавались достаточными, но для отдельных районов вследствие неравномерной лесистости они являлись невыполнимыми.

Передача лесов местного значения осуществлялась на основании распоряжения Народного комиссариата земледелия СССР от 5 мая 1928 г. и закончилась 1 июля 1928 г. После этого передача лесов проводилась в порядке землеустройства [5, л. 5].

Согласно данным на 1928 — 1929 гг., государственный лесной фонд мордовского края считался определившимся, так как выделение из него лесов местного значения и площадей для превращения их в земельный фонд были в основном закончены [Там же, л. 79].

В целях рационального использования запасов древесины, с учетом запросов рассматриваемого периода, развития рынка и базируясь на лесоэкономических исследованиях, неуклонно проводилось снижение оборотов рубки. Создавались благоприятные условия для механизации разработок леса, его переработки и транспортировки. Рубка древесины проектировалась с максимально возможной концентрацией, при этом не упускались из внимания восстановительные процессы в лесах. Всестороннее изучались лесовосстановительные и лесоэкономические условия, необходимые для правильного построения лесного хозяйства.

Устройство лесов проводилось не в районном разрезе, а с построением планов хозяйств для каждой лесохозяйственной единицы. В 20-х гг. XX в. единый план лесного хозяйства мордовского края строился с учетом всех запросов социалистического строительства, на основании полученных данных по окончании лесоустроительных работ [Там же, л. 79].

Литература и источники

1. Материалы по районированию и организации Средне-Волжской области. Вып. 2. Пензенский и Саранский округа. Издание Средне-Волжской плановой комиссии. Самара, 1925. 246 с.
2. Нижегородская губерния 1924 — 1925 гг. : [стат. сб.] / Изд. оргчасти Нижегород. губ. исполкома. Н. Новгород : Тип. Нижполиграф, 1925. 22 с.

3. Природа, хозяйство, культура Ульяновской губернии / Ульянов. губплан. Ульяновск, 1927. 98 с.

4. Тонких В. С. Леса Мордовии / В. С. Тонких. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1976. 176 с.

5. ЦГА РМ. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 78.

Поступила 16.09.2009 г.

УДК 947(470.345-22)

В. А. Ломшин, Т. Д. Надькин

V. A. Lomshin, T. D. Nadkin

СРЕДНЕВОЛЖСКАЯ ДЕРЕВНЯ В 1946 — 1948 гг. (НА ПРИМЕРЕ МОРДОВСКОЙ АССР)

THE MIDDLE VOLGA COUNTRYSIDE IN 1946 — 1948 (BY THE EXAMPLE OF THE MORDOVIAN ASSR)

Ключевые слова: деревня, жизнь села, послевоенные трудности, голодные годы, болезни, вызванные голодом, выживание сельских жителей, засуха, неурожай.

Предметом исследования статьи является изучение послевоенного трудного времени, жизни колхозного крестьянства, сельской семьи, труд в колхозе, оплата труда. Цель статьи — рассмотреть процессы, происходившие в деревне в послевоенное время, на основе воспоминаний свидетелей тех лет.

Key words: countryside, the life of village, post-war hardship, lean years, diseases caused with starvation, the survival of countrymen, drought, bad harvest.

The subject of this article is the study of post-war difficult time, life of collective farm peasantry, village family, work in the kolkhoz and remuneration for labor. The purpose of the article is to consider processes occurred in countryside, in the collective farm life in the postwar time on basis of recollections of living witnesses.

Послевоенный голод, как и голод 1932 — 1933 гг., долгое время по идеологическим причинам замалчивался советско-партийным руководством СССР. Для широкого круга читателей эти факты из истории страны «победившего социализма» стали известны только во второй половины 80-х гг. XX в., когда начался пересмотр истории советского общества.

О масштабах голода в сельской местности МАССР летом 1946 г. можно судить по сведениям, содержащимся в материалах заседаний райисполкомов, по данным Министерства здравоохранения, спецсообщениям министра внутренних дел председателю Совета Министров МАССР, а так же из писем жителей деревни в армию.

В качестве примера приведем выдержки из заседания исполкома Краснослободского районного Совета депутатов трудящихся от 29 июня 1946 г., на котором рассматривался вопрос о заболевании дистрофией в районе. «Произведенным об-

следованием с выездом в населенные пункты 25 июня 1946 года в районе имеется дистрофиков в 229 семьях военнослужащих, погибших на фронте Отечественной войны и инвалидов с количеством 780 чел., из них госпитализированы в райбольницу 33 чел., в том числе трактористов 3 чел. Дальнейшее госпитализирование дистрофиков не представляется возможным из-за перегруженности райбольницы.

Случаи дистрофии выявлены в 15 сельских Советах. Особенно угрожающее положение с дистрофией в сельсоветах: Русско-Маскинском — 101 чел., Потякшенском — 141, Чукальском — 164, Слободско-Дубровском — 89, Пригородном — 99...

Рост больных в районе с каждым днем увеличивается. Зарегистрированы и взяты под контроль райздравотделом особо нуждающиеся семьи, находящиеся на грани заболевания дистрофией — 278, в них членов семей — 1 067 чел.» [5, с. 728]. «В колхозе им. Кирова с. Селищи колхозник Немов Трофим (из спецсообщения министра МВД Николаева. — *Авт.*) будучи несколько дней без хлеба, употребил в пищу имеющуюся у него кошку. Такие случаи не единичны» [7, д. 139, л. 57].

Председатель райисполкома Ельниковского районного Совета депутатов трудящихся сообщал председателю Совета Министров МАССР Тингаеву 6 июля 1946 г., что «...в районе установлены случаи заболевания взрослого населения, а также детей дистрофией. Так, из 25 случаев заболевания 4 — в резкой форме (опухоль)» [Там же, л. 18].

Министр внутренних дел республики Николаев извещал Председателя Совета Министров: «По полученным данным в Инсарском районе на 1 июля 1946 года выявлено больше 80 случаев заболеваний дистрофией, из которых 32 чел. лежат в больнице. Большое распространение дистрофии выявлено в селах: Казеевка — 28 чел., Арбузовка — 26 чел., Сиал-Пятина — 10 чел., Шадым-Рыскино — 9 чел.» [Там же, л. 27].

Председатель Лямбирского райисполкома в начале июля докладывал Тингаеву следующее: «Ввиду появления отдельных фактов в районе опухоли колхозников от недоедания, была создана комиссия... которая проверила из 18 — 10 сельских Советов. При этом выявлено ослабленных с появлением частичной опухоли 136 чел. и нуждающихся в немедленной поддержке 304 чел. Например, в Татарскотавлинском сельсовете — 43 чел. и 20 чел. с появлением опухоли, в Болотниковском сельсовете — 110 чел. с появлением опухоли, в Смольковском сельсовете — 55 чел. Неоказание помощи 136 чел. может привести через 4 — 5 дней к сильному истощению — дистрофии...» [Там же].

Подобное положение отмечалось в ряде других районах республики. Так, в Кадошкинском районе от недоедания болели 260 чел., из которых 30 % были госпитализированы, а всего на учете состояло 1 050 семей, которым требовалась немедленная помощь; в Большеигнатовском районе остро нуждающихся в продовольствии насчитывалось 45 % семей [Там же, л. 18], в Пурдошанском районе в некоторых селах болело до 25 % населения, 25 чел. были госпитализированы [7, д. 137; д. 159, л. 24]. Секретарь Рыбкинского райкома партии в июне 1946 г. телеграфировал в Совет Министров МАССР и обком ВКП(б): «Ежедневно в райком обращаются сотни голодных с просьбой об оказании помощи» [5, с. 730].

Особенно тяжело жили семьи колхозников и единоличников, чьи отцы и сыновья погибли или находились еще в армии. Они оказались к тому же беззащитными перед произволом местных властей. В Ардатовском, Ичалковском, Большеигнатовском и

других районах члены семей военнослужащих, «впавшие в крайнюю нужду», собирали милостыню. Среди них были: «вдовы погибших фронтовиков Е. И. Эрютина и Б. И. Горбунова, мать трех воинов Е. А. Араваева в Большеигнатовском районе, престарелая мать четырех воинов П. Ф. Кожаева и мать трех воинов Г. И. Старчкова в Ардатовском районе» [Там же]. В несколько лучшем положении были те семьи, в которые уже вернулись демобилизованные из армии мужчины. Только приехав домой, бывшие солдаты понимали, что война — это еще не самое страшное.

Из районов вместе со сводками о распространении голода шли просьбы об оказании срочной помощи. Однако руководство республики могло ответить лишь только то, что удовлетворить их не имеет возможности.

Из-за разрушительных последствий войны, неблагоприятных природных условий зерна в первый послевоенный год было собрано мало, но с учетом имевшихся в стране запасов и резервов, его все же хватило бы для посевов и для снабжения продовольствием нуждающегося населения. Однако традиционно во главу угла ставились задачи выполнения селом любой ценой поставленных планов государственных заготовок зерновых культур, продукции животноводства и т. д. Так, даже когда уже были очевидны последствия засухи, на бюро обкома ВКП(б) утвердили план сдачи государства зерна из урожая 1946 г. в количестве 147 419 т*, в том числе 72 314 т — обязательные поставки колхозов, 32 761 т — натуроплата за работы МТС, 32 335 т — возврат ссуд колхозами [8, д. 189, л. 20]. Для того чтобы выполнить государственный план, в колхозах и совхозах изъяли семенное и продовольственное зерно, включая частично предназначенное к выдаче колхозникам по трудодням. Тем не менее, план хлебосдачи в Мордовии выполнили лишь на 37,3 %. Руководителям республики Кочергину и Тингаеву был объявлен выговор за «...непринятие мер к выполнению плана хлебозаготовок и нечестное отношение к интересам государства...» [7, д. 137, л. 391].

Выполняя постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «Об экономии в расходовании хлеба» от 27 сентября 1946 г. Совет Министров Мордовской АССР и обком партии 29 сентября постановил: «2. Сократить расход хлеба по пайковому снабжению населения на 990 т к уровню сентябрьского плана, произведя это сокращение за счет:

...а) уменьшения с 1 октября на 70 % фонда хлеба выделяемого для снабжения населения проживающего в сельской местности...

б) сокращения контингента снабжаемых в сельской местности на 151 961 чел., в том числе за счет иждивенцев, рабочих и служащих совхозов, подсобных хозяйств и МТС, рабочих и служащих предприятий и учреждений местной промышленности, промысловой кооперации, рабочих и служащих лесоохраны. Оставить на октябрь контингент снабжения хлебом работающих в сельской местности в количестве 25 000 чел...

в) уменьшения с 1 октября 1946 года нормы выдачи хлеба всем иждивенцам с 300 г до 250 г в день на человека, а детям — с 400 до 300 г» [7, д. 130, л. 484].

* При этом с колхозов была списана задолженность по сдаче зерна в фонд Красной армии в размере 8 386 т и отсрочена задолженность колхозов, подлежащая погашению в 1946 г. до 1947 — 1948 гг. в объеме 115 536 т (см.: ЦГА РМ. Ф. 269. Оп. 4. Д. 489. Л. 20). Таким образом, без этих «скидок» общее количество сдаваемого государству зерна в 1946 г. могло составить 271 341 т.

Каждому району выделялась определенная квота по снабжению хлебом, и пре-
высить ее руководство Мордовии, видимо, не могло.

Жители русских, мордовских и татарских селений пытались донести до род-
ственников и односельчан, находившихся в вооруженных силах, свою боль и на-
дежду на помощь. В течение 1946 г. в армию из Мордовии шли тысячи писем, в
которых крестьяне рассказывали о своей беспросветной жизни. Практически все
они просматривались органами военной цензуры и, скорее всего, не дошли до адре-
сатов. Так, в ЦГА РМ в фонде Совета Министров МАССР (Ф. Р-228) содержатся
наиболее характерные выдержки из этих писем, направленные Министром госбе-
зопасности МАССР Корниенко Председателю Совета Министров МАССР Тингае-
ву. С жалобами на налогообложение (сведения за апрель — май 1946 г.) было вы-
явлено 1 105 писем на материально-бытовые условия и продовольственные зат-
руднения (апрель — август и октябрь 1946 г.) — 7 358*, с жалобами на плохую
работу колхозов и их руководителей (апрель — октябрь) — 1 472 письма.

Чтобы понять всю тяжесть положения народа-победителя, голодавшего в де-
сятках деревень и сел разных районов Мордовской АССР, приведем выдержки из
этих писем, в каждом из которых — вопль о помощи.

Из письма М. И. Киргизовой, с. Чукалы Козловского района (датовано 10 ап-
реля): «Живу очень плохо, хлеба нет, картофеля тоже. Дети голодают. Приезжай
быстрее домой, а то я детей отправлю в детский дом, так как я не в силах их воспи-
тать. Детей посылаю собирать, но они не идут» [7, д. 130; 136, л. 299].

Из письма В. Г. Родькиной, с. Рыбкино Рыбкинского района (датовано апре-
лем): «...Мы живем голодные и, наверное, придется умирать. Едим только гнилой
картофель, который собираем с поля и его не хватает. Здоровье мое плохое, еле хожу
по земле, потому что плохое питание» [7, д. 136, л. 300].

Из письма А. Чубуковой, с. Сакаевский Майдан Теньгушевского района (дати-
ровано маем): «Надоела эта собачья жизнь и голод. Хоть бы 200 г в день хлеба, а
то нет ни крохи, и чем это кончится, не знаю. Проклятая работа, на которой я не
могу заработать на хлеб, не говоря уже об обуви и так далее. Вот теперь бы ты
посмотрел на наших людей: кожа и кости. Ведь форменным образом голодуют. В
войну было лучше. А теперь, черт побери, подтягивает живот к позвоночнику»
[Там же, л. 317].

Из письма Д. А. Калабаевой, с. Сабанчеево Атяшевского района (датовано
15 мая): «Сейчас подошла весна, распускаются листья, и мы переходим на поднож-
ный корм. Хлеб едим из одних листьев. Наверное, умрем с них. Митя в школу не
ходит, потому что разутый и раздетый» [Там же].

Из письма А. А. Стришкиной, с. Николаевка Дубенского района (датовано 1 ию-
ня): «...Живу очень плохо, хлеба нет ни крошки, вторую неделю бьюсь без хлеба как

* По нашим подсчетам, в архивных делах имеются выдержки из писем с жалобами на
продовольственные затруднения как минимум из 25 районов Мордовской АССР. Кроме того, в
письмах из 17 районов (Ардатовский, Атяшевский, Атюрьевский, Большеигнатовский, Ельни-
ковский, Зубово-Полянский, Ковылкинский, Козловский, Краснослободский, Мельцанский,
Майданский, Пурдошанский, Рыбкинский, Саранский, Старошайговский, Торбеевский, Тень-
гушевский) отмечены конкретные факты заболеваний дистрофией, голода и отсутствия продо-
вольствия (см.: ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 3. Д. 136 — 137).

рыба об лед. Не знаю, как буду в дальнейшем жить. Помощи нам не оказывают ни в чем» [7, д. 137, л. 49].

Из письма А. Курковой, с. Летки Старошайговского района (датировано 16 июня): «... Жизнь наша очень плохая. Нет у нас ни кусочка хлеба, ни одной картошки. Все мы лежим опухшие и, наверное, нам придется погибнуть голодной смертью. Да еще наложили на нас большие налоги и теперь ходят каждый день и требуют выплаты. Что нам делать? И так нет ничего, да последний литр молока отбирают...» [Там же, л. 52].

Из письма П. А. Судаковой, с. Токмово Майданского района (датировано 20 июня): «... Дорогой мой сыночек Коля! Я умираю с голода, нет ни хлеба, ни картошки, и не знаю, где что брать. Продать нечего, заработать негде и некому... на огородах все посохло, ныне будет большая голодовка. Если есть у тебя деньги, то пришли, я совсем умираю с малыми детьми с голода. Сама болею, есть нечего, вся распухла...» [Там же, л. 47].

Из письма Ф. Едихановой, с. Старое Аллагулово Рыбчинского района (датировано 22 июня): «... положение у меня очень тяжелое. Из сельсовета ничего не помогают, а, наоборот, заставляют платить налоги — 600 руб. Где же я возьму такую сумму, когда не только хлеба, даже ложку щей не вижу. Раньше хоть был гнилой крахмал, а сейчас и его нет. От голода сама себя не могу таскать... Скоро от голода погибну...» [Там же].

Из письма Т. Т. Власкиной, д. Советская Америка Краснослободского района (датировано 28 июня): «... Степа, я вчера тебе писала письмо, а сегодня пишу обратно. Решила в последний раз хоть поговорить с тобой, а то скоро погибну с голода, потому что все посохло, объявляется смертельная голодовка. Если ты скоро нас не возьмешь, то погибнем. Прощай. Засуха не только у нас, а во всех областях. Люди хоть умирать будут вместе, а я страдала, страдала и так погибну без тебя... Если, как ты говорил, тебя до октября не отпустят, то нас уже не будет на свете. Прощай, может быть, тебе придется жить с новой женой...» [Там же, л. 46].

Из письма А. А. Левиной, пос. Куриловка Инсарского района (датировано 29 июня): «... Жить нам стало невозможно. Хлеба не видим уже давно. Питаемся травой и щавелем. А теперь уже и травы нет, вся посохла. Наложили на нас большие налоги, а платить нечем. Скотины нет и взять негде. Наверное, нам придется погибнуть от голода. Уезжать куда-либо нам не разрешают. Велят уплатить налоги. Очень нам, беззащитным, плохо живется. У кого мужики, те и живут, нас же душат одной работой, а хлеба не проси...» [Там же, л. 52].

Из письма Ф. К. Алемаева, с. Большое Игнатово (датировано 5 августа): «... Уважаемый сын, сообщаю, что живем плохо, ждем еще хуже. Урожай плохой, из колхоза ждать нечего, и раньше ничего не давали. Народ бросается кто куда, иначе умрешь с голода. Надо кормиться, да налоги дерут дуром, так что жить невозможно. Что мы сейчас едим, ни животные, ни звери не едят этот хлеб. Жизни здесь нет, и не предвидится, народ пухнет с голода...» [Там же, л. 218].

Из письма И. Е. Кочергова, Янгужинско-Майданский сельсовет Майданского района (датировано 8 августа): «... Жизнь здесь плохая. Люди пухнут с голода. Твоя мама лежит в больнице уже месяц по болезни голода. Брат Петя лежит в больнице по той же самой болезни голода, выжить едва ли придется. Помощи ей нет никакой и не от кого, государство не больно заботится. Вашей маме и продавать нечего. А она имеет все же с тобой 5 человек, которые, как и ты, должны служить в РККА, но еще молоды, а помо-

щи им никакой нет, налоги же требуют. Хлеба не дают, кушаем травяной хлеб да картошки чуть-чуть. Постарайся насчет матери, иначе она помрет...» [Там же, л. 219].

Из письма А. Д. Казакова, с. Белогорск Саранского района сыну (датировано 19 августа): «...Саня, в настоящее время мы живем очень плохо, хлеба нет, едим хлеб лебединый, с которого можно уйти на тот свет, едим липу. Наш хлеб не ест даже скот. Я думаю, лучше служить в армии, но не здесь так мучиться...» [Там же, л. 222].

Из письма Е. И. Учеватовой, с. Низовка Ардатовского района (датировано 22 августа): «...Сообщу о нашей жизни. Живем очень плохо. Хлеба не видим, но не только мы, а весь народ. Из колхоза получить не предвидится ни грамма. Из 400 га урожая сняли 300 ц. Его не хватит государству, а семян нет ни грамма. Несмотря на такой низкий урожай, поставку берут гораздо больше прошлого года. Мы думали, что после войны облегчат наши условия, но вышло наоборот, куска чистого хлеба не видим, не требуя что-либо другое...» [Там же, л. 217].

Из письма Е. П. Коньковой, с. Козловка Инсарского района (датировано 5 сентября): «...Живем мы ничего, но очень уж над нами издевается местная власть. Прошлый год отобрали картофель, а нынешний год взяли орехи и лыки. Мы, Ваня, за ними ходили голодные, а все же собирали на расход, они приехали шесть человек, изломали в избе окно, зашли в него и все взяли, а если что им скажешь, они и сами побьют» [Там же, л. 309].

Из письма И. Тряпкина, с. Куликово Торбеевского района (датировано 9 октября): «...Сообщаю о Вашей матери. Мать с сиротами живет плохо. Отец Ваш погиб за Родину, оставив Вас сирот-малых детей и мученицу-мать. Теперь ты уехал защищать Родину, оставив здесь однокровных братьев, сестер и мать на голод... Зимой семья ваша погибнет от холода, мать день и ночь плачет... Если тебе их жалко, то приезжай. Было бы простительно на Украине, в Белоруссии, где грабил немец, а здесь непростительно...» [Там же, л. 465].

Из письма С. Н. Филатова, с. Авдалово Zubovo-Полянского района (датировано 12 октября): «Брат Коля, пару слов о своей жизни. На рынке все дорого, паек хлебный на иждивенцев и на детей отказали, получаю только 12 кг в месяц, как хочешь, так и живи. Все ждали, когда кончится война, жизнь пойдет лучше, а получается наоборот, все хуже и хуже. Самое основное хлеба не стали давать, разве хватит 650 г хлеба на 5 человек в сутки» [Там же, л. 468].

В 1947 г. голод продолжал гулять по всем районам Мордовии. Власти особо пристальное внимание обращали на положение семей инвалидов войны и погибших воинов, материальное положение которых, как отмечалось в документах, было довольно тяжелым [5, с. 729 — 730]. Так, на 1 апреля 1947 г., по сведениям Министерства социального обеспечения МАССР, из 17 районов насчитывалось 1 260 семей данной категории, в которых были больные дистрофией (табл. 1).

На 20 апреля 1947 г. заместитель министра здравоохранения МАССР Строганова дала сведения о 1 903 больных дистрофией по районам республики. Возможно, они не отражают реального распространения дистрофии в сельской местности МАССР, так как согласно данным на 1 апреля, в Болдовском, Дубенском, Козловском, Кочуровском, Майданском и Чамзинском районах имелись семьи с больными дистрофией (табл. 2), но они не были отмечены в сведениях заместителя министра.

Факты тяжелого положения в деревне с продовольствием и голода подтверждают и письма, которые продолжали идти в армию и в 1947 г.

Таблица 1

**Заболееваемость дистрофией среди семей инвалидов войны,
погибших воинов по районам Мордовской АССР на 1 апреля 1947 г.***

№ п/п	Район	Количество семей, в которых имелись больные дистрофией
1	Атюрьевский	15
2	Болдовский	5
3	Дубенский	3
4	Ельниковский	41
5	Зубово-Полянский	36
6	Инсарский	27
7	Ичалковский	2
8	Ковылкинский	27
9	Козловский	37
10	Кочкуровский	35
11	Краснослободский	119
12	Майданский	30
13	Пурдошанский	9
14	Старосиндровский	375
15	Темниковский	93
16	Чамзинский	6
17	Ширингушский	300
	Итого	1 260

* Таблица составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 3. Д. 136.

Таблица 2

**Сведения о больных дистрофией по Мордовской АССР
на 20 апреля 1947 г.***

№ п/п	Район	Число больных дистрофией	Госпитализировано	Примечание
1	Атюрьевский	145	—	
2	Большеберезниковский	7	7	
3	Большеигнатовский	3	3	
4	Ельниковский	101	5	
5	Зубово-Полянский	320	40	
6	Инсарский	13	5	
7	Ковылкинский	130	4	
8	Краснослободский	181	3	
9	Мельцанский	20	—	
10	Пурдошанский	9	—	
11	Ромодановский	—	—	232 ослабленных
12	Саранский	50	15	
13	Старосиндровский	371	1	
14	Старошайговский	1	1	
15	Темниковский	132	40	
16	Торбеевский	50	17	
17	Ширингушский	370	20	
	Итого	1 903	161	

* Таблица составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 1190. Л. 23.

Из письма Н. Г. Абрадиной, с. Редкодубье Ардатовского района (датировано 3 января): «...Дорогой сыночек, у нас люди стали уже умирать, работают много, а питанья нет. Хлеба нет. Живут на одной картошке, а работают больше лошади, дрова и сено возят на себе сами» [7, д. 138, л. 166].

Из письма И. Н. Старостина, с. Оброчное Атюрьевского района (датировано 12 января): «Здравствуй, Коля! ...живем мы очень плохо, нет ни у кого картошки, а о хлебе и вспоминать нечего, так как мы его не видим уже с апреля 1946 года, а картофель весь взяли в заготовку» [Там же, л. 163].

Из письма жителя д. Агеево Пурдошанского района (датировано 1 февраля): «Ты спрашиваешь, какие новости в колхозе... Начальники тащат все себе, хлеб весь растащили, а колхозникам нет ничего, сидят на одной картошке, а весной и картошки не будет...» [Там же].

Из письма жителя с. Старое Мамангино Рыбкинского района (датировано 2 марта): «Миша, мы хотим отсюда уехать, потому что в колхозе нет ничего. Поля останутся незасеянными, колхозники в колхозе ничего не работали, работают только за то, что чтобы не отобрали картошку и сено. Народ в этом году умрет с голоду, потому что у некоторых сейчас нет картошки и хлеба...» [Там же, л. 362].

В 1946 — 1948 гг. настоящая причина роста смертности — голод — скрывалась за такими диагнозами, как желудочно-кишечные заболевания (дизентерия, токсическая диспепсия), септическая ангина. Лишь в исключительных случаях за отдельные месяцы среди причин смерти называлась дистрофия, а точнее — алиментарная дистрофия, которая в «Краткой медицинской энциклопедии» определялась как «заболевание, обусловленное длительным голоданием или недостаточным по колоритности и бедным белком питания, не соответствующей энергетическим затратам организма» [4, с. 36]. По тяжести клинического течения выделяли три степени алиментарной дистрофии: легкая, при которой достаточно было назначить усиленное питание и больной выздоравливал; средняя и тяжелая степени, при которых больных госпитализировали и помещали в хорошо отапливаемые палаты с назначением медикаментозного лечения [Там же].

Восстановить численность больных дистрофией и погибших от голода в Мордовии в послевоенные годы установить достаточно трудно. Из закрытых донесений правительству видно, что весной — летом 1946 г. заболевание алиментарной дистрофией распространилось на территории Российской Федерации, охватив многие районы Воронежской, Горьковской, Костромской, Курской, Новгородской, Орловской, Псковской, Саратовской, Тамбовской, Ульяновской, Читинской и других областей, а также Башкирской, Бурят-Монгольской, Мордовской и Татарской автономных республик. В большей степени от голода страдали жители села. Мы можем привести сведения, которые дает известный историк В. Ф. Зима по отдельным указанным выше регионам в 1947 г. По его сведениям, в Воронежской области число больных дистрофией достигало 250 тыс. чел., в Ульяновской — 104,6 тыс. *, в Тамбовской — 67,5 тыс., в

* В Мордовской АССР больных дистрофией могло быть не меньше, чем в соседней Ульяновской области. Об этом косвенно свидетельствуют и факты, приводимые в докладной записке заместителя начальника управления по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих при СМ РСФСР, председателю СМ РСФСР М. И. Родионову от 6 июля 1946 г. (см.: Мордовия. 1941 — 1945 : сб. док. Саранск, 1995. С. 729).

Молотовской — 55,6 тыс., в Башкирской АССР — 35 тыс., в Костромской — 30 тыс. чел. По данным Министерства здравоохранения РСФСР, в апреле 1947 г. было зарегистрировано 372,3 тыс. больных алиментарной дистрофией, а в мае того же года их численность выросла до 507,7 тыс., из которых 706 чел. умерли [3, с. 36 — 37].

В конце 1947 г., когда тиф дошел до Москвы, правительство приступило к разработке государственных эпидемиологических мероприятий. Началом всей работы стало постановление от 10 декабря 1947 г. «О мерах по ликвидации эпидемиологических очагов заболеваний паразитарными тифами». В нем отмечалось, что особенно высокая заболеваемость наблюдалась в больших городах. Правительство обязало местные власти создать чрезвычайные противоэпидемические комитеты, обеспечить снабжение медучреждений и бань хозяйственным мылом, топливом, дустом и автобензином [3, с. 39]. К сожалению, и в этом неотложном деле действовал остаточный принцип: в очаги эпидемий в сельской местности направлялось то, что оставалось после обеспечения промышленности и городов. Мордовия получила очень мало.

В 1948 г. положение с продовольствием снова обострилось. Так, заместитель Председателя Совета Министров МАССР Киселев на съезде врачей 28 октября 1948 г. отметил: «...за 9 месяцев 1948 года (в сравнении с январем — сентябрем 1947 г. — *Авт.*) заболеваемость возросла сыпным тифом в 1,3 раза, брюшным тифом в 2,2 раза, возвратным тифом в 6 раз, дизентерией в 5,1 раза, скарлатиной в 1,3 раза. Наибольшее число заболеваний отмечено в Кочкуровском, Ардатовском, Торбеевском, Рыбкинском и Ширингушском районах, которые, в общем, дали 38,6 % инфекционных заболеваний в республике» [9, л. 20].

Большую опасность в голодные военные и послевоенные годы представляла «септическая ангина». Оголодавшие за зиму жители сельской местности, пытаясь как-то смягчить мученья от голода, хлынули на поля собирать перезимовавшее зерно, содержащее токсические вещества, и использовать его в пищу. Массовые отравления нередко приводили к смертельному исходу, так как многим больным вовремя не оказывалась медицинская помощь. Причиной летальности в таких случаях указывали «септическую ангину», поскольку люди жаловались на боли в горле. Под этим диагнозом скрывали лейкопению — заболевание, связанное с отравлением кровяной системы (алиментарно-токсическую интоксикацию, возникающую при употреблении в пищу зерна перезимовавших на поле злаков (пшеницы, ржи, гречки и, чаще всего, проса). Образующийся в зерне токсин оказывал местное действие по типу ожога и общее, поражая костный мозг и кровеносную систему, что приводило к торможению выработки лейкоцитов, эритроцитов и тромбоцитов, а также ослаблению общей сопротивляемости организма [3, с. 36].

В то сложное и трудное время самым эффективным мероприятием по предупреждению массовых заболеваний «септической ангиной» считался обмен населению перезимовавшего в поле зерна на доброкачественное. По указанию СНК МАССР и Мордовского обкома ВКП(б) в республике организовали специальные пункты обмена. С осени 1946 г. на полях республики осталось 2 700 га (по официальным сведениям) необранной площади зерновых культур, что создавало угрозу возникновения заболевания лейкопенией. На обмен прогнившего под снегом зерна всем районам Мордовии было выделено 540 ц доброкачественного зерна [6, д. 1190, л. 12]. Для голодавших людей это были крохи, поскольку средняя численность районов составляла 10 — 15 тыс. чел.

К сожалению, общих сведений по Мордовии по годам с указанием точных причин смерти мы не можем привести. Тем не менее, прояснить основные тенденции нам помогут сравнительные данные о естественном движении населения МАССР за два зимних месяца (январь и февраль) 1946 и 1947 гг. (табл. 3).

Таблица 3

**Основные причины смерти по МАССР за январь — февраль 1946 г.
в сравнении с январем — февралем 1947 г.***

Причина смерти	Январь 1946 г.	Январь 1947 г.	Февраль 1946 г.	Февраль 1947 г.
Старческая дряхлость	224	220	217	222
Воспаление легких	144	155	157	198
Болезни сердца	120	123	118	110
Туберкулез органов дыхания	112	94	94	69
Болезни пищеварительных органов	46	45	42	47
Врожденная слабость	21	20	6	8
Воспаление мозговой оболочки	16	13	18	21
Корь	10	23	8	65
Дизентерия	4	13	3	10
Тиф	9	10	4	7
Дистрофия	3	5	2	3
Прочие	240	306	226	216

* Таблица составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 3. Д. 136. Л. 252.

Так, если в январе 1946 г. умерли 986 чел., то в январе 1947 г. — 1 044, в феврале 1946 г. — 950, а в феврале 1947 г. — 1 026 чел. [7, д. 136, л. 252]. Как минимум 319 чел. в январе — феврале 1946 г. и 303 чел. в январе-феврале 1947 г. умерли от болезней, непосредственно связанных с ухудшением качества и количества потребляемых продуктов питания.

Имеются так же данные об умерших людях в городской местности за весь 1946 г. В городах (Саранск, Рузаевка, Ардатов, Краснослободск, Темников) и рабочих поселках республики (Саров, Выша, Ширингуши, Ковылкино) с населением 88 034 чел. умерли 1 042 чел., в том числе 590 мужчин и 452 женщины. Основными причинами смерти стали: болезни сердца — 185, туберкулез органов дыхания — 140, воспаление легких — 94, токсическая диспепсия — 80, различные виды рака — 55, брюшной тиф — 8, паратиф — 4, дизентерия — 5, прочие болезни органов пищеварения — 35, прочие острые инфекционные болезни — 20, болезни органов кровообращения — 4. От старческой дряхлости умерли только 22 чел. [10, л. 67].

Из имеющихся сведений выделить потери от голода и его последствий трудно. Официальные данные о естественном движении населения Мордовии за 1946 — 1947 гг. говорят о том, что по сравнению с 1946 г. количество умерших в 1947 г. увеличилось с 9 627 до 12 235 чел., т. е. на 2 608 чел. Можно предположить, что немалую роль в этом сыграл именно голод. По подсчетам В. Ф. Зимы, в России только с декабря 1946 г. по март 1947 г. включительно стали жертвами голода и связанных с ним болезней не менее 0,5 млн чел. [3, с. 43].

Руководство Советского Союза и, прежде всего, И. В. Сталин факт послевоенного голода не признал, что позволило пренебречь организацией необходимой продовольственной помощи населению. Руководство Мордовской АССР не спешило информировать центр о бедствии и просить помощи. Сообщали в Москву только тогда, когда массовое голодание населения уже нельзя было скрыть. На переписку и согласование во многих инстанциях уходило не меньше месяца, тем самым упускалось драгоценное время, стоившее жизни тысячам людей. Из государственного резерва обычно выделялось намного меньше того, что испрашивалось или отпускались другие продукты вместо запрашиваемых (например, вместо крупы — соевый жмых, вместо мяса и рыбы — овощи, а вместо молока — обезжиренная кисломолочная смесь). Иногда предлагалось обойтись за счет экономии собственных средств и подсобных хозяйств.

Государство от колхозов и совхозов получало продовольствие почти бесплатно, а помощь голодающим выделялась в виде ссуды с процентами. Кроме продовольственной ссуды помощь выдавалась и в порядке продаж. Твердо соблюдалось правило: весной получи, осенью отдай с процентами. Все постановления и распоряжения об оказании помощи заканчивались требованием возместить резервы в кратчайший срок. Это вынуждало Министерство заготовок идти на крайние меры и применять всевозможные ухищрения при выдаче ссуд, вывозить зерно из одних голодных районов в другие [Там же, с. 44].

Хороший урожай, собранный в Западной Сибири, Казахстане, Алтайском крае и в других краях и областях спас положение с организацией посевных кампаний в таких республиках, как Мордовия. В 1947 г. колхозам МАССР было отпущено семян зерновых культур 26 700 т, картофеля — 1 300 т, конопли — 245 т, подсолнечника и льна — 113 т, семян многолетних трав — 296 ц [1, с. 61].

На местах не смогли по-хозяйски распорядиться полученной помощью. Распределение производилось медленно и бесконтрольно, продовольственная ссуда, предназначенная для спасения голодающих и на посев, использовалась для выполнения плана обязательных поставок зерна.

Таким образом, голод второй половины 1940-х гг. в деревнях Мордовии, как и в России, стал следствием политики правительства, переложившего основные проблемы послевоенного кризиса на плечи обнищавшего за годы войны крестьянства. Не признав факт послевоенного голода, как и голода 1932 — 1933 гг., руководство СССР фактически сознательно не препятствовало его широкому распространению. Очевидно, что голод был использован и в качестве меры усмирения и устрашения ждавших перемен крестьян. В условиях нарастающей конфронтации с бывшими союзниками приоритетом экономической политики государства являлось восстановление (прежде всего за счет выкачивания ресурсов из деревни) военно-промышленного потенциала, помощь в укреплении дружественных режимов не только в Восточной Европе, но и в других регионах мира. Интересы же собственного многомиллионного крестьянства оставались при этом на одном из последних мест.

Литература и источники

1. Агеев М. В. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Мордовской АССР / М. В. Агеев. Саранск, 1979.
2. Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное / В. Б. Жиромская. М., 2001.

3. Зима В. Ф. Голод в России 1946 — 1947 гг. / В. Ф. Зима // Отечеств. история. 1993. № 1. С. 36 — 37.
4. Краткая медицинская энциклопедия. М., 1972. Т. 1. С. 36.
5. Мордовия. 1941 — 1945 : сб. док. Саранск, 1995.
6. ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 1190.
7. ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 3. Д. 130, 136 — 138, 159.
8. ЦГА РМ. Ф. 269. Оп. 4. Д. 189.
9. ЦГА РМ. Ф. Р-435. Оп. 1. Д. 383.
10. ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 4. Д. 1272.
11. ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1271.

Поступила 15.09.2009 г.

УДК 947.084.8(470.345)

В. А. Юрчѐнков
V. A. Yurchenkov

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПОСЛЕВОЕННОЙ МОРДОВИИ (1945 — 1953 гг.) В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

PROBLEMS OF POST-WAR HISTORY OF MORDOVIA (1945 — 1953) IN REGIONAL HISTORIOGRAPHY

Ключевые слова: региональная историография, послевоенные годы, историографическая ситуация, концептуальное осмысление, оценочные суждения.

Статья посвящена историографическому осмыслению истории Мордовии в годы после Великой Отечественной войны (1945 — 1953 гг.). В ней содержится анализ работ по данной тематике, вышедших в республике с 1950-х гг. до сегодняшнего дня. Осмыслены как оценочные суждения концептуального характера, так и исследования фактологического плана.

Key words: regional historiography, post-war years, historiographical situation, conceptual comprehension, evaluation judgments.

The article is devoted to historiographical comprehension of Mordovia history during the period after the Great Patriotic War (1945 — 1953). The analysis of papers on this subject-matter, issued in the republic from 1950s to our time is made in it. Both evaluation judgments of conceptual nature and studies of facts are comprehended in it.

Последствия Великой Отечественной войны, ее социально-политические и социально-экономические итоги многоплановы. С наибольшей полнотой они проявились в послевоенные годы (особенно в первые два-три года после 1945 г.), представлявшие собой один из ключевых этапов советской истории. К сожалению, изучение этого периода на региональном уровне оставляет желать лучшего, что уже отмечалось в историографии [66]. Тем не менее литература, отражающая развитие Мордовии в 1945 — 1953 гг. (имеется в виду и ее анализ), неизбежно ставит проблему периодизации.

Попытки выделить определенные вехи в развитии историографии, предпринимавшиеся в 1970 — 1980-е гг. [13, с. 253; 38, с. 99 — 104; 59], в современных условиях выглядят неубедительно. В связи с этим в развитии региональной историографии послевоенного периода истории Мордовии целесообразно обозначить два этапа: советский — со второй половины 1950-х гг. до 1991 г. и постсоветский — с 1991 г. по настоящее время.

Историю Мордовии послевоенного периода начали изучать в рамках советской историографии, рассматривавшей новейшую историю страны и ее регионов как закономерный, объективно обусловленный процесс перехода от отжившей капиталистической формации к коммунистической. Поскольку в связи с этим вставала проблема определения места и роли того или иного этапа истории в ходе поступательного развития, есть смысл проанализировать оценочные суждения, существовавшие в советской региональной историографии применительно к периоду 1945 — 1953 гг. При этом необходимо учитывать, что в исторической науке безраздельно господствовала марксистско-ленинская методология, основанная на принципах партийности и классового подхода, а оценки событий были довольно идеологизированы и формировались в центре. В этом смысле региональная историография выступала как своеобразный отклик на ситуацию в Москве и Ленинграде, хотя и здесь существовали свои нюансы и специфика.

Формирование первой в регионе оценочной парадигмы послевоенного времени связано с работой ученых Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР над двухтомными «Очерками истории Мордовской АССР», которая осуществлялась во второй половине 1950-х гг. Авторы соответствующей главы (Н. Я. Швечков, И. М. Корсаков, С. Н. Сердцев, М. В. Агеев) период 1945 — 1953 гг. оценивали как время борьбы за восстановление и развитие народного хозяйства [49, с. 360]. В соответствии с историографической ситуацией тех лет они писали: «После окончания Великой Отечественной войны советский народ под руководством партии и правительства сосредоточил свое внимание на скорейшем восстановлении и дальнейшем развитии народного хозяйства, на завершении строительства социализма и постепенном переходе к коммунизму» [Там же]. Начало этапа регионального развития авторы характеризовали как «период широкого развертывания работ по восстановлению народного хозяйства» [Там же].

Изменение историографической ситуации привело к корректировке оценочных суждений относительно периода 1945 — 1953 гг., что отразилось в «Очерках истории Мордовской организации КПСС» (1967). Авторы главы (И. М. Корсаков, В. П. Ежова и Г. Я. Меркушкин) данный этап истории региона охарактеризовали как «период восстановления народного хозяйства и дальнейшего развития социалистического общества» [50, с. 343]. Уточняя определение, они писали о времени «ликвидации тяжелых последствий войны, восстановления и развития социалистического народного хозяйства» [Там же, с. 345].

Дальнейшие идеологические трансформации отразило учебное пособие «История Мордовской АССР» (1976, авторы главы — И. Е. Авгайкин и К. А. Горькина), в котором, наряду с уже принятой формулировкой-характеристикой интересующего нас периода, содержалось уточнение решаемых задач: «После победоносного завершения Великой Отечественной войны трудящиеся Мордовии со всем советским наро-

дом вернулись к мирному созидательному труду, к решению исторической задачи — строительству развитого социалистического общества» [19, с. 176].

В 1979 г. вышло новое издание «Очерков истории Мордовской организации КПСС». Авторы главы о послевоенном времени (В. С. Ивашкин, А. Ф. Святкин) попытались суммировать оценочные формулировки своих предшественников: «После победоносного завершения Великой Отечественной войны братские народы Советского Союза под руководством Коммунистической партии вновь приступили к мирному строительству, к созданию развитого социалистического общества и постепенному переходу к коммунизму. Это было тяжелое, трудное и героическое время...» [51, с. 458].

В 1981 г. был опубликован второй том «Истории Мордовской АССР», подготовленный коллективом Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. В условиях фактического краха положений Программы КПСС о построении коммунистического общества к 1980 г., оценки прошлого пришлось менять и возвращаться к смягченным формулировкам. Так, И. Е. Автайкин, написавший параграф о послевоенных годах, отмечал: «Трудящиеся Мордовии в семье советских народов после победоносного завершения Великой Отечественной войны вернулись к мирному созидательному труду. Они приступили к решению исторической задачи — упрочению социализма, строительству развитого социалистического общества. На этом пути были невероятно большие трудности» [20, с. 259].

В условиях советской историографической традиции в середине 1980-х гг. в НИИЯЛИЭ была подготовлена и издана двухтомная коллективная монография «История советского крестьянства Мордовии», в которой наметился отход от традиционных оценок послевоенного развития региона. Впервые в региональной историографии было заявлено, что это было «трудное и сложное время кардинальных изменений и крутых поворотов, движения вперед и противоречивых процессов в динамике общественно-политической и экономической жизни советского общества» [21, с. 69]. Была изменена и оценка степени зрелости социализма — авторы (Л. Г. Филатов и А. П. Лебедев) отмечали: «Победоносное окончание Великой Отечественной войны против фашистской Германии и ее союзников позволило партии и советскому народу вновь приступить к мирному созидательному труду и дальнейшему развитию социалистического общества» [Там же].

Таким образом, с конца 1950-х гг. до второй половины 1980-х гг. в соответствии с изменениями в официальной идеологии менялись и оценочные суждения по поводу послевоенного периода в региональной историографии. При этом не учитывались реальные исторические процессы, прослеживался отход от анализа фактологического материала. Существовавшая историографическая ситуация подразумевала однозначную политическую ангажированность исследователей, вынужденных в зависимости от идеологической конъюнктуры писать то о «завершении строительства социализма и постепенном переходе к коммунизму», то об «упрочении социализма, строительстве развитого социалистического общества», то о «дальнейшем развитии социалистического общества».

В рамках советского этапа развития региональной историографии возникли некоторые разногласия относительно хронологических рамок послевоенного периода истории Мордовии. Стоит отметить, что они существуют и до настоящего времени.

Так, авторы «Очерков истории Мордовской АССР» датировали послевоенный период с 1945 по 1953 гг. [49, с. 360]; в первом издании «Очерков истории Мордовской организации КПСС» хронологические рамки раздвинуты до 1955 г. [50, с. 343]; в учебном пособии «История Мордовской АССР» авторы наоборот сократили послевоенный период, сведя его к четвертой пятилетке — 1945 — 1950 гг. [19, с. 176]; во втором издании «Очерков истории Мордовской организации КПСС» послевоенный этап развития республики датирован 1945 — 1952 гг. [51, с. 419]; академическая двухтомная «История Мордовской АССР» пошла далее по размыванию границ послевоенного времени, объединив в период послевоенного строительства социалистического общества и создания развитого социализма вторую половину 1940-х — 1950-е гг. [20, с. 259]. Аналогичную позицию заняли и авторы «Истории советского крестьянства Мордовии» [21, с. 69].

Подобный подход к хронологии свидетельствует об отсутствии критериев периодизации, обусловленное размытостью оценочных характеристик, их идеологической заданностью.

Заслугой советской историографии в истории Мордовии в послевоенный период явилось формирование приоритетной проблематики. Несмотря на ее опосредованность идеологическими установками, следует отметить начало исследовательской разработки целого ряда научно значимых тем. Среди них — вопросы развития сельскохозяйственного производства в послевоенные годы. Их разработка вполне логична, поскольку послевоенная Мордовия представляла собой аграрный регион. Несомненный вклад в исследование данной проблематики внес М. В. Агеев [4, 5], рассмотревший развитие сельскохозяйственного производства в колхозах республики в 1946 — 1950 гг. Он констатировал восстановление и расширение посевных площадей в колхозах края, отметил укрепление материально-технической базы аграрного производства, проанализировал план преобразования природы и его значение для развития сельского хозяйства. Наибольший интерес в его работах вызывает исследование проблем нарушения примерного Устава сельскохозяйственной артели в Мордовии, которое было предпринято впервые. Причем многие из нарушений ученый связывал с раздутым штатом административно-управленческого аппарата, который «съедал», по его подсчетам, до 25 % всех трудодней в колхозах республики [4, с. 272].

В 1968 г. в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова была защищена первая кандидатская диссертация, в которой рассматривались проблемы истории Мордовии в послевоенные годы. Ее автором был С. Д. Лапшин [29], проанализировавший деятельность Мордовской областной организации КПСС по подбору, расстановке и воспитанию кадров в сельских районах республики в годы послевоенных пятилеток. При всей идеологической ангажированности работы, она содержит богатый фактологический материал, впервые вводимый в научный оборот.

Исследование общественно-политической жизни Мордовии в послевоенные годы сводилось к работам по истории Мордовской областной организации КПСС (Н. Ф. Жестков, Г. Я. Меркушкин, И. М. Корсаков, Л. Г. Филатов) [12, 37, 60, 61], Советов как органов региональной государственной власти (О. Н. Агапова) [2, 3], комсомола (Т. В. Попков) [54]. Отдельным аспектом данной проблематики стало осмысление В. Ф. Бычковым истории милиции Мордовии [8]. Он отметил рост пре-

ступности в республике в послевоенные годы, причем пик роста, по его мнению, падал на 1947 г. [Там же, с. 121].

Проблемы социального облика Мордовии в послевоенные годы затрагивались в обобщающих работах Н. Е. Адушкина [6, 7], который рассмотрел тенденции развития рабочего класса и интеллигенции за годы советской власти. Касаясь послевоенного времени, он отметил наличие промышленного прогресса в республике, вызвавшего изменения в составе рабочего класса и интеллигенции. По мнению автора, появились новые, нехарактерные для региона социальные группы.

Характеризуя советскую историографию истории Мордовии в послевоенный период, необходимо отметить слабую разработанность данной тематики, отсутствие монографических исследований, встроенность проблематики в обобщающие работы.

Постсоветская историография была призвана ликвидировать пробелы в изучении истории России в послевоенные годы. В рамках страны это частично удалось сделать в монографических исследованиях А. А. Данилова, А. В. Пыжикова, В. Ф. Зимы, Е. Ю. Зубковой, Р. Г. Пихои, В. Н. Попова, Н. В. Романовского [10, 15, 16, 17, 53, 55, 57]. Появились первые серьезные исследования по регионам страны (Е. В. Австрийсков, В. А. Гижов, Д. В. Милохин, А. Ф. Сметанин, А. В. Пеньков) [1, 9, 39, 52]. Для развития историографии в Мордовии характерны аналогичные тенденции: появление первых монографических исследований послевоенного периода, разработка отдельных аспектов тематики на уровне научных статей, защиты первых диссертационных работ.

С претензией нового концептуального осмысления истории Мордовии в постсоветской региональной историографии выступили авторы учебника для вузов республики под редакцией члена-корреспондента РАН Н. М. Арсентьева «История и культура мордовского края» [18]. Уровень попытки представил главный редактор книги, написавший: «Книга, которую вы держите в руках, познакомит вас с современной интерпретацией истории и культуры мордовского края» [Там же, с. 3]. Однако анализ учебника порождает целый ряд вопросов как по методологии, так и по фактологической составляющей. Во-первых, книга, имеющая подзаголовок «учебник для вузов», полностью текстуально повторяет учебники для 7 — 9-х классов средней школы. Возникают вопросы о том, для кого она написана: для подростков 11 — 13 лет, или все же для студентов? Имеют ли авторы представление о методике преподавания в школе и в вузе? Можно ли в школьных учебниках, выдаваемых за учебник для вузов, решить академическую проблему новой современной интерпретации региональной истории? Во-вторых, стоит отметить многочисленные неточности и фактические ошибки, содержащиеся в книге. В ряде случаев возникает ощущение, что авторы просто не знают реалий региональной историографии и истории. Стоит привести типичный пример. Так, Н. М. Арсентьев пишет о том, что в 1931 г. в Саранске была издана работа одного из организаторов мордовской автономии Т. В. Васильева «Мордва», в которой «содержался подробный анализ социально-экономического развития мордовского края с начала XX в. до 1930-х гг.» [Там же, с. 6]. На самом деле монография Т. В. Васильева была издана в Москве, называлась она «Мордовия» и содержала достаточно подробный для того времени очерк по истории мордовского края с древнейших времен до XX в., характеристику хозяйственного и культурного строительства на рубеже 1920 — 1930-х гг., анализ структурирования местных органов

власти в лице Советов. Кстати говоря, Н. М. Арсентьев имел возможность ознакомиться с книгой Т. В. Васильева, так как в 2007 г. в соответствии с решением ученого совета НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия она была переиздана в связи со 110-летием автора. Многочисленные неточности содержит и библиография учебника. Так, по инициативе ее составителей в региональной историографии появился некто В. А. Федот — автор монографии «Мифы и реальность. Критика немарксистских концепций истории мордовского народа» (Саранск, 1987). Между тем ее настоящие авторы достаточно широко известны — это профессора Л. Г. Филатов и В. А. Юрченков. Не углубляясь в детали, стоит констатировать, что попытка создать современную интерпретацию истории и культуры мордовского края под руководством Н. М. Арсентьева оказалась несостоятельной.

Отсутствие обобщений истории Мордовии XX в. компенсировались разработкой частных проблем. Начало постсоветского этапа изучения послевоенного периода в истории Мордовии связано с творчеством В. Д. Шнякина, который исследовал развитие сельского хозяйства Мордовии в середине 1940-х гг. — конце 1950-х гг. [62 — 64]. Обосновывая необходимость изучения данной тематики в новых условиях, он писал: «Для более обстоятельного выявления механизма экономического роста СССР в послевоенное время необходима тщательная проработка проблем развития сельского хозяйства, его обеспеченности материально-техническими и трудовыми ресурсами, что в конечном итоге должно показать экономический потенциал и эффективность производства аграрного сектора. Требуют глубокой проработки процессы технического прогресса, эволюции системы планирования и организации хозяйственно-экономической деятельности, форм экономических взаимоотношений между центром и его отдельными регионами, городом и селом, трансформации методов мобилизации рабочей силы, развития системы подготовки квалифицированных кадров для сельского хозяйства и др., которые, хотя и имели весьма ограниченный и противоречивый характер, в то же время определяли конкретные формы и направления развития аграрной сферы» [64, с. 3]. Формулировка данных направлений исследования свидетельствовала о стремлении ученого сохранить преемственность между изысканиями советской историографии и наметившимися новыми темами.

В. Д. Шнякин поставил перед собой ряд задач, которые говорят о переходном характере его исследований. Основной целью его работы на основе критико-аналитического подхода, а также «в свете новых требований к исторической науке» стал анализ проблемы развития аграрного сектора Мордовии, показ основных форм, направления и последствий механизма взаимоотношений между городом и селом, их значения для сельского хозяйства и всей экономики республики в целом [Там же, с. 13]. Он попытался дать общую оценку и выявить технологический и социально-экономический аспекты процессов индустриализации сельского хозяйства. Впервые в региональной историографии В. Д. Шнякин сделал попытку раскрыть прагматический смысл идеологической доктрины экономического и политического сотрудничества рабочих и крестьян, показать значения и последствия трудовых инициатив городского населения в сельскохозяйственном производстве и оценить их эффективность. Он выявил причины неэквивалентного обмена между республикой и центром на общегосударственном уровне, городом и селом — в региональном масштабе. Исследователь осветил роль и место МТС в экономике колхозов и

жизни крестьян республики, указав, что установившиеся отношения между МТС, колхозами и государством характеризовались в послевоенный период определенной натурализацией, слабым развитием хозрасчетных отношений. Он писал: «По существу, производился курс на прямой продуктообмен между рабочим классом и крестьянством, где МТС выступали как средство покрытия через натуроплату дефицита в сельскохозяйственных продуктах» [Там же, с. 16]. Им были выделены основные параметры развития системы МТС в Мордовии: оснащенность техникой, качество ремонтного обслуживания, электрификация, обеспеченность специалистами, руководящими работниками и механизаторскими кадрами, производственные показатели, система взаиморасчетов с колхозами и совхозами за произведенные работы и др. [Там же].

В. Д. Шнякин дал характеристику кадровой политике государства на селе, ее экономической, социально-политической и идеологической обусловленности. Он показал, что укрепление сельского хозяйства кадрами руководителей, специалистов и механизаторов осуществлялось по государственной линии, через подготовку их в сельскохозяйственных учебных заведениях и путем непосредственного направления представителей рабочих в деревню. В то же время исследователь констатировал и недостатки в кадровой политике. Основной ошибкой он считал ориентацию на количественный рост кадрового потенциала, не обеспечивавшей достаточной квалифицированной подготовки кадров [Там же, с. 18].

По мнению В. Д. Шнякина, ситуация, сложившаяся в деревне в послевоенные годы, настоятельно требовала проведения реорганизационных мероприятий, среди которых основными являлись укрепление материально-технической базы и наращивание мощности сельскохозяйственного машиностроения и тракторостроения. Он считает, что в начале 1950-х гг. машиностроение вышло на рубеж, когда стало возможным массовое и крупносерийное производство разнообразной техники. «Однако в это же время был несколько приостановлен рост поставок сельскохозяйственной техники селу и в целом ухудшилось состояние сельского хозяйства. Изменения в аграрной политике наметились лишь после смерти И. В. Сталина» [Там же, с. 15].

Исследование В. Д. Шнякина носит характер переходной работы, написанной в условиях постепенного отхода от догматики советской историографии. Поэтому в ней наряду с новым критическим осмыслением фактологического материала содержатся штампы по поводу «руководящей роли рабочего класса», «шефства над крестьянством» и т. п.

Развитие постсоветского этапа в региональной историографии послевоенного периода связано с исследованиями В. А. Ломшина, который поставил и попытался решить проблему взаимодействия крестьянства и власти в период с 1945 по 1953 г. [31 — 33, 35]. Сама постановка вопроса свидетельствовала о принципиально новом подходе, исследователь попытался соединить явления общественно-политической жизни республики, социальную историю и социально-экономические процессы. Стоит отметить, что это ему удалось.

В. А. Ломшин считает, что послевоенное положение крестьянства Мордовии было сложным и противоречивым как в экономическом, так и в социальном плане. Оно испытывало воздействие множества разноплановых факторов, центральным из которых являлись взаимоотношения крестьянства и власти [32, с. 13]. Впервые в региональной историографии В. А. Ломшин рассмотрел реалии голода в деревне

Мордовии 1946 — 1948 гг., дал достаточно жесткую оценку ситуации: «Голод 1946 — 1948 гг. в Мордовии во многом был искусственно вызван политикой правительства, свалившего проблемы послевоенного кризиса на плечи обнищавшего крестьянства. Цель состояла в том, чтобы усмирить голодом народ, ждавший перемены к лучшему и таким образом уйти от решения проблемы дефицита продовольствия, списав все потери на засуху» [Там же, с. 18]. В духе либеральной историографии он пишет: «В годы Великой Отечественной войны в силу объективных причин положение мордовского крестьянства ухудшилось, и его жизнь была на очень низком уровне. Однако в последующий период оно не только было далеко от зажиточности, но, напротив, было фактически поставлено на грань биологической выживаемости» [Там же, с. 15]. Подчеркивая ответственность центра за голод 1946 — 1948 гг., исследователь порой впадал в противоречие, отмечая его неинформированность из-за сокрытия фактов местным руководством: «Руководство Мордовии не спешило информировать центр о бедствии и просить о помощи. Сообщали в Москву тогда, когда массовое голодание уже нельзя было скрыть» [Там же, с. 18].

Весьма негативно оценивает В. А. Ломшин аграрную политику государства и региональной власти. Он считает, что она «ущемляла интересы колхозного крестьянства, особенно до 1953 г.» [Там же]. По его мнению, крестьянство подвергалось самой жестокой эксплуатации со стороны государства через систему колхозного производства, в котором участие крестьян было основано на принуждении. Автор утверждает, что «кроме экономического гнета крестьянство испытывало и социальный: было лишено некоторых прав, касающихся личной свободы (на добровольный выход из колхоза, на свободное передвижение, на легальный выбор места работы); не имело паспортов общегражданского образца, что юридически превращало их в людей „второго сорта“; не имело социальных гарантий, которые были у рабочих и служащих» [Там же, с. 18 — 19]. Он делает вывод о том, что «множество ограничений со стороны властей привели к тому, что оно начало утрачивать свои важнейшие черты — трудолюбие, хозяйственность, предприимчивость» [Там же, с. 26].

В. А. Ломшин первым в региональной историографии обратился к анализу социального протеста крестьянства Мордовии в послевоенные годы. Он выделил два направления протеста: в социально-экономической жизни и в сфере общественно-политических отношений. По его мнению, наиболее массовой формой крестьянского протеста был уход из колхоза, при характеристике которого исследователь, вслед за рядом авторов, употребляет термин «исход». Другой наиболее доступной и массовой формой противодействия власти был экономический саботаж. По подсчетам исследователя, на поле выходило 45 — 50 % колхозников, в большинстве колхозов республики минимум трудодней не вырабатывался [Там же, с. 19]. Среди форм протеста автор выделил и «хищение и растаскивание колхозного имущества». Общий вывод сводился к утверждению: «Крестьянство Мордовии выражало протест против тяжелых условий существования в разнообразных формах: от невинных шуток в адрес местного начальства до нанесения прямого экономического ущерба в колхозах. На характере методов протеста сказывался относительно невысокий уровень политического и правового сознания крестьян. Всю вину за плохую жизнь они перекладывали на местную власть, в центральной власти видели свою опору и защиту» [Там же, с. 19 — 20].

Впервые в региональной историографии В. А. Ломшин обратился к теме «второго раскулачивания» 1948 г., в ходе которого в первую очередь пострадали те крестьяне и их семьи, которые выражали недовольство творившимися в колхозах беспорядком и произволом. По его подсчетам, к сентябрю 1948 г. из Мордовии на спецпоселение было отправлено 473 чел., вместе с которыми выехало 163 члена их семей (общее количество — 636 чел.) [Там же, с. 25].

Исследование В. А. Ломшина кардинально изменило оценку послевоенного развития Мордовии, заставило по иному взглянуть на советскую историографию, в чем-то отказаться от ее положений. Оно оказало существенное воздействие на региональную историографию. Его выводы и положения оказались созвучны идеям, разрабатываемым на примере Мордовии 1930-х гг., что привело к формированию творческого тандема В. А. Ломшина и Т. Д. Надькина. Их сотрудничество привело к написанию монографии о послевоенной деревне Мордовии, учебного пособия о крестьянстве республики в 1940-х — начале 1950-х гг. и ряда статей [30, 34, 36, 43].

Совместные работы В. А. Ломшина и Т. Д. Надькина о послевоенной деревне явились серьезным вкладом в разработку проблем послевоенного развития Мордовии. В них впервые в развернутом виде представлены достижения современной историографии по данной тематике. Причем стоит отметить, что многие оценки перестали носить характер публицистичности, стали более взвешенными, окончательно оформилась концепция. Исследователи утверждают: «Ухудшение отношений с западными странами и начало „холодной войны“ привели к тому, что приоритетами экономической политики государства стало восстановление, прежде всего, за счет выкачивания ресурсов из деревни, военно-промышленного потенциала, помощь в укреплении дружественных режимов не только в Восточной Европе, но и в других регионах мира. Интересы же собственного многомиллионного крестьянства по-прежнему оставались на одном из последних мест» [30, с. 82].

В. А. Ломшин и Т. Д. Надькин считают, что в результате проводимой в 1945 — 1953 гг. аграрной политики сельское хозяйство республики не смогло преодолеть кризиса производства. Причем, по их мнению, власть связывала проявления кризиса (невыполнение планов по расширению посевных площадей, спад трудовой активности, низкая урожайность и т. п.) с позицией колхозников и единоличников, пытаясь выйти из ситуации путем «чистки» колхозов, сельских советов, «второго раскулачивания» 1948 г. Крестьянство, как считают исследователи, пыталось сопротивляться неоправданно высокому изъятию ресурсов из деревни, «сигнализировать», что «рост насилия со стороны представителей советско-партийных органов и руководства колхозов и совхозов, стремящихся любой ценой выполнить установки центра, ведет к деградации сельского хозяйства и гибели сотен и тысяч сельских жителей» [Там же, с. 83]. Ответственность за сложную ситуацию в деревне Мордовии в послевоенные годы они возлагают на центр: «Необходимо отметить, что без указаний центральных органов, требовавших неукоснительно выполнять различные государственные задания, такого размаха насилия в деревне не было бы» [Там же].

Следствием аграрной политики, проводимой в духе эпохи военного коммунизма и коллективизации, В. А. Ломшин и Т. Д. Надькин называют голод 1946 — 1947 гг. По их мнению, «для колхозников, практически ничего не получавших за свой тяжелый труд, единственной надеждой на спасение оставалось личное подсобное хозяйство» [43]. Однако с 1946 г. приусадебные участки колхозников стали обрезать и облагать

непомерными налогами, что привело, как показывают исследователи, к сокращению личного подсобного хозяйства.

Совместные с В. А. Ломшиным изыскания позволили Т. Д. Надькину внести серьезные дополнения в диссертационную работу по аграрной политике советского государства в Мордовии в конце 1920-х — начале 1950-х гг., отдельные разделы которой посвящены послевоенному периоду [42]. При анализе проблемы Т. Д. Надькин использовал теорию модернизации, что привело к некоторому смягчению оценок. Его общий вывод сводился к утверждению того, что «предпринятые в послевоенные годы усилия по укреплению партийно-политического влияния в деревне, усиление экономического и внеэкономического нажима на колхозы и колхозников не привели к восстановлению в полном объеме предвоенного уровня ее развития и улучшению материального положения сельского населения» [Там же, с. 9]. Исследователь пишет: «Послевоенный период свидетельствует о том, что основные проблемы сельского хозяйства решались с огромным напряжением. Деревня срочно нуждалась в кардинальном реформировании колхозной системы, уходе от командно-административных методов управления аграрным производством, однако власть до 1953 г. шла по пути, апробированному еще в довоенный период» [Там же, с. 37].

Т. Д. Надькиным были внесены уточнения в цифровые данные по «второму раскулачиванию». По его подсчетам, к октябрю 1948 г. были осуждены к выселению 602 чел., утверждено приговоров райисполкомами — 529, отправлены в места расселения — 651 чел. (в том числе 166 членов семей «указников»), предупреждены о возможной высылке — 644 [Там же, с. 37 — 38]. Он приводит факты репрессирования участников войны, награжденных орденами и медалями, инвалидов третьей группы, работавших в колхозе, и т. п. При характеристике репрессивной политики в деревне автор делает вывод о том, что к началу 1950-х гг. власти старались больше принимать решений о предупреждении «тунеядцев», чем об их выселении или даже отменяли свои прежние постановления о выселении.

При анализе социального протеста Т. Д. Надькин отмечает, что ужесточение политики в отношении деревни после победы вызывало отрицательную реакцию. Вместе с этим, при сохранении в основном пассивных форм протеста, в послевоенной деревне Мордовии имели место и радикальные настроения, выразившиеся в умышленном уничтожении колхозного и государственного имущества, в покушениях на жизнь представителей власти. В целом же, считает исследователь, «правовое бессилие крестьян, униженное социальное положение, фактическая отчужденность их от политического процесса вели к росту общественной апатии» [Там же, с. 41].

Исследования В. А. Ломшина и Т. Д. Надькина существенно изменили историографическую ситуацию. Посвященные положению в послевоенной деревне, они затрагивали не только социально-экономические проблемы, но и общественно-политические, социокультурные вопросы, т. е. исследователи вышли за рамки заявленной темы и создали базу для принципиально новых оценочных суждений. Параллельно с их работами увидели свет исследования весьма специфических вопросов. Так, В. А. Юрченков обратился к анализу общественного восприятия смерти И. В. Сталина в Мордовии [67, 68]. Он попытался сопоставить реакцию на события марта 1953 г. представителей власти и народа, выделив общее и отличное. Исследователь считает, что жители республики по-своему отреагировали на трансформации

во властных структурах, по-своему отреагировала и власть, причем их реакция порой была диаметрально противоположной. А. А. Селиванов попытался проанализировать «второе раскулачивание» 1948 г. в Мордовии [58, с. 253 — 259], сделав акцент на репрессивной политике властных структур региона. При этом в его характеристике она вполне вписывалась в общие процессы в стране и являлась в какой-то мере их отражением. Т. Ю. Задкова обобщила материал о нарушениях прав колхозников в 1950-е гг., продолжив разработку вопроса о нарушении устава сельхозартели, принятую еще М. В. Агеевым [14, с. 103 — 109]. Она сделала вывод о многочисленности случаев нарушения устава сельхозартели и их связи с экономическим состоянием колхозов.

Особо следует отметить коллективную монографию «От ВЧК до ФСБ...» (авторы — Н. М. Арсентьев, В. А. Юрченков, А. В. Яровой), посвященную истории органов государственной безопасности в Мордовии [48]. Автор главы о послевоенном десятилетии Н. М. Арсентьев попытался определить место и роль органов в репрессивной политике тех лет. Он выделил три основных направления работы МГБ Мордовской АССР: борьба с агентурными разведками (прежде всего США и Англии); контрразведка; розыск пособников нацистов и других государственных преступников [Там же, с. 245]. В послевоенные годы органы государственной безопасности претерпели ряд организационных трансформаций, исследователь отмечает создание 4-го отдела, занимавшегося розыском государственных преступников, передачу транспортного управления милиции и т. д.

В постсоветской историографии сложилось направление, связанное с изучением системы образования в Мордовии. Проблемы школьного образования в послевоенные годы исследовались Т. И. Шукшиной [65], Л. А. Нарядкиной [45, 46], О. Н. Осяевой [47]. Особо стоит отметить работы последнего автора, поскольку в них послевоенное образование рассматривается как система. При ее анализе был сделан вывод о том, что в послевоенные годы образование «начинает осознаваться как фактор социокультурного развития региона» [Там же, с. 18]. В этих условиях, по мнению исследователя, «шло формирование, устойчивое функционирование и развитие образования как системы, установление взаимосвязи между множеством образовательных и научных учреждений, различающихся по уровню и профилю подготовки, но обладающих в совокупности такими инвариантными качествами, как гибкость, динамичность, вариативность, преемственность и целостность» [Там же, с. 19].

О. Н. Осяева уделила большое внимание переходу к всеобщему семилетнему образованию, отметив сложности на этом пути. Ею был сделан вывод о том, что «к 1955 г. задача перехода к всеобщему семилетнему и распространению среднего образования в целом была решена, что явилось существенным фактором повышения социокультурного уровня республики» [Там же]. Среди факторов, способствующих повышению качества и уровня образования в Мордовии, О. Н. Осяева выделила интенсивное укомплектование школ республики кадрами за счет функционирования системы переподготовки и повышения квалификации, расширение приема в высшие и средние педагогические учебные заведения лиц из числа молодежи мордовской и татарской национальности, укрепление материально-технического оснащения школ, улучшение качества учебно-воспитательной работы. Ее общий вывод свелся к утверждению: «В целом система образования, сложившаяся в Мордовии к середине 1950-х гг., обеспечила подъем республики на более высокую степень культурного

развития, что явилось в свою очередь фактором экономического и технического прогресса» [Там же, с. 20].

Серьезные шаги были сделаны в изучении деятельности высшей школы Мордовии в послевоенные годы, которая рассматривалась как одна из проблем в достаточно широких в хронологическом плане исследованиях Н. А. Крисановой [26 — 28]. В них послевоенные годы оценивались как новый этап в развитии высшего образования в республике — период накопления научно-кадрового потенциала. Он «характеризуется необычайной творческой активностью, поиском новых форм научно-исследовательской и учебно-педагогической деятельности, что к середине 1950-х годов существенно повысило уровень квалификации научно-педагогического состава» [26, с. 18].

Н. А. Крисанова отметила серьезные трудности в развитии высшей школы в послевоенные годы. Она привела факты недостатков в учебно-педагогическом процессе, формализма преподавателей в изложении учебного материала, отсутствия организации самостоятельной работы студентов, разрыва между учебной и воспитательной деятельностью. По ее мнению, бытовые и жилищные условия затрудняли активизацию научной деятельности преподавательского состава вуза, большинство преподавателей так и остались необеспеченными квартирами, многие из них жили на частных квартирах в крайне стесненных условиях без перспектив их улучшения. Исследовательница проанализировала процесс усиления с 1947 г. партийного контроля над преподавательским корпусом высшей школы, который сопровождался в начале 1950-х гг. новой волной увольнений по политическим мотивам [Там же, с. 19].

Особое внимание в работах Н. А. Крисановой было уделено показу процесса восстановления и развития научно-педагогического потенциала высшей школы Мордовии в послевоенные годы, которому «способствовали различные формы подготовки научно-педагогических кадров и привлечения к научно-педагогической деятельности выпускников, расширения научно-исследовательской сферы» [Там же]. Она отметила особую роль НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР и представителей профессорско-преподавательского состава, направляемых по путевке Министерства просвещения РСФСР. Говоря о последних, она написала, подчеркнув социокультурный аспект: «Нравственно-духовный потенциал, привносимый в вузовский ученый мир извне, стимулировал творческий подход в науке, воспитывал и показывал пример бескорыстного служения науке» [Там же, с. 20].

Проблемы послевоенной высшей школы частично отражены в сводной монографии «2001 факт из жизни Мордовского университета» [11]. Являясь достаточно рыхлой по композиции, книга заметно уступает по уровню обобщений исследованиям Н. А. Крисановой.

В последние годы оформился интерес к процессу становления и развития кооперативной школы Мордовии, исследованию которого посвящены работы О. Б. Кевриной (Михеевой) [22 — 25, 40, 41]. Она отметила, что после войны проблема подготовки и переподготовки кооперативных кадров стала одной из важнейших: «Низкий профессиональный и культурный уровень руководителей и специалистов не только сельских потребительских обществ, но и районного и республиканского звена тормозили развертывание активной торговли на селе, организацию производства и заготовок, раскрытие социальных функций потребительской кооперации» [25, с. 28]. Исследователь констатировала факт резкого падения уровня руководящих кадров потреб-

кооперации республики — по образовательному и профессиональному уровню они в 1946 г. уступали руководителям и специалистам Мордовского облпотребсоюза даже начала 1930-х гг. О. Б. Кевбрина показала большую роль в решении кадровой проблемы техникума советской торговли в Ардатове, который действовал в 1947 — 1951 гг., и в то же время считала, что «основными пунктами подготовки сотрудников для потребсистемы республики были кооперативные вузы и техникумы других регионов, а также заочная форма обучения работников-практиков» [Там же, с. 29].

В 2005 г. вышел двухтомный академический труд «Мордовия в период Великой Отечественной войны. 1941 — 1945 гг.», который положил начало научно-исследовательскому проекту «Мордовия. XX век». Его публикация поставила проблему изучения последствий войны, состояния регионального социума после 1945 г. В связи с этим стало закономерным решение ученого совета НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия от 14 декабря 2005 г., в соответствии с которым в рамках этого же проекта была начата работа над двухтомной монографией «Мордовия в послевоенный период. 1945 — 1953 гг.» [44, л. 37 — 38] (авторский коллектив: Е. Н. Бикейкин, А. И. Белкин, С. В. Видяйкин, Т. Ю. Задкова, О. В. Кочнев, В. А. Ломшин, Т. Д. Надькин, А. П. Солдаткин, Л. Г. Филатов и др.). В ходе ее подготовки было принято решение широко использовать в работе данные «устной истории». С этой целью был разработан «Опросник для сельских жителей Республики Мордовия (период исследования 1945 — 1955 гг.)». За его основу была взята методика, разработанная Т. Шаниным и др., которую они использовали при проведении исследования сельской России в течение 10 лет (1990 — 2000 гг.) [56]. При разработке опросника были учтены региональные особенности. Респондентами являлись люди, хорошо помнившие послевоенные события. Опросник дал возможность глазами живых свидетелей заглянуть в середину XX в., оценить те события, которые ранее трактовались исходя из идеологических соображений, а позднее — конъюнктурных. Сбор материала осуществлялся в следующих районах республики: Ардатовском, Атяшевском, Атюрьевском, Дубенском, Ельниковском, Зубово-Полянском, Кадошкинском, Ковылкинском, Рузаевском, Темниковском, Теньгушевском и Торбеевском. В опросе принимали участие аспиранты и соискатели института, студенты вузов и колледжей, учителя истории местных школ, краеведы. В результате произошло существенное расширение источниковой базы исследования послевоенного периода истории Мордовии.

Подводя итоги изучения истории Мордовии второй половины 1940-х — начала 1950-х гг., необходимо отметить, что был накоплен и введен в научный оборот большой фактический материал. Многие аспекты тематики получили частичное освещение, сложились условия для дальнейшего научного поиска и создания коллективной академической монографии.

Литература и источники

1. **Австрийсков Е. В.** снабжение населения Нижнего Поволжья продовольственными и промышленными товарами в послевоенные годы (май 1945 — март 1953) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. В. Австрийсков. Волгоград, 2008.
2. **Агапова О. Н.** Руководящая роль областной партийной организации в повышении политической и культурной деятельности Советов Мордовии в послевоенные годы (1945 — 1955 гг.) / О. Н. Агапова // Учен. зап. Горьк. пед. ин-та. Горький, 1971. Вып. 127.

3. **Агапова О. Н.** Некоторые вопросы партийного руководства Советами и совершенствование их работы в первые послевоенные годы. 1946 — 1950 гг. / О. Н. Агапова // Учен. зап. Горьк. пед. ин-та. Горький, 1970. Вып. 81.
4. **Агеев М. В.** Победа колхозного строя в Мордовской АССР / М. В. Агеев. Саранск, 1960.
5. **Агеев М. В.** Сталинский план преобразования природы и его значение для дальнейшего подъема сельского хозяйства Мордовии / М. В. Агеев // Зап. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР. Саранск, 1952. Т. 15. С. 38 — 63.
6. **Адушкин Н. Е.** Народная, национальная, социалистическая. Этапы формирования и развития ведущих отрядов интеллигенции Мордовии / Н. Е. Адушкин. Саранск, 1988.
7. **Адушкин Н. Е.** Рабочий класс Мордовии. Страницы биографии и тенденции современного развития / Н. Е. Адушкин. Саранск, 1981.
8. **Бычков В. Ф.** Закона и порядка верный щит / В. Ф. Бычков. Саранск, 1982.
9. **Гижов В. А.** Идеологические кампании 1946 — 1953 гг. в российской провинции (По материалам Саратовской и Куйбышевской областей) : дис. ... канд. ист. наук / В. А. Гижов. Саратов, 2004.
10. **Данилов А. А.** Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы / А. А. Данилов, А. В. Пыжиков. М., 2001.
11. 2001 факт из жизни Мордовского университета / сост.: Н. М. Арсентьев и др. Саранск, 2001.
12. **Жестков Н. Ф.** Деятельность Мордовской партийной организации по руководству социалистическим соревнованием в промышленности республики в годы четвертой пятилетки (1946 — 1950 гг.) / Н. Ф. Жестков // Деятельность КПСС по формированию многонационального рабочего класса: история и современность. Саранск, 1989. С. 84 — 100.
13. **Жиганов М. Ф.** Развитие исторической науки в Мордовии / М. Ф. Жиганов // В братской семье. Саранск, 1981.
14. **Задкова Т. Ю.** Нарушение прав колхозников в Мордовии в 1950-е годы / Т. Ю. Задкова // Власть и общество: XX в. : тр. / НИИГН. Саранск, 202. Т. 1 (118).
15. **Зима В. Ф.** Голод в СССР 1946 — 1947 годов: происхождение и последствия / В. Ф. Зима. М., 1996.
16. **Зубкова Е. Ю.** Общество и реформы. 1945 — 1964 / Е. Ю. Зубкова. М., 1993.
17. **Зубкова Е. Ю.** Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945 — 1953 / Е. Ю. Зубкова. М., 2000.
18. История и культура мордовского края. Саранск, 2008.
19. История Мордовской АССР. Саранск, 1976. Ч. 2.
20. История Мордовской АССР. Саранск, 1981. Т. 2.
21. История советского крестьянства Мордовии. Саранск, 1989. Ч. 2.
22. **Кевбрина О. Б.** Динамика и структура кадров специалистов МПС (1950 — 1975 гг.) / О. Б. Кевбрина // Крестьянство и власть Среднего Поволжья : материалы VII межрегион. науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Саранск, 2004. С. 451 — 463.
23. **Кевбрина О. Б.** Кооперативное образование Республики Мордовия: история и современность / О. Б. Кевбрина. Саранск, 2006.
24. **Кевбрина О. Б.** Начальное кооперативное образование в Мордовии : прошлое и настоящее / О. Б. Кевбрина. Саранск, 2006.
25. **Кевбрина О. Б.** Становление и развитие кооперативной Республики Мордовия (1925 — 2005 годы) : автореф. ... дис. д-ра ист. наук / О. Б. Кевбрина. Саранск, 2007.
26. **Крисанова Н. А.** Высшая школа Мордовии 1931 — 1956 гг. (формирование научно-педагогических кадров) : автореф. ... дис. канд. ист. наук / Н. А. Крисанова. Саранск, 1999.
27. **Крисанова Н. А.** Высшая школа Мордовии 1931 — 1956 гг. (формирование научно-педагогических кадров) / Н. А. Крисанова. Саранск, 2002.
28. **Крисанова Н. А.** Студенческие научные кружки конца 40-х — первой половины 50-х годов XX века как форма подготовки научно-педагогических кадров высшей школы Мордовии / Н. А. Крисанова // Современ. проблемы психолого-пед. наук : межвуз. сб. науч. тр. Саранск, 1998. Вып. 11. С. 28 — 30.

29. **Лапшин С. Д.** Деятельность Мордовской областной партийной организации по подбору, расстановке и воспитанию кадров сельских районов в годы послевоенных пятилеток (1946 — 1958 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. Д. Лапшин. М., 1968.
30. **Ломшин В. А.** Деревня Мордовии в послевоенные годы / В. А. Ломшин, Т. Д. Надькин. Саранск, 2006.
31. **Ломшин В. А.** Крестьянство Мордовии в послевоенный период / В. А. Ломшин // Власть и общество: XX в. : тр. / НИИГН. Саранск, 2002. Т. 1 (118). С. 98 — 102.
32. **Ломшин В. А.** Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 — середина 1950-х гг.) : автореф. ... дис. канд. ист. наук / В. А. Ломшин. Саранск, 2003.
33. **Ломшин В. А.** Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 — середина 1950-х гг.) / В. А. Ломшин. Саранск, 2008.
34. **Ломшин В. А.** Послевоенная деревня в современной российской и региональной историографии / В. А. Ломшин, Т. Д. Надькин // Регионология. 2005. № 4. С. 256 — 266.
35. **Ломшин В. А.** Послевоенный аграрный кризис: попытки его преодоления (на материалах Мордовии) / В. А. Ломшин // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Йошкар-Ола, 2004. С. 334 — 337.
36. **Ломшин В. А.** Репрессивная политика государства в деревне Мордовии в 1930-х — 1940-х годах / В. А. Ломшин, Т. Д. Надькин // Актуальные проблемы исторической науки : межвуз. сб. науч. тр. молодых ученых. Пенза : ГУМНИЦ, 2006. Вып. 3. С. 142 — 158.
37. **Меркушкин Г. Я.** Мордовская партийная организация в период послевоенного и дальнейшего развития народного хозяйства (1945 — 1953 гг.) / Г. Я. Меркушкин, И. М. Корсаков // Учен. зап. Мордов. ун-та. Саранск, 1964. Вып. 38. С. 63 — 113.
38. **Меркушкин Г. Я.** Развитие науки в Мордовии / Г. Я. Меркушкин. Саранск, 1967.
39. **Милохин Д. В.** Коми колхозная деревня в послевоенные годы. 1946 — 1958. Социально-экономические аспекты развития / Д. В. Милохин, А. Ф. Сметанин. М. : Наука, 2005.
40. **Михеева О. Б.** Динамика кадров специалистов Мордпотребсоюза в первые послевоенные годы / О. Б. Михеева, П. И. Кульков // Проблемы современного социально-экономического развития общества : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения и 50-летию творч. работы заслуж. деятеля науки России, д-ра филос. и д-ра экон. наук, проф. В. Я. Ельмеева. Саранск, 1999. С. 202 — 203.
41. **Михеева О. Б.** Становление и развитие системы профессиональной подготовки кооперативных кадров Республики Мордовия (1925 — 1975 годы) : автореф. ... дис. канд. ист. наук / О. Б. Михеева. Саранск, 2001.
42. **Надькин Т. Д.** Аграрная политика советского государства и крестьянство в конце 1920-х — начале 1950-х годов (по материалам Мордовии) / Т. Д. Надькин : автореф. ... дис. д-ра ист. наук / Т. Д. Надькин. Саранск, 2007.
43. **Надькин Т. Д.** Крестьянство Мордовии в 1940-х — начале 1950-х годов / Т. Д. Надькин, В. А. Ломшин. Саранск, 2007.
44. НА НИИГН. Оп. 1. О-893а.
45. **Нарядкина Л. А.** Мордовская национальная школа в 40 — 50-х гг. / Л. А. Нарядкина // Нация и регионы в истории и культуре России : материалы Сафаргалиев. науч. чтений. Саранск, 2003. № 6 — 7. С. 256 — 259.
46. **Нарядкина Л. А.** Осуществление всеобщего семилетнего образования в Мордовии / Л. А. Нарядкина // Мордовской автономии в составе России 75 лет : материалы респ. науч. конф. Саранск, 2005. С. 60 — 65.
47. **Осяева О. Н.** Система образования в Мордовии и ее роль в социокультурной жизни региона (1941 — 1955 гг.) : автореф. ... дис. канд. ист. наук / О. Н. Осяева. Пенза, 2007.
48. От ВЧК до ФСБ. История и современность Управления ФСБ РФ по Республике Мордовия. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2003.
49. Очерки истории Мордовской АССР (1917 — 1960 гг.). Саранск, 1961. Т. 2.
50. Очерки истории Мордовской организации КПСС. Саранск, 1967.
51. Очерки истории Мордовской организации КПСС. Саранск, 1979.

52. **Пеньков А. В.** О некоторых аспектах развития тамбовской деревни в первые послевоенные годы (1945 — 1953 гг.) / А. В. Пеньков. Тамбов, 2001.
53. **Пихоя Р. Г.** Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945 — 1985 / Р. Г. Пихоя. М., 2007.
54. **Попков Т. В.** Комсомол Мордовии за 40 лет / Т. В. Попков. Саранск, 1958.
55. **Попов В. Н.** Экономическая политика Советского государства. 1946 — 1953 / В. Н. Попов. М. ; Тамбов, 2000.
56. Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследования сельской России. М., 2002.
57. **Романовский Н. В.** Лики сталинизма. 1945 — 1953 гг. / Н. В. Романовский. М., 1995.
58. **Селиванов А. А.** Трагедия советского крестьянства: «второе раскулачивание» в 1948 году (на материалах Мордовии) / А. А. Селиванов // Исследования П. Д. Степанова и этнокультурные процессы в древности и современности. Саранск, 1999. С. 253 — 259.
59. **Соколов В. М.** Проблемы формирования и развития социалистических наций Поволжья в трудах исследователей Мордовии / В. М. Соколов // Вопр. истории и археологии Мордовской АССР. Саранск, 1976. Вып. 2.
60. **Филатов Л. Г.** Авангард, рожденный Великим Октябрем / Л. Г. Филатов. Саранск, 1979.
61. **Филатов Л. Г.** Основные этапы формирования и развития Мордовской областной партийной организации / Л. Г. Филатов // В братской семье. Саранск, 1981. С. 63 — 68.
62. **Шнякин В. Д.** Материально-техническая база и трудовые ресурсы сельского хозяйства Мордовии в 1945 — 1960 гг.: постановка и историография проблемы / В. Д. Шнякин // Российская провинция: история, культура, наука : материалы Сафаргалиев. науч. чтений. Саранск, 1998. С. 393 — 399.
63. **Шнякин В. Д.** Машинно-тракторные станции в послевоенный период / В. Д. Шнякин // Российская провинция: история, культура, наука : материалы Сафаргалиев. науч. чтений. Саранск, 1998. С. 400 — 403.
64. **Шнякин В. Д.** Развитие материально-технической базы и трудовые ресурсы сельского хозяйства Мордовии в середине 40-х — конце 50-х гг. : автореф. ... дис. канд. ист. наук / В. Д. Шнякин. Саранск, 1998.
65. **Шукшина Т. И.** Основные тенденции развития учебной литературы для мордовской школы в 40-е — 50-е гг. XX века / Т. И. Шукшина // Современные проблемы психолого-педагогических наук : межвуз. сб. науч. тр. Саранск, 1996. Вып. 7. С. 17 — 20.
66. **Юрченков В. А.** Власть и общество в XX в.: региональный аспект. Историографический обзор / В. А. Юрченков, Л. А. Коханец, Е. В. Мойсеев, И. Б. Ниманов // Власть и общество: XX в. : тр. / НИИГН. Саранск, 2002. Т. 1 (118).
67. **Юрченков В. А.** Трагедия марта 1953 года и наследие генералиссимуса / В. А. Юрченков // Странник. 2003. № 3. С. 174 — 181.
68. **Юрченков В. А.** 1953 год: реакция власти, реакция общества / В. А. Юрченков // Центр и периферия : науч.-публицист. альм. Саранск, 2003. № 1. С. 6 — 9.

Поступила 16.07.2009 г.

УДК 338.431(470.40/.43)

Е. Н. Бикейкин

E. N. Bikejkin

**РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И РЕФОРМЫ НА СЕЛЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИК СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)**

**AGRICULTURE DEVELOPMENT AND REFORMS IN THE COUNTRY
IN THE SECOND HALF OF 1960s (BASED ON MATERIALS OF THE
REPUBLICS OF THE MIDDLE VOLGA REGION)**

Ключевые слова: сельское хозяйство, Среднее Поволжье, колхоз, совхоз, аграрное производство, реформа.

Статья посвящена рассмотрению аграрного производства в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР во второй половине 1960-х гг. Особое внимание уделяется анализу позитивных и негативных результатов реформ в области сельского хозяйства.

Key words: agriculture, the Middle Volga Region, kolkhoz, state farm, agrarian production, reform.

The article is devoted to consideration of agrarian production in the Mari, Mordovian and Chuvash ASSR in the second half of 1960s. Special attention is paid to the analysis of positive and negative results of reforms in the field of agriculture.

Мощный позитивный заряд аграрных реформ, созданный решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1953 г.) и последующими законодательными актами, был в основном исчерпан к концу 1950-х гг. Здесь сказались непродуманность ряда решений и директив, медлительность по преодолению недостатков и издержек реформирования. В средневолжских республиках кризисные явления еще больше обострились на фоне того, что сельское хозяйство перестало здесь быть ведущей отраслью экономики, и республики превращались в индустриально-аграрные регионы. Восьмая пятилетка в сельском хозяйстве начиналась в сложных экономических условиях. Плановые задания на семилетку не были выполнены ни одной из рассматриваемых республик. Так, по контрольным цифрам, валовая продукция сельского хозяйства Марийской республики за 6 лет семилетки должна была возрасти на 66 %. Фактически же валовое производство по сравнению с 1958 г. снизилось на 10,4 % [15, с. 124 — 125]. В 1964 г. на IV сессии Верховного Совета Марийской АССР шестого созыва отмечалось, что в целом по республике собран крайне низкий урожай зерновых, технических, кормовых и других сельскохозяйственных культур, не выполнены планы по продаже государству зерна, льнопродукции, мяса, молока, яиц, шерсти и других продуктов [6]. Необоснованное навязывание в больших размерах посевов кукурузы и сахарной свеклы, полная ликвидация чистых паров также привели к тому, что колхозы и совхозы марийской республики стали получать низкие урожаи сельскохозяйственных культур, производство кормов резко отставало от роста

животноводства. За период 1960 — 1964 гг. продуктивность кормов снизилась с 1 698 до 1 272 кг. Вносилось большое количество удобрений под кукурузу в ущерб картофелю. В республике силой внедрялась пропашная система, почти все площади многолетних трав, дающих по 2 — 3 и даже 5 т клеверного сена с 1 га были распаханы. Все это привело к тому, что перестали получать даже средние урожаи озимой ржи — основной культуры в республике. Так, средний урожай озимой ржи не превышал 7 ц с 1 га вместо 11 ц в 1940 и 1953 гг. В целом по республике средний урожай зерновых и зернобобовых культур к 1955 — 1965 гг. составил 6,7 ц с 1 га, причем в 1963 г. зерновых было получено по 5,5 ц, а в 1964 г. — по 5,2 ц с 1 га [16, с. 127 — 134].

Чтобы выполнить задания семилетнего плана в области сельского хозяйства, Мордовия в 1965 г. в сравнении с 1961 г. должна была увеличить производство зерна почти в 1,8 раза, мяса и молока — в 1,4 раза, в том числе в колхозах и совхозах: мяса почти в 3 раза, молока — в 2,5 раза. Фактически за 1961 — 1965 гг. колхозы и совхозы должны были обеспечить среднегодовой прирост производства важнейших продуктов растениеводства в размере 15 — 20 %, мяса и молока — 20 — 25 %. Реально прирост был меньше, республика не выполнила план [1, с. 73]. Уже к 1965 г. наблюдалось заметное снижение темпов роста по целому ряду параметров. Так, по сравнению с 1964 г. вся посевная площадь в колхозах и совхозах республики уменьшилась на 9,8 тыс. га. Из зерновых культур самое большое сокращение посевной площади произошло по зернобобовым и составило 12,9 тыс. га. По сравнению с 1964 г. посевная площадь по кормовым культурам сократилась на 7 тыс. га [17, л. 142]. В результате планы посева сельскохозяйственных культур не были выполнены в полном объеме. Так, колхозы республики план посева всех культур выполнили только на 99,4 %, зерновых — 99,1, технических — 94,3, овощных — на 63,2 % [Там же, с. 146].

Некоторые колхозы и совхозы почти не продавали хлеба государству, поэтому в ходе заготовок другим хозяйствам давались дополнительные задания. В результате те хозяйства, которые получали сравнительно неплохо урожай, также оставались без кормов. Очень мало выделялось зерна и для колхозников за трудодни.

Аналогичная ситуация складывалась во многих регионах страны: не окрепшая еще экономика колхозов была подорвана кабальными условиями реорганизации МТС и другими пагубными для развития сельского хозяйства мерами [9, с. 252]. Возникла объективная потребность в проведении реформ на селе.

Попытку разработать эффективную аграрную политику предприняли в 1965 г. на мартовском Пленуме ЦК КПСС, на котором были проанализированы причины медленного развития села и намечена программа интенсификации сельского хозяйства [5, с. 508]. Решения мартовского Пленума нашли воплощение в целой системе общегосударственных мер, направленных на подъем экономики колхозов и совхозов и составляющих в совокупности очередной этап реформирования на селе. Было четко определено, что интенсификация является генеральным направлением в подъеме сельскохозяйственного производства, «столбовой дорогой развития производительных сил», раскрыто содержание трех основных составляющих этого процесса — комплексная механизация, мелиорация и химизация сельского хозяйства.

Основные принципы реформирования сельскохозяйственного производства получили конкретное воплощение в государственных планах на 1965 — 1970 гг. В их основу был положен принципиально новый подход к планированию закупок, в частности, были снижены задания по закупкам зерна с 4,0 млрд пудов до 3,4 млрд [4, с. 401]. При этом

республикам, краям и областям, районам и хозяйствам установили план на шесть лет. Так, в Мордовии к 1970 г. продажу сахарной свеклы государству предполагалось довести до 250 тыс. т, картофеля — 160 тыс., мяса — 46 тыс., молока — 180 тыс., шерсти — до 900 т, яиц — до 50 млн шт. Ежегодный план продажи государству зерна устанавливался на все пятилетие в объеме 155 тыс. т, что было на 20 тыс. т меньше, чем было продано в 1965 г. В связи с этим ставилась задача кроме плана-заказа продавать государству не менее 45 тыс. т зерна ежегодно по повышенным закупочным ценам. В среднем республика должна была давать стране 200 тыс. т хлеба ежегодно [14].

Утверждение твердых планов являлось чрезвычайно важным, так как до этого в планировании царил настоящая вакханалия: планы колхозам и совхозам в течение года могли пересматриваться несколько раз, давались дополнительные задания, которые порой оказывались больше самого плана.

Значительно повысились закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию. Так, увеличение цен на зерно составило 50 — 100 %. Цены дифференцировались в очень широких пределах: например, цена на пшеницу для колхозов РСФСР устанавливалась 86 руб., для нечерноземных областей России, к числу которых относились и рассматриваемые республики, — 130 руб. Как правило, для совхозов закупочные цены были ниже [4, с. 401]. Меры по увеличению производства зерновых создали прочную базу для развития животноводства. Планы на 1965 — 1970 гг. предполагали установление ежегодных закупок продуктов животноводства с учетом перспектив развития колхозов и совхозов, их специализации, природно-экономических и других условий, а также надбавок к действующим заготовительным ценам. На крупнорогатый скот цена увеличивалась на 20 — 55 %, свиней — 30 — 70, овец — от 10 до 100 %. При этом рост розничных цен не предусматривался [Там же]. В Мордовии, например, с 1965 по 1970 гг. предполагалось увеличить закупку мяса с 38,0 тыс. т до 46,0 тыс. т, соответственно молока — с 137,0 тыс. т до 180,0 тыс. т, яиц — с 37,0 млн шт. до 55,0 млн шт. [1, с. 79].

В животноводстве Марийской республики был взят курс на улучшение породности скота, интенсивное выращивание и откорм молодняка, специализацию ферм. В результате этого в 1970 г. в хозяйствах всех категорий поставили задачу произвести 31,6 тыс. т мяса, 209 тыс. т молока и 110 млн яиц. Большое внимание уделялось росту товарности животноводства. Так, в последнем году пятилетки намечалось закупить больше, чем в 1965 г.: молока — на 46 % и мяса — на 26 %. За годы восьмой пятилетки колхозы республики намечали вложить 56,7 млн руб. собственных средств на расширение производственной базы, приобретение сельхозтехники, инвентаря и удобрений, на строительство культурно-бытовых объектов. За это же время в сельское хозяйство республики направилось не менее 26 млн руб. государственных капиталовложений [7].

Таким образом, намечалось не только поднять экономику колхозов и совхозов, но и за счет дифференциации цен в широких диапазонах сделать занятие сельскохозяйственным производством выгодным даже в сложных природно-климатических условиях.

Своеобразным рудиментом политики первой половины 1960-х гг. явилось сокращение числа колхозов и рост совхозов в средневожских республиках. Инфраструктура сельскохозяйственного производства Марийской, Мордовской и Чувашской АССР во второй половине 1960-х гг. представлена колхозами и совхозами, изменение численности которых представлено в табл. 1.

Таблица 1

**Количество колхозов и совхозов в Мордовской, Марийской и Чувашской АССР
в 1965 — 1970 гг. (на конец года)*, ед**

Республика	1965	1967	1970
РСФСР			
колхозы	15 900	15 600	13 700
совхозы	6 300	7 100	8 600
Марийская АССР			
колхозы	192	194	139
совхозы	14	17	36
Мордовская АССР			
колхозы	354	351	320
совхозы	37	41	48
Чувашская АССР			
колхозы	333	351	321
совхозы	29	31	46

* Таблица составлена по: Народное хозяйство РСФСР в 1967 г.: стат. ежегодник. М., 1968. С. 308, 316; Народное хозяйство РСФСР в 1980 г.: стат. ежегодник. М., 1981. С. 157, 163, 181, 182, 185.

В 1970 г. количество колхозов по РСФСР снизилось и составляло в целом от уровня 1965 г. 86,1 % (уменьшение на 2 200), по Марийской АССР — 72,3 (на 53 ед.), по Мордовской АССР — 90,3 (на 34 ед.) и по Чувашии — 96,3 % (уменьшение на 12 ед.). Это снижение может быть объяснено как укрупнением, так и преобразованием части колхозов в совхозы. В свою очередь, рост числа совхозов по РСФСР в 1970 г. к уровню 1965 г. составил 136,5 % (увеличение на 2,3 тыс.), по Марийской АССР — 257,1 (на 22 ед.), по Мордовии — 129,7 (на 11 ед.) и по Чувашии — 158,6 % (увеличение на 17 ед.).

Одной из составляющих реформ на селе во второй половине 1960-х гг. стало продекларированное право колхозно-кооперативной собственности на дальнейшее развитие. В 1965 г. на мартовском пленуме ЦК КПСС было указано, что реформа еще не исчерпала своих возможностей. Отметим, что она, скорее, не имела возможности проявить их, о чем могут свидетельствовать основные показатели развития колхозов (табл. 2).

Таблица 2

**Развитие колхозов Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1965 — 1970 гг.
(приходится в среднем на один колхоз)***

Показатель	Мордовская АССР		Марийская АССР		Чувашская АССР	
	1965	1970	1965	1970	1965	1970
1	2	3	4	5	6	7
Колхозные дворы	345	348	307	311	445	419
Колхозники (наличные)	752	728	—	—	—	—
В том числе трудоспособные	508	444	418	455	572	549
Тракторы в пересчете на 15-сильные, шт.	26	41	24	39	24	34
Зерноуборочные комбайны, шт.	6,0	8,0	5,7	7,5	5,0	6,4

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
Сельскохозяйственные угодья, га	3 627	3 847	3 046	3 214	2 400	2 300
Пашня, га	2 835	2 995	2 560	2 668	2 000	1 900
Посевная площадь, га	2 492	2 675	2 122	2 432	1 900	1 800
Крупный рогатый скот, голов	542	797	496	736	473	628
В том числе коровы	210	292	207	255	189	206
Свињи, голов	348	409	376	650	603	842
Овцы и козы, голов	531	684	277	322	316	324
Неделимые фонды, тыс. руб.	531	816	627	899	556	1 140
Валовой доход, тыс. руб.	273	557	215	412	309	474

* Таблица составлена по: Народное хозяйство Мордовской АССР. 1922 — 1972 гг. : юбил. стат. сб. Саранск, 1972. С. 68; Народное хозяйство Марийской АССР в цифрах : стат. сб. Йошкар-Ола, 1976. С. 103 — 105; Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки (1976 — 1980) : стат. сб. Чебоксары, 1982. С. 68 — 70; Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. : стат. ежегодник. М., 1966. С. 320 — 321; Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. : стат. ежегодник. М., 1971. С. 270 — 271.

Приводимые данные свидетельствуют об укреплении колхозов во всех рассматриваемых республиках. Увеличились сельскохозяйственные угодья, посевные площади, повысилось число голов скота, в том числе крупного рогатого, вырос парк сельскохозяйственных машин.

Положение в совхозах во второй половине 1960-х гг. было несколько иным (табл. 3).

Таблица 3

Развитие совхозов Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1965 — 1970 гг.

(приходится в среднем на один совхоз)*

Показатель	Мордовская АССР		Марийская АССР		Чувашская АССР	
	1965	1970	1965	1970	1965	1970
Все работники	616	497	728	383	703	663
Тракторы в пересчете на 15-сильные, шт.	68	88	117	86	57	67
Зерноуборочные комбайны, шт.	13	14	28	16	11	11
Сельскохозяйственные угодья, га	7 752	6 643	9 700	6 675	5 493	5 148
Посевная площадь, га	5 330	4 555	6 821	3 761	4 117	3 287
Крупный рогатый скот, голов	1 469	1 731	2 057	1 442	1 117	1 202
В том числе коровы	585	639	921	528	441	398
Свињи, голов	1 395	1 172	1 014	942	441	396
Овцы и козы, голов	601	691	400	719	1 121	1 276
Валовая продукция сельского хозяйства в сопоставимых ценах 1973 г., тыс. руб.	1 313	1 506	1 628**	1 017**	1 279	1 509
Производственные основные фонды, тыс. руб.	1 243	1 687	1 657	1 667	1 072	1 478

* Таблица составлена по: Народное хозяйство Мордовской АССР. С. 68; Народное хозяйство Марийской АССР в цифрах. С. 108 — 109; Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки (1976 — 1980). С. 73 — 75; Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. С. 330 — 331; Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. С. 278 — 279.

** В сопоставимых ценах 1965 г.

Данные табл. 3 свидетельствуют об отрицательной динамике практически всех показателей развития совхозов к 1970 г. В первую очередь это относилось к Марийской АССР, показатели которой сократились в два раза. Например, произошло сокращение среднего количества работников в совхозах на 345 чел. (52,6 % к уровню 1965 г.); уменьшилось количество тракторов на 31 шт. (73,5 % к 1965 г.), зерноуборочных комбайнов — 12 шт. (соответственно 57,1 %). Значительно уменьшились сельскохозяйственные угодья и поголовье скота, особенно коров. Это сказалось на производстве валовой продукции совхозами республики, которое в 1970 г. сократилось на 611 тыс. руб. (60,0 %) и на состоянии производственных основных фондов, рост которых в Марийской республике был незначительным (10 тыс. руб. или 0,6 % к уровню 1965 г.). Вместе с этим следует отметить, что по остальным показателям совхозы Марийской АССР в рассматриваемый период, несмотря на значительное сокращение, опережали Мордовию и Чувашию. Однако эти две республики развивались значительно динамичнее по таким показателям, как производственные основные фонды и валовая продукция совхозов. Так, рост валовой продукции в 1970 г. в Мордовии составил 193 тыс. руб. (или 12,8 %), Чувашской АССР — 230 тыс. руб. (15,2 %); основные производственные фонды увеличились соответственно на 444 тыс. руб. (26,3 %) и 406 тыс. руб. (27,4 %).

Как правило, совхозы по сравнению с колхозами были более крупными хозяйствами, с большим количеством сельскохозяйственных угодий, с мощным машинно-тракторным парком и т. п. В тоже время следует учитывать и то, что большие объемы порождали определенные проблемы. Так, в совхозах республики существовало неблагоприятное положение с использованием машинно-тракторного парка. Например, в Мордовии в 1966 г. годовая выработка на 15-сильный трактор в колхозах составила 464 га, в совхозах — только 376 га (на 19 % ниже); соответственно одним зерновым комбайном убрано на 35 га (12 %) меньше. Во многом это было связано с тем, что на один условный трактор в совхозах приходилось 80 га пашни, а в колхозах — 100 га. На 100 га посевов колхозы имели 20,6 л. с. тракторной тяги, а колхозы — только 17,2 л. с. (на 16 % меньше) [2, с. 103]. Однако в совхозах республики более низкая выработка на машину объяснялась не только разницей в обеспеченности техникой. Действующий до введения платы за основные фонды порядок приобретения техники в совхозах недостаточно стимулировал эффективность ее использования. В ряде случаев машины приобретались без учета действительной потребности, вследствие чего они полностью не загружались работой в течение года. В среднем в 1966 г. на один условный трактор в колхозах было отработано 195 дней, а в совхозах — только 144 [Там же].

При сопоставлении сведений по колхозам и совхозам за 1965 и 1970 гг., получается следующее: как в РСФСР, так и в трех исследуемых автономиях, совхозное производство существенно отставало от колхозного, что объясняется большей численностью колхозов и более высокой производительностью труда колхозников [10, с. 320 — 321, 330 — 331; 11, с. 270 — 271, 278 — 279]. Таким образом, политика, направленная на поддержку совхозов (во многом в ущерб колхозам), в целом не принесла существенных результатов. Поэтому административное «превращение» колхозов в совхозы в массовом порядке было прекращено.

Во второй половине 1960-х гг. оформилась специализация колхозов и совхозов, как мера, направленная на интенсификацию сельскохозяйственного производства.

Специализация проводилась не только по районам республик, но и по отдельным хозяйствам. Например, в Атяшевском районе Мордовской АССР стали интенсивно развивать зерновое и мясо-молочное направления. В связи с этим произошли изменения в структуре посевных площадей: стабилизировались площади под зерновые и зернобобовые культуры, сократились посевные площади картофеля, овощных культур и конопли, увеличились посевы кормовых культур. В 1965 г. из 70 242 га всей посевной площади зерновые и зернобобовые занимали 48 775 га, конопля — 4 182, картофель — 2 152, кукуруза, однолетние и многолетние травы — около 13 000 га. В 1971 г. посевные площади под коноплю и картофель сократились почти в два раза, овощные культуры практически исчезли из севооборота многих хозяйств, площади под кормовые культуры увеличились на 4 412 га и составили 17 412 га. Наряду с такими традиционными зерновыми культурами, как яровая пшеница, озимая рожь, овес и горох с середины 1960-х гг. в хозяйствах района стала культивироваться озимая пшеница «Мионовская-808», однако из-за ее нередкого вымерзания в малоснежные и холодные зимы, площади под эту культуру в различные годы резко колебались, хотя по урожайности она занимала одно из ведущих мест. Увеличились посевные площади под ячмень: если в 1960 г. его выращивали только колхозы им. XXII съезда КПСС и «Светлый путь», то в 1970 г. этой культурой уже занимались 19 хозяйств [8, с. 294 — 295].

В Марийской АССР началось активное развитие птицеводства. Вместо сотен мелких птицеферм были созданы 25 крупных птицеводческих хозяйств, началось строительство крупнейшей в Марийской АССР Акашевской фабрики. Пригородный совхоз «Семеновский» получил молочно-овощеводческое направление в целях снабжения населения города молоком, картофелем и овощами. По инициативе бюро обкома партии был взят курс на интенсивный откорм молодняка крупного рогатого скота. Большое внимание было уделено картофелеводству. На основе указаний обкома партии земледельцы Марийской АССР весной 1964 г. отказались от квадратно-гнездовой посадки картофеля и применили рядовую с размещением 40 — 45 тыс. кустов на 1 га, в результате чего сбор клубней по сравнению с предыдущим годом более чем удвоился [13, с. 440].

Следует констатировать, что решения мартовского пленума в целом оказали положительное влияние на сельское хозяйство средневожских республик. В частности, с рассматриваемыми реформами связаны успехи в производстве продуктов сельского хозяйства (табл. 4).

Таблица 4

**Производство продуктов сельского хозяйства в Марийской,
Мордовской и Чувашской АССР в 1965 — 1970 гг. (в хозяйствах всех категорий)*, тыс. т**

АССР	1965			1970		
	Зерно	Мясо (в убойном весе)	Молоко	Зерно	Мясо (в убойном весе)	Молоко
Марийская	328	23	169	426	38	281
Мордовская	719	49	386	976	58	492
Чувашская	629	45	272	903	64	388

* Таблица составлена по: Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. : стат. ежегодник. С. 181, 182, 184.

Анализируя приведенные данные, можно сделать вывод о значительном росте производства продуктов сельского хозяйства во всех трех исследуемых республиках. Так, производство зерна в 1970 г. к уровню 1965 г. в Марийской АССР составило 129,8 % (увеличение на 98 тыс. т), в Мордовии — 135,7 (на 257 тыс.), в Чувашии — 143,5 % (увеличение на 274 тыс. т). Производство мяса в Марийской АССР составило 165,2 % (увеличение на 15 тыс. т), в МАССР — 118,3 (на 9 тыс.) и в Чувашской АССР — 142,2 % (увеличение на 19 тыс. т). По производству молока показатели в Марийской республике равнялись 166,2 % (увеличение на 112 тыс. т), в Мордовии — 127,4 (на 106 тыс.) и в Чувашии — 142,6 % (увеличение на 116 тыс. т).

Существенные достижения в области сельскохозяйственного производства показательно проиллюстрировал в интервью корреспонденту ТАСС А. В. Емельянов, работавший в то время Первым секретарем Вурнарского райкома КПСС Чувашской АССР. Характеризуя достижения района за 8-ю пятилетку, он подчеркнул: «Одним из основных итогов минувшей пятилетки в районе был резкий рост урожайности всех основных сельскохозяйственных культур. В 1966 г. колхозы и совхозы собрали зерна в среднем по 9,4 ц с га, в 1967 — 14,5, в 1968 — 17,7, в 1969 — 21,4 ц, а в 1970 — заключительном году пятилетки — 21,2 ц. Таких урожаев в масштабе района до сих пор еще не знала вурнарская земля. ... Минувшая пятилетка была для района периодом повышения всей культуры земледелия. Больше стали вурнарские колхозы вносить минеральных и органических удобрений, лучше заниматься семенным делом. ... Пятилетка оказалась удачной и для вурнарских животноводов. Производство мяса в расчете на 100 га увеличилось с 30 до 65 ц, а молока — со 138 до 248 ц. Достигнуто это, главным образом, за счет продуктивности скота. Надой на корову, например, выросли с 1 500 до 2 445 кг, яйценоскость кур — со 103 до 164 яиц на одну несушку» [12, л. 12 — 13].

Положительная тенденция наблюдалась также в сфере государственных закупок (табл. 5).

Таблица 5

Государственные закупки продуктов сельского хозяйства в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1965 — 1970 гг.,* тыс. т

АССР	1965			1970		
	Зерно	Скот и птица (в живом весе)	Молоко	Зерно	Скот и птица (в живом весе)	Молоко
Марийская	47	18	70	52	34	116
Мордовская	176	41	153	294	60	221
Чувашская	72	34	107	150	65	164

* Таблица составлена по: Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. С. 181 — 182, 184.

Как видно из табл. 5, в период между 1965 и 1970 гг. наблюдался значительный рост государственных закупок продуктов сельского хозяйства во всех трех исследуемых республиках. Однако необходимо отметить, что импульса, данного решениями мартовского пленума, хватило лишь на одну пятилетку. Уже к концу 1960-х гг. отмечалось снижение темпов производительности сельскохозяйственной продукции. Это прослеживается по посевным площадям средневолжских республик (табл. 6).

Как видно из табл. 6, количество посевной площади всех сельскохозяйственных культур в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1970 г. в сравнении с 1965 г. сильно не изменилось, а в Мордовии и Чувашии наблюдалось незначительное уменьшение. В целом это означало негативную тенденцию, позднее приобретающую более полные очертания и связанную с так называемой эпохой застоя.

Сложившуюся ситуацию в сельском хозяйстве регионов существенным образом осложняли всевозможные дополнительные задания, которыми постепенно «обрастали» твердые планы закупок. Они произвольно накладывались прежде всего на передовые хозяйства, постоянно корректировались и изменялись. Так, в 1969 г. для работников сельского хозяйства Мордовии неожиданно были установлены цифры сверхплановых закупок на 1970 г.: в колхозах и совхозах, а также у населения «должно быть закуплено сверх плана не менее: зерна — 125 тыс. т, картофеля — 50 тыс. т, мяса — 14 — 15 тыс. т, молока — 40 — 47 тыс. т, яиц — 18 млн шт.» [3, с. 16]. Аналогичные явления наблюдались и в целом по стране.

Таким образом, во второй половине 1960-х гг. были предприняты попытки выработать и осуществить эффективную аграрную политику на базе решений мартовского пленума ЦК КПСС 1965 г. В регионах реализовывалась система мер, направленная на подъем экономики колхозов и совхозов, оптимальное сочетание общегосударственных, коллективных и личных интересов в аграрном производстве. В результате, восьмая пятилетка в республиках Среднего Поволжья по своим результатам оказалась сравнительно успешной, поскольку фактические показатели экономического роста и благосостояния на селе почти совпали с запланированными. Однако позитивные перемены второй половины 1960-х гг. не привели к серьезному сдвигу в сельском хозяйстве, что сказалось на его последующем развитии.

Литература и источники

1. Агеев М. В. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Мордовской АССР / М. В. Агеев. Саранск, 1979.
2. Бусалов М. Я. Резервы повышения производительности машинно-тракторного парка в совхозах Мордовской АССР / М. Я. Бусалов // Некоторые резервы повышения эффективности сельскохозяйственного производства Мордовии : тр. / НИИЯЛИЭ. Саранск, 1969. Вып. 39. С. 103.
3. Заседания Верховного Совета Мордовской АССР седьмого созыва. Шестая сессия : стеногр. отчет. Саранск, 1970.
4. Казарезов В. В. Крестьянский вопрос в России (от коллективизации до перестройки) / В. В. Казарезов. М., 2001. Т. 2.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1972. Т. 8.
6. Марийская правда. 1965. 16 янв.

Таблица 6

Посевная площадь всех сельскохозяйственных культур в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1965 — 1970 гг.
(в хозяйствах всех категорий)*, тыс. га

АССР	1965	1970
Марийская	549	591
Мордовская	1 173	1 171
Чувашская	820	808

* См. примеч. к табл. 5

7. Марийская правда. 1966. 26 февр.
8. **Марискин И. С.** Летопись Атяшевской земли / И. С. Марискин, О. И. Марискин. Саранск, 1998.
9. На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе. М., 1990.
10. Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. : стат. ежегодник. М., 1966.
11. Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. : стат. ежегодник. М., 1971.
12. НА ЧГИГН. Д. 2306, 2307.
13. Очерки истории Марийской организации КПСС. Йошкар-Ола, 1968.
14. Советская Мордовия 1966. 6 марта.
15. **Сухин В. И.** Основные направления развития сельского хозяйства Марийской АССР в годы восьмой пятилетки (1966 — 1970) / В. И. Сухин // Сельское хозяйство Марийской АССР в 1940 — 1960 гг. Йошкар-Ола, 1981.
16. Ударный труд — родине, республике. Очерки истории социалистического соревнования в промышленности и сельском хозяйстве Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1974.
17. ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 32. Д. 164.

Поступила 19.08.2009 г.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 329(470.345):947.084.8

Э. Ю. Сальникова
E. Yu. Salnikova

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИЙНЫХ, СОВЕТСКИХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МОРДОВИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941 — 1945 гг.)

SOCIAL AND POLITICAL ASPECT OF PARTY, SOVIET AND PUBLIC ORGANIZATIONS ACTIVITY IN MORDOVIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941 — 1945)

Ключевые слова: война, власть, партийные органы, комсомольские и профсоюзные организации, Советы, исполкомы, резолюция, постановление.

В статье рассматривается деятельность партийных, советских и общественных организаций Мордовии в период Великой Отечественной войны (1941 — 1945 гг.).

Key words: war, the authorities, party organs, Komsomol and Trade Union organizations, Soviets, executive committees, resolution, regulation.

The activity of the party, Soviet and public organizations in Mordovia during the Great Patriotic War (1941 — 1945) is considered in the article.

При рассмотрении данной темы, на наш взгляд, следует учитывать три обстоятельства. Во-первых, общественно-политическая жизнь в годы Великой Отечественной войны проходила как в центре, так и в регионах при господствующем влиянии марксистско-ленинской идеологии и была подчинена единой цели — победе над врагом. Во-вторых, на общественно-политическое развитие существенное влияние оказывала напряженная экономическая и социально-психологическая обстановка. В-третьих, необходимо учитывать фактор воздействия властных структур и региональных политических элит в разрезе национальных особенностей.

Основную роль в общественно-политической жизни Мордовии в годы Великой Отечественной войны играли партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации. Одно из центральных мест в работе партийных организаций в 1941 — 1945 гг. занимали вопросы, связанные с правильным использованием оставшихся в республике кадров, усилением их влияния в трудовых коллективах. Острота и сложность этой задачи определялись тем, что за годы войны

численный состав областной парторганизации сократился с 13,5 тыс. до 8,2 тыс. чел., или почти на 40 %. Уменьшилось количество ее первичных организаций: накануне войны их насчитывалось свыше тысячи, а через год осталось менее 800 [4, с. 402]. Наибольшие потери понесли сельские организации. Их сеть, например, в колхозах сузилась практически вдвое — со 195 до 99 [Там же]. Было произведено укрупнение малочисленных организаций, созданы кандидатские и партийно-комсомольские группы. В сельской местности образовались вместо производственных территориальные первичные организации. В соответствии с условиями военного времени проводилось создание политических отделов машинно-тракторных станций (МТС) и совхозов. Их основное назначение состояло в том, чтобы поднять уровень политической и трудовой активности тружеников деревни. Формирование этих органов, в основном, было завершено к началу марта 1942 г. Созданы 2 политсектора и 70 политотделов МТС и совхозов, в которые направлено свыше 150 наиболее опытных партийных, советских и хозяйственных работников. В их составе было 70 представителей мордовской национальности, среди которых 22 женщины. Политотделы провели значительную работу по расширению партийной и комсомольской прослойки деревни. С их помощью в 1942 г. были вновь созданы или восстановлены десятки партийных и около 200 комсомольских первичных организаций [Там же, с. 402 — 403].

С началом войны был значительно расширен институт парторгов. Будучи одновременно секретарями заводских парторганизаций, парторги осуществляли прямую связь этих организаций с ЦК ВКП(б).

После коренного перелома в войне партийные мобилизации больше не проводились, состав территориальных организаций в основном стабилизировался. В конце 1942 г. впервые после начала войны в 16 районах Мордовии прошли отчетно-выборные конференции. В остальных 14 районах такие конференции состоялись в апреле 1943 г. Несколько позднее отчеты и выборы были проведены в городских парторганизациях: в Саранске — в мае 1943 г., в Рузаевке — в августе 1944 г. В ходе проведения отчетно-избирательных кампаний общественно-политическая активность была высокой. Она способствовала вовлечению в массово-политическую деятельность как членов и кандидатов партии, так и беспартийных.

В мае 1943 г. упразднили политотделы при МТС и совхозах, отпала необходимость в кооптации и опросном методе при принятии решений. Были восстановлены коллективные начала в деятельности партийных комитетов.

Больше внимания стали уделять проверке выполнения решений с привлечением партийного, советского и хозяйственного актива; чаще стали заслушиваться отчеты райкомов и горкомов партии на заседаниях бюро областного комитета. За годы войны было проведено 14 пленумов и около 200 заседаний бюро областного комитета партии. На них было рассмотрено около 1 500 вопросов, касавшихся партийного и советского строительства, руководства военной экономикой, улучшения массово-политической работы, здравоохранения, культуры и др. [Там же, с. 405].

Значительную помощь в политической работе Мордовскому обкому оказывал ЦК ВКП(б). На завершающем этапе войны на основании отчета обкома от 21 июня 1941 г. было принято развернутое постановление. В нем обращалось внимание на совершенствование партийного руководства советскими, комсомольскими и профсоюзными

организациями, массово-политической и культурно-просветительной работы в республике [Там же].

Говоря о недостатках в работе партийных организаций применительно к этому времени, следует подчеркнуть, что война еще сильнее их вскрыла и обозначила. В нашу задачу не входит их анализ. Мы только заметим, что они носили объективный и субъективный характер, во многом обусловленные условиями военного времени. Сказанное относится и к деятельности советских, комсомольских и профсоюзных организаций.

Как и партийные органы, местные государственные органы республики перестроили свою работу, повернув ее к решению задач военного времени. Так, к началу войны на территории Мордовии имелось 30 районных, 4 поселковых, 2 городских и 601 сельский Совет [2, с. 142 — 147]. События военного времени диктовали необходимость внесения некоторых изменений в структуру аппарата Советов. Суть этих изменений заключалась в том, чтобы максимально приспособить его к задачам военного времени, сделать более гибким и маневренным, повысить оперативность руководства. Создавались новые отделы и постоянные комиссии.

В феврале 1942 г. при СНК МАССР был организован Комитет по учету и распределению рабочей силы, создано Бюро по распределению продовольственных и промышленных карточек. При райисполкомах была введена должность заведующего мобилизацией. В феврале 1943 г. при исполкомах возникли отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Эти отделы занимались выдачей пособий и пенсий, бытовым и культурным обслуживанием, устройством детей фронтовиков в детские сады и ясли.

На 1 июня 1942 г. в Советах Мордовии действовали 2 152 постоянные комиссии, в которых работало 3 929 депутатов и 5 145 активистов. Была пересмотрена работа постоянных комиссий и депутатских групп. Образованы постоянные комиссии по сбору теплых вещей и подарков воинам, проведению подписки на военные займы, организации помощи освобожденным районам страны и др. [7, с. 150]. Создавались депутатские группы по политической работе и агитации, которые организовывали политико-массовую работу. Они занимались выпуском политических плакатов и листовок, направленных на разоблачение агрессивной сущности фашизма.

В годы войны Советы большое внимание уделяли развитию соцсоревнования среди трудовых коллективов и контролю за выполнением решений. Депутаты, особенно сельских Советов, старались быть в центре событий.

В военные годы выборы в Советы не проводились. Указами Президиума Верховного Совета МАССР сроки выборов в Советы всех уровней неоднократно переносились с одновременным продлением срока полномочий Советов первого созыва. К концу первого года войны во всех местных Советах республики осталось лишь 47,1 % к общему числу депутатов, избранных в довоенное время. В последующие годы произошло дальнейшее сокращение численности депутатов местных Советов, причем наиболее быстрое их уменьшение происходило на селе. Если в 1943 г. во всех районах республики имелись сельсоветы, где оставалось не более 1 — 3 депутатов, то в 1944 г. появились и такие сельсоветы, где выбыли все депутаты [11, д. 34, л. 273].

На 1 января 1945 г. на учете местных Советов страны осталось 40,8 % депутатов [8, с. 80], соответственно в Мордовии — 38,1 % от общего числа депутатов [12, л. 54, 131]. В связи с этим сократилось число сессий. Действовавшее законодательство

не содержало каких-либо норм о кворуме местных Советов. Несмотря на отсутствие кворума, сессии все же проводились, но в целом в 1941 — 1943 гг. Советы не сумели добиться их регулярного проведения. Тем не менее уже в конце 1943 г. участие актива в работе сессий стало расширяться, увеличилось число выступающих. Значительно возросло число участников сессий районных и городских Советов. Если на сессиях райсоветов в январе — апреле 1953 г. присутствовало 1 297 активистов, то в сентябре — декабре — 2 250 чел. Некоторые исполкомы городских и районных Советов приглашали на сессии стариков, инвалидов Отечественной войны, молодежь [11, д. 35, л. 9].

За годы войны произошло почти полное обновление кадров советских работников, и прежде всего в наиболее многочисленных звеньях местных Советов, причем в ряде сельсоветов председатели и секретари исполкомов менялись неоднократно. Большинство новых советских кадров имели незначительный опыт работы, основная их часть не являлась депутатами. В период войны недостаток опыта сказался в недооценке сессионной работы, подмене ее совещаниями. Отсюда происходили и другие упущения в работе Советов, а также нарушения конституционных норм деятельности местных органов власти.

В период войны практиковалось принятие единоличных решений председателями исполкомов по вопросам работы исполнительных комитетов. Так, они самостоятельно выносили решения о созыве сессий или переносили сроки их проведения без обсуждения. Исполнительные комитеты Советов нарушали сроки информирования депутатов о созыве сессий.

В годы войны значительно расширился круг обязанностей депутатов. Они участвовали в подготовке сессий, вели политико-массовую работу среди населения, проводили встречи в избирательных округах. Депутаты откликались на просьбы своих избирателей, эвакуированного населения, проявляли заботу о людях, прибывших в города для работы на заводах. Для многих депутатов было характерно добросовестное выполнение своих обязанностей.

В годы войны большинство местных Советов и их исполкомов продолжали опираться в своей работе на постоянно действующие комиссии при решении текущих вопросов, укреплении обороноспособности тыла, организации всесторонней помощи Красной армии. Наиболее распространенными постоянными комиссиями местных Советов были следующие: бюджетные, народного образования и культурно-просветительные, сельскохозяйственные и животноводческие, здравоохранения, оборонные, торгово-кооперативные, а также благоустройства, коммунального хозяйства, местной промышленности. Однако в условиях войны процесс восстановления постоянно действующих комиссий местных Советов Мордовии шел медленно, продолжалось сокращение численности депутатов, работавших в комиссиях. В то же время вырос актив привлеченных к работе комиссий. Однако деятельность местных Советов была серьезно затруднена из-за массового ухода депутатов на фронт, и, как следствие, произошло дальнейшее сужение демократических начал. Предпринимавшиеся меры по оживлению организационной и массово-политической работы не могли быть полностью реализованы в условиях войны, потенциал же, заложенный в Советах, был далеко не исчерпан.

Общественные организации республики также включались в перестройку своей деятельности. Изменения работы в профсоюзных организациях заключались в том,

что форма организации приводилась в соответствии с ее новым содержанием, решение большинства вопросов переводилось в цеховые комитеты и профгруппы.

В фабричных и заводских профкомах Мордовии своевременно были созданы новые комиссии по рабочему снабжению, работе среди детей, оказанию помощи семьям военнослужащих, по культурно-массовой работе, а также «огородные». Введены специальные должности по снабжению и бытовому обслуживанию рабочих.

Изменение структуры профсоюзных организаций явилось лишь частью общей перестройки их работы на военный лад. Другой частью стало налаживание и активизация деятельности профорганизаций эвакуированных предприятий. В большинстве профсоюзных организаций эвакуированных предприятий в Мордовию не доставало значительной части профактива. На эти предприятия были направлены новые профорганизаторы.

Перестройка работы профсоюзных организаций существенно осложнилась из-за нехватки кадров. Сотни профактивистов ушли на фронт. К 1942 г. в составе пленумов президиумов обкомов Мордовии оставалось примерно по 1 — 2 члена. Значительно уменьшился состав фабрично-заводских и местных комитетов, комиссий и количество профоргов. Новые руководители профсоюзных организаций, особенно первичных, обладали небольшим жизненным и профессиональным опытом.

Условия военного времени, неопытность кадров вызывали серьезные нарушения профсоюзной демократии. Во многих случаях выборы в ФЗМК проводились несвоевременно, общие собрания подменялись конференциями. В некоторых организациях наблюдалось частое администрирование. Тем не менее с 1943 г. общезаводские профсоюзные конференции созывались в установленные сроки, выборы цеховых комитетов, председателей цехкомов и профгруппоргов проводились согласно Уставу. На отчетно-выборных профсоюзных конференциях, состоявшихся в октябре 1944 г., присутствовало только от промышленных предприятий свыше 1 000 делегатов [9, л. 3].

Наряду с администрацией заводов и фабрик, колхозов, совхозов, МТС, учебных заведений и учреждений профсоюзы явились инициаторами проведения массовых митингов и собраний. В принятых резолюциях и постановлениях выражалась решимость увеличить выпуск продукции военного и гражданского назначения [1, с. 16 — 17].

7 июля 1941 г. секретариат ВЦСПС принял постановление, в котором потребовал от профсоюзных организаций активного участия в привлечении на производство домохозяек, молодежи и оказании им помощи по приобретению производственной квалификации [6, с. 248]. Перед профсоюзными организациями встала задача закрепить эвакуированных и мобилизованных рабочих на новых местах, создать им необходимые материально-бытовые условия. В 1943 г. на заводах республики стали использовать новую форму повышения квалификации рабочих — школы качества.

С середины 1944 г. решением СНК СССР деятельность всех общественных организаций и предприятий была направлена на дальнейшее совершенствование производственно-технического обучения. В документе говорилось, что рабочий должен постоянно расширять технический кругозор, самостоятельно разбираться в вопросах технологии и организации производства. Рузаевские комсомолки — токарь Толстякова, сверловщица Чернова, помощник машиниста Косарева уже в начале 1942 г. стали «двухсотницами»; работница Саранской швейной фабрики Е. Ракова, освоив

профессию электромонтера, выполняла ежедневные задания на 200 и более процентов; профессией слесаря овладели работницы Саранского консервного комбината Плодухина, Глушкова и др. [1, с. 17].

Существенное значение имела работа общественных контролеров профкомов по защите такого важного материального интереса трудящихся, как питание. Основное значение в увеличении производственных ресурсов и улучшении питания трудящихся имели мероприятия, проводимые по развитию индивидуального и коллективного огородничества. Начатое по инициативе рабочих еще в 1940 — 1941 гг., оно приобрело особое значение в условиях войны.

Профсоюзы заботились о здоровье рабочих и служащих с помощью местных советских органов, используя средства соцстраха, они открывали на предприятиях профилактории. Особое внимание уделяли профсоюзы охране материнства и детства. Президиум ВЦСПС в 1944 г. вынес по этому вопросу специальное постановление, которое предусматривало целую систему мер, облегчающих труд беременных женщин, улучшение условий их питания и отдыха [6, с. 389 — 390].

Таким образом, общественная деятельность профсоюзов Мордовии в 1941 — 1945 гг. была направлена на решение текущих задач военного времени. Профсоюзы оказали трудящимся республики ощутимую помощь в преодолении жизненных невзгод, вызванных суровым временем.

Важная роль в общественно-политической жизни Мордовии в годы войны принадлежала комсомолу. На фронт ушли 24 849 комсомольцев из областной комсомольской организации [5, с. 92], многие из которых воевали на самых ответственных участках фронта — в отрядах десантников, лыжников, истребителей танков и т. д.

Комсомолец Н. Тараскин, уроженец Ширингушского района, организовал в Запорожской области добровольное общество патриотов. В октябре 1942 г. в нем насчитывалось 25 членов и 50 сочувствующих. За время своей деятельности добровольное общество патриотов под руководством Тараскина распространило среди населения десятков сел около 7 000 политических листовок и воззваний [Там же]. В 1941 — 1945 гг. комсомольские организации значительное внимание уделяли агитационно-массовой работе. Многие комсомольцы вели политическую агитацию. В апреле 1942 г. только в колхозах республики работало агитаторами 3 239 комсомольцев, ими было прочитаны 942 лекции и доклада, проведены 926 920 бесед [Там же, с. 102].

Изменение условий и текущих задач потребовало новых организационных форм. Перераспределялись функции отделов. Осенью 1942 г. в комсомольских организациях республики прошли отчетно-выборные конференции и собрания. На них была дана объективная критическая оценка работы комсомольских органов, их руководящего состава. Серьезную опасность представляли формализм, заорганизованность, высокомерие некоторых руководителей районных комитетов по отношению к первичным организациям. ЦК ВЛКСМ осудил формализм в руководстве райкомами и горкомами. Подобные же факты были вскрыты «Комсомольской правдой» [3].

Большая работа проводилась по подбору, расстановке и воспитанию комсомольских кадров взамен ушедших на фронт. Еще осенью 1941 г. Мордовский обком ВЛКСМ провел кустовые совещания секретарей горкомов и райкомов. Было признано, что в новых условиях наибольший эффект дают курсы, семинары и школы комсомольского актива.

Усилению комсомольского влияния на молодежь способствовала всеохватывающая политико-воспитательная работа. Начиная с 1942 г. разнообразнее стали формы устной агитации и пропаганды. Практиковалось проведение митингов, собраний молодежи, коллективных и индивидуальных бесед, лекций, политинформаций. Периодически созывались молодежные антифашистские митинги как в масштабе всей республики, так и в городах, районах, на предприятиях. Особенно активизировалась эта работа в канун 25-летия ВЛКСМ. Городские и районные комсомольские организации провели антифашистские митинги, теоретические конференции, политдни. В Саранске была открыта республиканская выставка «Комсомол в Великой Отечественной войне». Героические фронтовые и трудовые будни отражались в боевых листках, молниях, стенгазетах, лозунгах [10, л. 27]. На протяжении войны молодежь поддерживала тесную связь с сформированными на территории республики воинскими частями. Постоянное внимание уделялось мобилизационной, оборонно-массовой работе.

В годы войны комсомол стал инициатором движения комсомольско-молодежных бригад. О размахе движения говорит тот факт, что за период с 1942 по 1945 г. число бригад выросло со 150 до 2,5 тыс. [Там же, л. 29]. Сельские комсомольские организации проводили трудовое соревнование. Комсомол организовал соревнование молодежных бригад за звание «фронтовых».

Придавая большое значение культурно-массовым мероприятиям и развитию творчества, комитеты ВЛКСМ проводили смотры художественной самодеятельности, собирались на вечера поэзии и искусства военных лет. В годы войны комсомол участвовал в патриотическом движении по оказанию помощи фронту.

Как и другие общественные организации, комсомол развернул шефскую работу. К каждому госпиталю были прикреплены 2 — 3 комсомольские организации, которые вели самую разнообразную работу. Комсомол Мордовии принял активное участие в возрождении освобожденных районов. Используя разнообразные методы и формы внутрисоюзной, массово-политической деятельности, комсомол Мордовии постепенно поднимал свой авторитет среди широких масс молодежи. Одним из показателей этого стал рост комсомольских организаций.

Таким образом, являясь неотъемлемой частью общественно-политической жизни, Советы, партийные и общественные организации продемонстрировали свое преимущество в чрезвычайных условиях войны. Опираясь на поддержку, патриотизм и самоотверженный энтузиазм советского народа, в конечном счете была обеспечена славная победа, несмотря на имевшие место негативные моменты. В годы войны как никогда проявилось единство народа, партии, его государственной власти и управления.

Литература и источники

1. Из истории профсоюзов Мордовии. 1918 — 1978 : док. и материалы. Саранск, 1979. 360 с.
2. История Мордовской АССР : в 2 т. Саранск, 1981. Т. 2. 228 с.
3. Комсомольская правда. 1944. 30 мая.
4. Очерки истории Мордовской организации КПСС. Саранск, 1979. 712 с.
5. Попков Т. В. Комсомол Мордовии за 40 лет / Т. В. Попков. Саранск, 1958. 118 с.
6. Профсоюзы СССР : док. и материалы. М., 1963. 504 с.

7. Сальников Ю. И. Советы Мордовии в годы Великой Отечественной войны / Ю. И. Сальников // Советы, история и современность. М., 1987. 268 с.
8. Советский тыл в Великой Отечественной войне : сб. ст. М., 1974. 392 с.
9. ЦГА РМ. Ф. 16. Оп. 23. Д. 16.
10. ЦГА РМ. Ф. 71. Оп. 1. Д. 115.
11. ЦГА РМ. Ф. 228. Оп. 6. Д. 34 — 35.
12. ЦГА РМ. Ф. 269. Оп. 3. Д. 115.

Поступила 07.08.2009 г.

УДК 323.1(470.345)

С. А. Ивлиев
S. A. Ivliev

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ
НА РУБЕЖЕ XX — XXI вв.
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)**

**ETHNIC-POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA
ON BOUNDARY OF THE XX — XXI CENTURIES
(BY THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA)**

Ключевые слова: этнополитика, суверенитет, международное право, субъект федерации, федеративный договор.

В статье на примере Республики Мордовия рассматриваются сложные и неоднозначные этнополитические процессы в России конца XX — начала XXI в., обусловленные коренной реорганизацией федеративного устройства. Именно в ходе этих преобразований сформировались отношения между центром и субъектами РФ, характерные для настоящего времени.

Key words: ethnic policy, sovereignty, international law, the subject of the federation, the federative agreement.

Complicated and ambiguous ethnic-political processes in Russia at the end of the XX — the beginning of the XXI century, caused by radical reorganization of federative structure, are considered in the article by the example of the Republic of Mordovia. Just in the course of these transformations relations between the center and the RF subjects, typical for the present time, were formed.

Для многих регионов РФ, в том числе и для национальных республик, последнее десятилетие XX в. (постсоветский период) стало своеобразным испытанием на прочность. Концепция обновленного Российского государства в 1990-е гг. первоначально планировалась центром как формирование новых субъектов федерации вне национальной специфики (концепция территориального федерализма) [4]. Идеологами этого направления в первую очередь выступили В. Тишков и О. Румянцев, рассматривавшие этнос как квазиобщность. Либеральную позицию занял С. Шах-

рай, признав право на этническую специфику в форме национально-культурной автономии.

Другая линия (концепция этнического федерализма) привела к появлению идеологии права этноса (нации, народа) вне зависимости от его официального статуса. В Республике Мордовия (РМ) ее пытались осуществлять на практике некоторые лидеры национальных движений («Масторава», «Эрзянь Мастор» и др.). Таким образом, преодоление разностатусности субъектов федерации пошло по двум направлениям — «демократическому» и «национальному». Был короткий период, когда они сосуществовали. Основой для объединения политиков демократического направления и лидеров национальных движений стало требование реформирования национально-государственного устройства России: у одних — на базе полного отказа от идеи национальной государственности, у других — путем ее реализации.

Первым шагом в попытке правового оформления РФ стал федеративный договор, подписанный в марте 1992 г. Он состоял из трех частей, представлявших собой договоры, подписанные, с одной стороны, федеральными органами власти, с другой — соответственно, органами власти суверенных республик в составе РФ; автономной области и автономных округов, краев, областей, городов Москва и Санкт-Петербург. Оценки федеративного договора были неоднозначны. По одним оценкам (С. Шахрай), федеративный договор можно было рассматривать как свидетельство начала развития в России собственного материала кооперативного федерализма, сущность которого заключалась в стремлении всех субъектов федерации к миру и согласию с центром на основе сотрудничества и солидарности. Речь шла об особом уровне федерализма, интенсивно развивающемся в последнее время в США, Германии, Австрии и других зарубежных федеративных государствах. Федеративный договор проложил к нему путь. С другой стороны, многие политические лидеры (В. Жириновский, В. Тишков и др.) высказывали обоснованные опасения того, что после заключения федеративного договора единая и цельная российская государственность вступит на тернистый путь. Их сомнения были связаны с определением республик «суверенными», их неравноправием в составе России, жестким требованием неизменяемости федеративного договора без согласия субъектов, его подписавших. В связи с этим они считали, что федеративный договор в определенной степени способствовал дальнейшей дезинтеграции.

Корректировка федеративного устройства России была предпринята в 1993 г. с принятием Конституции РФ. Она установила федеративное устройство России, исходя из идеи сохранения ее государственной целостности и закрепления широких прав субъектов федерации, позволяющих самостоятельно решать вопросы их социально-экономического и политического развития, а также участвовать в делах федерации. В Конституции приводится полный перечень субъектов РФ (89 на момент принятия Конституции), состоящих из 21 республики, 6 краев, 49 областей, 2 городов федерального значения, одной автономной области и 10 автономных округов.

До конца 1990-х гг. центр и суверенные республики по-разному трактовали вопрос о природе суверенитета, а также о несоответствии положений Конституции республик и Конституции РФ. В Мордовии некоторые национальные движения (например, «Эрзянь Мастор») стремились придать понятию «суверенитет» пронациональную трактовку и даже разделить единую мордовскую государственность на Эрзянскую и Мокшанскую суверенные республики, что ставило под угрозу единство

мордовского народа, так как дифференцировало эрзю и мокшу не на субэтническом, а на этническом уровне. Важно подчеркнуть, что неоднозначность в трактовке сущности суверенитета и идеализирование данного понятия приводили к осложнению взаимоотношений центра и республик.

Автор считает необходимым рассмотреть сущность суверенитета, опираясь на методологию политико-правовых учений. В международной практике под суверенитетом понимается «независимость государства от других государств во внешних отношениях и верховенство во внутренних делах» [1, с. 18]. Так, В. Л. Цымбурский выделяет две оси суверенитета (внешнюю и внутреннюю), которые сводит в один смысловой комплекс, представляющий с разных сторон «ансамбль прав государственной власти» [4]. Внешний аспект суверенитета он отождествляет с возможностью проводить независимую политику, устанавливать дипломатические отношения с другими государствами, объявлять им войну и заключать мир. Под внутренним аспектом суверенитета понимается возможность для государства распоряжаться своей территорией и ресурсами, а также, издавая законы, принуждать подданных к их исполнению.

Многие авторы подчеркивают внутренний аспект суверенитета, подразумевающий верховную власть на определенной территории, куда не распространяется законодательная, исполнительная и судебная юрисдикция других государств, за исключением международного законодательства. Однако следует помнить, что этот аспект суверенитета должен быть дополнен внешним, для того чтобы с полным основанием говорить о независимости (субъектности) государства. Таким образом, внешний аспект суверенитета как раз и заключается в принципе равенства и независимости государств, что конституирует их в качестве субъектов международного права. При этом «свободное решение о делегировании определенных властных функций другим государствам не наносит ущерба суверенности, но соответствует так называемой конституционной зависимости [5, с. 68].

Между тем анализ международно-правовой практики показывает, что реально в качестве субъектов в этой сфере деятельности выступают не только государства и международные организации (другой общепризнанный тип субъекта в международном праве), но и различные квазигосударственные структуры и образования.

Прилагая к каждому субъекту, обладающему суверенностью или притязающему на нее, двойную шкалу оценок, учитывающую как размеры его властного потенциала, так и масштабы его мировой признанности, мы получим дифференцированную градацию суверенитетов различного ранга.

В. Л. Цымбурский предложил две парадигмы суверенитета: «суверенитет факта» и «суверенитет признания» [4]. «Суверенитет факта» отвечает такому положению, когда мировое сообщество государств своим признанием лишь ратифицирует факт самоутверждения и жизнестойкости любого режима, заставляющего считаться с собой как с реальной силой. Для «традиционных» международных систем, в которых господствует «суверенитет факта», характерно жесткое размежевание сфер внешней и внутренней политики: последняя является частным делом суверенных режимов, не допускающих вмешательства в свои дела. «Суверенитет признания» выражает тенденции таких эпох и систем, в рамках которых сила и стабильность каждого суверенного субъекта оказываются в зависимости от силы и стабильности мирового сообщества государств в целом. В этих условиях нормы политического

поведения, демонстрирующие приверженность духу согласия, превалируют над своеволием и ценностным сепаратизмом отдельных режимов, а грани между внешней и внутренней политикой размываются. Предложенную В. Л. Цымбурским типологию мы, основываясь на реально существующих ограничениях суверенитета современных государств, считаем возможным дополнить следующими понятиями:

— «разделенный суверенитет», при котором независимое государство делегирует часть своей власти защищающему или опекающему государству, но сохраняет полный контроль над внутренними делами и внешней политикой;

— «ассоциированный суверенитет». Это понятие было сформулировано в ходе дискуссий в ООН относительно самоуправления самоуправляемых территорий. Делегируя часть своей власти другому государству, ассоциированное государственное образование может в любое время в одностороннем порядке прекратить отношения ассоциации с другим государством;

— «плюралистический суверенитет». Понятие было сформулировано Г. Ласки. Отвергнув концепцию суверенного государства, он предложил рассматривать отношения на основе согласия между членами сообщества;

— «внутренний суверенитет». В результате значительных дебатов в рамках ООН, международное сообщество пришло к признанию права народов на самоопределение в пределах границ государства. Это означает право на контроль за большинством или за всеми аспектами внутренних дел, связанных с образованием, социальными вопросами, благосостоянием, культурой и т. п., в то время как внешние вопросы, такие как оборона, внешнеторговые и дипломатические отношения, остаются в ведении центральных органов государства.

В 1990-х гг. Л. М. Дробижева выделила четыре типа суверенизации в существовавших на тот момент республиканских конституциях. Первый тип основан на договорных отношениях. Так, из ст. 61 Конституции республики Татарстан следовало, что Республика рассматривает себя как «суверенное государство, субъект международного права» и устанавливает ассоциированные отношения с Российской Федерацией «на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения» [2]. Второй тип заключается в признании федеративного договора как основы отношений с сохранением за республикой права на выход из состава России. Третий тип заключается в признании федеративного договора как основы отношений между республикой и РФ с одновременным провозглашением верховенства законов республики на территории РФ. Наконец, четвертый тип отношений (ставший всеобщим в 2000-е гг.) основан на полном и буквальном соответствии нормам Конституции РФ [1, с. 18—28].

В конституциях всех республик, входящих в РФ, принятых в 1990-е гг. (за исключением конституций Ингушетии, Калмыкии и Северной Осетии), устанавливалось, что они являются суверенными государствами. Следует заметить, что положение о суверенитете республик, как известно, не соответствовало ст. 5 Конституции РФ, поскольку оно в ней отсутствовало. Конституция РФ устанавливает нахождение республик в составе РФ в качестве ее субъектов [5, с. 17], что «суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию» и ее конституция действует по всей территории федерации [Там же, с. 5].

Отказ от конституционного закрепления суверенитета республик не предусматривает «права выхода» республик (и иных субъектов федерации) из состава РФ.

Такая юридическая нерасторжимость является главной чертой федерации в ее классическом виде, предполагающая конституционную, а не договорную основу ее образования. Однако, в свою очередь, правосубъектность членов такой федерации не может претендовать на всю совокупность институтов классического государства. Отсюда следует неуверенность субъектов федерации, что отвечает мировой практике федерализма.

Необходимо заметить, что ни политология, ни теория международного права не располагают теорией сецессии, а практика признания справедливости и обоснованности притязаний на разрыв связей с существующей политической единицей с целью образования самостоятельного государства остается непоследовательной. Более того, понятие сецессии и сепаратизма часто оказываются взаимозаменяемыми, а словарные определения обоих понятий почти совпадают, сводя их содержание к значению «разрыв связей, или прекращение контактных отношений» [1, с. 18 — 28]. Отсутствие такой теории объясняется преобладанием универалистских установок в либерально-демократической политологии в 1960 — 1970-х гг., что отразилось в игнорировании этнического измерения социальных процессов, во внимании к транснациональным аспектам политики и национальным сообществам. Лишь к рубежу 1970 — 1980-х гг. появились первые работы обзорного характера, в которых делались попытки объяснить тенденции, противоположные интеграции, включая распад государства.

Хотя во многих пактах ООН говорится «о праве всех народов на самоопределение», в них не содержится ответа на вопрос, каково истинное содержание права народа на самоопределение, и не существует определения механизмов реализации данного права. Таким образом, можно заключить, что существует явное противоречие между провозглашенным ООН правом на самоопределение для «всех народов», с одной стороны, и принципом целостности и неделимости государств (в том числе федеративных) как базовой ценности международного права — с другой.

Разрешение данного противоречия на уровне взаимоотношений Республики Мордовия с федеральным центром наметилось еще в 1995 г. (с приходом к власти опытного политика и руководителя Н. И. Меркушкина), а окончательно состоялось в первой половине 2000-х гг. (2003 — 2004 гг.), после устранения из Конституции и других законодательных актов РМ положений, противоречащих Конституции РФ, в частности, положения, определяющего Республику Мордовию как отдельное государство в составе РФ. Определение РМ как субъекта Российской Федерации, а не суверенного государства, не означало прекращения ее государственности, а напротив способствовало упрочнению и гармонизации связей между Республикой и федеральным центром, что в итоге ознаменовало начало нового плодотворного этапа в генезисе мордовского государственного строительства.

Исходя из изложенного, можно выделить следующие факторы, способствующие стабилизации этнополитических процессов в РМ.

1. Законодательное закрепление в Конституции РФ итогов сложных и противоречивых процессов консолидации российской государственности на основе обновленных принципов федерализма и территориальной целостности государства (в Конституции РМ также отразились итоги консолидационных процессов этнической государственности, получили закрепление символы и атрибуты республики).

2. Устранение противоречий между Конституциями РФ и РМ, между «суверенностью» и «субъектностью» РМ в составе Российской Федерации, способствующее гармонизации связей Мордовии с федеральным центром.

3. Предотвращение дезинтеграционной тенденции раскола единой мордовской государственности на Эрзянскую и Мокшанскую суверенные республики, дифференциации эрзи и мокши на этническом уровне.

Литература

1. Дробижеева Л. М. Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе / Л. М. Дробижеева // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начало 1990-х гг. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. 230 с.
2. Конституция Республики Татарстан. Казань, 1992.
3. Конституция Российской Федерации // Государственная символика Российской Федерации. М. : Экзамен, 2003. 64 с.
4. Цымбурский В. Л. Идея суверенитета в посттоталитарном контексте / В. Л. Цымбурский // Полис. 1993. № 1. С. 20 — 35.
5. James A. Sovereign Statehood / A. James. London, 1986. 186 p.

Поступила 24.11.2009 г.

УДК 323.21:338.124.4

Д. Ф. Ильин, С. В. Батаев
D. F. Iljin, S. V. Bataev

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ УЧАСТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРЕОДОЛЕНИИ ПОСЛЕДСТВИЙ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

REGIONAL ASPECT OF CIVIL SOCIETY PARTICIPATION IN THE WORLD ECONOMIC CRISIS CONSEQUENCES OVERCOMING

Ключевые слова: гражданское общество, экономический кризис, Общественная палата, правовое государство, Президент РФ, общественные организации.

В статье представлен анализ различных форм развития институтов гражданского общества в Республике Мордовия в условиях экономического кризиса, проблем и перспектив развития «третьего сектора».

Key words: civil society, economic crisis, the Public Chamber, constitutional state, the President of the RF, public organizations.

The analysis of various forms of civil society institutions development in the Republic of Moravia under the conditions of economic crisis, problems and prospects for the “third sector” development is made in the article.

Становление и развитие гражданского общества, правового государства является одной из главных задач современной России. В плане преодоления последствий экономического кризиса эта проблема имеет особое значение и должна рассматриваться всесторонне.

В настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что гражданское общество и правовое государство являются двумя составляющими целостности цивилизованного самоуправления и государственного управления на основе права и учета интересов всех слоев населения, всех граждан страны. В цивилизованных странах основным механизмом взаимодействия гражданского общества и государственной власти является социально-политическое партнерство. Как отметил Президент РФ в Послании Федеральному Собранию, «задачей государства считаю создание условий для развития гражданского общества. Люди, не равнодушные к тому, что происходит вокруг, должны иметь все возможности для реализации своих благородных устремлений» [7].

Практика показала, что важнейшая роль в процессе формирования социально-политического партнерства и установления обратной связи власти с обществом принадлежит общественным организациям. Республика Мордовия, несмотря на небольшую территорию и относительно немногочисленное население, имеет множество общественных организаций.

Активизация институтов гражданского общества, по словам Президента России, особенно возрастает в условиях преодоления экономического кризиса. Повышается гражданское участие в управлении государством (при этом гражданское общество формализуется в виде политических партий и общественных движений). Граждане России достаточно самостоятельны, чтобы выполнять значительное количество социальных и политических функций самостоятельно, без государственной опеки и контроля: «Измениться должны мы сами. Необходимо преодолеть широко распространенные представления о том, что все существующие проблемы должно решить государство или кто-то еще, но только не каждый из нас на своем месте. Личный успех, поощрение инициативы, повышение качества общественной дискуссии, нетерпимость к коррупции должны стать частью нашей общенациональной культуры, именно частью общенациональной культуры» [Там же].

Для этого важны поиск и внедрение как новых производств, технологических инноваций, так и более эффективных методов сотрудничества государственных органов и общественных организаций, перевод всей жизни общества на более активные, самостоятельные, инновационные принципы: «Нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация. И это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии» [Там же].

Необходимо отметить, что в Республике Мордовия уже несколько лет общая политика направлена как на конструктивный, творческий диалог власти и общественных организаций, так и на поиск и внедрение экономических инноваций. Однако, как справедливо отметил Д. А. Медведев, «инновационная экономика возникнет, конечно, не сразу. Она — часть культуры, основанной на гуманистических ценностях. На стремлении к преобразованию мира ради лучшего качества жизни, ради освобождения человека от бедности, болезней, страха, несправедливости» [6]. При этом технологическое развитие является приоритетной общественной и государственной задачей еще и потому, что научно-технический прогресс неразрывно связан с прогрессом

политических систем. По словам президента, «чем „умнее“, интеллектуальнее и эффективнее будет наша экономика, тем выше будет уровень благосостояния наших граждан. Тем свободнее, справедливее и гуманнее будет наша политическая система, общество в целом» [Там же].

В этом отношении показателен республиканский конкурс молодежных инновационных проектов, прошедший в Саранске в октябре 2009 г. Его цель заключалась в поощрении инновационной деятельности и повышении ее привлекательности в молодежной среде. В конкурсе приняли участие студенты, аспиранты и преподаватели ведущих вузов Республики Мордовия. Большая часть заявок была подана в области социальной инноватики, экономики, экологии и природопользования, информационно-телекоммуникационных систем.

2009 г. был для республики непростым. Последствия мирового финансового кризиса, затронувшие и республики, заставили многих пересмотреть стиль работы, сократить расходы, искать новые формы и методы работы. К концу года можно утверждать, что Мордовия преодолела пик кризиса. Государственные учреждения, органы местного самоуправления, предприятия республики научились работать в новых условиях. Немалая в этом заслуга и общественных организаций Республики Мордовия, активно участвовавших в преодолении кризиса.

В 2009 г. в Республике Мордовия состоялись довыборы в ряд вновь образованных муниципальных органов власти. Безоговорочную победу на них одержали представители партии «Единая Россия». С одной стороны, это является показателем степени доверия народа к правящей партии, которое, с другой стороны, не следует воспринимать как повод к самоуспокоенности. Безусловно, в политической жизни республики необходимо поддерживать баланс между адекватной конкурентной борьбой и «войной всех против всех», особенно опасной в условиях кризиса. В республике были созданы необходимые условия, при которых все здоровые силы общества имели возможность для свободной дискуссии. В связи с этим как никогда выросла роль Общественной палаты Республики Мордовия, выступившей координирующим звеном всей гражданской активности в преодолении возможных негативных тенденций. Общественная палата РМ предоставила возможность конструктивно обсуждать насущные вопросы, осуществлять диалог партий, общественных объединений с органами государственной и муниципальной власти.

Работа Общественной палаты, максимально сосредоточенная на ключевых вопросах, актуальных в сегодняшней жизни граждан республики, осуществляется через Совет Общественной палаты РМ. Отдельно стоит отметить деятельность Координационного совета неправительственных организаций по защите избирательных прав граждан, сформированного при Общественной палате РМ в целях повышения общественного доверия к избирательной кампании 2008 г.

В целом, общественные организации в Республике Мордовия представляют собой важный элемент современного гражданского общества, требующего определенных средств от государства, а также активных участников различных общественных объединений. Президент Российской Федерации Д. А. Медведев систематически поднимает вопрос о новой системе формирования кадрового резерва. Развитие традиции самоорганизации граждан помогают государству осуществлять свои обязательства, и у него появляются активные, инициативные, деятельные помощники.

Примером служит деятельность Мордовской региональной организации «Общероссийская общественная организация инвалидов войны в Афганистане». Созданная в 2001 г., она сразу же включилась в работу военно-патриотического воспитания молодежи РМ, активно взаимодействуя с органами законодательной власти по социальной защите инвалидов и ветеранов боевых действий. В 2007 г. была подготовлена программа по социально-психологической реабилитации ветеранов и инвалидов боевых действий и членов их семей. Для этого был разработан проект по созданию Центра реабилитации и интеграции инвалидов войны на территории Республики Мордовия, представленный на конкурс Президентских грантов. Сумма выигранного гранта составила 982 692 тыс. руб. Необходимо отметить, что большую роль в подготовке данного проекта, его лоббировании и финансировании сыграла деятельность республиканских властей. Данный проект можно приводить как пример эффективного сотрудничества некоммерческой организации (НКО), региональной власти и федерального центра [2].

Большой активностью среди региональных НКО отличаются национально-культурные движения и общества: межрегиональный Совет возрождения мордовского народа, мордовское общество «Вайгель», мордовское молодежное движение «Од вий», ассоциации мордовских женщин «Юрхтава» и «Литова», Союз тавлинских мастеров «Эрьмезь», Общество татарской культуры «Якташлар» и др.

В последнее десятилетие активизировались молодежные организации, деятельность которых становится все более конкретной и направленной в практическое русло. Возрождение и расширение сферы деятельности студенческих строительных отрядов, система координации их работы, опыт трудовых лагерей и волонтерских организаций были взяты на вооружение многими регионами России.

Отдельно стоит коснуться работы общественных организаций по снижению социальной напряженности и помощи в минимизации последствий кризиса. В числе конкретных мер помощи республике в преодолении последствий кризиса стали получение федеральных грантов и республиканская поддержка грантополучателей. Успехи мордовских общественных организаций в этой сфере несомненны: на федеральные конкурсы предоставляются продуманные, грамотно обоснованные проекты. Важно отметить, что это происходит с активной помощью республиканских властей. Большинство мордовских проектов имеют ярко выраженную социальную направленность, что крайне важно для населения республики. Так, Президент России в Послании Федеральному Собранию 2009 г. обоснованно подчеркнул, что «справедливость является ключевым понятием русской политической культуры... и устройство жизни по справедливости — вот основной запрос российского общества к власти» [5].

В 2007 г. общая сумма грантов, выигранных общественными организациями Мордовии, составила более 9,5 млн руб. Были проведены специальные обучающие семинары для представителей организаций, претендующих на гранты. В 2008 г. общественные организации Мордовии проявили себя не менее достойно. Только по грантам Общественной палаты РФ они получили более 6 млн руб., уступив лишь Нижегородской области и Республике Татарстан. Важен тот факт, что Мордовия занимает первое место в Приволжском федеральном округе по сумме грантов по отношению к численности населения. Уже в 2009 г. объем финансирования составил более 9,5 млн руб. [3].

В 2009 г. на конкурс по оказанию государственной поддержки НКО поступило около 5 тыс. заявок, из которых 35 представили НКО Мордовии. Конкурс является продолжением президентской инициативы последних нескольких лет по государственной поддержке общественных некоммерческих организаций. В этом году конкурс получил «антикризисную» окраску. Пятью официальными операторами конкурса было распределено 1,2 млрд руб.

Общероссийский общественный фонд «Национальный благотворительный фонд» поддержал 394 из 2 005 проектов, в том числе 5 заявок из Мордовии; региональная общественная организация «Институт проблем гражданского общества» — 97 из 1 088 заявок (4 из Мордовии); межрегиональная правозащитная общественная организация «Сопrotивление» — 80 из 516; фонд подготовки кадрового резерва «Государственный клуб» — 116 из 1 043 заявок; автономная некоммерческая организация «Институт общественного проектирования» — 337 заявок.

Девять мордовских проектов получили рекордную для истории республики сумму — 9,5 млн руб. В пересчете на каждого жителя Мордовии, мы получили почти 11 руб. на душу населения, что является одним из самых высоких показателей в ПФО.

Ассоциация педагогических отрядов Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева получила 1 млн 200 тыс. руб. за проект «Эффективное трудоустройство»; Поволжский центр культур финно-угорских народов — 3 млн руб. за проект расширения информационного пространства финно-угорских народов (организация сети корреспондентских пунктов «Финно-угорской газеты»); Мордовское отделение Российского детского фонда — 1 млн руб. за проект «Новая жизнь»; спортивный клуб «Дельфин» — 400 тыс. руб. за проект «Велостратегия 2010».

Мордовская «Общероссийская общественная организация инвалидов войны в Афганистане» получила 982 692 тыс. руб. на выполнение проекта по устройству социальной гостиницы для социально незащищенных граждан из числа инвалидов и ветеранов боевых действий и членов их семей. Мордовское отделение Общероссийского благотворительного общественного фонда «Российский фонд милосердия и здоровья» получил 1 млн руб. за проект охраны здоровья детей с онко- и онкогематологическими заболеваниями; Саранская городская молодежная общественная организация «Ассоциация „Милосердие“» — 1 млн руб. за проект «Реабилитация и социально-психологическая адаптация членов семей алкоголезависимых»; Мордовское республиканское патриотическое объединение «Поиск» — 500 тыс. руб. за проект «Тимуровцы — ветеранам»; Саранская городская детская экологическая общественная организация «Зеленый мир» — 400 тыс. руб. за проект «Живая сила родника».

В прошлые годы конкурс подвергался критике по поводу необъективного распределения большей части денег, оседавшей в Москве, а также финансирования ряда сомнительных проектов. В этом году «перекос» в сторону Москвы сохранился в полном объеме. Столичным организациям было выделено 177 млн руб., что составило почти 15 % от общего финансирования. В целом по России можно выделить нескольких лидеров в плане финансирования. В их число входят: Алтайский край (25,3 млн руб.), Свердловская область (24,7 млн руб.), Архангельская область (15,7 млн руб.), Ханты-Мансийский АО (15,2 млн руб.). К лидерам примыкает также Приморский край, в котором профинансированы 6 проектов на общую сумму около 10 млн руб., и Республика Мордовия [1].

Большую помощь республике в преодолении кризиса оказали профсоюзные организации. 2009 г., проводимый в республике как Год социального партнерства, способствовал снижению социальной напряженности и сохранению стабильности в обществе. Он позволил усилить конструктивную совместную деятельность органов власти всех уровней, профсоюзов и бизнеса в различных направлениях поступательного развития Мордовии. Федерация профсоюзов Республики Мордовия, используя различные формы и методы работы в этих условиях, предприняла ряд эффективных мер, направленных на предотвращение и снижение негативных кризисных проявлений, на защиту трудовых прав и социальных гарантий работников, реально способствовала снижению социальной напряженности и предотвращению социальных конфликтов. Эффективное социальное партнерство в условиях кризиса способствовало снижению напряженности на рынке труда и сохранению социальных гарантий работникам.

В Год социального партнерства в практику работы профсоюзов прочно вошла такая форма, как проведение выездных заседаний исполкома Совета Федерации непосредственно в трудовых коллективах. С начала года они успешно прошли на ГУП РМ «Тепличное», в ОАО «Электровыпрямитель», на ФКП «Саранский механический завод», в ООО «ВКМ-Сталь».

Среди мероприятий, проводимых в рамках Года социального партнерства и способствующих сохранению социальной стабильности в республике, особо следует выделить совместное заседание Совета Федерации профсоюзов Республики Мордовия и Правления регионального объединения работодателей «Союз промышленников и предпринимателей Республики Мордовия» с повесткой дня: «Социальное партнерство — основа сохранения стабильности в трудовых коллективах Республики Мордовия в период финансового кризиса. Задачи профсоюзов и работодателей по реализации Программы антикризисных мер Правительства РФ на 2009 год». На заседании было принято решение добиваться обязательного выполнения коллективных договоров и только в случаях возникновения объективных экономических трудностей принимать временные дополнения и изменения к коллективным договорам, предусматривавшим пересмотр социальных гарантий, с указанием времени действия данных дополнений и изменений.

Большим мероприятием, посвященным Году социального партнерства, а также Году молодежи, стал проходивший 22 — 24 мая 2009 г. III Республиканский молодежный профсоюзный слет, в рамках которого прошли «круглые столы» на тему «Молодежь — Году социального партнерства».

Весомым вкладом в сохранении стабилизации общества стало заключение Соглашения о взаимодействии между Федерацией профсоюзов РМ и Государственным комитетом РМ по труду и занятости населения, на основании которого сторонами была проделана большая работа по привлечению предприятий к участию в Республиканской программе по снижению напряженности на рынке труда Республики Мордовия на 2009 г. [4].

Признавая заслуги некоммерческих организаций РМ в поддержании социальной стабильности, общей работе по преодолению последствий мирового финансового кризиса, необходимо отметить, что их деятельность не лишена недостатков. Во-первых, в условиях кризиса снизились возможности помощи НКО со стороны республиканских властей. Во-вторых, выявилась проблема недостатка кадров и

активистов общественных движений. В-третьих, проявился недостаточный, на наш взгляд, уровень интеграции мордовских НКО в общероссийские процессы. В-четвертых, необходимо признать, что несмотря на эффективные методы и формы работы некоммерческих организаций, данное направление нельзя считать полностью успешным.

В целом, надо согласиться, что так называемый третий сектор хотя и играет важную роль в борьбе с последствиями мирового финансового кризиса и способствует снижению социальной напряженности в республике, оказался в догоняющем положении по отношению к экономической сфере и руководящему сектору. Это вполне объяснимо, поскольку в условиях кризиса основные усилия направляются на реанимирование экономики и сохранение управляемости обществом. В связи с данным положением более актуальным становится вопрос координации работы НКО, общественных организаций, государственных органов и партийных структур. Согласованная работа данных институтов приведет к более активным и осмысленным усилиям по включению мордовских некоммерческих организаций в общегосударственные программы, более грамотному распределению ресурсов внутри региона (финансовых, кадровых, административных), к повышению эффективности усилий всего общества в преодолении последствий финансового кризиса. Институты гражданского общества должны действовать в двух приоритетных направлениях: борьбе с коррупцией и привлечении в Мордовию молодых, энергичных и инициативных людей из других регионов.

Общественная палата РМ играет заметную роль в консолидации усилий общественных организаций и властных структур. За время ее деятельности проделана большая работа практически во всех общественно значимых областях. Однако сложившаяся обстановка требует от нее усиленной активизации своей деятельности, а также поиска новых форм и методов в работе. Общественная палата РМ содействует демократическому развитию общества и общественной активизации некоммерческого сектора. С ее помощью развивается профессионализм НКО, создаются общественные советы при органах исполнительной власти и органах местного самоуправления, происходит участие в грантовых конкурсах, активизируются позиции граждан по защите собственных прав, формируются механизмы общественного контроля в социальной сфере, борьбе с коррупцией и правовым нигилизмом, происходит общественная экспертиза законопроектов, помощь в развитии местного самоуправления и т. д.

Недавно произошло еще одно важное для общественности Мордовии событие — сопредседатель Общественной палаты Республики Мордовия, директор НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия В. А. Юрченков вошел в число 42 членов Общественной палаты России.

По нашему мнению, Общественная палата РМ стала координирующим центром практически всех гражданских инициатив республики. При более активном прямом контакте с органами республиканского уровня и местного самоуправления у Общественной Палаты есть возможность сыграть роль лидера всех общественных инициатив в регионе, направленных на преодоление кризисных явлений, а также инновационное развитие республики. Вполне возможно, что это станет наиболее важным вкладом Мордовии в общероссийскую политическую практику кризисных времен.

Источники

1. Архив Государственного комитета по делам молодежи Республики Мордовия.
2. Архив Мордовской региональной организации Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане.
3. Архив отдела по связи с общественными организациями Администрации Главы Республики Мордовия.
4. Архив Федерации профсоюзов Республики Мордовия.
5. [http:// www.archive.kremlin.ru](http://www.archive.kremlin.ru)
6. [http:// www.blog.kremlin.ru](http://www.blog.kremlin.ru)
7. <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>

Поступила 27.11.2009 г.

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

УДК 903.5(=511.152)

Е. Н. Кемаев

E. N. Kemaev

ИЗУЧЕНИЕ НЕКРОСФЕРЫ ДРЕВНЕЙ МОРДВЫ: В ПОИСКЕ НОВЫХ ПУТЕЙ

ANCIENT MORDVINS NECROSPHERE STUDY: IN THE SEARCH FOR NEW WAYS

Ключевые слова: некросфера, погребальный обряд, погребальный обычай, керамические комплексы, хронология, этнокультурные процессы.

Материалы из погребений являются одним из двух основных видов археологических источников (другой вид — поселения). Статья посвящена краткому обзору истории изучения погребальных памятников древней мордвы. На базе анализа основных направлений деятельности предыдущих поколений исследователей делается попытка обоснования перспективных путей дальнейшей работы в данной области.

Key words: necrosphere, burial rite, burial custom, ceramic complexes, chronology, ethnocultural processes.

Materials from the burials are one of the two main types of archaeological sources (the other kind — the settlements). The article is devoted to a brief survey of the history of the ancient Mordvins funeral monuments study. Based on the analysis of main directions of previous generations of researchers work an attempt to substantiate perspective ways for further study in this area is made.

История многих народов Восточной Европы, вплоть до позднего средневековья, исследуется, преимущественно, по археологическим памятникам. Ввиду отсутствия письменных источников (за исключением редких отрывочных упоминаний), археологические материалы являются единственным свидетельством, по которому можно проследить раннюю историю мордвы. В связи с этим наибольший интерес представляют погребальные памятники. Могильники Окско-Сурского междуречья отличаются богатством инвентаря, многообразием категорий вещей и их типов. Закрытые комплексы многочисленных погребений, дошедшие до нас без всяких изменений, являются превосходным объектом для построения теоретических гипотез.

Следует оговориться, что в данной работе понятие «древняя мордва» рассматривается не в привязке к устоявшейся практике формационной периодизации исторических эпох, а в этнокультурном контексте (будет анализироваться исто-

риография более широкого исторического отрезка, включающего древние и средневековые памятники). Это обусловлено тем, что период, охватывающий I — начало II тыс. н. э., является временем формирования основных черт мордовского этноса, особенностей его материальной и духовной культуры, а также разделения на два субэтноса. Названные процессы охватывают весь обозначенный период, что предопределяет необходимость их комплексного рассмотрения для выявления перспективных направлений дальнейших исследований в области ранней мордовской истории. Хронологические рамки поисков погребальных памятников мордвы составляют период около полутора веков. Перед нами стоит задача составления краткой квинтэссенции наиболее значимых фактов и этапов изучения рассматриваемой проблематики.

Совокупность материалов, получаемых при обследовании могильников, охватывается термином «некросфера», центральным звеном которой выступает погребальный обряд. Начало изучения некросферы мордвы было положено в XIX в. Первоначально исследователи предпринимали попытки простой фиксации некоторых деталей погребальной обрядности во время собственных археологических раскопок, либо описание их со слов участников любительских раскопок. На начальном этапе подобные данные были приблизительными, и лишь с течением времени была отлажена методика проведения раскопок и фиксация их результатов.

Во второй половине XIX в. в трудах исследователей В. А. Городцова, В. И. Снежневского, А. А. Спицына и В. Н. Ястребова были открыты, а затем и специально исследованы древние могильники мордвы. Среди них — Лядинский, Томниковский, Серповский и Давыдовский на р. Цне в Тамбовской губернии, Сергачский в бассейне Суры в Нижегородской губернии, Кошибеевский на р. Мокше в Рязанской губернии [6, с. 5 — 6]. Последний из упомянутых могильников в 1902 г. вторично раскапывался В. Н. Глазовым. Материалы его раскопок не публиковались и были введены в научный оборот лишь В. Н. Шитовым [32]. Необходимо отметить, что при публикации материалов о могильниках, основное внимание исследователи уделяли описанию инвентаря, чем погребальной обрядности.

В целом, период второй половины XIX — начала XX в. в изучении некросферы мордвы можно назвать временем накопления фактов. В дальнейшем, в связи с крайне неблагоприятной политической обстановкой, сложилась историографическая ситуация, характеризующаяся практически полным отсутствием исследовательских работ и изысканий в рассматриваемой области.

Лишь по окончании Гражданской войны в 20 — 30-х гг. XX в. ряд научных учреждений Москвы (Центральный музей народов СССР, Государственный Исторический музей, Институт антропологии при МГУ, ИИМК АН СССР) возобновили исследования археологических памятников древней и средневековой мордвы. Экспедиции и отряды возглавляли Б. С. Жуков, П. П. Ефименко, Е. И. Горюнова, М. В. Воеводский и А. Е. Алихова. Публикация полевых исследований 1920 — 1930-х гг. была осуществлена в Археологическом сборнике в 1948 г. [4].

В 20 — 30-х гг. XX в. научными центрами по изучению археологических памятников мордвы, наряду с Москвой, стали Саратов, Тамбов, Пенза и Саранск. Начиная с 30-х гг. XX в. плановые и систематические работы по археологии мордвы начал вести Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР (сегодня НИИ гума-

нитарных наук при Правительстве Республики Мордовия). С 1950-х гг. начал работу в этом направлении Мордовский краеведческий музей.

Экспедициями Тамбовского и Моршанского краеведческих музеев много лет руководил П. П. Иванов. В 1927 — 1936 гг. он открыл и исследовал несколько могильников, в том числе Крюковско-Кужновский, Пановский, Елизавет-Михайловский на р. Цне, давших в общей сложности 866 погребений VIII — XI вв. [15].

В Саратове полевую работу возглавил П. С. Рыков. Им был обследован Армиевский могильник в верховьях р. Суры в Пензенской области, относящийся к южным границам расселения древней мордвы и являющийся одним из ее важнейших археологических памятников. Заслугой исследователя является подробное описание погребального обряда, которое определило процентное соотношение отдельных его элементов в могильнике: ориентировку погребенных, наличие костей животных, угля, глиняной посуды и т. д. [23].

В начале 1950-х гг. пензенский археолог М. Р. Полесских открыл в верхнем течении Суры и Мокши новую древнюю группу памятников мордвы первой половины I тыс. н. э., ранее не известную (Селиксенский, Ражкинский и Шемышейский) [22].

Быстрый количественный рост археологических материалов поставил перед исследователями задачу отработки методологии изучения археологических источников и обобщения результатов полевых исследований. На первый план вышла острая необходимость в создании системы объективной хронологии мордовских древностей, без которой невозможна достоверная реконструкция исторических процессов, в том числе и этногенетических.

Первой сделала попытку выделить ранние и поздние находки из мордовских могильников самарский археолог В. В. Гольмстен. Она, в частности, определила развитие одного из самых распространенных украшений в мордовских могильниках — застежек-сюлгам, которое подтвердилось всеми дальнейшими исследованиями. Кроме того, В. В. Гольмстен отметила у финнов Поволжья одновременность существования обрядов труположения и трупосожжения при преобладании первого. Она затруднилась определить причину различия, но считала, что это, возможно, явление социального порядка. Начатые исследования по хронологии могильников западной части Среднего Поволжья были продолжены П. П. Ефименко, который на основе разработанного им культурно-стратиграфического (корреляционного) метода попытался создать систему относительной хронологии и на ее основе выделить датированные периоды функционирования рязано-окских, кошибеевских, мордовских (цнинских) и муромских могильников, известных в то время. Эта система долгое время являлась основной для датировки финских древностей Западного Поволжья [6, с. 7 — 8].

В начале 1930-х гг. вышла работа П. С. Рыкова — первое исследование, посвященное истории мордвы, основанное целиком на археологических данных. Исследователь охарактеризовал процесс смены древних курганных погребений грунтовыми могильниками. В соответствии с духом эпохи данный переход он объяснил развитием родового строя при полном игнорировании этнокультурного аспекта. Курганы, по мнению П. С. Рыкова, представляют собой место погребения людей, принадлежавших к определенному роду, т. е. отвечают родовому строю. Могильники же относятся к следующему моменту развития родового строя, когда род переходил в более крупную единицу — родовую общину с выделением группы людей по признаку

экономического неравенства. Иными словами, данный процесс не мог быть объяснен с точки зрения обычаев той или иной этнической общности [24, с. 46].

Большое внимание анализу материалов из могильников древней мордвы было уделено А. П. Смирновым в работе, посвященной древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья [25]. Исследователь предложил обоснованный вариант общей периодизации могильников Западного и Среднего Поволжья, связанный с основными вехами политической истории Восточной Европы. Исследователь выделил следующие периоды: 1) I — III вв.; 2) IV — VI вв. (влияние сарматских племен); 3) VII — X вв. (эпоха Хазарского каганата); 4) X — XI вв. (русско-болгарское противоборство за доминирование в средневожском регионе); 5) XII — XIII вв. (упадок болгарского влияния и распространение русского); 6) XIII — XV вв. (господство Золотой Орды). Каждому периоду соответствуют характерные предметы из могил, в том числе и те, которые служили для определения дат. Эта периодизация не утратила своей актуальности и в настоящее время. Автор пришел к выводу, что уже в середине I тыс. н. э. славянскими колонистами были заселены бассейны среднего Дона и Донца, откуда началось их проникновение на мордовскую территорию. По мнению исследователя, ими были привнесены в мордовскую среду обряд трупосожжения и западная ориентировка погребенных.

Оригинальный вариант вопроса происхождения отдельных мордовских народов — эрзи и мокши — предложил П. Д. Степанов [28]. Он пришел к выводу, что до VI — VII вв. мордва была единым племенем, определив могильники на Средней Оке (рязанские) как общемордовские. Затем, по мнению исследователя, произошло разделение на два субэтнуса, обоснование причин которого он не привел. Мокша занимала бассейн р. Мокши и более северные территории междуречья Цны и Суры, вплоть до Волги, эрзя — нижнее течение р. Оки. Муромские могильники П. Д. Степанов считал эрзянскими.

Значительный вклад в изучение древней и средневековой истории мордовского народа внесла А. Е. Алихова. Ею были введены в научный оборот материалы из Перемчалкинского, Старосотненского, Серповского и других могильников. В своих работах исследователь обозначила хронологические и племенные различия в культуре мордвы. Материалы мордовских могильников она разделила на два этапа: VII — XI и XII — XIV вв. Согласно А. Е. Алиховой, у мордвы в XI в. произошла резкая смена производственного инвентаря и набора украшений. Для каждого этапа исследователь привела типы характерных украшений [3]. Заслугой А. Е. Алиховой является определение эволюции некоторых древнемордовских украшений и времени их бытования. Особый интерес представляет прослеженное ею формирование мокшанских наконечников в виде трубки (пулокерь) как субэтнически маркирующего элемента (на материале Крюковско-Кужновского могильника) [1]. На основании изучения деталей головного убора из мордовских и муромских могильников, А. Е. Алихова опровергнула тезис П. Д. Степанова о принадлежности нижеокских могильников древней эрзе [2].

С 1960-х гг. в поиски и исследования средневековых памятников мордвы включились экспедиции Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. Это время наибольшего размаха археологических исследований. Трудом нескольких поколений мордовских специалистов закладывались основы автохтонной школы на базе региональных научных учреждений, преемственности в тематике и методике.

Так, М. Ф. Жиганов вел исследования северных, менее изученных районов расселения древней мордвы. В долине р. Теши он проводил раскопки Старшего Кужендеевского могильника VI — VIII вв. [11], а в 1970 — 1975 гг. исследовал один из ранних могильников мордвы середины I тыс. н. э. — Абрамовский (материалы хранятся в фондах Археологического музея Мордовского государственного университета). Материалы могильников внесли много нового в разрешение вопроса о формировании культуры мордвы-эрзи.

В 1967 — 1969 гг. А. В. Циркин исследовал в нижнем течении Мокши Шокшинский могильник VI — X вв., оставленный смешанным населением. Исследователь выделил рязано-окский, армиево-сурский и тамбово-цнинский культурные компоненты [31]. Дальнейшее изучение памятника проводил В. Н. Шитов.

В 1972 — 1982 гг. И. М. Петербургский на р. Вад проводил раскопки могильников, позволивших выделить переходный материал от древнемокшанской к средневековой мокшанской культуре [18].

В Пензенской области продолжал свои исследования М. Р. Полесских. Ему удалось собрать большое количество ценного материала по истории южномордовских племен III — VII вв., который он обобщил в работе «Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья» [21].

Ценнейшие материалы, позволяющие осветить ход этногенетических процессов начала I тыс. н. э., были получены П. Д. Степановым при раскопках Андреевского кургана в Большеигнатовском районе Мордовии [27].

Длительное время дискуссионным оставался вопрос об исконной прародине мордвы. В 1964 г. в Саранске состоялась научная сессия, посвященная происхождению мордовского этноса, в которой участвовали специалисты всех отраслей исторической и других наук. Исследователь А. П. Смирнов сделал доклад, в котором обосновывалась принимаемая сегодня большинством ученых точка зрения об автохтонности мордвы [26]. Однако длительное время имела своих сторонников концепция прикамской прародины финно-угров, которой придерживался П. Н. Третьяков [29].

Плодотворным вариантом направления анализа некротифы является работа И. М. Петербургского, посвященная реконструкции кузнечного и ювелирного ремесел по материалам из погребальных комплексов [20].

Материалы погребальной обрядности являются перспективным источником для реконструкции идеологии и религиозных воззрений изучаемого общества. Так, Р. Ф. Воронина на основе анализа материалов среднецнинских могильников пришла к выводу, что для населения, оставившего данные памятники, были характерны: культ предков (следы поминальных тризн отчетливо прослеживаются по археологическим материалам), культ огня и солнца (обряд трупосожжения), обожествление коней и водоплавающих птиц (обнаружено большое количество соответствующих амулетов) [10]. Истоки данных воззрений следует искать в более ранней истории региона. Так, Н. В. Трубникова отмечала подобные черты в Кошибеевском могильнике, добавляя к вышеобозначенному наличие представлений и форм культа, близких к шаманизму [30].

Продолжалась разработка хронологии древнемордовских памятников. На основе применения математических методов В. И. Вихляеву удалось создать относительную и абсолютную хронологию наиболее древних могильников мордвы, расположенных в

Пензенской области. Была создана единая типология вещевого материала, керамики и погребальной обрядности; выделены сравнительно небольшие периоды существования отдельных украшений и предметов, установлено, как они изменялись во времени; прослежено этническое развитие южно-мордовских племен II — VII вв. н. э. [7].

Данные, касавшиеся погребальной обрядности мордвы-мокши XII — XIV вв., были обобщены и проанализированы Я. В. Беляевым [5]. Исследуя материалы раскопок Куликовского, Кельгининского, I Старобадиковского, Ефаевского, Старосотненского, Паньжинского, Пичпандинского, Беднодемьяновского, Чернозерского и Муранского могильников автор пришел к выводу, что некротфера средневековой мордвы сохранила черты предшествующего времени, как то: грунтовая могильная яма подчетыреугольной формы с закругленными углами, преимущественная южная ориентировка умерших, следы культа огня в виде угольков и золы, наличие в засыпке могил и рядом с ними фрагментов керамики, костей животных. В то же время исследователь подчеркивал появление новых особенностей в погребальном обряде: захоронение мужчин и женщин отдельными группами, согнутое положение женщин на левом или правом боку с подведенными к лицу руками (объясняется неравноправным положением женщины в социальной структуре общества), появление захоронений в колодах (влияние кочевого мира). Данная работа представляет интерес благодаря отражению преемственности и эволюции некротферы древней и средневековой мордвы.

Особый аспект некротферы древнего населения был проанализирован В. В. Гришаковым. В области его научного интереса находилась керамика из погребальных памятников. Исследователь посвятил отдельную монографию обобщению материалов по керамике финно-угорских племен Западного Поволжья эпохи раннего средневековья. Данный труд охватывает керамический массив II — XI вв. из десяти территориально-хронологических групп памятников. Предложенная В. В. Гришаковым методика кластер-анализа, учитывавшая количественные (пропорции) и качественные (форма тулова, характер перехода от плечика к горлу, форма горла, декор, состав формовочных масс) признаки, позволила автору разработать единую классификацию поволжско-финской керамики, выделить очаги керамического производства и проследить динамику развития керамических традиций. Таким образом исследователь убедительно доказал плодотворность изучения керамических комплексов могильников для реконструкции этнокультурных процессов. Полученные исследователем выводы являются перспективными для дальнейшей работы, особенно на базе анализа керамического материала в совокупности с погребальной обрядностью.

Большой вклад в изучение некротферы мордовских племен внес Ю. А. Зеленева. Итоги его многолетних изысканий были обобщены в 1995 г. в диссертации, посвященной погребальному обряду мордвы и этнокультурным процессам в Волго-Окском регионе в VI — X вв. [12]. Исследователь предложил самобытную методику анализа археологического материала. Традиционно при проведении полевых исследований каждый археолог описывал погребальный обряд, разбивая его на элементарные признаки различной степени подробности, иными словами, применял метод типологии. Ю. А. Зеленева выступил с предложением выделять на основании вычисления коэффициента сопряженности между составляющими элементами обряда (фактически — наиболее значимыми критериями типологии) модели погребального обряда, которые могли соответствовать определенному хронологическому периоду, локальной территории или социальной группе.

Работа Ю. А. Зеленева внесла значительный вклад в изучение некросферы древней мордвы. На основании оригинальной и весьма продуктивной методики было показано, что мордовский погребальный обряд был достаточно целостной структурой, прослежена динамика его развития, инокультурное влияние, выявлены локальные различия северомордовских и южномордовских могильников. В то же время выделенные исследователем модели имеют абстрактный характер и не учитывают многообразия форм погребальной обрядности в рамках менее обширных территорий, чем южно- и северомордовский регионы, что обедняет картину наших представлений об этнокультурном развитии региона. Таким образом, потенциал типологических методик на сегодняшний день не исчерпан.

Доказательством вышесказанному служит работа О. В. Зеленцовой, посвященная хронологии и периодизации среднецнинских могильников, в которой автор на основе применения статистико-математических методов выделила стадии динамики изменений погребального обряда рассматриваемых памятников [14]. Работа по датировке материалов среднецнинских могильников была продолжена исследователем и в дальнейшем [13].

Заслуживает внимания работа В. Н. Шитова, посвященная исследованию динамики расселения мордвы на основании картографирования и анализа материалов погребальных памятников, этнокультурная принадлежность которых, в отличие от селищ, устанавливается наиболее надежно [33]. Хронологические рамки исследования охватывают III — XIV вв. Научная ценность исследования заключается в реконструкции сложной совокупности этнокультурных процессов с учетом как внутренних факторов развития, так и внешнеполитического влияния.

Результаты изучения В. И. Вихляевым ранней этнической истории мордвы были обобщены в работах «Происхождение древнемордовской культуры» [8] и «Древнейшая мордва» [6]. На археологических материалах автор проследил роль племен городецкой культуры в этногенезе мордвы, разработав относительную хронологию городецкого керамического комплекса и выделив характерные черты его позднего периода, а также определил отличительные признаки племенных археологических культур Окско-Сурско-Цнинского междуречья I — VII вв., выделив основные периоды формирования древнемордовской культуры, а также причины, приводившие к этнокультурным изменениям в регионе. Исследователь пришел к выводу, что основы культур двух мордовских субэтносов — эрзянского и мокшанского — были заложены независимо друг от друга, хотя подчеркнул, что вместе с тем это были весьма близкие археолого-этнографические типы.

Плодотворная работа коллектива авторов над разработкой сквозной, взаимосвязанной по периодам хронологии могильников западной части Среднего Поволжья завершилась выходом монографии, в которой были проанализированы материалы 29 могильников Окско-Сурско-Цнинского междуречья [9].

Установление точной хронологии памятников имеет в археологии первостепенное значение, поскольку без определения времени функционирования невозможна объективная интерпретация их материалов. Полученные данные позволяют уточнить многие аспекты этнокультурной истории рассматриваемого региона, что открывает широкие перспективы для дальнейших исследований в этой области.

Обзор истории этнографии, посвященной изучению некросферы древней мордвы, показывает, что трудами предыдущих поколений исследователей был накоплен

впечатляющий по объему материал. Наиболее полно были проработаны вопросы происхождения мордовского народа, его этнокультурной истории, хронологии мордовских древностей. Меньше внимания уделялось социальным аспектам и вопросам идеологии.

Следует отметить такую характерную черту, как разобщенность исследований по узким тематикам. В большинстве работ исследователей основное внимание уделяется либо погребальному обряду, либо хронологии, либо характеристике различных категорий вещевого материала отдельных памятников, либо территориально-хронологических групп. Перспективным направлением представляется создание комплексных исследований с привлечением анализа как можно большего количества составляющих элементов некротифы. Опираясь на подобный анализ, можно более объективно реконструировать быт, духовную и материальную культуру, социальное устройство, идеологические представления, уровень развития изучаемого общества, этническую принадлежность, его традиционность и подверженность влияниям — словом, весь спектр вопросов, которые археологи пытаются решить с большей или меньшей объективностью для воссоздания истории давно исчезнувших обществ людей, оставивших погребальные памятники.

Есть все основания полагать, что плодотворные результаты могут быть получены путем исследования погребальных обычаев древнего населения. Для выделения данной категории необходим расчет сопряженности взаимовстречаемости в погребениях отдельных элементов погребальной обрядности и различных типов керамических комплексов. Полученные данные в сочетании с уже введенными в научный оборот материалами по типологии и хронологии вещевого материала финских племен могут значительно обогатить наши представления об этнокультурных процессах древности и раннего средневековья.

Уместным в связи с этим представляется ретроспективное обращение к дискуссии по поводу соотношения терминов «погребальный обряд» и «погребальный обычай» на страницах журнала «Российская археология» [17] в целях устранения проблемы терминологического разнобоя в науке и упорядочения содержания и соотношения вышеупомянутых терминов. Высказывались самые разнообразные точки зрения, вплоть до диаметрально противоположных. Однако в итоге так и не было выработано единой, принимаемой всеми исследователями, точки зрения. Содержание терминов и сегодня продолжает определяться по-разному. Важно подчеркнуть, что в статье, посвященной результатам дискуссии, В. С. Ольховский пришел к выводу, что критика положений оппонентов является бесполезной, если каждое понятие корректно сочетается с другими в рамках отдельно взятой концепции.

Таким образом, вышеизложенное понимание термина «погребальный обычай» (обряд + керамика) позволяет говорить о том, что обычай — это динамичная категория, учитывающая хронологические изменения, инокультурное влияние и этногенетические процессы. Погребальный обряд статичен — это понятие, которое более применимо к характеристике конкретного периода функционирования того или иного памятника. Оптимально термин «обряд» следует применять при характеристике одного конкретно взятого погребения. Если же речь идет о широкой группе памятников, существовавшей на протяжении длительного исторического отрезка, когда необходим анализ вопросов этнической истории населения, оставившего данную группу памятников, то, по-видимому, более корректно апеллировать к термину «погребальный обычай».

Литература

1. **Алихова А. Е.** Из истории мордвы конца 1-го — начала 2-го тыс. н. э. / А. Е. Алихова // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959. С. 13 — 54.
2. **Алихова А. Е.** Мордва и мурома / А. Е. Алихова // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М., 1949. № 30. С. 26 — 30.
3. **Алихова А. Е.** Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетия н. э. / А. Е. Алихова // Совет. археология. 1958. № 2. С. 66 — 77.
4. Археологический сборник / под общ. ред. Ю. В. Готье. Саранск : Мордов. гос. изд-во, 1948. 260 с.
5. **Беляев Я. В.** Погребальный обряд мордвы-мокши XII — XIV вв. / Я. В. Беляев // Вопр. древней истории мордовского народа : тр. / НИИЯЛИЭ. Саранск, 1987. Вып. 80. С. 79 — 84.
6. **Вихляев В. И.** Древнейшая мордва / В. И. Вихляев. Саранск : Изд-во Мордов. гос. ун-та, 2003.
7. **Вихляев В. И.** Древняя мордва Посурья и Примокшанья / В. И. Вихляев. Саранск : Изд-во Мордов. гос. ун-та, 1977. 98 с.
8. **Вихляев В. И.** Происхождение древнемордовской культуры / В. И. Вихляев. Саранск, 2000. 132 с.
9. **Вихляев В. И.** Хронология могильников населения I — XIV вв. западной части Среднего Поволжья / В. И. Вихляев, А. А. Беговаткин, О. В. Зеленцова, В. Н. Шитов. Саранск, 2008. 352 с.
10. **Воронина Р. Ф.** О некоторых чертах верований среднеэтнической мордвы VII — XII вв. / Р. Ф. Воронина // Совет. археология. 1975. № 1. С. 281 — 286.
11. **Жиганов М. Ф.** Старший Кужендеевский могильник в бассейне реки Теша / М. Ф. Жиганов // Совет. археология. 1959. № 1. С. 218 — 227.
12. **Зеленев Ю. А.** Погребальный обряд мордвы и этнокультурные процессы в Волго-Окском регионе в VI — X вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю. А. Зеленев. Йошкар-Ола, 1995. 20 с.
13. **Зеленцова О. В.** Геральдические поясные наборы и датировка ранних комплексов из среднеэтнических могильников / О. В. Зеленцова // Чтения, посвящ. 100-летию В. А. Городцова в ГИМ. М., 2003. С. 118 — 126.
14. **Зеленцова О. В.** Хронология и периодизация среднеэтнических могильников древней мордвы : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. В. Зеленцова. М., 1998. 20 с.
15. Материалы по истории мордвы VIII — XI вв. / ред. и вступит. ст. А. П. Смирнова. Моршанск : Изд-во Моршан. краевед. музея, 1952. 232 с.
16. Материальная культура среднеэтнической мордвы VIII — XI вв. / науч. обраб. и введ. А. Е. Алиховой. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1969. 176 с.
17. **Ольховский В. С.** Обычай и обряд как формы традиции / В. С. Ольховский // Российская археология. 1997. № 2. С. 162.
18. **Петербургский И. М.** Второй Журавкинский могильник / И. М. Петербургский // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры : тр. / НИИЯЛИЭ. Саранск, 1979. Вып. 63. С. 57 — 75.
19. **Петербургский И. М.** Второй Старобадиковский могильник / И. М. Петербургский // Вопр. древней истории мордовского народа : тр. / НИИЯЛИЭ. Саранск, 1987. Вып. 80.
20. **Петербургский И. М.** К вопросу о кузнечном и ювелирном ремеслах мордвы (по раскопкам Шокинского могильника VI — X вв.) / И. М. Петербургский // Материалы по археологии и этнографии Мордовии : тр. / НИИЯЛИЭ. Саранск, 1974. Вып. 45. С. 42 — 56.
21. **Полесских М. Р.** Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья / М. Р. Полесских. Пенза : Приволж. кн. изд-во, 1977. 88 с.
22. **Полесских М. Р.** Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области / М. Р. Полесских // Совет. археология. 1959. № 4. С. 202 — 211.
23. **Рыков П. С.** Культура древних финнов в районе р. Узы / П. С. Рыков. Саратов, 1930. 82 с.
24. **Рыков П. С.** Очерк по истории мордвы. По археологическим материалам / П. С. Рыков. М. : Учпедгиз, 1933.

25. **Смирнов А. П.** Очерки древней и средневековой истории Среднего Поволжья и Прикамья / А. П. Смирнов. М. : Изд-во АН СССР, 1952. 276 с.

26. **Смирнов А. П.** Этногенез мордовского народа по данным археологии I — XIV вв. н. э. / А. П. Смирнов // Этногенез мордовского народа : материалы науч. сессии. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1965. С. 18 — 28.

27. **Степанов П. Д.** Андреевский курган. К истории мордовских племен на рубеже нашей эры / П. Д. Степанов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1980. 108 с.

28. **Степанов П. Д.** К вопросу о происхождении мордовских племен — мокши и эрзи (по данным археологии и языка) / П. Д. Степанов // Учен. зап. Саратов. гос. пед. ин-та и Саратов. гос. ун-та. Саратов, 1956. Вып. 22. С. 143 — 170.

29. **Третьяков П. Н.** К вопросу о возникновении и древней истории финно-угорских племен Поволжья / П. Н. Третьяков // Этногенез мордовского народа : материалы науч. сессии. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1965. С. 7 — 17.

30. **Трубникова Н. В.** Погребение шамана в Кошибеевском могильнике и верования позднегогородских племен / Н. В. Трубникова // Совет. археология. 1969. № 3. С. 42 — 52.

31. **Циркин А. В.** Шокшинский могильник / А. В. Циркин // Совет. археология. 1972. № 2. С. 155 — 170.

32. **Шитов В. Н.** Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В. Н. Глазова в 1902 г.) / В. Н. Шитов // Вопр. этнической истории мордовского народа в I — начале II тыс. н. э. : тр. / НИИЯЛИЭ. Саранск, 1988. Вып. 93. С. 4 — 43.

33. **Шитов В. Н.** Расселение древней мордвы (по материалам погребальных памятников) / В. Н. Шитов // Финно-угорский мир: история и современность : материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000. С. 52 — 60.

Поступила 09.09.2009 г.

УДК 331.556.2(571.1)(=511.152)

Л. И. Никонова, Ж. В. Шерстобитова
L. I. Nikonova, Zh. V. Sherstobitova

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ МОРДВЫ В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

MIGRATION OF THE MORDVINS TO WEST SIBERIA: TRADITIONS AND INNOVATIONS

Ключевые слова: мордва, переселенцы, переселение, ходоки, традиционная культура.

Переселение — важное явление как для областей, откуда шло выселение, так и для территорий, на которых обосновывались переселенцы. В этнографическом отношении этот процесс представляет значительный интерес, поскольку складывается иной быт населения, его традиционная культура. Чтобы проследить эти изменения, необходимо изучать традиционную культуру мест выезда переселенцев и въезда, проводить сравнительный анализ. Над этим в настоящее время работают ученые института НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

Key words: the Mordvins, migrants, migration, traditional culture.

Migration is a phenomenon important both for regions where the resettlement occurred and the territories where migrants moved to. With respect to ethnography this process is of significant

interest, because it forms another way of life of inhabitants, their traditional culture. In order to observe these changes, it is necessary to study the traditional culture of territories of migrant's departure and entrance to make comparative analysis. At present the scientists of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia solve these problems.

Согласно Всероссийской переписи 2002 г., в Тюменской области проживает 1 647 чел. мордвы. Переселение в эти села шло по разным причинам. Успешному освоению Сибири способствовали массовые крестьянские переселения конца XIX — начала XX в. Переселению мордвы в Западную Сибирь способствовали безземелье и голод в Поволжье. Многие аспекты, связанные со сменой места жительства, для большинства народов были одинаковыми. Общими были система переселения и те трудности, с которыми сталкивались люди при переезде и устройстве. Для всех народов была характерна система «ходачества», хотя «справочные книжки, маршруты, карты имелись в каждом волостном управлении, переселенческом пункте, на железнодорожных станциях, в земствах и землеустроительных комиссиях» [2, с. 206 — 207]. Тем не менее люди предпочитали верить родственникам и односельчанам, посылая в Сибирь ходоков — представителей от деревень, а также глав семей. Ходоки получали переселенческие документы, ссуды на посев, продовольствие, хозяйственное устройство и построение жилища, осматривали земли, строили жилье (землянки) и только потом перевозили семьи в Сибирь. В результате опроса населения удалось выяснить, что переселение мордвы в Тюменскую область было добровольным. В 1924 г., когда по всей стране проходила коллективизация, недалеко от Ишимского уезда Уральской области была основана д. Калиновка. Крестьянин Иван Петрович Одышев из Мордовии, защищая Советскую республику от белогвардейцев в Ишимском уезде, обратил внимание на редко населенную местность, изобилие пустующих земель, лугов и лесов. Когда вернулся домой в Мордовию, стал рассказывать про сибирские просторы, хорошие пастбища для скота. Стал вести со своими земляками разговоры о переезде в Сибирь — желающих оказалось много, особенно среди бедного населения. Весной 1924 г. из Краснослободского уезда Пензенской губернии — из д. Старая Потьма, Старое Зайцево и Курташки — приехали в Сибирь восемь человек (Левин Максим, Одышев Иван Петрович, Среднев Григорий, Мирошкин Семен, Мирошкин Дмитрий, Гуляйкин Матвей, Никитин Иван, Кабанов Андрей Михайлович), чтобы посмотреть на места и выяснить, пригодны ли они для жизни. Им понравились богатые леса и урожайные земли. Главным для ходоков было большое количество земли, которую не нужно было делить (как в Мордовии). После успешной поездки у них окрепло желание переселиться в Сибирь на постоянное место жительства, однако для этого требовалось разрешение. По возвращении домой, собрали собрание, после которого выбранных ходоков Одышева Ивана и Кабанова Антона отправили в Москву к председателю ЦИК СССР Михаилу Ивановичу Калинин. М. И. Калинин встретил ходоков доброжелательно и не только дал им денежную ссуду на перевоз имущества по железной дороге до станции Ишим, но и освободил переселенцев от всех платежей на три года. Как говорили переселенцы, «все возьмем с собой, пригодится на новом месте, а больше всего везли ребятни» [3]. Таким образом, при поддержке «всесоюзного старосты», жители Мордовии оказались в Сибири. Место поселения решили назвать Калиновкой — в честь М. И. Калинина. В Ишимском

уезде переселенцам выделили участок на границе между кротовскими и покровскими наделами. Из соседних сел приезжали люди посмотреть на новых жителей, прислушивались к незнакомому наречию. Отдавать свою землю приезжим они не хотели, и на первых переселенцев было организовано вооруженное нападение. Ночью банда под руководством кротовского кулака Чиракова напала на них. В результате один переселенец был убит, другой ранен, а третий спасся, благодаря тому что спрятался под тело убитого товарища. Нападение не остановило калиновцев. Целую неделю переселенцы угощали землемера из с. Готопутова, чтобы он выделил им участок. Так был получен небольшой участок вокруг болота. Позже вокруг с. Калиновка были заселены д. Сухиниха, Озернинка, Дмитриевка, Чистяки, Алексеевка и Кротово [1].

В сентябре 1924 г. в с. Калиновка переселилось сорок семей [5, с. 42 — 43]. По словам мордовских переселенцев, они переехали из следующих сел и районов Мордовии: д. Старая Потьма и Старое Зайцево Краснослободского района, с. Курташки Атюрьевского района, д. Толковка и Рыбкино Ковылкинского района. С их слов были получены сведения о других переселенцах. Так, в 1924 г. в с. Калиновка, по словам В. В. Мирошкиной и М. Н. Петриковой, мордва переехала из Ковылкинского района; также переселились семьи Аتماйкиных, Ачапкиных, Ведянкиных, Зайцевых, Левиных, Катановых, Кечкиных, Кисняшкиных, Одушевых, Петряковых, Фроловых и Шатуновых (ПМА: Мирошкина, Петрикова М. Н.). По сведениям жительницы с. Калиновка Н. М. Никитиной (Бибичевой), русской по национальности, «после окончания медицинского училища вышла замуж в 1953 г. за мордвина Ивана Егоровича. Его родители — Егор Филиппович (1906 года рождения) и Марина Тимофеевна Атамашкина (1904 года рождения) переехали в с. Калиновка в 1924 г. из д. Толковки Ковылкинского района» (ПМА: Никитина). Информаторы из Краснослободского района также сообщили: семья Левиных — Григорий Гаврилович (1905 года рождения) и Пелагея Ивановна (1906 года рождения) — переехала в Калиновку в 1924 г. из с. Старая Потьма Краснослободского района (ПМА: Левин, Левина). С ними же переселились Тихон Тихонович Кисняшкин и Иван Тихонович Левин. По словам другого информатора — И. П. Мирошкина, его семья — отец Петр Федорович (1906 года рождения) и мать Сайкина Ксения Семеновна (1902 года рождения) — переехала в с. Калиновка в 1924 г. из с. Зайцева Краснослободского района (ПМА: Мирошкин). Сначала переехала мать, а потом отец, так как он в это время служил в армии (переехал в 1926 г.). Сестры И. П. Мирошкина (Александра Петровна, 1920 года рождения) и Анастасия Петровна, 1929 года рождения) и брат отца (Федор Петрович, 1934 года рождения) в настоящее время проживают в г. Омске. Далее Иван Петрович рассказывал, что в 1956 г. женился на Ульяне Егоровне Никитиной (1938 года рождения) и у них пятеро детей (Нина, Ксения, Марина, Юрий, Петр). Таким образом, к концу 1925 г. количество переселенцев в с. Калиновка увеличилось.

Следует отметить, что мордва, кроме с. Калиновка, проживала также в д. Дмитриевка, Покровка и Сорокино. Мордва переселилась в д. Дмитриевку, расположенную в четырех километрах от д. Покровки, в 1924 г. В этом же году родилась А. С. Петрикова, ее привезли в деревню новорожденной. В этом населенном пункте она закончила семилетнюю школу. Согласно сведениям Веры Васильевны Пресняковой (Фроловой), ее семья переехала в д. Дмитриевку в 1925 г. из Ковылкинского района. В

1930 г. Вера Васильевна вышла замуж и в этом же году переехала в с. Калиновка. В течение 7 лет работала дояркой в совхозе, следующие 7 лет — бригадиром в совхозе, до пенсии дорабатывала в отделении связи. Ее дети в настоящее время проживают в пос. Московский Тюменской области (ПМА: Преснякова В. В.). По словам М. И. Петриковой, ее семья переехала в 1925 г. из с. Курташки Атюрьевского района. Сначала они жили в с. Дмитриевка Сорокинского района, затем в с. Калиновка (ПМА: Петрикова М. И.). Из с. Курташки переехала и семья Игишевых. А. А. Одышева (Игишева) вспоминала, что «сначала переехали ее отец — Алексей Иосифович Игишев и мама — Пелагея Федоровна Алешкина. В с. Дмитриевка они построили дом крестового типа. В своем хозяйстве держали коров, лошадей. Сеяли пшеницу, рожь, просо, картофель, коноплю и лен — на холст и масло, сажали подсолнухи, которые также перерабатывали на масло». По ее словам, она с 12 лет занималась физическим трудом: «полола траву, собирала лен, горох, косила, возила на быках сено, пасла овец. В 1947 г. начала учиться на тракториста в с. Ворси́ха Сорокинского района. После обучения работала на «колеснике» (трактор на колесах), в г. Ишиме училась ездить на «натике» (гусеничном тракторе)». В 1949 г. А. А. Игишева переехала жить в с. Покровка, жила на съемной квартире. Когда вышла замуж за Леонида Егоровича Одышева (1922 года рождения), перевезла свой дом из с. Дмитриевка в с. Покровка. Детей у них пятеро — Раиса, Вера, Вася, Наташа и Николай. «Работала на разных работах в бригаде, а потом, по состоянию здоровья, направили в детские ясли, затем — в садик, где трудилась до пенсии» (ПМА: Одышева). По словам другого информатора — М. М. Бахмач (Игишева), ее родители (отец — Михаил Осипович и мать — Надежда Никитична Алешкина) переехали в с. Дмитриевка Сорокинского района также из с. Курташки Атюрьевского района в 1925 г. В 1951 г. она переехала в с. Покровка (ПМА: Бахмач). Согласно собранным сведениям, мордва, в настоящее время проживающая в с. Сорокине, является жителями-переселенцами из с. Калиновка. Например, по словам А. И. Пресняковой, ее родители переехали в с. Калиновка из с. Зайцева Краснослободского района в 1924 г. С ними приехали Левины, Петриковы, Зайцевы, Мирошкины и Шатуновы. Место им понравилось, так как было много леса, земли. Сначала жили в землянках, выкорчевывали лес. По словам информатора, первое время они очень скучали по Мордовии, особенно часто вспоминали яблоневые сады. Постепенно создали и на новом месте тот микроклимат, который был на родине (ПМА: Преснякова А. И.). Информатор С. С. Аверкина (Левина) сообщила, что ее родители также переехали в с. Калиновка из с. Зайцева Краснослободского района. С 1981 г. она жила в с. Сорокине (ПМА: Аверкина).

Суровый сибирский климат пришелся по душе не всем переселенцам и некоторые из них уезжали обратно.

В настоящее время в с. Калиновка проживает около 200 чел. мордвы. Живут дружно, имеют большие хозяйства (от одной до 3 — 4 голов коров и телят, от 10 и более — овец, содержат птицу). Село славится национальными традициями: до сих пор в обиходе мордовская одежда, соблюдаются мордовские праздники и обычаи, жители разговаривают только на мордовском-мокша языке. В селе действует Центр мордовской культуры [4].

Жилой дом — сравнительно устойчивый компонент материальной культуры, используемый в бытовой жизни людей. В нем выявляется длительное функционирование

традиций, формировавшихся в различные исторические периоды. Первоначально мордовские переселенцы жили в землянках. Первый дом был построен К. С. Мирошкиной. В 1925 г. расположение домов в с. Калиновка было рядное. В первые годы после переселения люди строили пятистенные дома — два сруба сращивали между собой таким образом, чтобы одна стена оставалась общей. Для строительства использовали березу и осину. В с. Сорокине мордва строит дома из кирпича. Крыши делали различные: двускатные и четырехскатные стропильной конструкции. Если раньше крыши покрывали соломой, дерном или берестой, то в настоящее время — шифером и железом. Внутреннее помещение жилой избы состояло из четырех комнат. Обычай строить просторные дома объяснялось большим количеством детей в семьях. Стены изнутри штукатурили, а затем красили известью или краской. Усадьба включала различные хозяйственные постройки: срубное помещение с высоким сеновалом для крупного и мелкого рогатого скота, дощатые сараи для хранения дров, амбары, погреб, баню и летнюю кухню. Следует отметить, что у мордвы Сорокинского района хозяйственные постройки сделаны из добротного материала и рублены «в чашу» и «в лапу». Из-за того, что в хозяйствах содержалось (и в настоящее время содержится) очень много разного скота, то таких построек делалось несколько. Дворы огораживались ранее плетнем, а в настоящее время — жердями или досками.

Для обогрева жилища и выпечки хлеба в домах делали печи. При переселении в новый дом мордва старалась соблюсти некоторые обычаи. Так, при вселении в новый дом, приглашали с собой домового, приговаривая: «Домовой, домовой, я иду по дорожке, а ты — за мной», при этом на стол обязательно ставили горшок с кашей.

Традиционный мордовский костюм, особенно женский, очень красочен и разнообразен. Следует отметить, что на территории Сорокинского района мордва носила такую одежду, которая была характерна на территории их прежнего проживания. На исследуемую территорию мордва-мокша переселилась из Краснослободского, Ковылкинского и Атюрьевского районов Мордовии. В настоящее время пожилые женщины до сих пор носят мордовскую одежду. Национальные костюмы есть почти во всех домах, часть мордовского наряда хранится в музее с. Калиновка.

В рационе питания мордовских переселенцев большое значение имели зерновые и мясо-молочные изделия, продукты охоты, рыболовства и собирательства. Хлеб являлся основой питания. Пекли его из ржаной и пшеничной муки в форме круглых или продолговатых больших лепешек. В с. Калиновка хлеб круглой формы называли «копшат». Большой любовью у мордовских переселенцев пользовались пироги (прякат), которые выпекали из дрожжевого и пресного теста. Их пекли с разнообразной начинкой: творогом, жареной капустой, картофельным пюре, грибами, фаршем из вареного мяса и ливера, поджаренного с луком. Летом пекли со свежими ягодами и фруктами, зимой — с толчеными или вареными сухофруктами, весной — с начинкой из свежей зелени и вареными яйцами или кашей. В качестве начинки использовали также сахарную свеклу с калиной. Праздничным изделием повсеместно были орешки (пяштенят), которые жарили для колядующих на Рождество. Следует отметить, что мордва Сорокинского района на все праздники и семейные торжества пекла пшеничные блины (суро ямсоно пачат). Древнейшим

мордовским обрядовым блюдом являлась каша, которую готовили на свадьбах, поминках, на праздновании рождения ребенка. В с. Калиновка, например, часто варили гороховую кашу (саламат). Широко были распространены кисели, которые варили из овсяной крупы и крахмала с добавлением сока ягод. В с. Калиновка овсяный кисель является обрядовым блюдом. Ежедневной едой мордовских переселенцев были щи. В большом количестве употреблялись огурцы, помидоры, капуста, чеснок и другие овощи как в сыром, так и в переработанном виде. Мордовские переселенцы активно занимались садоводством. По рассказам М. М. Бахмач (Игишевой) из с. Покровка, мордва выращивала красную и черную смородину, малину, вишню, сливу (ПМА: Бахмач). Существенное дополнение к пищевому рациону составляли сушеные и соленые грибы. Большую роль в питании мордовских переселенцев играли продукты животного происхождения. Мордовское население, как и на родине, отдавало предпочтение свиному мясу и салу, баранине, птице. Говядина употреблялась реже. Мясные блюда мордва всегда готовила на праздники. Например, в с. Калиновка на Рождество обязательно варили свиную голову. Одно из любимых мокшанских мясных блюд — жареное мясо с луком (щеням). В повседневном рационе (за исключением постов) мордва употребляла свежее, топленое, замороженное и кислое молоко. Значительное место в пищевом рационе занимала рыба. На все календарные и семейные праздники мордовское население готовило позу из свеклы, квас. Из алкогольных напитков употребляли медовуху и брагу.

Наиболее почитаемыми праздниками мордвы Сорокинского района являлись Рождество Христово, Крещение, Пасха, Масленица, Троица, Петров день, Покров день, престольные праздники и др. Как правило, они праздновались в течение нескольких дней. Для с. Калиновка характерно то, что русское население, живя среди мордвы, соблюдает их праздники, обычаи и традиции. Поскольку мордовские народные праздники приурочены к земледельческому календарю, в фольклоре мордвы развита обрядовая поэзия: широко распространены колядки, семейно-бытовые, эпические, исторические и лирические песни, а также плясовые и частушки.

Существенное место в традиционной медицинской культуре мордвы с. Калиновка занимает народная медицина. В нее входят: траволечение, лечение средствами животного и минерального происхождения, особое место занимают заговоры.

Большой популярностью у мордвы с. Калиновка пользовалась баня, которая, по мнению сельчан, и вымоет и вылечит.

Таким образом, переселение мордвы в Западную Сибирь было важным явлением как для областей, откуда шло выселение, так и для территорий, на которых обосновывались переселенцы. Этот процесс представляет значительный интерес и в этнографическом отношении, так как на новых местах по-разному складывались быт и культура населения; в зависимости от совокупности конкретных условий развивались различные формы его материальной и духовной культуры. Под влиянием природно-климатических условий, культур местных народов и других переселенцев в традиционной культуре мордвы происходили изменения. Чтобы проследить их, необходимо изучать традиционную культуру мест выезда и въезда переселенцев, используя сравнительный анализ. Над этим в настоящее время работают ученые НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

Литература и источники

1. Архив библиотеки с. Калиновка, 2009 г.
2. **Вольхина М. Г.** Материалы к концепции по теме «Этническая культура народов-переселенцев XIX — XX вв.» / М. Г. Вольхина // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1998. Тюмень, 1999.
3. Из семейного архива А. С. Петриковой с. Калиновка. 2009 г.
4. **Никонова Л. И.** Мордва Западной Сибири : в 2 ч. Ч. 1. Село Калиновка : сибирская история и мордовские традиции / Л. И. Никонова, Л. Н. Щанкина, Ж. В. Шерстобитова ; под ред. д-ра ист. наук, проф. В. А. Юрченкова. Саранск, 2009. 196 с. (сер. «Мордва России»).
5. **Петров А. В.** Калиновке, слышав голосок... / А. Петров // Национальные культуры региона : науч.-метод. и репертуарно-информ. альманах. Тюмень, 2005. Вып. 9.

Полевой материал авторов

- Аверкина (Левина) Светлана Семеновна, 1966 года рождения, с. Сорокино Сорокинского района Тюменской области, запись 2009 г.
- Бахмач (Игишева) Мария Михайловна, 1938 года рождения, с. Покровка Сорокинского района Тюменской области, запись 2009 г.
- Левин Михаил Григорьевич, 1938 года рождения, с. Калиновка Сорокинского района Тюменской области, запись 2009 г.
- Левина Ефросинья Андреевна, 1939 года рождения, с. Калиновка Сорокинского района Тюменской области, запись 2009 г.
- Мирошкин Иван Петрович, 1931 года рождения, с. Калиновка Сорокинского района Тюменской области, запись 2009 г.
- Мирошкина Вера Васильевна, 1948 года рождения, с. Калиновка Сорокинского района Тюменской области, запись 2009 г.
- Нитина (Бибичева) Нина Михайловна, 1934 года рождения, с. Калиновка Сорокинского района Тюменской области, запись 2009 г.
- Одышева (Игишева) Анна Алексеевна, 1931 года рождения, с. Покровка Сорокинского района Тюменской области, запись 2009 г.
- Петрикова Матрена Ивановна, 1935 года рождения, с. Калиновка Сорокинского района Тюменской области, запись 2009 г.
- Петрикова Марфа Николаевна, 1950 года рождения, с. Калиновка Сорокинского района Тюменской области, запись 2009 г.
- Преснякова Антонина Ивановна, 1962 года рождения, с. Сорокино Сорокинского района Тюменской области, запись 2009 г.
- Преснякова (Фролова) Вера Васильевна, 1937 года рождения, с. Калиновка Сорокинского района Тюменской области, запись 2009 г.

Поступила 15.07.2009 г.

УДК 392.51(571.513)(=511.152)

Л. Н. Щанкина

L. N. Schankina

**СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ МОРДВЫ
ЦИРКУМПРИБАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА И РЕСПУБЛИКИ
ХАКАСИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ 2008 г.)**

**WEDDING RITES OF THE MORDVINS
IN TSIRKUMPRIBAJKALSSKIY REGION AND IN THE REPUBLIC
OF KHAKASIA (BASED ON MATERIALS OF 2008 EXPEDITION)**

Ключевые слова: обрядность, обычаи, традиции, свадебные обряды.

Целью статьи является рассмотрение традиционных свадебных обрядов и обычаев мордвы Циркумприбайкальского региона и Республики Хакасия, составляющих неотъемлемую часть мордовской национальной культуры. У мордовского населения обрядность была связана с древней этнической историей населения. Возникнув в результате народного творчества, она со временем стала культурной традицией.

Key words: ritualism, customs, traditions, wedding rites.

The purpose of the article is consideration of traditional wedding rites and customs of the Mordvins in Tsirkumpribajkalskiy Region and in the Republic of Khakasia as the integral components of Mordovian national culture. The ritualism of Mordovian population was connected with the ancient ethnic history. Originated as the result of people creation in the course of time it became local cultural tradition.

Свадьба занимает центральное место в семейных обрядах мордвы и отличается большой сложностью и разнообразием. Этническая специфика культуры и быта этого народа хорошо прослеживается при изучении его свадебной обрядности: находясь в иноэтничном окружении, она, в свою очередь, способствует развитию межэтнических связей. Мордва, проживающая на территории Иркутской области, Забайкальского края и Республики Хакасия является переселенцами из мордовских населенных пунктов Республики Мордовия, Чувашской Республики и Самарской области. Поэтому свадебная обрядность в каждой населенной мордвою местности имеет свои особенности. Кроме этого, находясь в тесном контакте с соседними народами (в частности, с русским), мордва воспринимала у них те или иные элементы свадебных обрядов. Поэтому изучение традиционной и современной свадебной обрядности мордовских переселенцев, оказавшихся в инонациональном окружении, имеет большое значение и требует постоянного выделения традиционного и нового, а также сопоставления с целью выявления специфики. Следует отметить, что некоторые переселенцы переезжали на новую территорию, будучи замужними или женатыми, свадьбы, устраиваемые на новом месте жительства, проводились уже не так ярко, как на исконной территории.

Традиционная свадебная обрядность мордвы состояла из нескольких этапов: предсвадебный период — от сватовства до дня бракосочетания; день бракосочетания и

послесвадебные обряды, которые в той или иной степени сохранности можно наблюдать повсеместно. Основу обряда составляет переход невесты из дома отца в дом мужа. Вокруг этого события группируются разнообразные обрядовые действия, которые вначале носили магический характер, а затем, утратив свой первоначальный смысл, превратились в поэтический народный праздник.

Сватовство и свадьбу приурочивали к определенным религиозным праздникам, чаще всего в период от Покрова (14 октября) до Михайлова дня (21 ноября) и от Филипповского — до Великого поста. Даже в настоящее время день свадьбы никогда не назначают на время поста, особенно Великого, так как считается, что это может принести несчастье, а также на май — «Всю жизнь будут маяться» (ПМА: Ениватова М. И.). Как говорил информатор Н. П. Кугушев, свадьбу обычно играли осенью. По этому поводу у них есть пословица: «Хлеб — в амбаре и деньги — в кармане» (ПМА: Кугушев).

Знакомства молодых людей происходили в клубах, учебных заведениях, на праздниках, днях рождениях друзей и т. д. Например, в с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасия, по словам информатора Е. И. Грызиной, летом молодые знакомились на улице, зимой — в клубе (ПМА: Грызина).

Свадебный цикл мордвы начинался со сватовства. Оно проходило в несколько этапов. Сначала, для предварительных переговоров, в дом невесты отправлялась родственница жениха. Она договаривалась о согласии невесты на замужество. По обычаю, сватовство проводилось накануне воскресенья, иногда в другие дни. Исключение составляли так называемые тяжелые дни, особенно понедельник. Как правило, шли сватать невесту родители жениха и сваха. С собой обычно брали близкого родственника, иногда чужого человека, которые хорошо знали свадебные обычаи и обряды. В настоящее время участие в сватовстве принимает и сам жених, а также его крестный и крестная (если они были). Сватать приходили в нечетное календарное число, так как парой для жениха становилась невеста.

Направляясь сватать будущую невесту, брали с собой каравай хлеба, завязанный в платок или полотенце, а также четверть самогона. Сваты не сразу говорили о цели своего прихода. В доме старались сесть под перекладину (матицу). По традиции считалось, что это должно принести счастье, вместе с тем являлось и знаком, по которому родители невесты догадывались о цели прихода гостей. Первоначально речь вели загадками, жениха сравнивали с соколом, голубем, а невесту — с лебедем, голубкой. По народному мнению, это делалось с целью обмана злых духов, чтобы они не могли помешать осуществлению задуманного. В настоящее время это, с одной стороны, придает сватовству игровой характер, с другой — эстетическую окраску. После шуточных переговоров раскрывалась цель прихода сватов. Далее приглашали невесту и спрашивали у нее согласие (ПМА: Еремкина, Каргина). Если сватовство заканчивалось успешно, то матери невесты и жениха, в знак согласия на брак, обменивались хлебом и солью.

Хлеб пекли специально по этому поводу, с украшениями. Перед женихом и невестой ставили тот хлеб, который приносили с собой родители жениха. Если родители невесты или же сама невеста не были согласны на брак, то хлеб сватов относили к порогу. В конце сватовства невеста разрезала хлеб по количеству сидевших за столом человек: в это время гости «смотрели, как невеста умеет делить добро и как умеет работать» (ПМА: Ананьев, Дорогова). Раньше, по воспоминаниям переселенцев, невеста не присутствовала при сватовстве, находясь в соседней комнате. Воп-

рос о браке в настоящее время решается молодыми, и они сами ставят в известность родителей о своем намерении. Последние идут сватать только уважая традиции и для решения организационных вопросов, касающихся проведения свадьбы.

Кроме практических моментов, связанных со свадьбой, подготовительный период включал множество отдельных ритуалов, имевших символическое и магическое значение. Одним из них был так называемый девичник — комплекс обрядов, связанных с прощанием девушки-невесты с девичьей жизнью, родным домом. По словам Р. Н. Тетюшкиной, «девичник проводился обычно в субботу. С середины XX в. в связи с тем, что выходные дни были установлены в субботу и воскресенье, девичник был перенесен на пятницу» (ПМА: Тетюшкина). На девичник собирались к невесте подружки. В с. Краснополье Алтайского района на девичник девушки ходили друг к другу по домам. По традициям, невеста должна была причитывать. Во время причитаний в с. Сарагаш Боградского района Республики Хакасия невеста обращалась за помощью к Вирьаве и Вирьате. В настоящее время эта традиция ушла в прошлое. Кроме этого, на девичнике пели свадебные песни, собирали и укладывали приданое невесты, помогали закончить приготовление к свадьбе. По словам А. И. Черентаевой, к свадьбе невеста должна была приготовить определенное количество рубашек, ткани и полотенец. В настоящее время одно полотенце она хранит до сих пор (ПМА: Черентаева). В с. Сарагаш Боградского района Республики Хакасия у С. К. Наземкиной также до настоящего времени сохранилось полотенце, которое она вышивала на приданое. Сейчас оно хранится у ее невестки В. Н. Наземкиной (ПМА: Наземкина С. К.).

Значительным событием предсвадебного периода у мордвы было обрядовое мытье невесты в бане накануне свадьбы или за несколько дней до нее. Баню для невесты топили ее подружки: в ней они мыли невесте волосы и заплетали косу. Подобный обряд также сопровождался причитаниями невесты, в которых она прощалась с матерью и подругами, просила вымыть ее в последний раз.

Утром следующего дня друзья жениха украшали свадебный поезд расшитыми полотенцами, лентами и цветами, вешали колокольчики. Жених с друзьями и близкими, выдерживая условие нечетного количества, направлялись к невесте. Если раньше, по воспоминаниям информаторов, невеста могла быть одета в платье практически любого цвета (отдавая предпочтение белому или розовому), то сейчас шьют только белое платье. Белая фата делалась из накрахмаленной марли или тюля (ПМА: Резайкина О. А., Тришина).

В ожидании жениха невеста плакала. В народе говорили: «Не поплачешь за столом, поплачешь за углом» или «Сейчас выплечешь — на жизнь не останется» (ПМА: Бакайкин, Резайкина А. А.). Этот плач, по словам информаторов, нигде не записывался, он каждый раз создавался вновь, исходя из глубины души. Прощальный плач невесты о девичестве, родном доме, родителях и близких — это интереснейший образец устного народного творчества, который является выражением чувства страха перед замужеством. В настоящее время этот обычай не сохранился.

Когда свадебный поезд подъезжал к дому невесты, ее подружки и родственники закрывали ворота и двери, требуя от приехавших выкуп. Поезжане стремились пройти во двор, но их не впускали. Получив выкуп, открывали ворота, и свадебный поезд въезжал во двор. Здесь устраивали очередную преграду — не впускали в дом, требуя выкупа. Жительница с. Красноозерное Усть-Абаканского района Республики Хакасия Л. И. Мишуткина нам рассказала о своем выкупе на свадьбе: «Выкупали меня

шумно, даже дверь с петель сняли, чтобы в дом войти; мои подруги требовали выкуп даже за место около меня, только после этого жених имел право сесть рядом со мной. Затем вместо меня показали «ряженую невесту», а откупившись от нее, поезжане зашли в комнату, где я сидела. Рядом со мной сидел мой брат (если такового не было, то его заменял близкий родственник, сейчас сидят подруги невесты. — *Л. Щ.*), который продавал жениху девичью косу и место рядом со мной. После того, как обряд выкупа закончился, жених поцеловал меня и сел рядом» (ПМА: Мишуткина). В с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасия во время выкупа воровали туфлю у невесты, а когда жених выкупал туфельку и надевал ее на ногу, то садился рядом с невестой. После выкупа все садились за стол и угощались.

Свадебный стол был очень разнообразным. Готовили как национальные, так и современные блюда. Так, в поселке Уян Куйтунского района Иркутской области на свадьбу обязательно готовили мордовские блины, варили брагу. Из мясных продуктов готовили котлеты, голубцы, пельмени. Как сообщил нам Н. П. Кугушев, к этому дню обязательно забивали домашнее животное (ПМА: Кугушев).

Перед поездкой в церковь (а теперь — в ЗАГС) родители невесты благословляли дочь иконой, хлебом и солью. В это время в доме жениха шли приготовления к встрече молодых. В с. Гуран Тулунского района и пос. Уян Куйтунского района Иркутской области невеста, заходя в дом жениха, дарила свекру и свекрови по рубашке (ПМА: Ениватова В. И., Тетюшкин). В с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасия перед молодыми расстилали дорожку, родители встречали их с хлебом и солью, предлагая откусить от свадебного караваея как можно больше. Согласно примете, у кого кусок хлеба оказывался больше, тот был хозяином в доме (ПМА: Икамасова).

Во время свадьбы один из гостей надевал вывернутую наизнанку шубу. В с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасия, по словам П. М. Пайгушевой, женщины передевались в мужскую одежду и наоборот (ПМА: Пайгушева). До настоящего времени сохранился обряд обсыпания молодых конфетами, пшеном, овсом и хмелем — чтобы жили хорошо и дружно. В с. Сарагаш Богградского района Республики Хакасия при входе в дом молодых обсыпали пшеном и зерном, а в с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасия — монетами и пшеном (ПМА: Наземкина Р. В., Осипова). Так, например, в с. Гуран Тулунского района Иркутской области до настоящего времени сохранился обычай передевания в медведя, который посыпал молодую пару зерном со словами: «Сколько у медведя волос, пусть столько же будет сыновей и одна дочь» (ПМА: Тетюшкин).

Далее все гости садились за стол. За главным столом сидела молодая пара, рядом с невестой — ее близкая подруга, с женихом — его друг. В с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасия на стол перед невестой и женихом ставили ветку елки, наряженную цветными бумажками или фантиками (ПМА: Икамасова). Следует отметить, что мордовские женщины с. Сарагаш Богградского района Республики Хакасия на свадьбы обязательно надевали мордовские платья. Каждая семья приносила молодым что-то в подарок: мужчины — четверть самогона, женщины — пирог. Самые близкие родственники дарили домашних животных или птицу (овец, гусей). В прошлом, как сообщали информаторы, молодежь на свадьбах не присутствовала (за исключением начала свадьбы) (ПМА: Наземкина В. Н., Наземкина Р. В.).

На следующий день после свадьбы, утром, приглашенные родственники жениха по традиции ходили будить молодых, а родственники невесты шли искать «пропавшую ярку» (невесту). Хождение ряженных является одним из ярких примеров мордовского свадебного обряда. «Ярку» ищут, переодевшись в костюмы пастуха, цыганки, врача и т. д. Ряженные «цыгане» в прошлом воровали кур у гулявших на свадьбе и варили из них лапшу. В настоящее время этот обычай утратился. После долгих поисков «ярку» находили и все садились за праздничный стол. Затем следовало испытание невесты (заставляли мести полы), чтобы проверить, «не слепая ли» она. Под влиянием русского населения в конце свадьбы появился обряд «Вязания полотенец»: родственники жениха и невесты брали два полотенца и, завязав их узлом, тянули в разные стороны. Узел затягивали настолько сильно, что его практически невозможно было развязать, и бросали его под кровать молодых (ПМА: Третьяков).

Мордовские переселенцы придерживались и придерживаются целого ряда традиций и обычаев. Например, для того чтобы молодых не сглазили, в пиджак жениха втыкали острием вверх швейную иглу с ниткой белого цвета (иглу также втыкали в ворота дома жениха); перед молодыми запрещалось переходить дорогу или проходить между ними, дурной приметой считалось встретить человека с пустыми ведрами; похоронную процессию. В случае смерти близкого родственника свадьбу обычно переносили на следующий год и только в случае необходимости — после «сорокового» поминания (ПМА: Ананьева, Еремкин).

Таким образом, мордовская свадьба была ярким проявлением традиционной народной культуры. Она представляла собой сложный культурно-бытовой комплекс ритуалов и действий (социальных, экономических, правовых, хозяйственных, игровых, символических, религиозных и магических). В настоящее время часть традиционных обрядов и обычаев под влиянием новых условий забываются, другие — модифицируются, третьи — сохраняются, четвертые появляются благодаря постоянно возрастающим контактам с другими народами. В свадебной обрядности мордовских переселенцев обнаруживается большая общность со свадебной обрядностью русских. Это объясняется тем, что много было смешанных браков. Степень сохранности и соблюдения традиционных обрядов и обычаев, а также новации зависят от разных причин: социального положения жениха и невесты, этнического окружения, а при смешанных браках — от национальной принадлежности жениха и невесты. Под влиянием русской свадьбы появились новые элементы в свадебной обрядности (преподношение рубашки жениху накануне свадьбы подругами невесты, завязывание полотенец в знак окончания свадьбы и т. д.). Новой чертой является произношение тостов, стихотворных приветствий, оформление стенгазет, плакатов и т. п.

Следует отметить, что форма регистрации брака во всех сельских советах стереотипная, без учета этнической специфики, что очень обедняет свадебный обряд, приводит к исчезновению национальных особенностей, характерных для многих народов. Почти полностью исчезли многие свадебные обряды, носящие религиозный характер, например, венчание молодых. В настоящее время венчание если и допускается, то проходит чаще до или после свадьбы, иногда через пять, десять или больше лет. Если до середины XX в. свадьбы приурочивались к определенным религиозным праздникам, то теперь такая связь не наблюдается. Происходит также

трансформация названий свадебных чинов, многие из которых исчезают (например, свадебный чин «друга»). Вместо них появляются другие: например, свидетель, свидетельница, тамада. В настоящее время к свадьбе специально не выпекают обрядовый хлеб, а если и выпекают, то он ничем не отличается от обычного, покупного. Продолжительность свадьбы сократилась до двух дней. По разным причинам забываются традиционные мордовские свадебные песни, их, к сожалению, знают далеко не все участники торжества. Рассматривая свадебный обряд мордовских переселенцев, сложившийся в результате разнообразных внутри- и межэтнических контактов, следует отметить богатство его черт и форм, несмотря на то что его общий смысл сводится к скреплению и оформлению брачного союза.

Полевой материал автора

Ананьев Анатолий Федорович, 1937 года рождения, д. Листвянка Куйтунского района Иркутской области, запись 2008 г.

Ананьева Нина Васильевна, 1938 года рождения, д. Листвянка Куйтунского района Иркутской области, запись 2008 г.

Бакайкин Николай Ефимович, 1938 года рождения, с. Кайбалы Алтайского района Республики Хакасия, запись 2008 г.

Грызина (Михеева) Елена Ивановна, 1934 года рождения, с. Краснополье Алтайского района Республика Хакасия, запись 2008 г.

Дорогова Анастасия Яковлевна, 1931 года рождения, с. Солнечное Алтайского района Республики Хакасия, запись 2008 г.

Ениватова Вера Ивановна, 1936 года рождения, пос. Уян Куйтунского района Иркутской области, запись 2008 г.

Ениватова Мария Ивановна, 1927 года рождения, пос. Уян Куйтунского района Иркутской области, запись 2008 г.

Еремкин Владимир Серафимович, 1960 года рождения, г. Чита Читинской области, запись 2008 г.

Еремкина (Конакова) Вера Петровна, 1922 года рождения, г. Чита Читинской области, запись 2008 г.

Икамасова (Кетова) Елена Кузьминична, 1927 года рождения, с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасия, запись 2008 г.

Исайкин Николай Васильевич, 1948 года рождения, д. Афанасьева Тулунского района Иркутской области, запись 2008 г.

Каргина Вера Павловна, 1929 года рождения, д. Афанасьева Тулунского района Иркутской области, запись 2008 г.

Кугушев Николай Павлович, 1948 года рождения, пос. Уян Куйтунского района Иркутской области, запись 2008 г.

Мишуткина Любовь Ивановна, 1963 года рождения, с. Красноозерное Усть-Абаканского района Республики Хакасия, запись 2008 г.

Наземкина Валентина Николаевна, 1955 года рождения, с. Сарагаш Богградского района Республики Хакасия, запись 2008 г.

Наземкина Раиса Васильевна, 1962 года рождения, с. Сарагаш Богградского района Республики Хакасия, запись 2008 г.

Наземкина Софья Кузьминична, 1933 года рождения, с. Сарагаш Богградского района Республики Хакасия, запись 2008 г.

Осипова Мария Степановна, 1926 года рождения, с. Краснополье Алтайского района, Республики Хакасия, запись 2008 г.

Пайгушева Пелагея Максимовна, 1923 года рождения, с. Краснополье Алтайского района Республики Хакасия, запись 2008 г.

Резайкина Анастасия Алексеевна, 1920 года рождения, г. Чита Читинской области, запись 2008 г.

Резайкина (Грубова) Ольга Алексеевна, 1922 года рождения, г. Чита Читинской области, запись 2008 г.

Тетюшкин Николай Павлович, 1925 года рождения, с. Гуран Тулунского района Иркутской области, запись 2008 г.

Тетюшкина Римма Николаевна, 1962 года рождения, с. Гуран Тулунского района Иркутской области, запись 2008 г.

Третьяков Иван Романович, 1938 года рождения, пос. Сосновский Куйтунского района Иркутской области, запись 2008 г.

Тришина Раиса Тимофеевна, 1930 года рождения, с. Гуран Тулунского района Иркутской области, запись 2008 г.

Черентаева Анна Ивановна, 1935 года рождения, пос. Уян Куйтунского района Иркутской области, запись 2008 г.

Поступила 04.11.2009 г.

УДК 398.3(=511.152)

Т. Н. Охотина

T. N. Okhotina

ДОХРИСТИАНСКИЕ ВЕРОВАНИЯ МОРДВЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОХОТОЙ И РЫБОЛОВСТВОМ*

PRE-CHRISTIAN BELIEFS OF THE MORDVINS, CONNECTED WITH HUNTING AND FISHING

Ключевые слова: мордва, лес, вода, охота, рыбалка, суеверия, обычаи, заговор, примета, запрет.

В статье рассматриваются представления мордвы о духах леса и воды. Автором приводятся описания некоторых обычаев, обрядов и поверий, примет и запретов, связанных с охотой и рыболовством.

Key words: the Mordvins, forest, waters, hunting, fishing, superstitions, customs, plot, sign, ban. The ideas of the Mordvins about the spirits of forest and water are considered in the article. The author describes some customs, rites and popular beliefs, signs and bans, connected with hunting and fishing.

Мордовская земля находится в лесостепной зоне, которая с севера на юг простирается с Приокских мест до Самары. Мордва проживала по Оке и Волге в бассейнах рек Суры, Мокши и их притоков. В междуречье Оки и Волги располагались два крупных лесных массива, известные под названиями «Большой Мокшанский лес»

* Статья подготовлена в рамках конкурса РГНФ «Народы Республики Мордовия», проект № 08-01-23101 а/В.

и «Сурские леса». По Суре и ее притокам значительная часть лесов сохранилась до второй половины XIX в. Лесные массивы, реки и озера были главными источниками существования населения. Продукты охоты и рыболовства составляли не только рацион питания: пушнину и рыбу мордва приносила в жертву своим божествам, ими торговала и оплачивала подати.

Для того чтобы расположить к себе природные силы, вернуться с добычей и защитить свою жизнь в лесу, мордва проводила различные обряды, ритуалы и моления. Так, М. Гребнев, описывая моление «бабань каша» мордвы Самарской губернии, упоминал и ритуал, связанный с охотой: «Совершалось оно один раз в год, весною, перед посевом хлеба, недалеко от села около пруда. Во время пиршества всякий запасался в отдельную посуду кашей, которая служила им полезною вещью перед началом всякого дела и даже в болезнях. Так, звероловы и птицеловы кормили ею собак: вообще, кто какими промыслами занимался, тот первое всего брал эту кашу и употреблял ее, где и как нужно» [2, с. 4]. В описаниях исследователя Орлова упоминается мокшанский праздник в честь покровителей воды, который устраивали в середине апреля после ледохода на берегу ближайшей реки или озера. Для совершения обряда жертвоприношения собиралась вся деревня, с собой приносили еду, медовый напиток и водку. Называя различные праздничные блюда, жертвующие бросали кусочки еды в реку, одновременно произнося следующую молитву: «Otsu ved-azer, atsu ved-azerava, мы просим тебя и кланяемся тебе, дай нам в этом году много рыбы, смой нашу грязь и черноту!» [14, с. 98]. Этот праздник жертвоприношения божествам воды назывался *ved-azeren asks* (моляны хранителям воды).

Основные магические действия совершались до промысла, во время и после него одним охотником или рыболовом или группой. Залогом успеха предстоящей охоты считалось окуривание охотничьего снаряжения с произнесением соответствующих заговоров и молитв, незаметное кропление Святой водой охотника кем-либо из домочадцев перед его выходом в лес. Подобный обряд был записан нами в с. Подлесная Тавла Кочкуровского района: «Перед уходом на охоту вся посуда убиралась со стола, оставались только хлеб, соль и вода. Мать читала молитву. Так провожали на охоту моего отца, теперь и меня» (ПМА: Чиндяскин). По свидетельству И. И. Лепехина, дымом плакун-травы окуривали ружье, чтобы никакой колдун не смог заговорить его [6, с. 73 — 74].

Магические действия, совершаемые при охоте и рыбалке, в основном сводились к произнесению заговоров и были связаны с представлениями мордвы о духах-хозяевах мест и покровителях этих занятий.

Покровительницей и держательницей леса считалась Вирь-ава (вирь — «лес», ава — «женщина, мать»). Полагали, что каждый лес имеет свою Вирь-аву. В ее обязанности входила защита леса и его обитателей. Отношение Вирявы к лесу, лесным зверям и птицам можно проследить по мордовской легенде, записанной священником Снежницким: «она же (т. е. Вирява. — *Авт.*) царь, пастух волков, медведей и всех лесных зверей, сильнее не только человека, но и нечистых духов, из коих одного — юннейшего, за поджог дубовой рощи больно школила, поколотила на славу» [13, с. 64]. В 1940 г. К. Т. Самородов записал мокшанскую сказку «Вирь-баба» (лесная баба, мать), в которой говорится, что Вирява не выходит из леса, следит, чтобы он не засох, охраняет птиц и зверей от истребления их людьми. Уби-

тых зверей и птиц она воскрешает живой водой, которую ей приносит тетерев — ее посыльный [7, с. 11]. В сказке Вирява хочет съесть охотника, убившего зверей и птиц в ее лесу: «Ну, тяни, сяфте», т. е. «Ну, теперь съем тебя!» [Там же, с. 67]. По мифологическим рассказам, Вирява — женщина высокого роста (с дерево), «по полю идет — со жниво, с длинными ниже пояса темными волосами, тонкая, с большими, свисающими до колен или переброшенными через плечи грудями» [3, с. 100 — 101]. Иногда ее представляют «лежащей ничком руками на одном берегу, ногами — на другом или с одной ногой, но не хромает, кожа Вирявы покрыта рыбьей чешуей (будто чешуя белуги), один глаз на макушке, рот как у человека, зубы большие, похожие на зубья бороны; может превращаться в зайца. Иногда видят ее в белой рубахе или в национальном мордовском костюме (мокшанском или эрзянском)» [Там же].

В прошлом мордовские охотники, уходя в чащи лесов за пушниной, жили месяцами в лесных избушках. Долгими вечерами, сидя у костра, рассказывали они сказки о богине и матери леса, покровительнице лесного хозяйства — Виряве, о ее встречах со зверями и людьми. Так рождались легенды об удачной и неудачной охоте, рассказы о страшном и сверхъестественном. Сказка у мордвина-охотника имела, кроме развлекательной, еще и производственно-магическую функцию. По воззрениям мордовского народа, богиня леса Вирява, охраняющая зверей от охотников, была страстной любительницей сказок. Сказочник рассказывал сказки не охотникам, а Виряве. Считалось, что лесная богиня приходит слушать сказки и до того заслушивается, что забывает об охране своего хозяйства — зверей и птиц, или даже засыпает под сказки. Охотники, придя на место охоты, садились вместе со сказочником у костра или очага зимницы, и как только рассказчик начинал рассказывать сказку, охотники по одиночке, осторожно, без всякого предупреждения и разговоров, отходили, обычно пятась, от костра и уходили на охоту, уверенные в том, что Вирява не заметит их ухода, не следит за своими зверями и не сможет помешать удачной охоте [7, с. 10]. У мордовского народа сохранилось немало преданий о рассказывании сказок Виряве в целях удачной охоты. Одним из таких преданий является следующий рассказ: «Раньше на охоту ходили — обманывали Виряву. Она любит слушать сказки. Вот один у костра рассказывает сказки, а другие стреляют (охотятся). Иногда она догадается и побежит, тогда охотники ничего не убьют» [Там же, с. 10 — 11]. Обычай рассказывания сказок с производственно-магической целью встречается не только у мордовского народа: подобный обычай существовал и у других народов, с той же функцией воздействия на лесных духов, чтобы они не мешали охоте [Там же]. В настоящее время сказки в лесу для Вирявы уже не рассказывают, но обычай на охоте отходить от костра пятась, еще сохранился в некоторых местах (ПМА: Чиндяскин).

Вирява считалась добрым божеством. На общих праздниках жертвоприношения ее не упоминали, однако, каждый, кто отправлялся в лес, непременно молился и просил защиты у покровительницы от хищных зверей и змей. Придя в лес, мокшане обязательно бросали на землю что-либо съестное в жертву божеству леса, приговаривая: «Вирь-атя и Вирь-ава, я принес вам в подарок хлеб и соль, пока я в лесу, защищайте меня от всего злого!» [14, с. 219]. Охотники, кроме хлеба, для божества леса клали деньги в дупло дерева. Считалось, что в этом случае охотнику больше повезет. Молитва охотника, обращенная к божеству леса, имела следующее

содержание: «Хозяин леса, я пришел сюда, чтобы охотиться на медведей, волков, лис и зайцев. Будь ко мне милостив, защити меня от хищных зверей!» [Там же]. Обращаясь к Виряве, охотники приносили и более ценные жертвы: «Vir-pavas, кормилица, защитница леса, матушка! В этот ясный день по утренней зорьке я иду проведать тебя. Vir-pavas, кормилица, ты знаешь все деревья в лесу, до единого листочка, ты прошла по всем дорогам и тропкам, проведи меня по хорошей дороге, проводи меня по хорошей тропе! Дай мне добрый разум, зоркое зрение глазам и чуткий слух ушам, чтобы я мог слушать ушами леса, видеть глазами света! Vir-pavas, кормилица, защити меня от летающих по небу, защити меня от творящих зло. Сделай так, чтобы я мог слышать летящих по небу, чтобы мог видеть ходящих по земле. Покажи мне заросли хмеля, покажи мне густой орешник! Не скрывай от меня ягоды и орехи! Пусть будут полны наши корзины и мешки! Дай нам силы и выносливость, чтобы из леса мы ушли сильные, как медведи. За добро платят добром: вот тебе подарок из чистого шелка, для еды — гуся!» [Там же]. Обычай произнесения заговоров в лесу при охоте существует и в наше время. Он направлен, главным образом, на искупление вины за убийство животных и удачную охоту: «...для себя каждый охотник говорит свои слова, обращаясь к лесу. Охотник в лесу читает молитву, в которой просит Виряву не обижаться за убийство животного. Молитву произносит про себя и слова никому не рассказывает» (ПМА: Чиндяскин). Однако многие охотники-информаторы говорили, что этот обычай ушел в прошлое, в настоящее время их произносят только очень старые охотники (ПМА: Галянин). В Zubovo-Polyanskom районе, убив медведя, мокша обязательно справляла поминки по нему [10].

Кроме диких животных для охотника представляли опасность «нечистые» люди — колдуны, знахари и др., способные сглазить или навести порчу. Колдуну приписывалось умение заговаривать ружья, звероловные и рыболовные снасти. Заговоренное ружье или давало осечку, или било так слабо, что птица улетала, а зверь уходил. В заговоренные снасти зверь не шел, а если попадался, то они его не удерживали. Колдун мог произвести и обратное действие: пули и дробь непременно попадали в цель и наносили смертельные раны; рыба, зверь и птица неведомой силой ловились в сети и снасти и, попавшись, никак не могли освободиться. Охотники и звероловы, ходящие за зверем, всегда обращались к колдуну, если он находился в соседстве и пользовался славой: его просили заговорить, или наговорить, на пули, картечь и жеребья, а также на капканы. Колдуны, признававшие свою неспособность производить вышесказанные действия, брались заговаривать ружья и снасти только для предохранения их от заговора другого колдуна, более опытного [1, с. 564]. Так, в альбоме народов России приводится следующий заговор ружья: «Мордвина верят, что колдуны могут заговаривать ружья так, что, сколько не стреляй — ружье не выстрелит. Для того чтобы оно выстрелило, нужно взять пять дробинок и пять волосков щетины, раскусить дробины и вправить в них щетину. Если зарядить ружье такими дробинами, то уж никто не может заговорить выстрела» [14, с. 219].

У мордвина-охотника существовало множество «профессиональных» поверий и примет. Приметы в основном были связаны с дорогой до места промысла (идти — не идти), поведением охотника на промысле, а также выяснением результата предстоящей охоты (плохой — хороший). Одни приметы были общими,

другие — индивидуальными, принадлежавшими одному из охотников. Приведем некоторые из них. Так, общими дурными приметами считались: встреча с недоброжелательными людьми, имевшими «дурной глаз», встреча с женщинами, особенно со старыми. Если женщина неожиданно переходила охотнику дорогу, то он терял надежду на успех и нередко возвращался домой: «Охоты не будет, если перед ней встретишь женщину с пустыми ведрами, или кто-то спросит: «Куда идешь?»» (ПМА: Верясов); «Только соберешься на охоту, выйдешь из дверей, как появится соседка и скажет: «Чтоб тебе убить кого-нибудь!» — Сразу приходится возвращаться домой, все равно не будет охоты» (ПМА: Канаев). Не несла охотнику удачи и встреча с перебегающим дорогу зайцем. Так, по словам одного из информаторов, «идешь на охоту по дороге, вдруг заяц выскочит — можно обратно домой поворачивать»; «Встреча с зайцем не сулит удачи!» (ПМА: Канаев). Плохой считалась примета возвращаться, даже если что-то забыл (ПМА: Пестряков) и др. Для каждой плохой приметы существовали спасительные заговоры и обереги. Так, возможные последствия встречи с зайцем нейтрализовывали несколькими способами: во-первых, перекрестившись, говорили заговор: «Тебе пень да колода, нам — путь и дорога!», во-вторых, делали «залом», т. е. надламывали ветку у придорожного дерева, будто бы отводили дурное предзнаменование (ПМА: Канаев) и др.

Существовали некоторые запреты и на зверей. Так, согласно древним мокшанским законам, нельзя было убивать молодых животных и птиц [10, л. 82]; никогда не ели мясо собак, ежей и др., хотя знали, что оно безвредно [11, л. 146].

Подобно тому, как каждый лес и роща имели свою покровительницу — Виряву, так и у каждого озера, омута и реки были свои божества, покровители водной стихии — Ведява (ведь — «вода», ава — «женщина, мать»), иногда Ведятя (ведь — «вода»; атя — «старик, патриарх») [12, с. 71]. В мифологии мордвы Ведява обычно представлена сидящей на берегу водоема на пне, с опущенными в воду ногами, расчесывающей медным гребешком свои волосы. Она изображается то молодой и красивой, с шелковистыми белыми волосами, черноглазой, с маленьким носом, тонкими губами, пышногрудой, то старой и страшной женщиной с ужасным лицом и черными волосами. Место ее жилья определяется под водой [9, с. 116 — 117]. Божество воды Ведява — считалась покровительницей рыболовства [8]. Она обладала способностью принимать различные виды — оборачиваться: то огромной рыбой, около которой группируется мелкая, то маленькой птичкой с блестящими крыльями, летающей над поверхностью реки. Дети Ведявы временами попадались в рыбацкие неводы, и тот рыбак, который сжаливался над водяным и отпускал его, всегда имел хороший улов рыбы [12, с. 71].

Как и на охоте, все стадии рыбалки сопровождалась определенными ритуалами, призванными сделать лов удачным.

Существенную роль играла подготовка к рыбной ловле. Обычно перед ловом окуривали снасти и делали наговоры. Подобный заговор записан в с. Новые Пичингуши Ельнинковского района: «Будь моя рыба не прикослива, неурослива, иди ко мне, рабу божьему, скоро беспонятно и бесповоротно против быстрая воды, осенние реки, назад не оглядывайся и в сторону не отворачивайся, иди ко мне, рабу божьему... по всяк день и по всяк на утренней заре, в мои железные уды, рыбаца, налим большеголовый и востроносица щука, красная рыбаца семга, иди ко мне,

рабу божьему... по всяк день и и по всяк на утренней заре и на вечерней заре, в день под солнцем, а в ночь под месяцем и под частыми звездами, и под всей окружностью божию. Тем моим словом ключ и замок, именем Господним, Духом святым, во веки веков, аминь. А которое я, раб божий, слово забыл, узапамятовал, то слово мое буди в том же кругу и вострее вострого ножа, булатного топора, быстрее ключевой воды, именем Господним, Духом святым, во веки веков, аминь, за аминем аминь» (ПМА: Фомкин).

Среди обычаев рыбаков особого внимания заслуживают жертвы, которые приносили водяному перед началом лова: в воду бросали водяному две или три маленькие рыбки, крошки хлеба, просо, хмель, яйца, лепешки, кольца, деньги, лили брагу, вино и т. д. Обычай жертвоприношения Ведяве был настолько распространен, что даже в XX в. сурские рыбаки мордовского села Давыдова Кочкуровского района из первого улова бросали в Суру рыбу, чтобы умилостивить Сураву (Ведяву реки Суры), выкупить у нее удачную ловлю [7, с. 10 — 11]. Первую пойманную рыбу выпускают многие рыбаки и сейчас. Так, в пос. Потьма Зубово-Полянского района отпускают пойманную рыбу, если она небольшая (ПМА: Верясов), в с. Колопине Краснослободского района всегда отпускали первую рыбу — улов будет хорошим (ПМА: Перякин) и др.

Рыбаки молились божествам воды, прося перед началом путины здоровья и хорошего улова: «Ведязор, Ведязорава, будьте к нам добры, не дайте нам утонуть во время ловли, защитите нас от зла! Дайте нам хороший улов!» [14, с. 201]. Завершив путину, водяных божеств благодарили за то, что в сети попало много рыбы, и рыбаки остались живы и здоровы [9, с. 119]. Мордва молилась, собираясь на рыбную ловлю: «Море, море, море, у моря свои хозяева (roksonzo). Хозяева морей ved-ata и ved-baba! Над морем летают птицы, в море живут безымянные рыбы, змееобразные рыбы и в этой же воде обитает хорошая рыба. Я собираюсь на рыбную ловлю, я иду на берег и кланяюсь ved-ata и ved-ava с серебряной бородой и ved-ava с шелковыми волосами, я не знаю, где вы живете, я не знаю ваших красивых имен, но я знаю, что вы живете в море и понимаете язык рыб, я пришел ловить рыбу, но не отваживаюсь бросить в воду сети, не поклонившись вам! Пусть в мои сети попадет много хорошей рыбы, а я буду вам всегда молиться!» [14, с. 251].

Еще недавно на Суре рыбачил рыбак по прозвищу Туз Витя. Перед ловом он подходил к реке, поднимал руки и произносил: «Сурось, лездак, ламо а саян, илямак покорда» («Сура, помоги, много не возьму, не обидь») (ПМА: Чиндяскин).

С давних времен у мордвы существовало множество примет и поверий, влиявших на исход промысла. Например, нельзя спрашивать у рыбака, куда он идет, потому что в этот момент он наиболее уязвим. Если идущего на рыбалку встретили и пожелали хорошего клева, то улова можно не ждать (ПМА: Китайкин). В деревне всегда есть человек, встреча с которым по пути на рыбалку предвещает неудачу. Однако бывает и наоборот. Так, Яркин Кузьма Ионович, 1886 года рождения из с. Зубова Поляна, рассказывал про своего деда-рыбака: он брал на рыбалку всех парней по очереди, для проверки, чтобы узнать, с кем будет удача. С Кузьмой у него не было удачи, а с другими двоюродными братьями — пуды рыбы [10, л. 130].

В д. Новые Пичингуши Ельниковского района, есть следующая примета: если черная кошка перейдет дорогу или встретится женщина с пустыми ведрами, то мож-

но возвращаться домой — рыбалки не будет (ПМА: Фомкин). В пос. Потьма Зубово-Полянского района, по словам информатора Верясова Петра Ивановича, на рыбалку обычно собиралось несколько человек. При этом заметили, что если рыбаков было больше трех, то рыбалка не получалась (ПМА: Верясов).

В с. Колопине Краснослободского района после рыбалки обязательно варили уху с добавлением водки или опускали в нее головешку — для запаха. «На уху звали и детей, они ее ели, лежа на животе. Мужчины ели уху отдельно от всех» (ПМА: Перякин).

Во время рыбной ловли рыбак использовал приговоры: «Попадай, рыбка, крупная и мелкая!» [ПМА: Шукшин]; «Сколь много в воде рыбы бьется, сколь долго она не переведется, так и мне таскать домой рыбу — не перетаскать, ловить рыбу — не переловить. Ключ, замок, Нептуну — под бок. Аминь» (ПМА: Сергейчев) и др.

Существовали и свои запреты. Так, у рыбаков Зубово-Полянского района было следующее поверье: если рыба плывет головой вверх реки, то ее бить острогой можно, так как она обыкновенная, но если рыба плывет по течению головой вниз — то необходимо скорее отплывать прочь, так как это явно «шайтан» («оборотень»). Убить такую рыбу нельзя — грозят всевозможные несчастья и можно погибнуть [10, л. 95]. Так, житель с. Зубова Поляна Иван Степанович Моисеев, 1886 года рождения, рассказывал: «Когда я был молодым, то пошел однажды с опытным рыбаком ночью на реку Вад рыбу острогой бить. На дорогу бабушка говорила: «Не бейте той рыбы, что стоит головой вниз по течению, это шайтанской природы оборотни — беда может быть». Не послушались мы старых законов. Тогда Вад другим был — весь в омутах, поваленных дубах, ольхе, липах и вязах. Уже пуда 3 набили: жереха, щук и другой рыбы, когда подъехали к одному омуту, в котором увидели большого сома, лежащего на дне вниз реки головой. Ударил рыбак по нему острогой, а сом как повернулся на другой бок, ударил хвостом по лодке, вырвал острогу и перевернул лодку. Рыбаки упали в воду, и Иван Степанович стал тонуть, еле-еле дотянул до мелкого места и за лодку схватился. Кое-как выбрались, потом около 0,5 пуда рыбы спасли — остальная пропала. Ночевали со стариками в землянке. Утром нашли торчащий из воды конец остроги. Рыбак знал что делать и вытащил сома. Был он длинным и весил почти 3 пуда. Шайтаном сом не оказался, но едва не утопил рыбаков» [Там же, л. 214 — 216]. Почти все опрошенные нами рыбаки сказали, что на рыбалку нельзя брать рыбные консервы и вообще рыбу — улова не будет; во время лова нельзя шуметь — рыбу спугнешь и др.

Таким образом, воззрения, обряды и обычаи мордовских охотников и рыболовов, отражающие архаичные представления о растительном и животном мире, были направлены на поддержание успеха в промысле. Это выражалось в магических действиях, представлениях о духах — хозяевах мест, приметах и запретах. Охотничьи и рыболовные традиции хранили и развивали, главным образом, простые охотники. С принятием христианства языческие образы Вириявы и Ведявы постепенно забывались, на смену старым обычаям и заговорам приходили новые, связанные с православием. Только в лесных районах, по берегам больших рек, где еще сохранились старые охотничьи и рыболовные традиции, можно встретить обращение охотника или рыболова к лесу или воде, к Вирияве или Ведяве.

Литература и источники

1. **Аксаков С. Т.** Несколько слов о суевериях и приметах охотников / С. Т. Аксаков // Собр. соч. : в 4 т. М. : Худ. лит., 1956. 664 с.
2. **Гребнев М.** Мордва Самарской губернии : ист.-этногр. очерк / М. Гребнев // Самар. епарх. ведомости. 1887. № 1. Часть неофиц.
3. **Девяткина Т. П.** Мифология мордвы / Т. П. Девяткина. Саранск, 1998. 336 с.
4. Живописный альбом. Народы России. СПб., 1880. 572 с.
5. **Заварюхин Н. В.** Лесные промыслы мордвы в XVII — XIX вв. / Н. В. Заварюхин, В. П. Юткин // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов : материалы III Междунар. ист. конгресса финно-угроведов ; Мар. НИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 2004. 656 с.
6. **Лепехин И.** Дневные записки путешествия... по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 годах / И. Лепехин. СПб., 1771. 538 с.
7. **Маскаев А. И.** Мордовская народная сказка / А. И. Маскаев. Саранск : Мордгиз, 1947. 186 с.
8. **Мокшин Н. Ф.** Материальная культура мордвы : этногр. справ. / Н. Ф. Мокшин. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2002. 208 с.
9. **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы : этногр. справ. / Н. Ф. Мокшин. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2004. 320 с.
10. НА НИИГН. Л-415. Смирнов Б. Е. 1-я книга сборника былин (былей), преданий, мифов, сказок, сведений из фольклора мокши Zubovo-Полянского района. 1963 — 1965 гг. 337 л.
11. НА НИИГН. Л-915. Сборник преданий, былин, мифов, сказаний мокши Zubovo-Полянского района МАССР. 2-я кн. Среднее течение реки Вад и реч. Лундин. Собиратель преданий мокши Смирнов Б. Е. Поселок Zubova Поляна МАССР. 1965 г.
12. **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк / И. Н. Смирнов. Саранск, 2002. 296 с. (Сер. «Наследие»).
13. **Снежницкий А.** О Вирявах // Пенз. епарх. ведомости. 1871. № 20. Часть неофиц. 631 с.
14. **Харва У.** Религиозные воззрения мордвы / У. Харва ; Фин. акад. наук. Хельсинки, 1952.

Полевой материал автора

- Верясов Петр Иванович, 1946 года рождения, пос. Потьма Zubovo-Полянского района Республики Мордовия, запись 2009 г.
- Галянин Владимир Иванович, 1944 года рождения, с. Спасское Большеигнатовского района Республики Мордовия, запись 2009 г.
- Канаев Юрий Евгеньевич, 1953 года рождения, г. Саранск, запись 2009 г.
- Китайкин Григорий Михайлович, 1936 года рождения, с. Баево Ардатовского района Республики Мордовия, запись 2008 г.
- Перякин Михаил Васильевич, 1963 года рождения, с. Колопино Краснослободского района Республики Мордовия, запись 2009 г.
- Пестряков Владимир Николаевич, 1957 года рождения, с. Спасское Большеигнатовского района Республики Мордовия, запись 2009 г.
- Сергейчев Алексей Викторович, 1978 года рождения, пос. Николаевка Республики Мордовия, запись 2009 г.
- Фомкин Петр Александрович, 1970 года рождения, д. Новые Пичингуши Ельниковского района Республики Мордовия, запись 2009 г.
- Чиндяскин Геннадий Викторович, 1967 года рождения, Подлесная Тавла Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2008 г.
- Шукшин Юрий Серафимович, 1971 года рождения, с. Лесное Ардашево Темниковского района Республики Мордовия, запись 2008 г.

Поступила 12.11.2009 г.

УДК 398.945(470.345)(=161.1):392.5

О. В. Спицина

O. V. Spitsina

ОБЫЧНОЕ ПРАВО В РОДИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ У РУССКИХ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ*

COMMON LAW IN THE MATERNITY RITUALISM OF THE RUSSIANS IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Ключевые слова: обычное право, русские, обычаи, традиции, ребенок, обряд, крещение, повивальная бабка, именины.

В статье рассмотрено обычное право русских, связанное с рождением ребенка. Характеризуются родильные обряды, ритуальный обряд очищения матери, принятия ребенка в общину.

Key words: common law, the Russians, customs, traditions, child, rite, baptism, midwife, the name day.

The common law of the Russians, connected with the child birth, is considered in the article. Maternity rites, the ritual rite of the mother purification, child adoption into the community are characterized as well.

Родильные обряды составляют особый цикл в традиционно-бытовой культуре каждого народа, определяющий обычно-правовое оформление важнейших событий в жизни матери и ребенка. В этнографической науке существуют несколько способов классификации системы обрядов и обычаев, связанных с рождением ребенка. Однако все они включают одинаковые этапы [9, с. 4]. Д. К. Зеленин предложил деление родильных обрядов на три группы: обряды, связанные непосредственно с родами, очищение матери и повивальной бабки и принятие ребенка в общину. Между обрядами первой и третьей группы существует резкое различие, граничащее с противоположностью. Если роды окружались, по возможности, тайной, то «крестильные» обряды происходили гласно, публично и с большой торжественностью [13, с. 85].

Согласно нормам обычного права, о будущем потомстве начинали заботиться с момента вступления молодых в брак. В свадебный цикл включались обряды, направленные на деторождение: обсыпание молодоженов зерном, хмелем, сажание на колени невесте мальчика. Последний обычай указывает на приоритет в русских семьях рождения мальчиков, потому что «они продолжатели рода, семьи, ее традиций. На них давали землю — «душу», которую распределяли по передлам через 12 лет» [3, л. 34].

Предпочтение при рождении мальчиков перед девочками объяснялось еще тем, что дочерям необходимо было собирать приданое для выдачи замуж, что требовало немалых расходов; наконец, по традиции, именно один из сыновей, а не дочь, должен был содержать родителей в старости, и именно сыновья в семье имели приоритетное

* Статья подготовлена в рамках конкурса РГНФ «Народы Республики Мордовия», проект № 08-01-23101 а/В.

право наследования семейного имущества. В связи с этим русские говорили: «Сына корми — себе сгодится, дочь корми — людям спонадобится» [2, с. 248].

В дородовый период женщину старались освободить от хозяйственных работ, требовавших физического напряжения, хотя до момента рождения ребенка она продолжала выполнять свои повседневные обязанности. На беременную накладывались запреты, направленные на воздержание от недозволенных действий, на совершение поступков, которые могли негативно повлиять на здоровье и физическое развитие будущего ребенка, а также затруднить процесс родов. По сведениям информаторов Зубово-Полянского, Ковылкинского и Торбеевского районов, будущей роженице запрещалось бить животных, смотреть на калек, посещать больных, присутствовать на похоронах. Считалось, что в этих случаях она может родить калеку, или ребенок будет болезненным и скоро умрет (ПМА: Абаев, Абрамкина, Волкова). Нельзя было отказать беременной женщине в желанной пище, так как это могло отразиться на развитии плода, и ребенок в течение жизни будет ощущать недостаток в ней (ПМА: Жучкова).

Положение беременной женщины во многом зависело от достатка в семье, отношения к ней мужа и его близких родственников, от ее личных качеств. Близкие люди были обязаны воздерживаться от всевозможных пререканий и споров с ней, так как в это время можно было сказать что-либо плохое и стать виновником болезни беременной, что могло вызвать неблагоприятные последствия.

При наступлении родов, все находящиеся в доме прощались с беременной и уходили в другую избу или иное место, остерегаясь при этом рассказывать о происходящем посторонним. Согласно приметам, роды проходили труднее, если о них знали много людей. С роженицей оставались ее муж и повивальная бабка, которые старались, насколько возможно, облегчить ее страдания [8, с. 13]. Муж был обязан поцеловать жену трижды, перешагивая через нее — «как бы брать ее муки на себя» (ПМА: Войнова).

Однако успешное прохождение родов во многом зависело от повивальной бабки. Ею могла быть женщина определенного возраста, в некоторых случаях — обязательно вдова, имевшая практику акушерства и знания в сфере родильной обрядности, обладавшая безупречным поведением [1, с. 304]. Информаторы из с. Енгальчева Дубенского района сообщили, что ритуальные действия повивальная бабка начинала с зажигания перед иконами лампы и свеч, начиная молиться, она обращалась за помощью к различным святым, прося их о благополучии прохождения родов. Она указывала на положение женщины, в котором ей необходимо было рожать: лежа, иногда стоя и даже в процессе хождения; делала ей массаж живота, знала кровоостанавливающие лекарственные средства (ПМА: Морозкина, Цыповская). Повивальная бабка не могла отказаться от исполнения своих обязанностей, это считалось «непростительным грехом», за которым следовало осуждение окружающих и немедленная кара — «повитуха окаменеет» (ПМА: Куприкова).

Последним этапом в действиях повивальной бабки была обработка пуповины: ее перетягивали суровой нитью, а затем отрезали ножницами или чем-нибудь твердым [3, л. 34]. Немаловажную роль для новорожденного играла плацента (послед), через которую ребенку могли нанести порчу. Во избежание этого, по словам информаторов, послед необходимо было закопать без свидетелей в укромном месте (чаще всего в подполе бани или дома) [4, 5, 7, л. 34].

По итогам этнографического исследования в Теньгушевском районе, было отмечено: если ребенок рождался в «рубашке» («сорочке»), то эту пелену также зарывали с последом [6, л. 34]. В других районах Республики Мордовия (Большеигнатовский, Большеберезниковский и др.) к «рубашке» относились как к предмету, обладавшему магической силой, поэтому ее высушивали, зашивали в мешочек и либо прятали в сундук, либо постоянно носили с собой как ладанку вместе с крестиком (ПМА: Абаев, Григорькина, Наненкова). По обычаю русских, функции приносящего счастье амулета были присущи «сорочке» постоянно, независимо от того, находилась ли она у законного владельца или попадала в чужие руки. В России, как и во многих европейских странах, существовало представление о том, что особенно действенную помощь «сорочка» приносила в юридических делах, поэтому ее брали с собой на суд или жеребьевку земли [12, с. 508].

После родов повивальная бабка проверяла, здоровым ли родился ребенок, при этом выправляла ему головку, смотрела ноги — нет ли вывихов. По воспоминаниям информаторов из с. Покассы Zubovo-Полянского района, такие женщины знали медицинские основы и сразу после рождения ребенка могли вправить грыжу, выправить пупок; они помогали женщинам после родов: делали массаж и другие оздоровительные процедуры (ПМА: Кимяшова). Пребывание повивальной бабки в доме роженицы не ограничивалось оказанием первой помощи. По наиболее распространенной традиции, она жила или проводила большую часть дня у роженицы в течение трех дней, оказывая практическую помощь: «она играла роль хозяйки и исполняла все необходимые по дому работы до тех пор, пока роженица не будет в состоянии работать сама» (ПМА: Куприкова). В это же время в обязанности входило и купание роженицы с ребенком, а также надзор за тем, чтобы их никто не «испортил». Одновременно с этим проводились народные очистительные обряды. Так, например, роженицу в течение трех дней после родов каждый день мыли в бане [3, л. 34]. На третий день после родов роженица с повивальной бабкой совершали обряд «размывания рук», во время которого они поочередно поливали друг другу руки водой из чаши. Вода для этого была «непочатой», т. е. взятой непосредственно из колодца или реки до восхода солнца [14].

После совершения обряда «размывания» повивальная бабка освобождалась от необходимости ежедневного пребывания у роженицы. За проделанную работу она получала плату — натурой и деньгами, которые иногда клали в воду. Среди вещей, которыми одаривали повитуху, были полотенца, ткани, платки. Совершение обряда давало возможность роженице вернуться к повседневной жизни, однако полное очищение, по бытовым представлениям, достигалось с принятием молитвы сорокового дня [11]. Именно в первые сорок дней жизни ребенка соблюдались необходимые предписания, характерные для населения Республики Мордовия: мать и ребенка навещали только самые близкие родственники, ребенка не выносили на улицу и не показывали посторонним. Только после истечения указанного срока молодая мать имела право появляться в общественных местах.

Существовали и другие ограничения в этот период для родившей женщины: она не участвовала в общей семейной трапезе, пользовалась отдельной посудой; ей запрещалось подходить к печи и готовить пищу для всей семьи. По сведениям Н. М. Храмовой из с. Каласева Ардатовского района, дом, в котором находилась роженица, считался для односельчан нечистым местом. Однако знакомые и близкие

родственники, согласно обычаю взаимного проведывания, навещали ее в первые дни после рождения ребенка, приходили «на кашу» или «на зубок» (ПМА: Храмова). По сведениям М. И. Гусаровой, гости приносили угощения для роженицы — пироги, различную еду и подарки для новорожденного (ПМА: Гусарова).

В обычном праве русских обряд крещения символизировал для новорожденного переход в другое, гармонично объединяющее его физическую и духовную природу состояние, делая его тем самым полноценной частью общества. Крещение является одним из основных православных таинств, «открывающих доступ ко всем остальным» [10, с. 88]. Крещение, во время которого ребенку давали имя, являлось также и юридическим актом оформления рождения [14]. В конце XIX — начале XX в. среди населения Республики Мордовия родители ребенка при выборе крестных учитывали их имущественное и социальное положение. Крестные являлись духовными родителями, которые должны были нести ответственность за нравственное развитие крестника и оказывать ему помощь в трудных жизненных обстоятельствах. Крестники, в свою очередь, должны были проявлять к ним такую же заботу, уважение и почтение, какое они проявляли по отношению к своим родителям. Крестные родители не только становились покровителями крестника, но и вступали друг с другом в духовное родство, которое влекло за собой запрет вступать членам их семей в брак друг с другом. Институт родства, таким образом, включал крестных родителей в круг близких родственников, что способствовало расширению семьи.

Ребенка после рождения старались как можно быстрее окрестить, ибо некрещеный человек, даже безгрешный, согласно христианским представлениям, не мог удостоиться после смерти рая [1]. Обычно у русских новорожденного крестили через несколько дней после его рождения. Основным актом обрядовой деятельности и правовым фактом являлось наречение именем младенца. Информаторы с. Жукова Торбеевского района и с. Ямщина Инсарского района сообщили, что обряд крещения происходил в церкви, где священник произносил все молитвы, положенные по полному чинопоследованию обряда, опускал новорожденного три раза в купель со святой водой со словами: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Аминь», а затем нарекал его именем. Родители ребенка при обряде крещения не присутствовали, их заменяли крестные мать и отец (ПМА: Абаев, Жесткова). В этот день крестная мать дарила своему будущему крестнику первую распашонку, нательный крестик, а крестный отец расплачивался в церкви за обряд (ПМА: Миронова).

Право на имя относится к личным правам человека, оно индивидуализирует личность, поэтому у русских духовное рождение всегда считалось более значительным, чем телесное. Раньше день рождения оставался будничным днем, многие о нем даже забывали, а день ангела, или именины, торжественно праздновались в течение всей жизни. В семье имя ребенку выбирали родители, при этом часто младенца называли в память кого-нибудь из умерших родственников, так как считалось, что с помощью имени можно перенести на новорожденного положительные черты характера других людей. По традиции, принято было называть новорожденных мальчиков в честь дедушек, а девочек — в честь бабушек [15, с. 18]. Однако, по сведениям информаторов, в конце XIX — начале XX в. у русского населения мордовского края имя ребенку обычно давал поп. Ребенка называли именем того святого, чья память отмечалась в пределах восьми дней до крещения или после этого события [6].

Согласно русскому обычаю, после обряда крещения родители ребенка обязательно устраивали обед, на который приглашали всех родственников и повивальную бабку, принимавшую роды. Каждый из приглашенных гостей привозил с собой какую-либо праздничную еду и подарки, а женщина, принимавшая роды, — пшеничную кашу.

Таким образом, рождение ребенка считалось важнейшим событием в жизни семьи. Оно сопровождалось целым комплексом специальных обрядов, имевших как практическую направленность, выраженную в обеспечении благополучного исхода родов, так и правовую — содержащую нормы поведения, предохранявших роженицу и ребенка от злых сил, порчи и сглаза.

Литература и источники

1. Бузин В. С. Этнография русских : учеб. пособие / В. С. Бузин. СПб., 2007. 118 с.
2. Мордва : ист.-культур. очерки / ред. кол. : В. А. Балашов (отв. ред.), В. С. Брыжинский, И. А. Ефимов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1995. 624 с.
3. НА НИИГН. И-1672. Мордовский этнографический вопросник: полевые материалы этносоциологической экспедиции, проводимой ИЭ АН СССР и НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Большеберезниковский район.
4. НА НИИГН. И-1684. Мордовский этнографический вопросник: полевые материалы этносоциологической экспедиции, проводимой ИЭ АН СССР и НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Рузаевский район.
5. НА НИИГН. И-1685. Мордовский этнографический вопросник: полевые материалы этносоциологической экспедиции, проводимой ИЭ АН СССР и НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Ромодановский район.
6. НА НИИГН. И-1688. Мордовский этнографический вопросник: полевые материалы этносоциологической экспедиции, проводимой ИЭ АН СССР и НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Теньгушевский район.
7. НА НИИГН. И-1690. Мордовский этнографический вопросник: полевые материалы этносоциологической экспедиции, проводимой ИЭ АН СССР и НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Чамзинский район.
8. Панкеев И. А. Обычаи и традиции русского народа / И. А. Панкеев. 2-е изд., исправл. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 1999. 542 с.
9. Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы. М. : Наука, 1997. 358 с.
10. Рубцов В. О таинстве крещения / В. Рубцов // Родина. 1990. № 9.
11. Русские: семейный и общественный быт. М. : Наука, 1989. 152 с.
12. Русские. М. : Наука, 1999. 828 с.
13. Токарев С. А. Этнография народов СССР / С. А. Токарев. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1958. 616 с.
14. Шангина И. И. Русский народ. Будни и праздники : энцикл. / И. И. Шангина. СПб. : Азбука-классика, 2003. 560 с.
15. Юдина Н. А. Русские обряды и обычаи / Н. А. Юдина. М. : Вече, 2005. 314 с.

Полевой материал автора

Абаев Борис Федорович, 1948 года рождения, с. Жуково Торбеевского района, запись 2009 г.
Абрамкина Нина Павловна, 1943 года рождения, с. Кочелаево Ковылкинского района, запись 2008 г.

Асаев Виктор Борисович, 1949 года рождения, с. Оброчное Ичалковского района, запись 2009 г.
Волкова Мария Михайловна, 1944 года рождения, пос. Явас Зубово-Полянского района, запись 2009 г.

Войнова Екатерина Васильевна, 1934 года рождения, с. Красное Польцо Дубенского района, запись 2006 г.

Григорькина Антонина Ивановна, 1927 года рождения, с. Курилово Ромодановского района, запись 2009 г.

Гусарова Мария Ивановна, 1937 года рождения, с. Новотроицкое Старошайговского района, запись 2008 г.

Жесткова Раиса Анатольевна, 1943 года рождения, с. Ямщина Инсарского района, запись 2009 г.

Жучкова Пелагея Федоровна, 1926 года рождения, с. Теньгушево Теньгушевского района, запись 2007 г.

Кимяшова Валентина Сергеевна, 1940 года рождения, с. Покасы Зубово-Полянского района, запись 2006 г.

Куприкова Евдокия Матвеевна, 1930 года рождения, с. Петровка Большеберезниковского района, запись 2007 г.

Миронова Лидия Петровна, 1945 года рождения, пос. Красный Яр Ковылкинского района, запись 2009 г.

Морозкина Надежда Евдокимовна, 1918 года рождения, с. Енгальчево Дубенского района, запись 2007 г.

Наненкова Анна Михайловна, 1929 года рождения, с. Приволье Лямбирского района, запись 2009 г.

Храмова Нина Михайловна, 1946 года рождения, с. Каласево Ардатовского района, запись 2008 г.

Цыповская Анна Николаевна, 1935 года рождения, с. Енгальчево Дубенского района, запись 2007 г.

Поступила 10.09.2009 г.

УДК 398.341(470.345)(=161.1)

Е. А. Кириллова

E. A. Kirillova

РОЛЬ ПЕЧИ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ*

THE ROLE OF FURNACE IN THE LIFE-SUPPORT SYSTEM OF THE RUSSIAN POPULATION IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Ключевые слова: русская печь, дом, баня, жилище, русский народ, обычаи, обряды, традиции.

В статье на основе полевого материала рассматривается роль печи в жизни русского населения Мордовии. Характеризуются виды печей, их устройство, а также обрядность и воззрения, связанные с печью.

Key words: russian furnace, house, bath, dwelling, Russian people, customs, rites, traditions.

The role of furnace in the life of the Russian population of Mordovia is considered in the article on basis of field material. Types of furnaces, their arrangement, ritualism and views, connected with the furnace, are also characterized.

* Статья подготовлена в рамках конкурса РГНФ «Народы Республики Мордовия», проект № 08-01-23101 а/В.

Русская печь заслуживает особого внимания. Много произнесено о ней добрых слов: в сказках она путника и накормит, и от злой погони укроет, а ленивый Емеля на печи, словно на телеге, разъезжал. Печь в избе занимает особое место, с ней связан целый мир представлений, обрядов и верований. Желая передать свое душевное состояние, человек говорил: «Словно у печи погрелся». Где самое уютное место в доме? На печи: «Хлебом не корми, только с печи не гони». Печью клялись в правдивости своих слов: «Коли вру, так дай Бог хоть печкой подавиться». О человеке, ничего не понимающем в происходящих событиях, говорят: «Словно с печи свалился».

Наличие печи в избе было обязательным, а ее отсутствие делало дом нежилым. Отсюда и поговорка: «Догадлив крестьянин, на печи избу поставил». Известна и загадка: «Чего из избы не вытащишь?». Возможно, слово «изба» происходит от слова «печь»: «истба» — «истопка» — «топить, истопить».

Печь являлась одним из наиболее значимых элементов жилища. От ее места в доме зависело расположение других составляющих крестьянской избы. Не отсюда ли пошло выражение «плясать от печки»? По диагонали от печи находился передний, или красный, угол, в котором помещались стол и иконы. Обращаясь к внутренней планировке жилища русских, следует отметить, что на большей части исследуемой территории преобладала среднерусская планировка: печь располагалась устьем к передней стене, причем, ставилась она как с правой, так и с левой стороны от входа. В населенных пунктах Большеберезниковского района преобладает среднерусский тип планировки — печь размещается в одном из ближних от входа углов жилища и устьем повернута к передней или боковой стене. В с. Гарт Большеберезниковского района печь ставят, как правило, на левой стороне избы в углу, повернутой устьем к входу, а в с. Нерлей — с правой. В южной части Мордовии, наряду со среднерусской планировкой, бытовала южнорусская. В Темниковском уезде, как отмечал А. С. Лузгин, был распространен восточный подтип южнорусской планировки [2, с. 68]. При такой планировке печь располагалась в дальнем от входа углу с устьем, повернутым к входной двери. В южной части Инсарского и Краснослободского районов отмечается западный подтип южнорусской планировки. Например, изба подобной планировки, построенная в 1934 — 1935 гг., была в с. Ефавее Краснослободского района у М. К. Жарковой. Все другие избы имели среднерусский тип планировки [3, л. 191].

В жилище с западной южнорусской планировкой печи устье было направлено к длинной стене дома, выходившей на улицу. Общей чертой таких построек было расположение переднего угла избы по диагонали от печи. Это связано с особым значением печи и переднего угла как ритуальных центров жилища [1, с. 130, 160].

Если печь располагалась при входе слева от двери и ее устье было обращено к окнам передней стены дома, то такая изба называлась избой-пряхой. Обычно женщины пряли и шили на длинной лавке, идущей по боковой стене от печи. При такой планировке избы свет падал на пряжу. В некоторых районах печь нередко ставили справа от входа, что создавало неудобства при прядении, так как правая рука пряжи была обращена к стене, да и освещения не хватало. В таких случаях избу называли избой-непряхой.

Русская печь относится к типу духовых печей, в которых огонь разводился внутри печи, а не на открытой сверху площадке. Дым выходил через устье — отверстие, в которое закладывалось топливо, или через специально разработанный дымоход.

Печи различались по конструкции дымохода. Древнейшим типом русской духовой печи была печь без дымохода, называвшаяся курной или черной. Дым выходил наружу через устье и во время топки висел под потолком толстым слоем, от этого верхние венцы бревен в избе покрывались черной смолистой копотью. Русская печь в крестьянской избе имела форму куба: обычная ее длина составляла 1,8 — 2,0 м, ширина — 1,6 — 1,8 м, высота — 1,7 м. Верхняя часть печи была плоской, удобной для лежания. Устье, обычно прямоугольной формы или с полукруглой верхней частью, закрывалось заслонкой — вырезанным по форме устья железным щитом с ручкой. Перед устьем находилась небольшая площадка — шесток, на который ставилась хозяйственная утварь.

Конструкция печи была тщательно продумана. Удивительно, но печь, которую мы называем русской, остается неизменной вот уже много веков. Занимая почти треть избы, она стояла на прочной основе — печном месте, опечье. Это был массивный бревенчатый сруб с настилом из толстых плах. Внутри опечья еще одно перекрытие делило сруб на две части: верхнюю, в которой хозяйка хранила ухваты, хлебные лопаты и прочие хозяйственные принадлежности, и нижнюю — в нее зимой переселяли кур.

Перед печным устьем тянулся шесток — широкая доска. Это было преддверием печи, на котором располагалось все, что ставилось или вынималось из печи: горшки, чугуны, противни, сковороды. У самого пола в опечье тянулся ряд небольших отверстий для вентиляции. Зимой через них кормили кур: просовывая головы, они клевали корм из длинного деревянного корыта, установленного у печи.

Во избежание пожара печь ставили на некотором расстоянии от стены. Это пространство между стеной и печью называлось запечьем, здесь хозяйка дома хранила свои рабочие инструменты — ухваты (железные вилы, которыми ставили в печь и доставали горшки и чугуны. Так, чтобы град не побил посевы, ухват ставили на порог или около него, забрасывали на крышу, перебрасывали через дом, выбрасывали через окно на улицу. Если семья на длительное время покидала дом, печь ухватом загораживали (чтобы домовый не ушел), в этих же целях использовали кочергу или хлебную лопату (плоская деревянная лопата с длинной ручкой. На нее клали приготовленный для выпечки хлеб, чтобы поместить в печь. Поскольку хлеб считался большой ценностью, все предметы, с которыми он соприкасался, непременно связывались с этим словом: хлебный нож, хлебница, хлебная лопата. Хлебная лопата, которая постоянно соприкасалась с огнем, обладающим очистительной и омолаживающей силой, выполняла также функцию магического орудия.

Над крышей дома верхнюю часть печной трубы нередко прикрывал фигурный дымник из прорезного железа. Он не только защищал срез трубы от ветра и дождя, но и служил украшением дома. Дымники изготавливали в форме миниатюрных домиков. Иногда дымник представлял собой флюгер, указывавший направление ветра.

В стенках печи делали углубления — печуры, в которых сушили рукавицы, носки и обувь.

Русская печь не только обогревала жилище, но и имела множество других функций: в ней готовили еду, пекли хлеб, на печи спали в холодное время; горячие кирпичи были незаменимым средством при лечении простудных заболеваний (ПМА: Рыжов). Следует отметить, что в прошлом печь выполняла функцию своеобразной

бани — в ней парились и мылись. Такая печь сохранилась в с. Воеводское Кочкуровского района. Сведения о том, как парились в печах, сохранились в памяти жительницы с. Маколова Чамзинского района Л. И. Тюриной: «Печки делали огромные — в пол-избы. В них мылись. Для этого печку топили жарко, выгребали угли, выметали и устилали под (внутреннее пространство печи. — *Е. К.*) соломой. Парились все по очереди. Кипятком заваривали веник, брали ковшик с водой, залезали в устье печи обязательно вперед ногами, закрывали заслонку, затем брызгали водой на свод. Печка отдавала жар. Как правило, из печи вылезали все в саже, но распаренные» (ПМА: Тюрина). Печь служила для мытья у жителей Ардатовского, Zubово-Полянского, Кочкуровского и Чамзинского районов, так как бани были не у всех.

Печь являлась одним из основных объектов ритуальной сферы и лечебной практики, нормативно-поведенческой области. С ней связано много представлений, поверий и обрядов, магических приемов. Например, во время сватовства будущая невеста должна была находиться все время в печном углу, имея возможность слышать разговор. Из печного угла она выходила нарядно одетая во время смотрин — обряда знакомства жениха и его родителей с невестой. В том же углу невеста ожидала жениха в день отъезда под венец. В старинных свадебных песнях печной угол осмыслялся как место, связанное с отцовским домом, семьей, счастьем. Выход невесты из печного угла в красный угол воспринимался как уход из дома, прощание с ним.

В то же время печной угол, откуда имелся выход в подполье, на мифологическом уровне воспринимался как место, где может произойти встреча людей с представителями иного мира. Через печную трубу, согласно поверью, к тоскующей по умершему мужу женщине мог прилететь огненный змей-дьявол. Принято было считать, что в особенно торжественные для семьи дни (рождение ребенка, свадьба) к печи приходили умершие родители — предки, чтобы принять участие в важных событиях потомков.

Согласно народным поверьям, под печью или за нею живет домовый (покровитель домашнего очага), он добрый и услужливый — в одних ситуациях, своенравный и даже опасный — в других. Это можно проследить из рассказа жительницы пос. Преображенский Краснослободского района А. К. Макеевой: «Спала на печке и около меня плакала „домовая“, я убежала спать к маме, испугалась. Утром мама спросила: „К худу или к добру?“, но от испуга я ничего не ответила. А по поверью говорится, что „домовая“ могла душить или всю жизнь несчастной быть» (ПМА: Макеева). В системе поведения, где существенно противопоставление «свой» — «чужой», отношение хозяев к гостю или незнакомому человеку изменялось, если последнему доводилось посидеть на их печи или отобедать с семьей хозяина за одним столом.

Чтобы сделать хорошую печь, требовалось немало мастерства и знаний. Прежде всего для глинобитной печи сооружался опечек из бревен или плах, срубленных «в лапу», на который затем насыпали глину, утрамбовывая ее с помощью молотков. Чтобы глина не пересыхала, по ней били без остановок одновременно 2 — 3 чел. При битье пода — нижнего слоя печи, на первый слой глины насыпали мелкую гальку (чтобы печь лучше грела), а затем снова слой глины. На сбитый под ставили деревянную «свинку» — каркас свода, а пространство будущей печи

обносили досками. На «свинку» насыпали слоями глину и сбивали ее до такой степени, чтобы она «вспотела», т. е. до выступления влаги. Вместе со «свинкой» делали каркас трубы, а выше трубу сооружали из самодельного кирпича-сырца. Окончив сбивание глины, прорезали в печи «чело», а «свинку» вынимали или сжигали ее внутри печи. Печь, как правило, сбивали за один день, после этого она сохла в течение двух недель.

Профессиональные секреты печников хранились как в технологии построения печи, так и в составе исходного материала. Например, в глину добавляли соль и конский навоз для большей прочности. Так, в с. Стародевичье Ельниковского района про печника Кочетова Савелия говорили: «Если он сложил, то печь будет хорошей» (ПМА: Марфилова); в с. Покровские Селищи Zubovo-Полянского района печником был В. Ф. Валув (ПМА: Горюнова); в пос. Преображенское Краснослободского района — И. И. Макеев. Благодаря секретам печников старинные глинобитные печи отличались исключительной прочностью, они нередко стояли дольше самого дома, а при наводнениях, по рассказам старожил, держали весь дом, как якорь. Размеры старинных печей были большими: одновременно можно было выпекать по 10 — 12 буханок хлеба.

У русских и у мордвы Кочкуровского, Рузаевского районов сохранился обычай знакомить молодую сноху с печью (ПМА: Ерочкина, Сергеева, Гаурина). Огонь, горящий в печи, также являлся символом благополучия. Домашний очаг считался в старину священным. Плюнуть в него считалось большим грехом. По нему определяли и погоду: если дрова горели с треском и красным пламенем — к морозу; белым — к оттепели (ПМА: Дергунова). Погоду могли определять и с помощью дыма из трубы: если он шел вверх, то должна быть ясная погода (ПМА: Володина).

Печной золой лечили многие болезни. В с. Петровка Дубенского района знахарки клали в воду уголек, шептали молитву, и этой водой лечили заболевших (ПМА: Кузенькова). Чтобы предохранить новорожденного ребенка от сглаза, брали из печи уголек и, выйдя на перекресток, перебрасывали его через себя. С печным углем и сейчас связан обычай предохранения от сглаза. Так, информаторы из Краснослободского района рассказывали, что до сих пор угольком натирают ступни и локотки маленьким детям, предохраняя их «от дурного глаза» (ПМА: Макеева).

В некоторых селах печную золу используют в хозяйственных целях: подкладывают ее под стог сена или скирду для отпугивания мышей, некоторые хозяйки золу подсыпают на грядки с капустой для уничтожения вредителей. В с. Сивинь Краснослободского района золой посыпают пол в курятнике, полагая, что от этого куры будут лучше нестись (ПМА: Марфилова).

В настоящее время во многих домах традиционные русские печи отсутствуют, их заменили печи-голландки и газовое отопление.

Таким образом, русская печь имела важное значение в доме не только по своим хозяйственным функциям, но и по участию в обрядовой жизни семьи. Наши материалы, записанные в Республике Мордовия, свидетельствуют об устойчивости древних поверий, связанных с домом и хозяйством. Не случайно они связаны с печным углом, который традиционно считался женской частью дома, так как именно женщины были хранительницами и очага, и этих поверий.

Литература и источники

1. **Байбурин А. К.** Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. М., 1983. 192 с.
2. **Лузгин А. С.** Жизнь промыслов: Промысловая деятельность крестьян Мордовии во второй половине XIX — начале XX в. (этнокультурные аспекты) / А. С. Лузгин. Саранск, 2001. 228 с.
3. НА НИИГН. И-268. Карточки историко-этнографической экспедиции 1952 г., составленные Б. А. Васильевым и др.

Полевой материал автора

- Аниченкова Мария Серафимовна, 1928 года рождения, с. Покровские Селищи Zubovo-Полянского района, запись 2009 г.
- Володина Анастасия Григорьевна, 1925 года рождения, с. Тетюши Атяшевского района, запись 2008 г.
- Горюнова Клавдия Владимировна, 1936 года рождения, с. Покровские Селищи Zubovo-Полянского района, запись 2009 г.
- Дергунова Наталья Сергеевна, 1928 года рождения, с. Урей Темниковского района, запись 2007 г.
- Ерочкина Людмила Ильинична, 1954 года рождения, с. Воеводское Кочкуровского района, запись 2009 г.
- Кузенькова Александра Тимофеевна, 1932 года рождения, с. Петровка Дубенского района, запись 2008 г.
- Макеева Анна Кузьминична, 1959 года рождения, пос. Преображенский Краснослободского района, запись 2009 г.
- Марфилова Татьяна Васильевна, 1969 года рождения, с. Стародевичье Ельниковского района, запись 2009 г.
- Рыжов Иван Васильевич, 1920 года рождения, д. Константиновка Ромодановского района, запись 2008 г.
- Сергеева Мария Федоровна, 1939 года рождения, с. Никольское Торбеевского района, запись 2009 г.
- Таурина Лидия Ивановна, 1936 года рождения, с. Архангельское Голицино Рузаевского района, запись 2008 г.
- Тюрина Лидия Ивановна, 1932 года рождения, с. Маколово Чамзинского района, запись 2008 г.

Поступила 10.09.2009 г.

УДК 811.511.152.1'367.335.2

О. Ю. Цыплякова
O. Yu. Tsypljakova

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИДАТОЧНЫМИ УСЛОВНЫМИ В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ*

COMPOUND SENTENCES WITH THE ADVERBIAL CLAUSES OF CONDITION IN THE ERZYA LANGUAGE*

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, структура, семантика, союз, союзное слово, эрзя-мордовский язык, синтаксис, условие.

В статье рассматриваются сложноподчиненные предложения с придаточными условными в эрзянском языке, их структура и семантические типы.

Key words: compound sentence, structure, semantics, conjunction, connective word, Erzya-Mordovian language, syntax, condition.

Compound sentences with adverbial clauses of condition in the Erzya language, their structure and semantic types are considered in the article.

Рассматривая сложноподчиненные предложения (далее — СПП) с придаточными условными, необходимо обратиться к понятию «обусловленность».

В предложениях со значением обусловленности соотнесены две ситуации, из которых одна поставлена в зависимость от другой. Такие предложения выражают условные, причинные, уступительные отношения, а также отношения цели и следствия.

Обусловленность, т. е. причинность в широком смысле слова, объединяет такие значения, как предпосылка, основание, обоснование, подтверждение, доказательство, аргумент, довод, предопределенность, посылка, повод, предлог, стимул и целевая мотивировка. Весь этот круг отношений предполагает такую связь ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой.

В предложениях условных, причинных и целевых носителем признака достаточного основания является придаточная часть. В придаточной части СПП с придаточными условными признак достаточного основания представлен негативно, так как при уступительных отношениях значение обусловленности всегда взаимодействует

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-04-23405 а/В.

со значением противительным. В предложениях следствия носителем признака достаточного основания является главная часть.

В предложениях со значением обусловленности особую роль приобретают основные модальные характеристики частей в их соотношении, а также действующие здесь ограничения. Под основной модальной характеристикой понимается отношение сообщаемого к действительности. В предложениях, выражающих обусловленность, выявляются три вида такого отношения: соответствие действительности либо исключается, либо допускается, либо утверждается.

Модальные признаки частей могут зависеть или не зависеть друг от друга. У предложений, выражающих причинные, уступительные отношения, а также отношения цели и следствия, такой зависимости нет. В СПП, выражающих условные отношения, модальность главного компонента предопределяется модальностью придаточного компонента.

Рассмотрим СПП с придаточными условными.

Условные придаточные компоненты содержат условия, при которых могло или может произойти действие главного компонента.

Схемы СПП с придаточными условными:

[...], (**Pron rel...**); [...], (**Conj ...**);

(**Pron rel...**), [...]; (**Conj ...**), [...];

[..., (**Pron rel...**)...]; [...], (**Conj...**)...],

где **Pron rel** — местоимение относительное; **Conj** (*лат. conjunction*) — союз; [] — главная предикативная часть; () — придаточная предикативная часть.

Предложения этого типа отчетливо расчлененные и пропозиционно двучленные, то есть придаточная часть в них относится ко всей главной части, а сложная семантическая модель предложения включает, как минимум, две пропозиции, которые составляют единый смысловой комплекс.

В СПП с придаточными условными значение обусловленности конкретизировано как взаимная связь ситуаций предопределяющей (в придаточном компоненте) и предопределенной, т. е. ситуации-следствия (в главном компоненте).

В предложениях с условными придаточными, не осложненных другими элементами значения, из трех возможных квалификаций явления (реального — соответствующего действительности), нереального (не соответствующего действительности) и потенциального (соответствие и несоответствие действительности допустимы в равной мере), допустимы лишь вторая и третья.

В зависимости от того, какая из двух названных квалификаций имеет место, различаются предложения со значением нереальной и потенциальной обусловленности. В СПП с условными придаточными модальная квалификация главного компонента поставлена в зависимость от модальной квалификации придаточного компонента. В предложениях со значением нереальной обусловленности обе ситуации представлены как такие, которые не имеют места в действительности; в предложениях со значением потенциальной обусловленности условие и следствие представлены как ситуации, которые могут быть реализованы. Таким образом, СПП с придаточными условными можно разделить на две группы:

1) потенциально-условные, в которых условие и обусловливаемое представляются говорящему возможным в прошлом, настоящем и будущем: «*Бути* кинть вельтасы эйгажа, секень вант, юткстонок кияк машинанек-мезнек ки чиренть латкс

полоняви» [4, с. 137] — «Если дорогу покроет гололед, того и гляди кто-нибудь из нас вместе с машиной в придорожную яму угодит»;

2) нереально-условные, в которых условие и обусловливаемое представляются только возможным, желательным, предполагаемым и даже нереальным: «Вана *бути* бу парсте содавлинек те арифметиканть, сестэ эрва тевентень максовлинек паро анализ» [8, с. 83] — «Вот *если бы* хорошо знали эту арифметику, тогда всякому делу дали (бы) хороший анализ».

Таким образом, система условных предложений представляется в виде следующей схемы:

В **потенциально-условных предложениях** событие (ситуация), названное в придаточной части, представляется реально допустимым обоснованием для осуществления того, о чем говорится в главной части. Собственно-условное значение составляет основу семантики этого типа. Оно заключается в том, что между содержанием главной и придаточной частей устанавливается следующая обусловленность: наличие события (ситуации), о котором говорится в придаточной части, обязательно вызывает ту ситуацию, о которой говорится в главной, и, напротив, отсутствие того, о чем говорится в придаточной части, делает невозможным то, о чем говорится в главной: «*Оймазь седейсэ удат, бути вадрясто трудят*» [7, с. 109] — «*Со спокойным сердцем спишь, если хорошо трудишься*»; «*Бути беряньстэ трудят, оймазь седейсэ а удат*» [Там же] — «*Если плохо трудишься, со спокойным сердцем не спишь*».

В потенциально-условных предложениях средствами связи выступают союзное слово *зярдо* (когда), союзы *бути* (если), *коли*, *кабу* (кабы): «*Бути* парсте роботатано, сон (модась) верев кастсамизь, беряньстэ кис жо алов валкстсамизь» [2, с. 90] — «*Если* хорошо работаем, она (земля) нас возвысит, за плохое же вниз опустит»; «...когдамо лезкс сон (Захар), кемгавксово иесэ цёра, максы, *коли* сонськак сюпавонь кедьсэ роботникекс эри» [1, с. 10] — «...какую помощь он (Захар), восемнадцатилетний парень, окажет, *коль* и сам у богатея в работниках».

Потенциально-условные придаточные предложения с союзным словом *зярдо* (когда) могут быть восприняты и как придаточные компоненты времени с этим же союзным словом, потому что они не имеют внешних различий. Критерием для их разграничения является семантика СПП в целом: «*Лиясто тетятнеяк вайгелест човорилизь те шалтонть, зярдо* уш овсе элякадыльть пакшатне» [3, с. 7] — «Иногда и отцы встречали голосами (своими) в этот гвалт, *когда* уж совсем расшумятся дети». В данном предложении временной союз *зярдо* (когда) можно заменить союзом *бути* (если): «*Лиясто тетятнеяк вайгелест човорилизь те шалтонть, бути* уш овсе элякадыльть пакшатне (Иногда и отцы встречали голосами (своими) в этот гвалт, *если* уж совсем расшумятся дети).

Необходимо отметить, что наиболее употребительным средством связи компонентов в СПП с потенциально-условными придаточными в эрзянском литературном языке является союз *бути* (если): «*Бути* нолашты (пеелись), мертвь, овтось синтринзеть» [Там же, с. 11] — «*Если* выскользнет (нож), скажи, медведь покалечит»; «*Бути* эсь кедьсэ викшнезь панарсо, тетянзо рамавт кедькстнэсэ-пилекстнэсэ од ломанень

кужонтень чокшне ланга лиси (Вияна), ламо цёрань седейть солазь сольть сонзэ лангс ваномсто» [Там же, с. 17] — «Если своими руками вышитой рубашке, отцом купленных браслетах-сережках в круг молодых людей вечером выйдет (Вияна), много мужских сердец, глядя на нее, растает». Остальные союзы встречаются реже.

В оформлении потенциально-условных конструкций вместе с союзами могут принимать участие корреляты *то, сестэ* (тогда): «*Бути* минек бригадасо урожаесь карми улеме лия бригадатнень коряс седе сэрей, *то* седе ламо сюрояк получатано» [2, с. 93] — «Если в нашей бригаде урожай будет по сравнению с другими бригадами выше, *то* больше хлеба получим»; «*Бути* книгасонтъ карми улеме полиграфической ильведевкс, *сестэ* рамицянть можна полавтомс сонзэ книготоргсо или получамс мекев питнензэ» [6, с. 27] — «Если в книге будет полиграфическая ошибка, *тогда* покупателю можно поменять ее в книготорге или получить обратно деньги (дословно «цену». — О. Ю.)».

В **нереально-условных предложениях** события (ситуации) в обеих предикативных частях представлены только возможными, желательными, предполагаемыми и даже нереальными.

Придаточный компонент в этих предложениях содержит особую форму синтаксического условного наклонения, которое образуется сочетанием «союз + частица *бу* (бы)»: *бути бу* (если бы), *кабу бу* (кабы бы), *коли бу* (коли бы).

Обычно частица *бу* (бы) непосредственно следует за союзом: «Паро улевель, *бути бу* ансяк тон (Соня) истя арсевлитель» [8, с. 48] — «Хорошо было бы, *если бы* только ты (Соня) так думала», но возможно и дистантное расположение союза и частицы *бу* (бы). Допустимо повторение частицы *бу* (бы) при союзе и при глаголе главного компонента, а также придаточного: «Мезе *бу улевель, бути бу* друк заводсо лоткаволь роботамодо станок» [Там же, с. 121] — «Что *было бы, если бы* вдруг на заводе перестал работать станок»; «Нетъ валтнэ пштикэкс *бу сялговольть* Костянь седейс, *бути бу* сынъ улевельть ёвтазь весёла вайгельсэ» [Там же, с. 164] — «Эти слова занозой *бы вонзились* в сердце Кости, *если бы* они были сказаны веселым голосом».

Отметим, что союзы *коли бу* (коли бы), *кабу ...бу* (кабы ...бы), *бути бу* (если бы) имеют просторечную или разговорную окраску, иногда также окраску народно-поэтическую.

Иллюстративный материал показывает, что в эрзянском литературном языке предложения с союзами *бути* (если), *кабу* (кабы), *коли* с частицей *бу* (бы) встречаются очень редко. В основном такую связь союзов с частицей мы наблюдали в повести А. Щеглова «Тесэ весе мазыйть» [8], в языке других авторов такие примеры мы не обнаружили. Напротив, в разговорной речи это довольно частое явление: «*Бути бу* мон кадововлинь, лиякс улевель весе» — «Если бы я остался, по-другому было бы все»; «*Кабу* тон *бу* рамавлишь машина, ялгяк *бу* а якавлинек» — «*Кабы* ты *бы* купил машину, пешком *бы* не ходили».

Придаточные компоненты СПП, выражающие условные отношения (как потенциально условные, так и нереально-условные), могут находиться по отношению к главному компоненту в препозиции: «„*Бути машинанть а сайса ве ёнов*, мотоциклась вачкодеви эйзэнзэ, ломанесь маштови“, — ёндолокс кивчкадсь Григориень прява» [4, с. 35] — «„*Если машину не уберу в сторону*, *то* мотоцикл ударится в нее, человек погибнет“, — молнией промелькнуло в голове Григория»; постпозиции: «Бояронть управляющеезэ алтась тень тунда максомс кемень пондт суро, *бути Инечис карман*

ракша мельга якамо» [5, с. 20] — «Управляющий боярина обещал дать мне весной десять пудов хлеба, *если до Пасхи буду пасти* (дословно «ходить за». — *О. Ю.*) животных», но возможна и интерпозиция: «Каль мерсь нинстэнь стявтоматонзо чинзэ лисемадо икеле, *бути сонсь а стяви*, ды куйсь каштом лангс» [3, с. 7] — «Каль наказал жене разбудить его до восхода солнца, *если сам не встанет*, и залез на печку».

Как видно из приведенных примеров, придаточные условные относятся ко всему содержанию главного компонента, а не к отдельному его члену. В эрзянском литературном языке этот тип предложений очень употребителен, ибо основная синтаксическая функция подчинительных союзов *бути* (если), *коли*, *кабу* (кабы) — присоединять придаточные, выражающие условные отношения. В произведениях некоторых авторов встречаются даже целые абзацы, которые построены из СПП с условными придаточными. Вот, например, какую характеристику дает М. И. Брыжинский монголо-татарам в исторической повести «Половт» («Набат»): «*Бути* тюрема таркасто кияк оргоди, сонзэ керясызь прянзо. *Бути* кементнестэ кавто-колмо тюрить, меельцетне пелить эцемаст, сынст истя жо керясызь пряст. *Бути* кементнестэ вейке или кавто нукерт сайт полонс, лиятне а олякстомтсызь сынст, те кемёнстэнтэ кадвикстнэнь маштсызь. *Бути* вастови покш лей, печтить эйсэнзэ алашань пулос сюлмазь курмост-кармост марто кедень кескал лангсо озадо или лишмень пулос кундазь» [Там же, с. 53] — «*Если* с поля боя кто-нибудь убежит, у него отрубали голову. *Если* из десяти два-три дерутся, остальные боятся лезть, им так же отрубали головы. *Если* из десяти одного или двух воинов возьмут в плен, другие не освободят их, оставшихся из этих десяти убивают. *Если* встречается большая река, переправляются через нее сидя на привязанных к хвосту коня кожаных мешках с пожитками или держась за хвост коня».

Таким образом, в условных СПП ситуация, названная в придаточной части, является предпосылкой, способствующей осуществлению того, о чем сообщается в главной части. Предложения этого типа отчетливо расчлененные и пропозиционно двучленные. Условные предложения имеют четко выраженную модальную специфику: они всегда содержат значение гипотетичности (предположения). В зависимости от степени гипотетичности различаются два модальных подтипа СПП — потенциально-условные и нереально-условные. Порядок следования предикативных частей в них нефиксированный.

Источники

1. **Абрамов К. Г.** Найман : роман / К. Г. Абрамов. Саранск : Мордов. гос. изд-во, 1957. 396 с.
2. **Брыжинский И. С.** Василинка : роман / И. С. Брыжинский. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. 152 с.
3. **Брыжинский М. И.** Половт : исторической повесть / М. И. Брыжинский. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1983. 148 с.
4. **Калинкин И.** Васоло ки лангсо : повесть / И. Калинкин. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2000. 256 с.
5. **Ключагин П.** Цёканька : ёвтнемат / П. Ключагин. Саранск, 1997 : Мордов. кн. изд-во, 112 с.
6. **Митякин Д.** Эрямонь ёнкст : ёвтнемат, раксемкат / Д. Митякин. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1992. 72 с.
7. Устно-поэтическое творчество мордовского народа : в 12 т. Т. 4, кн. 1. Пословицы, присловья и поговорки. Саранск, 1967. 376 с.
8. **Щеглов А.** Тесэ весе мазыйть : повесть / А. Щеглов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. 176 с.

Поступила 02.09.2009 г.

УДК 811.511.152.1'362'367.622.13

Е. А. Кукушкина

E. A. Kukushkina

ПОЛНОСЛОЖНЫЕ ИМЕННЫЕ СОЕДИНЕНИЯ В ЭРЗЯНСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

FULL-SYLLABIC UNITS IN THE ERZYA AND GERMAN LANGUAGES

Ключевые слова: полносложные именные соединения, композиты, фонетические изменения, прогрессивная ассимиляция, озвончение, диереза (гаплогия), самостоятельное слово, компоненты сложного слова.

В статье затрагивается область сравнительного словообразования и исследуются полносложные именные соединения двух неродственных языков. Полносложными соединениями являются существительные, представляющие собой простое сложение основ, при котором компоненты композита полностью сохраняют звуковой состав или подвергаются какому-либо фонетическому изменению. Предлагается разграничивать композиты в рассматриваемых языках на несколько подтипов.

Key words: full-syllabic units, composites, phonetic variations, progressive assimilation, voicing, dieresis (gapology), independent words, components of a compound.

The article mentions the problem of comparing word-formation and examines full-syllabic noun units in two unrelated languages. Full-syllabic units are the nouns with a simple combination of word stems where the compound composites fully remain their phonetic structure or subjected to some phonetic variations. The division of the composites into several types is given in the article.

Термин «полносложные» (или «истинные») соединения (*eigentliche Zusammensetzungen*) впервые был введен в научный обиход немецким филологом Якобом Гримом [9], который рассматривал немецкие сложные существительные, основываясь на наличии или отсутствии соединительного элемента между компонентами композита: например, нем. *Landhaus* — «дача, загородный дом» является полносложным соединением.

Полносложными соединениями являются существительные, первый компонент которых имеет форму основы слова, например: э. *azorava* «хозяйка» (*azor* «хозяин» и *ava* «женщина»), *s'el'meker* «веко» (*s'el'me* «глаз» и *ker* «кора, лубок»), *kir'gapar* «горло» (*kir'ga* «шея, горло» и *par* «полость, кадушка»), нем. *das Landhaus* «дача, загородный дом» (*das Land* «земля, деревня» и *das Haus* «дом»), *der Lackschuh* «лакированный ботинок» (*der Lack* «лак» и *der Schuh* «ботинок, обувь»).

Эти соединения представляют собой простое сложение, или примыкание, основ. При этом компоненты полностью сохраняют свой звуковой состав или подвергаются какому-либо фонетическому изменению.

Если в немецком языке компоненты полносложных соединений чаще всего не изменяются (иногда встречается усечение основы в результате диерезы), то в полносложных эрзянских композитах фонетические изменения — довольно частое явление.

В зависимости от глубины и характера изменения компонентов, а также по степени слияния последних, полносложные композиты в рассматриваемых языках можно разделить на несколько подтипов:

1) композиты, в которых сочетаемые компоненты срачиваются без изменения: э. *kandolazt* «гроб» (*kando* «колода» и *lazt* «доски»): «Секе чистэнтъ Никита Минов пачкоди монастырев, Филиппень *кандолазонзо* вельксэ правты ламо сельведть» [3, с. 72] — «В этот же день Никита Минов доберется до монастыря, над *гробом* Филиппа прольет много слез»; *umar'pir'e* «сад» (*umar'* «яблоко» и *pir'e* «огород»): «Атясь сась *умарьпирестэ* апак терде» [1, с. 46] — «Старик пришел из сада без приглашения»; *štatol* «свеча» (*šta* «воск» и *tol* «огонь»): «Кортыть, самай се Дионисиесь, конань лементь ней кандтни лисьмапрясь, эсь шкасто кандтнесь Пор пандонь церьковантень а мадиця *umamol*» [3, с. 23] — «Говорят, этот самый Дионисий, чьим именем назван источник, в свое время носил в церковь на Известковой горе *негасимый огонь*»; *pr'ačer't'* «волосы» (*pr'a* «голова» и *čer't'* «волосы»): «Ёвтнема тетъ весемеденть, *прячереть* дубушки стить» [4, с. 20] — «Если расскажу тебе обо всем, *волосы* дыбом встанут»; нем. *das Titelblatt* «титульный лист» (*der Titel* «титул, звание» и *das Blatt* «лист, листок»): «Da wies er ihr stumm das *Titelblatt*» [6, с. 94] — «Тут он молча указал ей на *титульный лист*»; *der Zeitpunkt* «время, момент, дата» (*die Zeit* «время» и *der Punkt* «точка, момент»): «Manchem Menschen ist die eigene Seele so fremd geworden, dass er tot zusammenbricht, wenn der *Zeitpunkt* gekommen ist, dass er sie erblickt» [5, с. 95] — «Иному человеку собственная душа становится такой чужой, что он разрушается до смерти, если наступило *время*, что он ее увидит»; *die Handschrift* «почерк» (*die Hand* «рука» и *die Schrift* «письмо, почерк»): «Ein großer, starker Bogen lag vor ihm... und den er mit einer kleinen, sorgfältig gemalten und überaus reinlichen *Handschrift* bedeckte» [6, 100] — «Большой лист бумаги лежал перед ним... и который он заполнил мелким, старательным и слишком четким *почерком*»;

2) композиты, в составе которых один из компонентов может быть видоизмененным под воздействием прогрессивной ассимиляции (встречается только в эрзянском языке, в немецком языке подобное явление не наблюдается).

Как отмечает в своей работе А. Е. Шестакова, одним из наиболее часто встречающихся фонетических изменений, характерных для эрзянского словосложения, «является озвончение глухих согласных в начале второго компонента под влиянием предшествующего звонкого согласного звука» [8, с. 36]. Например: э. *tov[z]uro* «пшеница» (*tov* «мука, ядро (ореха и т. п.)» и *s'uro* «злак, зерно»): «Валске ланга, зярдю ушось *товзюродо* андозь атякшокс моразевкшни, Софийской соборонь баягатнень эйтэ истят сулейть-чопачат сралить келиянзо вальмалга — куш ушовгак иля лисне» [3, с. 19] — «Утром, когда все вокруг запоет, как накормленный *пшеницей* петух, от колоколов Софийского собора такие страшные тени раскидываются под окнами его [Никона] келии — хоть и не выходи на улицу»; *tol[b]an'd'a* «костер» (*tol* «огонь» и *ran'd'a* «грядка»): «...Павел Иванович маризе прянзо беряньстэ: палозь палсь потмозо, мерят, тозонь верьгедсь *толбандя*» [4, с. 15] — «Павел Иванович чувствовал себя плохо: горело нутро, словно там вспыхнул *костёр*»; *jon[d]ol* «молния» (*jon* «хороший» и *tol* «огонь»): «Таня капшазь варштась цёранть лангс, сельмензэ кивчкадсть ёндо ладсо» [1, с. 26] — «Таня быстро взглянула на парня, глаза [ее] вспыхнули, как *молния*»; *ej[z]uro* «сосулька» (*ej* «лед» и *s'uro* «рог»): «Теке марто, те тунда, *эйзю-*

ронь кольгема шкасто, Лексей Иванович урвакстсь...» [3, с. 132] — «Вместе с тем, этой весной, в пору таяния *сосулук*, Алексей Иванович женился...».

Следует отметить, что ассимиляция происходит в устной эрзянской речи, на письме же эти изменения, согласно принятым нормам правописания [2], отражаются лишь в сложных числительных и некоторых других словах;

3) композиты, в составе которых один из компонентов может быть видоизмененным в результате диерезы или гаплогогии: э. *pokšt'a* «дед, предок» (*pokš* «большой, старший, главный» и *at'a* «старик, муж»): «Грозноень пингстэ уш *покштянок* сюпавдо сюпавольть» [3, с. 93] — «Наши *деды* уже при Грозном были очень богаты»; *s'el'ved'* «слеза» (*s'el'me* «глаз» и *ved'* «вода»): «Кулясь кода а вадря — Богоматерь пазавась натой тарск тейсь, покш сельмстэнзэ польдерьсэ тусть *сельведензэ*» [Там же, с. 49] — «Как плохая новость — икона Божьей матери даже вздрогнула, из ее больших *глаз* ручьем потекли *слезы*»; *tul'evks* «поросенок» (*tuvo* «свинья» и *l'evks* «детеныш»): «Тесэ оштё *тулевкст* цирнить, вазонзо марто скалось пары, ревелевкст кирнявтнить» [Там же, с. 152] — «Здесь еще *поросята* визжат, корова с теленком мычат, ягнята прыгают»; нем. *das Erdgeschoss* «первый этаж» (*die Erde* «земля» и *das Geschoss* «этаж, ярус»): «...erschien er ein wenig zu spät in dem großen Speisesaal im *Erdgeschoss* des Seitenflügels» [6, с. 78] — «...он появился немного поздно в большой столовой *на первом этаже* здания...»; *der Schulhof* «школьный двор» (*die Schule* «школа» и *der Hof* «двор»): «Es kam die Zeit, wo er sie auf dem *Schulhofe* oft von gewissen Erlebnissen sprechen hörte...» [Там же, с. 135] — «Пришло время, когда он услышал, как они на *школьном дворе* часто говорили о неперенных переживаниях...»;

4) композиты, в составе которых сращены фонетически видоизмененные основы, утратившие связь со своим первичным статусом. Сложный состав подобных слов можно установить лишь в результате специального исследования, например: э. *vel'd'er'ma* «отдушина, верхнее окно» (*ver'e* «верхний» и *val'ma* «окно»), *kosks'e* «сухарь» (*kos'ke* «сухой» и *kši* «хлеб»), *rošks'e* «ржаной хлеб» (*roz'* «рожь» и *kši* «хлеб»); *ur'va* «сноха» (*ur'e* «раб» и *ava* «женщина»): «Зярдо Наталь ушодыль мирденть мурнеме, ававтось а пшкадиль цёранть кисэ, кирдиль *урьвань ёнксонть*» [1, с. 26] — «Когда Наталья начинала бранить мужа, свекровь не заступалась за сына, поддерживала *сноху*»; *od'ir'va* «невеста, сноха, молодуха» (*od* «молодой», *ur'e* «раб» и *ava* «женщина»): «Лия *одирьва* ветясть Алексей Михайловичнень...» [3, с. 99] — «Другую *невесту* привели Алексею Михайловичу...»; *ken'er'epakar'* «локоть» (*ked'n'er'* «острые руки» и *pakar'* «кость»): «Комзолов ёртовсь маласо вальмантень, *кенерепакарьсэ* порксызе суликанть, пижакадсь ушов...» [4, с. 7] — «Комзолов бросился к ближнему окну, *локтем* разбил стекло, закричал наружу...».

В немецком языке в результате различных процессов смысловая структура сложного существительного может постепенно измениться. Полное стирание смысловой структуры сложного слова обычно связано с изменением фонетической формы одного из его компонентов (главным образом, второго) или с его исчезновением в функции самостоятельного слова. В качестве примеров таких слов с «затемненным» значением (*verdunkelte Zusammensetzungen*) можно привести следующие: нем. *der Nachbar* (mhd *nächgebür* «близко живущий»), *der Schuster* (mhd *schuochsütaere*, второй компонент восходит к лат. *sutor*) и т. п. В настоящее время все эти, в прошлом сложные, слова следует считать корневыми;

5) композиты, в которых один из компонентов утратил свое значение и не может употребляться в качестве самостоятельного слова: э. *saldir'ks* «солонка» (*sal* «соль», значение второго компонента утратилось), *peščuvto / peščuvto* «сковородник» (*čuvto* «дерево», значение первого компонента спорно) [7, с. 65], *kakžal'a* «деверь» (значение первого компонента *kakž* утратилось, *al'a* «мужчина, юноша»): э. «Вансы [Федосья Прокопьевна], марязденть *какжалянтъ* чамась седеяк чополгадсь, ладсезь поладсь...» [3, с. 104] — «Смотрит [Федосья Прокопьевна], от услышанного лицо *деверя* еще больше потемнело, успокаивая, добавила...»; нем. *die Brombeere* «ежевика» (первый компонент mhd *brāme* «терновник»); *die Demut* «смирение, покорность» (первый компонент ahd *dio* «слуга»); *das Beispiel* «пример» (второй компонент ahd *spei* «рассказ»); *der Bräutigam* «жених» (второй компонент ahd *gomo* «муж»); *der Amboß* «наковальня» (mhd *anebōz* от глагола *tōzen* «бить»; со значением *то*, на чем бьют (куют железо)) и т. п.

Таким образом, полносложными соединениями являются существительные, представляющие собой простое сложение основ, при котором компоненты композита полностью сохраняют свой звуковой состав или подвергаются какому-либо фонетическому изменению.

Литература и источники

1. **Абрамов К. Г.** Велень тейтерь / К. Г. Абрамов. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1980. 448 с.
2. Вейсэ, башка, тешкс вельде : валкс / редкол.: Н. А. Агафонова, М. Д. Имайкина, М. В. Мосин ды лият. Саранск, 2002. 144 с.
3. **Доронин А. М.** Баягань сулейть / А. М. Доронин. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1996. 480 с.
4. **Доронин А. М.** Кочкодыкесь — пакся нармунь / А. М. Доронин. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1993. 384 с.
5. **Майринк Г.** Вальпургиева ночь : кн. для чтения на нем. яз. / Г. Майринк. СПб. : Антология, 2005. 224 с.
6. **Манн Т.** Смерть в Венеции и другие новеллы : кн. для чтения на нем. яз. / Т. Манн. СПб. : Антология, 2005. 160 с.
7. **Цыганкин Д. В.** Словообразование в мордовских языках : учеб. пособие / Д. В. Цыганкин ; Мордов. ун-т. Саранск, 1981. 82 с.
8. **Шестакова А. Е.** Образование существительных и прилагательных от именных основ в мордовских языках : дис. ... канд. филол. наук / А. Е. Шестакова. М., 1952. 202 с.
9. **Grimm J.** Deutsche Grammatik / J. Grimm. Teil 2. Berlin, 1878. 158 s.

Поступила 17.09.2009 г.

УДК 821.511.152

И. И. Шеянова

I. I. Shejanova

**ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭПИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ
НА ТВОРЧЕСКУЮ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ А. Д. КУТОРКИНА
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ПОКШ КИ ЛАНГСО УМАРИНА» —
«ЯБЛОНЯ У БОЛЬШОЙ ДОРОГИ»)**

**INFLUENCE OF NATIONAL EPIC TRADITIONS
ON A. D. KUTORIKIN'S CREATIVE INDIVIDUALITY
(BY THE EXAMPLE OF THE NOVEL «POKSH KI LANGSO
UMARINA» — «AN APPLE TREE AT THE MAIN ROAD»)**

Ключевые слова: фольклор, литература, роман в стихах, сказ, сказовые формы повествования, эпические традиции, фольклорная стилизация.

Национальные эпические традиции оказали заметное влияние на творческую индивидуальность А. Д. Куторкина. Воздействие фольклора стало определяющим фактором авторского стиля в романе «Яблоня у большой дороги».

Key words: folklore, literature, novel in the verses, legend, legend forms of narration, epic traditions, folklore stylization.

National epic traditions had a noticeable effect on A. D. Kutorkin's creative individuality. The folklore influence became the determining factor of author's style in the novel «An Apple Tree at the Main Road».

На всех этапах развития мордовской литературы поэты и прозаики обращались к устному народному творчеству как неиссякаемому источнику вдохновения, творчески осваивали его художественные традиции. Особенно поучителен и своеобразен в этом отношении опыт мордовского писателя А. Д. Куторкина.

Вторая половина 1950-х гг. — начало 1960-х гг. стала своеобразным этапом развития репрезентативных жанров мордовской литературы, в том числе и сказовых форм повествования. В это десятилетие мордовский поэтический эпос характеризуется освоением крупных поэтических жанров, в частности, романа в стихах.

Рассматривая специфику сказа и его соотношение с эпическими традициями различных жанров письменной мордовской литературы, нельзя не заметить, что поэтика сказа, творчески проникающая в реалистические произведения современной литературы, заметно обогащает образный фонд художественного мышления современных поэтов и прозаиков, позволяя через локальные национальные концепции раскрывать связь времен, расширять возможности изображения путей исторического развития народной жизни. Опыт мордовской художественной сказовой

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-04-23407 а/В.

повествовательности показывает, что это явление выступает как типологическая закономерность. Иначе говоря, сказовая поэтика, проникая в систему идейно-художественного познания действительности, приобретает заряд содержательности через различные формы стилизации.

Лирико-эпическая поэма историко-революционного характера явилась начальным звеном в освоении мордовскими поэтами жанров эпической поэзии. Для нее характерно было то, что в центр повествования выдвигалась не столько типическая личность, сколько концентрация авторского внимания на самой народной среде. Изображение народной жизни длительное время оставалось тесно связанным с особенностями фольклорно-эпической типизации.

В мордовской поэзии поучительным в этом отношении стал роман в стихах А. Д. Куторкина «Покш ки лангсо умарина» («Яблоня у большой дороги») [2], который, как отмечали исследователи, «как бы завершал в нашей литературе период ее непосредственной опоры на фольклорные традиции и начинал новую полосу в развитии мордовского поэтического эпоса, связанную уже с более творческим и органическим использованием эстетики фольклора для решения задач, стоящих перед современной литературой» [1, с. 118]. А. Д. Куторкин одним из первых не только в мордовской, но и в поволжской литературе пошел по пути локализации исторического времени в человеческом характере, дополнив при этом возможности конкретно-реалистического воспроизведения исторических событий условно-романтической трактовкой судеб и характеров. Трактовка исторических судеб народа в поэме вытекает из художественного проникновения в жизнь. Приемы лирико-эпического повествования, структура образов, ритмика и звуковая организация стиха, интанационно-смысловое богатство поэтической речи — все художественные средства сосредоточены на выявлении единой идеи о судьбе мордовского народа в прошлом и настоящем.

Для А. Д. Куторкина тенденция к соединению национально-эпических литературных традиций с традициями фольклорно-эпического творчества стала основой, на которой формировалась его творческая индивидуальность. Стихотворный роман «Яблоня у большой дороги» явился плодом многолетнего творческого труда писателя. Замысел романа возник еще накануне Великой Отечественной войны. Однако к его осуществлению поэт приступил только в 1946 г. В содержание «Яблони у большой дороги» вошла часть исторического материала, изображенного А. Д. Куторкиным в романе «Раужо палмань» («Черный столб»). Автором сохранены, к примеру, некоторые персонажи (семья Пановых, управляющий Карл Иванович и др.).

Роман «Яблоня у большой дороги» охватывает исторический период с начала 80-х г. XIX в. до лета 1906 г. Главной проблемой романа явилось художественное исследование процесса революционизации сознания мордовского народа в период с последней четверти XIX в. до революции 1905 — 1907 гг.

Сюжет романа связан с раскрытием судьбы главного героя — Мики Кузая. Автор включил в повествование историю любви героя к двум девушкам: бедной Луше и богатой наследнице Зое. Первая вышла замуж за богатого, брак второй девушки был несовместим с социальным положением Мики. Свое недолгое счастье главный герой находит с Лушей, оставшейся вдовой. На протяжении всего романа автор акцентировал внимание читателя на росте сознания главного героя, для которого встреча

с русским революционером Ростиславом Тайновым стала поворотным моментом в его жизни.

В романе «Яблоня у большой дороги» соединились эпос и лирика, прослеживается единство традиций и новаторства.

Значительную ценность с точки зрения идейно-художественных и жанрово-стилевых особенностей романа представляет композиция произведения. Роман состоит из четырех частей, каждая из которых логически завершена. Внутри частей развитие действия идет от одного сюжетного узла к другому. Изредка повествование прерывается короткими лирическими и публицистическими отступлениями, в которых дается авторская оценка событиям и поступкам. Произведение открывается «Зачином», напоминающим вступительную часть фольклорных произведений. Уже в начале повествования, сменяя друг друга, на «листочке календарном» появляется год за годом, десятилетие за десятилетием, и вот «влезает год 1905-й», о котором А. Д. Куторкин рассказывал в духе народно-поэтических традиций, то есть от имени старика-сказителя — живого свидетеля изображаемых событий, стилизованного под рассказчика, предстающего перед читателями как непосредственный свидетель изображаемых в романе событий, от имени которого передаются в дальнейшем многие картины и эпизоды повествования [2, с. 6]:

Сыре атя стясь икелень
ды полавтынзе монь мелень —
Мир ки лангсо, — мерсь, — цёракай!
Рунгомгак весе соракодсь
апак учо те вайгельденть.

Старик встал передо мною
и изменил мое настроение —
Мир в дороге, — сказал, — сынок!
Стан мой весь вздрогнул
от этого неожиданного голоса.

В «Яблоне у большой дороги» элементы фольклорной стилизации легко заметны. Речь героев близка к народной, полна народных сравнений и олицетворений, например [Там же, с. 10]:

Умарь ютксо мазы — груша,
Тейтерь ютксо — Пурькень Луша.
Шумбраяк, прок ванькс од нешкекс,
Кштиаяк, прок шожда мекшке.
Ансяк парсте тензе сеаяк,
Моданть велькстэ сеске редят,
Кода нармунькс ливтнить котат.
Но, кундыак сон роботас,
Мерят валовсь эрексия.

Среди яблонь краше — груша,
Среди девушек — Пурькина Луша.
И здорова, как молодой улей,
И пляшет, как легкая пчелка.
Только лучше ей играй на гармошке,
Над землей увидишь сразу,
Как птицей летают ботинки.
Но когда она берется за работу,
Скажешь, пролилась ртуть.

В романе мы встречаем такой необходимый компонент для сказового повествования, как прямое обращение рассказчика к слушателю (читателю) [Там же, с. 7]:

... Ну, бути а капшат, сестэ
Тон озакая малазон
Ды рожомтая валозон.
Сень, мезе неинь мон, яказь,
Ды мезе маринь, оякай, —
Конёв лангс ансяк сёрмадомс
Ды нуцкянок туртов кадомс.

Ну, коли не торопишься, тогда
Ты присядь-ка рядом
И прислушайся к моим словам.
То, что я видел, ходя,
И что слышал, приятель, —
На бумагу только записать
И внукам на будущее оставить.

Когда произведение выдается за сказ, то, несомненно, писатель представляет себя прямым продолжателем традиций устного народного творчества. Слово «сказывать» как по стилю, так и языку является прямым указанием на фольклорную основу произведения. Этимология его следующая: префикс *сѣ* + общеславянское «казати» — «говорить, показывать» [3, с. 410]. Глагол «сказывать», как известно, издавна выполняет двоякую функцию: прямую, обычную («сказывать» в смысле «сообщать», «уведомлять») и специфическую, принадлежащую сфере устного творчества («сказывание»). В первом случае сказывающий является участником или свидетелем тех или иных событий. Его еще нельзя назвать «сказителем», так как в его рассказах преобладает конкретная реальность, почти лишенная вымысла. Подобное сказывание являлось как бы подготовительной ступенью для появления сказителя-творца, той жизненной почвой, на которой впоследствии возникает сказ. Признаки сказа в романе прослеживаются и в авторской ориентации на присутствие слушающей аудитории, создавая иллюзию импровизированности авторской речи. Поэт как бы принял от народного сказителя художественную эстафету освещения событий и лиц. Умение смотреть на жизнь глазами народа — одна из важных, существенных особенностей «Яблони у большой дороги». Это не просто формальный изыск, но, прежде всего, фольклорный прием. Когда произведение выдается за сказ, то писатель предстает прямым продолжателем традиций устного народного творчества. Такая характеристика реализуется поэтом во всех компонентах художественной ткани романа. Прототипом слушателя, который в дальнейшем перерастает в повествователя, является сам автор. Показательно, что он записывает все то, что говорит старик. Писатель как бы говорит нам, что он ничего не придумал, ничего не добавил от себя. Он просто записал то, что сошло с языка народа. Введением образа старика-сказителя в ткань повествования автор подчеркнул органическую связь своего произведения с народными идеалами.

В обрисовке характеров и судеб героев А. Д. Куторкин часто прибегал не к возможностям реалистического жизнеописания, а к языку народных символов. Так, сказочник-повествователь часто обращается к березе, как к живому человеку [Там же, с. 7]:

... Атясь сормакстызе конянтъ,
Умаринантень сюконясь:
«Кие садсто тонь сявтынзить,
Ош ки чирентень стявтынзить?
... Ульть лома мелень ваньцякс,
Ульть экше пелень вальцякс,

Ульть ненень, кить якить ялго,
Тон сех паро, важов ялгакс,
Тантей умарень казицякс,
Нучки седеень витицякс».

Старик поморщил лоб,
Яблоне поклонился:
«Кто из сада тебя взял?
На большой дороге посадил?
... Будь многим в угоду,
Будь источником прохлады,
Будь тем, кто ходит пешком,
Ты хорошим, добрым другом,
Дарителем вкусного яблока,
Изболевшему сердцу успокоением».

Связь с традициями народного эпоса в романе обнаруживается и в сценах, кажущихся, на первый взгляд, обыкновенным заимствованием из фольклора (поединок Мики Кузая на ярмарке с профессиональным борцом Маской, причитания, свадебные песни, колядки, образ холопки Раи и др.). Большой идейный смысл несет поединок микки Кузая с Маской. За Мику «болеют» зрители из трудовой части населения, за Маску — небольшая группа местной знати. Этим как бы подчеркивается расстановка классовых сил перед революционными событиями. Сходные ситуации богатырских поединков часто встречаются в народно-героическом эпосе, где схватка богатырей по-своему выражает фольклорно-эпическое представление о борьбе добра и зла. В романе А. Д. Куторкина поединок героев служит лишь началом изображения борьбы за народное дело. Глубокий смысл имеют и другие сцены, происшедшие на ярмарке. Например, символичен эпизод сбора денег Мике после его победы над Маской. На собранные деньги Мика покупает колокол, звон которого в дальнейшем станет для народа призывом к борьбе. Однако главное, что определяет органичность связей романа с народным эпосом, заключается даже не в прямых обращениях к фольклорным мотивам и образам, а в умении поэта через образы показать характер исторических явлений и народной жизни в целом.

Вступление к роману — символическая картина, созданная по мотивам мордовской народной песни «Козонь чачнесь умаринась?» («Где родилась яблоня?»). Определенность устно-поэтической традиции ощущается и в образе Луши. С ней связано введение в повествовательную ткань песен, произведений свадебного цикла и причитаний. Даже гибель героини озарена традицией устной поэзии. Образ Луши в конце романа отождествляется с образом яблони, неоднократно воспетой в народной лирике. Образ яблони на большаке является символом народного заступника, воплощение народно-эстетических идеалов служения трудовым людям.

Особое место в романе занимает легенда «Кода цёковсь тонадсь морамо» («Как соловей научился петь»), повествующая о холопке Рае. В легенде говорится о судьбе холопки Раи, у которой за непослушание отрезали язык и руки, выставив ее с грудным ребенком на улицу. Ходила Рая с сыном за спиной по селам, кормились подаяниями. Однажды, когда она наклонилась к реке напиться и ее ребенок упал в воду, произошло чудо [Там же, с. 148]:

Но сеске тейсь ине вечкемась чуда.
Истя жалясь авась вечкезь эйдензэ,
Што сеске жо кавонест кайсть кедензэ.
Таргавсь цёркась. Раянь кортамс мелезе
Истя покшоль, што чачсь мекев келез.

Но вдруг высшая любовь свершила чудо.
Так пожалела женщина любимого ребенка,
Что вдруг выросли у нее обе руки.
Ребенок вытащен. Желание Раи заговорить
Было таким большим, что вновь появился у нее язык.

В этой сцене голос автора звучит за голосом рассказчика и приобретает самостоятельное звучание: здесь автор воспринимается заинтересованным и внимательным слушателем. Он как бы комментирует повествование рассказчика, дополняя его новыми сведениями, а иногда передавая часть сказового монолога в собственной интерпретации.

Таким образом, можно сказать, что национальные эпические традиции оказали заметное влияние на творческую индивидуальность А. Д. Куторкина. Воздействие фольклора стало во многом определяющим фактором авторского стиля в романе как в многоплановом романо-поэтическом произведении с ярко выраженным синтезом эпического и лирического. «Яблоня у большой дороги» А. Д. Куторкина явилась значительным вкладом писателя в развитие мордовского поэтического эпоса, определившим во многом его дальнейшее развитие, расширившее не только его идейно-тематические границы, но и жанрово-стилевые возможности и принципы типизации в мордовской литературе.

Литература и источники

1. Алешкин А. В. Эпос дружбы : Типология жанра в литературе народов Поволжья / А. В. Алешкин. Саранск, 1985. 184 с.
2. Куторкин А. Д. Покш ки лангсо умарина / А. Д. Куторкин. Саранск, 1958. 222 с.
3. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. М., 1971. 542 с.

Поступила 12.11.2009 г.

УДК 398.221(=511.152)

В. Н. Пашуткина

V. N. Pashutkina

**МИФОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ЭРЗИ И МОКШИ В КНИГЕ У. ХАРВЫ
«DIE RELIGIÖSEN VORSTELLUNGEN DER MORDWINEN»
(«РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ МОРДВЫ»)**

**MYTHOLOGY AND RELIGION OF THE ERZIAS AND
THE MOKSHAS IN THE BOOK «DIE RELIGIÖSEN
VORSTELLUNGEN DER MORDWINEN» BY U. HARVA**

Ключевые слова: У. Харва, мифология, религия, фольклор, эрзя, мокша, песня, эпос.

В статье рассматриваются мифология и религия эрзи и мокши, представленные в книге У. Харва-Холмберга «Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen».

Key words: U. Harva, mythology, religion, folklore, the Erzias, the Mokshas, song, epos.

Mythology and the religion of the Erzias and the Mokshas, represented in the book «Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen» by U. Harva-Holmberg are considered in the article.

Эрзя и мокша относятся к народам древнейшей культуры, прошедшим в своем развитии через все этапы этногенеза. В виду этого в их фольклоре сложились важнейшие виды обрядово-мировоззренческого и художественного творчества, типы мифологических и эпических сюжетов и персонажей, воплотивших своеобразие духовного и социально-исторического бытия этноса. Богатыми и всеобъемлющими являются мифологические и религиозные воззрения эрзи и мокши, пронизывающие все сферы жизнедеятельности общества. В связи с этим их исследование представляет как мировоззренческий и художественно-эстетический, так и социально-исторический интерес.

С первой основательной научной работой, посвященной теме эрзя-мокшанской религии, выступил финский ученый Уно-Харва-Холмберг, опубликовавший в 1952 г. в Хельсинки книгу «Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen» [6]. В этом труде У. Харва использовал почти весь известный в его время фольклорно-этнографический материал, собранный и опубликованный в России, а также рукописные материалы Х. Паасонена, хранившиеся в Финляндии. Обширная источниковедческая база придает труду ученого подлинную научность и полноту освещения поставленной проблемы. Как большинство религиоведов его времени, У. Харва не провел четкой грани между мифологическими и собственно религиозными воззрениями. В освещении гражданской истории, а иногда и мифологии с религией, автор следовал некоторым русским историкам и этнографам, делившим народы России на культурные и отсталые. В число последних включались и эрзя с мокшей, история которых представлялась искривленно и неполно. Это, в частности, сказалось в том, что У. Харва принял ошибочную точку зрения И. Н. Смирнова в оценке мифологии эрзи и мокши, изложенной в «Очерках мордвы» П. И. Мельникова-Печерского, а также в «Les restes de la mythologie Mordvine» (Helsingissa, 1889) В. Н. Майнова, которые впервые представили ее в

контексте древнегреческой и русской мифологии без идеологических и историографических изъятий и поправок. Уже в XIX в. было известно, что роль эрзи и мокши в государственно-политической и культурной жизни России была значительно выше, чем декларировали некоторые историки-слабянофилы. У. Харва высказал предположение, что «основой двух групп мордвы были мокша» [2]. Он отметил широту исторических и культурных связей мордвы с остальным миром, прежде всего с арабским, персидским и русским. По его мнению, у чувашей эрзяне и мокшане заимствовали слово *кереметь*, у арабов и татар — *шайтан*, у литовцев *пурьгине*, из иранского языка — *паз*, из древнеиндийского — *наваз*. Татаро-монгольское иго, считает он, не оказало заметного влияния на культуру, язык, обычаи и обряды эрзян и мокшан. У. Харва обратил внимание на то, что Ф. И. фон Штраленберг в работе «Северная и восточная части Европы и Азии» (1730) назвал эрзянского бога словом Инешкипаз. Под таким же именем он выступил в эпосе «Масторава» А. М. Шаронова. У. Харва привел сведения о матери богов Анге-Патяй, используя материалы архимандрита Макария; высоко оценил очерк И. Н. Смирнова «Мордва», который, по его мнению, дает полную картину религиозных воззрений эрзян и мокшан.

Содержание книги У. Харвы «Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen» составили разделы, посвященные описанию представлений эрзи и мокши о душе, смерти, загробном мире, Верховном боге, о низших небесных и земных божествах, являющихся антропоморфными существами и имеющими вполне человеческие психологию, страсти, желания и т. д. Основным материалом для ученого в раскрытии поставленной темы послужили фольклор, мифы о сотворении мира и человека, мифолого-эпические песни об краже богами земных невест. Он не абстрагируется от устно-поэтических образов, представляя их так, как они воспроизведены в мифах и песнях. Данное обстоятельство накладывает на исследование отпечаток описательности и следования за фактом, но в то же время обеспечивает подлинную научность суждениям и выводам, что достигается выдерживанием определенной концепции в работе.

Будучи человеком своего времени, У. Харва выразил в своем труде его научно-теоретические достоинства и недостатки. В таком ключе он обрисовал эрзянского инязора Пургаса и мокшанского оязора Пурейшу, эпического легендарного царя Тюштяна. Они представлены как исторические и эпические персонажи, пребывающие между реальным и мифологическим мирами, бытие которых зависит от высшего бога и различных светлых и темных сил. У. Харва подробно описал обряды похорон, поминок, родительских дней, связанные с ними воззрения о загробном мире, календарные праздники, братчины, жертвоприношения, представил предохранительную магию. Первобытный древний человек жил среди одушевленной, мыслящей и говорящей природы. Он имел гилозоистские воззрения о солнце, луне, вечерней и утренней заре, о дожде, тумане, ветре и морозе. У. Харва воспроизвел взгляды эрзян и мокшан на эти явления, их отношение к ним, определил роль взглядов и отношений в хозяйственной и семейно-бытовой жизни. Он показал, что мифологические существа были для мордвы не художественными образами, а реальными могущественными существами, с которыми приходилось вступать в практические отношения. В частности, в таких отношениях человек находился с божествами воды (Ведява, Ведятя, Равава), земли (Масторава, Модава), дома (Кудава, Юртава, Кардаз Сярко), поля (Норовава, Паксява), леса (Вирява, Вирятя), села (Велява, Веленьпаз) и т. д. Наиболее разработанной в творчестве У. Харвы является мордовская мифология.

Он зафиксировал в ней иерархию богов, дал систему их взаимоотношений и взаимовлияний. Так, согласно У. Харве, на первом месте среди богов мордвы стоит Верховный бог. Мокшане его называли *škaj* или *škabavas*, *škajbas* или *škabas* («создатель»), причем, второй компонент был образован от иранского слова *pavas*, *pas* («бог»). *Škabas*, как обозначение бога, упоминалось еще в мордовском словнике к книге голландского ученого Н. Витсена. Мокшанское *škabavas* выступает у эрзян в форме *ski-pas*. Однако эрзяне наряду с этим обозначением или часто вместо него употребляют *nisk'e* (*nisk'i*) или *nisk'e-pas*. П. И. Мельников, В. Н. Майнов и другие исследователи глубоко ошибались, отождествляя слова *nisk'e* или *nesk'e* («пчелиный улей»). Отсюда последовал ошибочный вывод о том, что этот бог является прежде всего богом пчел. *Nisk'e* — краткая форма прежней *inesk'e* (*ine-ski*). Это слово сохранилось в некоторых очень ранних источниках о религии мордвы [Там же, с. 142 — 143].

Кроме того, форма *inesk'e* упоминается в двух рукописях религиозного характера от XVIII в., хранящихся в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга: библейское предание (1790) и краткий катехизис (1788), написанные на эрзянском и русском языках. В них слово *inesk'e* явно подразумевало Христа.

Х. Паасонен, написавший о Верховном боге мордвы целое исследование, показал, что эрзянское *inesk'e* является сложно-составным словом, первый компонент которого *ine* («большой»), второй — *ski* («творец»); в мокшанском языке это выглядит так: *ot'su* («большой») *škaj* («бог»). «Великим» называют своего бога и обращенные в ислам татары, вотяки (*budzim inmar*) и черемисы (*kugu jumə*).

Кроме того, Верховного бога называют «находящийся на небе»: м. *varda* (например, *värdä šcabavas*), э. *vefe* (например, *vefe-pas*). В «волшебных формулах» эрзян часто названия *ski-pas* следуют друг за другом, причем явно для обозначения одного и того же бога [Там же, с. 10].

В мокшанских преданиях о возникновении земли *škaj* выступает уже как олицетворенный создатель. У мордвы есть и женское божество: у эрзян это *niske-ava* или *ški-ava*, у мокшан — *šcasbas* — *ava* (*ava* — «мать, женщина»).

Жилище Верховного бога обычно описывается в «волшебных формулах». В них говорится, что оно находится наверху: «Наверху живешь ты»; «Нишке паз, Шки паз, наверху живущий Нишке паз, внизу живущая Масторава (богиня земли), защитите меня! У Нишке паза есть лестницы: ведущие наверх и ведущие вниз, входные двери...» [Там же, с. 115]. В этой формуле Верховный бог выступает как человекоподобное существо. В следующем изречении также упоминается жилище бога: «Нишке паз, Шки паз, Вере паз, Великий бог! Его жилище за облаками» [Там же]. Иногда место Верховного бога определялось между двумя небесами: «Нишке паз, Шки паз, Вере паз, великий бог! Жилище твое недостижимое для властительницы над ветрами (*varmazej*), за семью небесами оно, огорожено железным забором, никто не может заглянуть туда» [Там же]. Там же живет и супруга Верховного бога — *niske-ava*, *pas-ava*, а также «его собственные писцы, исполняющие его волю» [Там же]. Вот как излагал Макарий представления мордвы о месте жительства своего бога: «Они утверждают, что *otsu škaj* живет на небе и правит только небом. Материальным же миром правят другие, более низшие боги» [Там же, с. 114].

П. С. Паллас утверждал, что в отличие от эрзян, называвших высшее существо *pas*, мокшане его называли *škaj*, подразумевая небо. Обращаясь к своим богам, мордва

поворачивалась лицом к востоку. П. И. Мельников говорил, что мордва нигде не устраивала жертвоприношений в честь своего Верховного бога, однако на всех праздниках вспоминала его первым [Там же, с. 116]. Даже обращаясь к другим богам, мордва вначале совершала краткую молитву своему Верховному богу. По словам исследователя И. Орлова, неизвестно, верили ли мокшане в то, что их *škaj* также нуждается в еде, одежде и т. д., как другие боги, которые, по предположению мордвы, подобно людям ели, пили и одевались [Там же]. Согласно некоторым источникам, Верховный бог не совсем пренебрегал едой, во всяком случае жертвенной. Примером этому служит описание домашнего праздника, устраиваемого в пасхальную пятницу: самый пожилой член семьи молился на пороге дома Верховному богу (*škabavas*) о послании им обильного урожая и скота. Затем на порог выливали несколько кружек браги, ставили на дымоход хлеб и мясо, опять выливали немного браги, говоря при этом: «*Škabavas*, пусть наши подаяния вместе с брагой поднимутся к тебе!» [Там же]. Однако эти обряды жертвоприношения, по всей видимости, первоначально были связаны с обрядами поминания покойных.

Принося в жертву животное, мордва молились не только Верховному богу, но и всем другим богам. Например, когда эрзяне Симбирской губернии приносили в жертву быка, они говорили: «*Raz*, дай дождя!», не обращаясь ни к одному из богов конкретно. Жертвоприношения устраивали *niske-ava* и ее дочери Кастарго. Так, в честь *niske-ava* в с. Степная Шентала Ставропольского уезда Самарской губернии на Пасху варили кашу, а в честь ее дочери Кастарго в пасхальную субботу пекли сдобные пироги с медом.

В 1840 г. Т. Леонтьев рассказал священнослужителю Якову, что мордва своему Верховному богу молилась не только в большие праздники, но и ежедневно перед обедом или когда собиралась в дорогу.

В предисловии к словарю Дамаскина есть молитва, из которой видно, что мордва считала своего Верховного бога способным дать всевозможные блага: «*Ineske-pas*, пусть родится мой хлеб, пусть наполняются до краев мои сусеки! Ниспошли мне и хлеба, и меда, есть и пить, здоровья и достойную жизнь! *Ineske-pas*, наполни мою конюшню лошадьми, овцами и козами! *Ineske-pas*, благослови мой дом, чтобы я мог позвать родных, накрыть стол и угостить их!» [Там же, с. 118].

Согласно языческим представлениям, что Верховный бог являлся прежде всего повелителем над ветром и погодой. Вот как об этом говорит в одной из эрзянских песен богиня плодородия. У мокшан Верховный бог также считался повелителем погоды. До сих пор при обращении к нему вспоминают и бога солнца (*si-bavas*).

У мордвы бытовал обычай на время обряда жертвоприношения выбирать человека, исполнявшего функции Верховного бога. В частности, такой обычай существовал у эрзян с. Дубровка Петровского уезда Пензенской губернии. Один из таких дней жертвоприношения (*velen osks*), устраиваемого ранней весной, описал исследователь И. Учаев: «До начала полевых работ, как только было готово так называемое *niske-puge* (напиток Нишке. — В. П.) (готовили его только пожилые овдовевшие женщины, хранили до праздника в трех сосудах по трем углам), собирались вместе все 80-летние старики и старухи и выбирали из числа присутствующих *niske*. Каждый год выбирали „Нишке“ и, по возможности, одного и того же человека» [Там же, с. 119 — 120]. Подобный обычай бытовал и в с. Оркине Саратовского уезда.

Исполнявшего функции Нишке выбирали и в некоторых других случаях. Вот какой пример привел Х. Паасонен из жизни мордвы Бугульминского уезда: Как только был выстроен новый дом, одного из стариков одевали с головы до пят во все новое. В этой одежде он ходил под окнами вновь построенного дома до тех пор, пока хозяин не замечал его и не приглашал в дом, где уже ждал накрытый стол. Приглашение звучало так: «Škaj bas, niške-pas, заходи, мы построили новый дом, дай нам плодящийся скот и т. д.» Старец отвечал: «Я дам вам то, о чем вы просите, я дам это!» [Там же, с. 121].

В иных местах Саратовской губернии существовал обычай выбирать исполнявшего функции Нишке на родительский день в Пасху. Переодетый «Нишке» проходил в пасхальную ночь под окнами, три раза стучал по ним и на вопрос хозяев: «Кто там?», отвечал: «Škaj». «Что велит он делать?», — спрашивали его дальше. — «Он желает вам жить. Растить урожай и скот, быть здоровыми и т. д.» [Там же].

В целом эти описания основаны на преданиях мордвы. Обычай выбирать исполнявшего функции Верховного бога на обрядах жертвоприношения возник под влиянием обычая выбирать исполнявшего функции поминаемого на поминальных обрядах. Это предположение кажется верным еще и потому, что люди, замещавшие богов, выполняли свои обязанности в то время, когда, согласно поверью, на свет выходили призраки умерших предков.

В книге У. Харвы эрзяне и мокшане представлены народом, для которого все существующее в мире измеряется богом: с ним следует жить в мире и согласии, выполнять его заповеди, сохраняя экологическое здоровье окружающей природы. Древний человек-мифолог был поэтом, чья поэзия была подчинена насущным потребностям бытования. Все это отражено в богатейшем по содержанию исследовании финского ученого.

У. Харва первым из зарубежных ученых серьезно рассмотрел мифолого-религиозные воззрения эрзян и мокшан на обширном источниковедческом и историографическом уровнях, значительно развив финно-угристику, в частности, изучение истории и культуры мордвы. Им был систематизирован огромный материал, при исследовании которого он оставался в большей степени человеком факта, чем теоретиком. «Некоторые негативные черты его работ, которые являются „данью“, долгое время господствовавшим в финно-угроведении идеям Э. Сетяля и У. Сирелиуса, не умаляют ценности его наследия. У. Харва-Холмберг стоял как раз на рубеже преодоления этих идей» [4, с. 62].

Научный мир России и Запада судит о мифологии и религии эрзи и мокши, основываясь на исследованиях У. Харвы. Сегодня его идеи и выводы нуждаются в обстоятельных комментариях на основе новых сведений из истории, мифологии и религии эрзян и мокшан. В связи с этим должны быть проведены обстоятельные научные изыскания с учетом работ Н. Ф. Мокшина [1], Н. Г. Юрченковой [5], А. М. Шаронова [3] и других ученых, значительно расширивших представления о религиозно-мифологическом мире эрзи и мокши.

Литература и источники

1. **Мокшин Н. Ф.** Религиозные верования мордвы / Н. Ф. Мокшин. Саранск, 1998. 248 с.
2. **Харва У.** Религиозные воззрения мордвы / У. Харва ; пер. с нем. А. Ф. Гуриной ; Финская акад. наук. Хельсинки, 1952. 394 с.
3. **Шаронов А. М.** Мордовский героический эпос: Сюжеты и герои / А. М. Шаронов. Саранск, 2001. 432 с.

4. **Юрченков В. А.** Знаток и исследователь религии (К 110-летию со дня рождения финского религиоведа Уно Харвы-Холмберга) / В. А. Юрченков // Вестн. Мордов. ун-та. 1992. № 3. С. 60 — 62.
5. **Юрченкова Н. Г.** Мифология в культурном сознании мордовского этноса / Н. Г. Юрченкова. Саранск, 2002. 156 с.
6. **Harva U.** Die Religiösen Vorstellungen der Mordwinen / U. Harva. Helsinki, 1952. 454 s.

Поступила 21.09.2009 г.

УДК 398:392.51(470.341)

Л. Н. Некаева
L. N. Nekaeva

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ КУЛЬТУР ЛУКОЯНОВСКОГО РАЙОНА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА)

INTERACTION OF THE LUKOYANOV AREA FOLKLORE CULTURES IN THE NIZHNY-NOVGOROD REGION (BASED ON THE EXAMPLE OF WEDDING RITES)

Ключевые слова: фольклор, свадебный обряд, свадебная поэзия, Лукояновский район, взаимодействие, трансформация, самобытность.

В статье рассматриваются русско-мордовские взаимосвязи в свадебном фольклоре Лукояновского района Нижегородской области. Указываются общие и специфические черты мордовского и русского свадебного обряда и поэзии.

Key words: folklore, wedding rite, wedding poetry, the Lukoyanov Area, interaction, transformation, originality.

Russian-Mordovian interrelations in the wedding folklore of the Lukoyanov Area in the Nizhny-Novgorod Region are considered in the article. The common and specific features of Mordovian and Russian wedding rite and poetry are distinguished.

Территорию современного Лукояновского района Нижегородской области издавна населяли два племени — эрзя и мокша. С XII в. началась русская колонизация края, которая осуществлялась посредством перемещения сюда старорусского и русского населения из других частей России и ассимиляции других этносов [6, с. 36]. В конце XVII столетия в целях христианизации коренного населения правительство предприняло меры, в результате которых в мордовских деревнях стали селить русских, а мордву переселять в русские деревни [5, с. 43]. Таким образом, к середине XIX в. в Лукояновском уезде стало преобладать «великорусское племя». Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. показала, что в Лукояновском уезде русские составляют 82,5 % от общего количества населения и 14,3 % приходится на долю мордвы [7].

О силе влияния русских на коренное население можно судить по следующим записям конца XIX в.: «Некоторые селения с мордовским племенем теперь совершенно нельзя отличить от чисто русских; таковы, напр., села: Салдамановский Майдан, Ичалки, дер.: Чиргуши, Орловка и другия. Даже женщины охотно надевают русский костюм и следуют русским обычаям» [4, с. 296]. Следует полагать, что и русские перенимали традиционные черты соседей-инородцев.

Лукояновский район — территория постоянного соприкосновения русского и мордовского населения. За многовековую совместную историю этих народов сформировались межэтнические связи, нашедшие отражение в местном фольклоре. К. Т. Самородов справедливо заявлял: «Сопоставляя фольклор мордвы с фольклором русского народа, мы находим целый ряд общих тем, мотивов, жанровых структур, сюжетов, образов, ситуаций, обрядовых действий и т. д.» [8, с. 317].

Попытаемся проследить взаимовлияние русских и мордовских народных традиций в свадебном обряде населения лукояновского края.

Традиционный свадебный обряд формировался на протяжении многих веков под влиянием различных исторических условий. Свадебные обрядовые действия и свадебный фольклор русских и мордовских сел можно разделить на три основных слоя: явления, сходные в силу общетипологической родственности; явления и признаки, этнически специфичные; элементы, ставшие общими в результате взаимопроникновения фольклорных культур.

Родство изобразительных принципов свадебной поэзии обусловлено общими для многих народов основными этапами свадебного обряда: сватовство, смотрины домов жениха и невесты, подготовка к свадьбе, прощание невесты с девичьей жизнью и оплакивание будущей тяжелой доли в семье мужа, приезд свадебного поезда, обряды, связанные с переходом невесты в дом жениха, пир и др.

Близость мордовского свадебного обряда к русскому проявляется в сходстве, например, таких элементов обряда, как выпечка каравая, девичья баня, расставание с девичеством, расплетание и заплетание косы. Совершаемые магические действия имели общие цели: уберечь от порчи молодую семью и обеспечить ее благополучие. Основные действующие лица свадьбы выполняли сходные функции. «Уредев» в мордовской свадьбе соответствует «дружке» в русской, «кудава» — русской «свахе», «кудат» — поезжанам.

У русских и мордвы совпадают основные жанры свадебной поэзии. Исполнялись причитания, приговоры, песни (корильные, величальные, не прикрепленные к определенному обряду и сопровождавшие определенные действия).

Можно указать на наличие общих мотивов (расставание с девичеством, вольной жизнью, упреки родителям и т. п.). Например, в русской «песне тетки» невесте рассказывается о жизни в чужих людях [1, с. 290 — 291]:

... Отдадут тебя во чужи люди,
Во чужи люди, во незнамаи.
Чужи люди больно привередливы:
Куда пойдешь, спросися,
Отколь придешь, скажися...

Сравним этот текст с причитанием эрзянской матери во время обмена подарками невесты с родителями (записано автором в с. Иванцеве от Л. С. Ерямкиной в 2008 г.):

Чужой кедь лангс макстан.
Чужой кедьсэ эрямкась,
Ох, эйдинем, пек трудна.
А теиви корязускт,
А ванувить превинест...

В чужие руки отдаю.
У чужих людей жизнь,
Ох, дитяtko, трудное.
Не угодишь никому,
Не разгадаешь их мысли...

Характерные для одного народа обряды и песни фиксируются в культуре соседей. Так, в русском селе Орловка бытовала «Песня о дружке», в которой упоминается мордовский обычай собирать родственников перед свадьбой на «девичью кашу» [1, с. 291]:

Дружки, у дружки косые глаза.
Косые глаза по полицам глядят,
По полицам глядят, они каши хотят,
Вчера каша варена, вчера еденая,
Пойди пенки поскобли, отца-мать вспомяни.

Подобная песня была зафиксирована в мокшанских селах Печи и Санки Лукояновского района, а также в Вологодской области — тоже в районе соприкосновения русской и финно-угорской фольклорных культур.

В русском селе Маресева, входившем ранее в состав Лукояновского уезда, во время девичника невеста «плачет в соседях», а крестная мать приходит за ней, приглашая ее в родной дом. Этот эпизод перекликается с мордовским обычаем прятать невесту в доме соседней от приехавшего за ней свадебного поезда. Также в свадебном обряде с. Маресева можно проследить широко используемую форму композиционного построения мордовских свадебных причитаний — диалог, тогда как плачи невесты у русских — это монологи.

Еще один момент встречается как в русских, так и в мордовских селах — хождение подруг невесты к жениху перед свадьбой. В с. Орловка ходили к жениху «по перышки», после чего возвращались к невесте на девичник. В с. Крюковка и Пичингуши шли к жениху с «наряженным» кустом репейника. В с. Иванцево подружки невесты ходили в дом жениха в четверг предсвадебной недели, там им давали сапоги, перья, мыло и поили допьяна. Угощение девушкам жених устраивал и в с. Кельдюшеве.

Во многих эрзянских селах руководящую роль на свадьбе играет женщина — сваха. Подготовка свахи к покупке придавалось важное ритуальное значение: в день свадьбы девушки из дома жениха идут за свахой, неся в руках пирог, украшенный цветком (с. Иванцево). В доме жениха сваху благословляют на «покупку», и только после этого поезд отправляется в путь. М. Е. Евсеев считал, что сваха введена в мордовскую свадьбу под влиянием русских [3, с. 356].

В контексте мордовского свадебного обряда появляются произведения русского фольклора. В эрзянском селе Пичингуши накануне свадьбы, когда подружки невесты

ты наряжают «розон» — репейник без листьев, но с цветами, и идут в дом жениха, при этом они поют песню «Розон ты мой, розон» (записано автором в с. Иванцеве от Л. С. Ерямкиной в 2008 г.):

...Степан нарядился,
В зеркало смотрелся.
Розон ты мой, розон,
Зелен виноград!
(повторяется после каждого стиха)
В зеркало смотрелся,
Сам себе дивился.
Какой я вот хороший,
Какой я вот пригожий!
К конюшне подходит,
Двери открывает.
Двери открывая,
Коня выбираю.
Коня выбираю,
Уздечку надеваю.
На коня садился,
Но конь веселился.
Петя кнутом машет,
А конь под ним пляшет.
По горницам ходит,
Чулок не марает,
Чулок не марает,
Сапог не ломает.

В русском варианте девушки наряжали березку и называли ее «девичья красота», а в день свадьбы продавали ее жениху. Известна величальная песня «Розан», исполняемая на свадьбе в русском селе Сеченове Сеченовского района [10].

А кто у нас молод,
Да кто не женатый.
Розан мой розан,
Виноград зеленой.
(повторяется после каждого стиха)
Иван — сударь холост,
Михалыч не женатый.
По горенке ходит,
Аж горенка стонет.
В зеркало глядится,
Сам себе дивится.
Какой я хороший,
Какой я пригожий!
Хорош уродился,
Пригож нарядился.
Пригож нарядился,
В Танюшку влюбился.
На крыльцо выходит,

К нему конь подходит.
На коня садитца,
Конь-от веселитца.

Эту песню приводит П. В. Шейн, описывая русский свадебный обряд. Ее исполняли в Лукояновском уезде во время запоя [9, с. 717].

А кто у нас школен?
Ой, люли, люли!
(повторяется после каждого стиха)
Кто у нас манерен?
По горенке ходит,
Манерно выступает, —
Манерно выступает,
Сапог не ломает,
Цулок не марает?
Сапог-то сафьянный,
Цулок-то бумажный.

На данных примерах мы видим, что песня «Розон» из с. Пичингуши представляет собой контаминацию двух песен из русских сел.

В ряде случаев наряду к собственно мордовской свадебной обрядовой поэзии добавляются русские песни. В с. Иванцеве в момент обхода дворов своих родственников невеста причитает на эрзянском языке, а подруги поют русскую лирическую песню «Канареечка прелестна».

М. Е. Евсевьев отмечал, что причитания у той части мордвы Нижегородской губернии, которая начинает русеть, значительно русифицированы, в них встречаются не только отдельные русские слова, но и целые стихи. Аналогичные явления, по мнению А. Г. Борисова, обнаруживаются не только среди русифицированной мордвы, но являются общими для всего мордовского народа [2, с. 394].

В качестве примера перехода мордовских причитаний в русские могут послужить причитания невесты из с. Чиргуши [3, с. 8].

Слава тебе, господи,
От тюрьмы-бани отошел,
Отцовскую межу перешел.
Три дни, три сутки, ялгинем,
Мать сыру землю не ступал,
Високу небу не видал,
Красным солнцем не здравлял,
Канарейки не слыкал,
Часты звезды не щитал.

Свадебные плачи мордовской невесты могли исполняться как на русском, так и на мордовском языке на один и тот же напев при сохранении их оригинальной музыкально-ритмической структуры. Помимо совпадения напевов свадебных плачей русские песни могли быть распеты в стиле мордовского многоголосья. А русские исполнители песен перенимали элементы ансамблевого многоголосного пения, характерного для мордовских певцов.

Т. М. Ананичева, исследуя села русско-мордовского пограничья на территории Среднего Поволжья, пришла к следующему выводу: «Сопоставление свадебных обрядов русских сел с обрядами соседствующих с ними эрзянских и мокшанских сел выявляет некоторые стороны их взаимодействия. Это взаимодействие охватывает все компоненты свадебного цикла, в том числе обряды, а также тексты и напевы свадебных песен. Без существенных изменений перенимаются сами акты и действия обрядов. Что касается песенной поэзии, то здесь формирование межэтнической общности проявляется в усвоении песен иноязычной средой с их существенной трансформацией (преобразование текста, изменение функций. Упрощение поэтики, упрощение напевов либо модификация их в соответствии со стилем данной местности)» [1, с. 298].

М. Е. Евсевьев, прослеживая взаимоотношения между русскими и мордвой в области свадебной поэзии, пришел к выводу, что мордовская свадьба в своей основе самобытна, а многие русские свадебные обряды берут начало от финно-угорских народов. Для доказательства он приводит несколько убедительных примеров. В частности, обряд «битье горшков», «встреча молодых после венчания в вывороченной шубе», «осыпание молодых хмелем или зерном» и др., которые практикуются и у русских и у мордвы, но у последних они имеют совсем иное значение, чем у русских. Следовательно, многие из этих обрядов мордовской свадьбы бытовали еще в те времена, когда тесных взаимосвязей с русскими еще не было [8, с. 32].

В поэзии мордовской свадьбы, в отличие от русской свадебной поэзии, и в XX в. встречаются следы дохристианских обрядов и верований. В причитаниях невесты есть обращения к богиням бани, дома, двора, ветра и др. (записано автором в с. Пичингуши от Анны Федоровны Пергаевой в 2008 г.):

Поздороват — здороват,
Кудонь чинь паз корминець.
Настасия домовой,
Оканасий дворовой...

Здравствуйте, здравствуйте,
Домашние боги-кормильцы,
Настасья — домовой,
Оканасий — дворовой...

По-разному трактуются в свадебной поэзии народов-соседей образы поезжан. Так, если в русских селах поезжане именуется «гостями дорогими», то в эрзянских причитаниях невесты — «живодерами», «ногайцами», «разорителями», взявшими ее в плен. Тем не менее традиционный свадебный обряд и у русских и у мордвы отражает одни и те же формы брака: умыкание и покупной брак.

Таким образом, сохраняя специфические черты, свадебный обряд русских в мордовских селах Лукояновского района Нижегородской области имеет ряд сходных моментов. Многовековое общение русского и мордовского населения лукояновского края привело к широкому взаимопроникновению, которое наблюдается и в свадебных обрядах, и в песенной поэзии свадьбы.

Во второй половине XX в. традиционный свадебный обряд был упрощен и сокращен до минимума. Со временем одни элементы исчезли, вторые — утратили первоначальный смысл, третьи — приобрели развлекательный характер. Потеряла прежнюю жесткость регламентация свадебного обряда, а местами он совсем оставлен. Современная свадьба в селах Лукояновского района, как правило, не имеет ярко выраженной этнической окраски, а свадебный фольклор утратил национальный колорит.

Литература

1. **Ананичева Т. М.** Русско-мордовские взаимосвязи в обрядовом фольклоре (функции, поэтика, мелодика) / Т. М. Ананичева // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. Поэтика и стилистика. М., 1980.
2. **Борисов А. Г.** Мордовская свадьба как историко-этнографический источник / А. Г. Борисов // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965.
3. **Евсевьев М. Е.** Мордовская свадьба / М. Е. Евсевьев. Саранск, 1990.
4. **Звездин А. И.** Краткий очерк Лукояновского уезда Нижегородской губернии / А. И. Звездин // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Н. Новгород, 1908. Т. 7.
5. **Мельников П. И.** Очерки мордвы / П. И. Мельников. Саранск, 1981.
6. **Морохин Н. В.** Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья / Н. В. Морохин. Киев, 1997.
7. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Табл. XIII. Распределение населения по родному языку. СПб., 1903 — 1905. Т. 1 — 50.
8. **Самородов К. Т.** О связи мордовского народа с другими народами по материалам обрядового фольклора / К. Т. Самородов // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965.
9. **Шейн П. В.** Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном / П. В. Шейн. СПб., 1900. Т. 1, вып. 2.
10. <http://www.opentextnn.ru/museum/nn/aetnolog/folk/?id=1569&txt=1>

Поступила 17.08.2009 г.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 159.923:101.1:316

А. А. Сомкин, Д. Ф. Ильин
A. A. Somkin, D. F. Ij'in

СМЕНА ПАРАДИГМ В ПОНИМАНИИ ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

THE CHANGE OF INTERPRETATION PARADIGMS OF PERSONALITY AND SOCIETY INTERRELATION IN DOMESTIC SOCIAL PHILOSOPHY

Ключевые слова: парадигма, социальная философия, личность и общество.

В статье раскрывается проблема взаимоотношений личности и общества. Анализируется эволюция этого понимания в отечественной философии второй половины XX в. Констатируется и подробно рассматривается уникальное историческое явление в духовной жизни России — трехкратная смена идеологической (социально-философской и политологической) парадигмы в понимании этой взаимосвязи: переход от буржуазной к марксистско-ленинской (советской) парадигме; от советской (партийно-классовой) к «диалогической» (в учении М. М. Бахтина, популярной в «перестроечный» период в России); от «диалогической» к «глобально-целостной» (в работах И. Т. Фролова, Г. К. Гюнцля, А. Дж. Баама и их последователей), имеющей тенденцию к реализации в современном мире.

Key words: paradigm, social philosophy, personality and society.

The problem of interrelation between personality and society is considered in the article. The evolution of its interpretation in domestic philosophy of the second half of the XX century is analyzed. The author establishes and considers in detail the unique historic phenomena in the spiritual life of Russia — three-phased change of ideological (social-philosophic and politological) paradigm in interpreting of this interrelation: the transfer from the bourgeois to the Marx-Lenin (the soviet) paradigm, from the soviet (party-class) to «the dialogical» (in M. M. Bakhtin's conception, which was popular in the period of «perestroika» in Russia) and from «the dialogical» to «global-holistic» one (in the conceptions of I. T. Frolov, G. K. Gunzl, A. J. Bahm and their supporters) that has a strong tendency to come to reality in the modern world.

Проблема сущности личности неразрывно связана с вопросом ее взаимосвязи с обществом. Попытки раскрыть специфику их взаимоотношений предпринимали многие как зарубежные, так и отечественные философы: М. Вебер, Э. Дюркгейм, К. Маркс, Г. Маркузе, В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, Г. Г. Шпет и др. В целом всю совокупность подходов к проблеме единства личности

и общества условно можно свести к **двум основным парадигмам**: *антропоцентризм* (приоритет отдается личности) и *социоцентризм* (благо общества в ущерб индивидуальному развитию).

Впервые понятие «парадигма» (от греч. «сверхобразец») использовалось Платоном для обозначения вечного и неизменного трансцендентного образца, предопределяющего структуру и форму материальных вещей. В философию науки оно вошло в XX в. благодаря работам философа-позитивиста Г. Бергмана и применялось им для характеристики постоянно меняющихся методологических стандартов исследования. Иную, конкретно-историческую трактовку данного понятия предложил американский философ Т. Кун. По его мнению, *парадигма* — это какая-либо концептуальная схема, выступающая в качестве нормативной основы для практической деятельности научного сообщества в исторически ограниченный период времени. Такой период закономерно завершается очередной научной революцией в естествознании и скачкообразной заменой устаревшей парадигмы новой, более прогрессивной.

Парадигмальный подход относится к общенаучному уровню познания. Можно выделить следующие его основные принципы [23]:

- *системно-целостного строения* зрелой парадигмы;
- *научной эвристичности* парадигмы, заключающейся в ее способности решать новые познавательные проблемы (каждая парадигма существует до тех пор, пока не утратит свою эвристическую способность);
- *доминирования одной парадигмы*, предполагающей наличие господствующего теоретико-нормативного образца, в соответствии с которым строятся исследования ученых (научного сообщества);
- *временной ограниченности* существования парадигмы, выражающий определенную длительность ее доминирования в рамках конкретного исторического периода (периода «нормальной (нормативной) науки»);
- *революционной смены* парадигм, закономерно происходящей в результате коренной ломки устоявшихся научных представлений (методологий, теорий, ценностно-мировоззренческих установок и, в конечном счете, научной картины мира в целом) и ведущей к их замене новыми;
- *качественной несоизмеримости* парадигм, означающий, что каждая новая парадигма представляет собой иное видение мира по сравнению с предшествующей.

Процесс возникновения новой парадигмы схематически можно представить в виде логически упорядоченных ступеней (табл. 1).

Возрастающий интерес к учению Т. Куна в настоящее время обусловлен еще и тем, что сфера его теоретического и практического применения не ограничивается только исследованием научных революций в естествознании. Большую продуктивность он показывает и в изучении переломных этапов в развитии духовной и социальной сфер жизни общества, приобретая, таким образом, не только общенаучный, но и *социально-философский* статус [4, 24, 25].

Так, на основе парадигмального подхода нами констатировано уникальное историческое явление в духовной жизни России второй половины XX в. — **трехкратная смена идеологической парадигмы в понимании единства личности и общества**:

Таблица 1

Закономерные фазы генезиса новой парадигмы*

№ п/п	Фазы генезиса новой парадигмы и их содержательная специфика
1	Появление новых открытий (или необъяснимых фактов) в науке (или в определенной научной отрасли, дисциплине)
2	Возникновение противоречия между новыми фактами и устаревшими (устоявшимися, традиционными) знаниями
3	Выдвижение новых гипотез
4	Удачное применение (подтверждение) гипотез к решению отдельных прикладных проблем (т. е. получение «общепризнанных образцов»)
5	Создание целостной концептуальной модели (новой картины) мира в целом
6	Формулировка символических обобщений концептуальной модели (в виде математических формул и т. п.)
7	Возникновение ценностных установок (новой традиции) на использование данной парадигмы научным сообществом

* Таблица составлена по: **Ермолаева О. А.** Основные принципы, методы и уровни современного парадигмального подхода / О. А. Ермолаева // Вестн. НГУ им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 1 (9). С. 165.

1) переход от православно-христианской парадигмы (основанной на принципе «соборности») к партийно-классовой (состоящей в подчинении личности интересам государства); 2) от партийно-классовой к «диалогической» (выражающейся в равноправном диалоге личности и общества — в учении М. М. Бахтина, популярном в «перестроечный» период); 3) от «диалогической» к «глобально-целостной» (закрывающейся в значительном возрастании роли «человеческого фактора» в кризисный «флуктуационный» период развития взаимозависимого целостного мира — в концепциях И. Т. Фролова, М. С. Горбачева и др., заимствованных у Г. К. Гюнцля и И. Пригожина).

Необходимо отметить, что сама возможность закономерных скачкообразных коренных качественных сдвигов в общественной жизни была научно обоснована австрийским философом Г. К. Гюнцлем [3]. Он выделил следующие этапы этого процесса: «новое время — новое мышление — новое сознание — новый этап интеграционного развития общества». «Новое мышление», являясь продуктом теории, разработанной философами, отражает специфику надвигающихся перемен. Однако воплотиться в жизнь оно способно лишь через практическую деятельность. Для этого оно должно стать «новым сознанием» миллионов людей. Только так человечество может интегрироваться в единую систему, приоритет в которой будет отдаваться общечеловеческим ценностям. Каждый из этапов сопровождается возникновением кризисных ситуаций, вызванных конкурентной борьбой разных социальных структур за место и ранг в более сложном системном единстве.

Эта концепция находит свое подтверждение как в исторически более ранние периоды развития российского общества (переход от самодержавного мироустройства к социалистическому), так и в процессах, протекающих в нашей стране в настоящее время (отход в эпоху «перестройки» от социализма и, на современном этапе, либерально-демократические реформы).

Рассмотрим данные переломные этапы подробнее.

Так, социальный идеал общественного устройства в русской философии основан на идее *всеединства*, *соборности* и *общинности* — ключевой теме отечественной религиозно-философской мысли (Н. А. Бердяев, Л. П. Карсавин, В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров, А. С. Хомяков и др.). Речь идет о стремлении к целостности, когда бытие личности и общества полагается как совершенное единство (при этом, отнюдь не однородное), состоящее из разнообразных и дополняющих (гармоничных) друг друга частей. Возможно это на пути преобразования тварного (социального и природного) мира на основе собирательной и устроительной (космической) деятельности человека («общее дело» Н. Ф. Федорова, православная «политэкономия» С. Н. Булгакова и др.).

Поэтому подлинно нравственная задача переносит нас в область исторического существования общества. Например, В. С. Соловьев утверждал, что разрыв между личностью и обществом является «лишь болезненным обманом сознания». Поскольку «общество есть дополненная, или расширенная личность, а личность — сжатое, или сосредоточенное общество» [12, с. 65]. «И вся история — только развитие лично-общественной жизни, становление человека как личностно-общественного существа», которое «начавшись с царства силы, пройдя через царство закона, должно прийти к царству личности или благодворения» [11, с. 175]. Воплощенная в этом утверждении В. С. Соловьева мысль о том, что заканчивается необычайно длительный период в истории отдельных стран и народов, и на смену ему идет принципиально новый период истории человеческой цивилизации — соборное мировое сообщество — является стержнем глобализации всемирной истории во всей русской религиозной философии.

Идеал разумного органического всеединства, будучи распространенным на общественное развитие, придал русской философской традиции характерные для нее черты *прогрессивного историзма*. Таким образом, при всем многообразии персональных конкретизаций, следует говорить о целостной системе взглядов, которые имеют общее концептуальное ядро и направленность (т. е. о сформированной **православно-христианской парадигме**). Ее главными ценностными установками являются: органичное и свободно принимаемое миротворчество (объединение и устроение общества на христианских началах); правовой нигилизм (социальная справедливость выше закона) и антиутилитаризм (аскетизм и нестяжательство как цель и смысл жизни).

При этом необходимо констатировать, что социальная практика реализации идеала соборности не ясна, оставаясь в лучшем случае уделом глубокой мыслительной работы отдельного индивида. Поэтому ее путь общественного воплощения, в основе которого лежат требования высокой степени нравственности, может быть любой. Весь исторический опыт (в том числе — России) свидетельствует, что попытки реализации утопий рано или поздно оборачиваются насилием над другими людьми, обществом и природой, которых пытаются «привести в соответствие с идеалом».

Русская религиозно-нравственная философия оказалась несостоятельной в решении назревающих глубоких экономических, политических и общественных противоречий. Ее традиционное отождествление должного и сущего оборачивалось отрицанием реального мира, стремлением к прыжку из него в иной, ноуменальный мир абстрактной соборности, всеединства и симфоничности. Идеалом будущей совершенной государственности полагалась теократия. Несоответствие требований жиз-

ни предлагаемым онтологическим и гносеологическим моделям привело к идеологическому и политическому краху.

Однако пришедшие на смену православно-христианской парадигме *марксизм* и *диалектический материализм* унаследовали от нее многие типологические черты. В отечественной социальной философии советской эпохи возобладали последовательный социологизм, рассматривающий людей в качестве «продуктов обстоятельств и воспитания». Попытка объяснить это исключительно следствием господства тоталитаризма оказывается далеко не исчерпывающей.

В российском мировосприятии сильны традиции, которые веками складывались в коллективистском сознании крестьянской общины. Социоцентризм из поколения в поколение формировался общиной, патриархальной семьей, патриархально-самодержавным государством [16, 17]. Идеология, формируемая этими институтами, состоит из утверждения безусловного приоритета общественного перед частным. Все стороны жизнедеятельности человека – экономическая, политическая и духовная — регулируется ею, приобретая соответствующее воплощение. Подавление личного коллективным универсально и проникает во все сферы социального бытия. (Видимо этим объясняется и то, насколько крепко вошел марксизм в общественное сознание нашего народа).

Черты *социоцентризма* мы находим и в предшествующей русской религиозной философии. Если, согласно метафизике В. С. Соловьева (так и не преодолевшей «отвлеченных начал»), человека нет вообще, то у Л. П. Карсавина человек низведен до средства, социального материала, лишённого индивидуальной неповторимости. Не случайно, апеллируя к идеалу «симфонической личности», он, вместе с духовно руководимыми им евразийцами (Л. Н. Гумилевым, Н. С. Трубецким, Г. В. Флоровским и др.), отвергал принцип демократии в пользу корпоративных социальных форм, основанных на жестком иерархическом подчинении индивида общественным образованиям. К этим предпочтительным формам он относил и «некоторые формы диктатуры, такие как коммунизм и фашизм» [22].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что обе парадигмы (православно-христианская и партийно-классовая) выступают вариантами более общей **социоцентристской парадигмы**.

Квалифицируя общую направленность философии «советского периода», мы, вслед за Н. В. Казаковой, будем условно определять ее как **«классово-партийный социоцентризм»**. Ей присущи следующие черты: 1) концентрация основного внимания на социально-философских вопросах; 2) партийно-классовый подход, основанный на признании борьбы двух главных философских направлений: идеализма и материализма (воинствующий материализм и атеизм); 3) формационный подход (на основе теории К. Маркса о социально-экономических формациях, конституирующих общественный строй на определенном этапе исторического развития); 4) отрыв социального от биологического и принижение роли последнего в понимании человека; 5) нивелирование значения отдельно взятой личности, восприятие человека как средства достижения исторических целей, поставленных коммунистической партией, а не как самоцели общественного развития [Там же, с. 112].

Вместе с тем следует отметить, что в области философских наук не все было настолько плохо, как это преподносилось нам в последние десятилетия. После огульного критиканства 1990-х гг., когда советская философия признавалась без исключения

антидемократичной и бесперспективной, современные авторы начинают обращаться к интегративному подходу, пытаются разумно сочетать положительные моменты старых установок с нововведениями. Многие идеи, получившие актуализацию в настоящее время, были поставлены еще в 70 — 80-х гг. XX в., хотя подходы к их решению страдали исторической ограниченностью. Так, например, разрабатывались: концепция гармоничного развития личности (Г. Е. Глезерман, Г. Л. Смирнов и др.), проблема индивидуальности (И. И. Резвицкий), диалектика свободы и ответственности (И. И. Логанов), вопросы комплексного исследования человека (И. Т. Фролов) и др. [2, 6, 8, 10, 15].

Материалистический в своей основе социоцентризм марксизма, в отличие от метафизического, оторванного от жизненных реалий социоцентризма православного, выступил идеологической основой для совершения мощнейшего скачка вперед во всех главных объективных основах и условиях, необходимых для развития российского и не только (рост социалистического движения оказал серьезное влияние на усиление борьбы рабочих за свои права в западных странах и их ориентацию на «социальный капитализм») общества. Это развитие отразилось «...во-первых, в материально-технических и технологических базисных основах общественного и цивилизованного прогресса. Во-вторых, в культурном развитии, что имеет важнейшее значение для подъема цивилизации. В-третьих, в наличии и развитии традиционных социально-духовных ценностей и ценностных ориентаций жизнедеятельности масс людей, определяющих приоритеты и преимущества всего типа бытия и образа их жизни» [5, с. 90 — 91].

С большинством этих тезисов нельзя не согласиться. Установление общественной собственности, ликвидация капиталистической эксплуатации вносят принципиальные изменения в положения работника в экономической системе. Он выступает одновременно в качестве производителя и собственника общественных средств производства. Специфическое положение человека в производстве наряду с достигнутыми социализмом успехами в создании крупного производственного и научно-технического потенциала, относительно устойчивым повышением уровня жизни населения послужили объективной основой видимости преодоления при социализме всех форм отчуждения. По этой причине проблемы отчужденного отношения к процессу труда и к средствам производства не находили четкого отражения в общественном сознании.

Уже сам характер советской системы, сочетавшей в себе, с одной стороны, интенции социального освобождения, вырастающего из практики, хотя и противоречивого, но все же снимающего отчуждение социокультурного творчества 1920-х гг., а с другой — социального отчуждения, проявляемого в развертывании новых форм подавления личности, обуславливал и общественную природу того типа противоречий, которые складывались в ней в результате борьбы многих общественных тенденций. Их проявление как раз и нашло свое наиболее жесткое выражение в столкновении освободительной (гуманистической) тенденции советской действительности с теологической модификацией «советского социализма» (сталинизмом).

Вместе с тем жизнь предъявляла новые требования и ставила новые задачи. Строительство общества на позициях *классово-партийной непримиримости*, преклонения перед общественными идеалами и *нивелирования личных интересов* и потребностей, или ошибочного понимания их как вытекающих только из общественных, на практике привело к печальным результатам. В конце XX в. в стране нарастал

клубок социальных (повышение уровня жизни стимулировало рост потребностей) и экономических противоречий (дефицит товаров, сырьевая экономика, гонка вооружений), вылившийся в политический кризис (провозглашение курса на перестройку, гласность и строительство «социализма с человеческим лицом»; в международной политике — ориентация на открытость, международное сотрудничество и разоружение).

Социальная жизнь индивидов и групп усложнялась, требуя иных подходов к объяснению социальной действительности. Догматический марксизм уже не соответствовал современным реалиям. Это обусловило отход от партийно-классовой (социоцентристской) и поиск новой адекватной происходящим переменам парадигмы. Таковой оказалась направленность на равноправный диалог личности и общества (**диалогическая парадигма**), нашедшая глубокое методологическое обоснование в учении М. М. Бахтина.

Согласно его точке зрения, подлинное приобщение индивида к «социальному целому» как к единственному бытию (которое существует в единстве исторической и культурной реальности) возможно лишь через его поступок (акт активной нравственности). Именно это действие-поступок соединяет объективное бытие и субъекта («Я») в то целое, где бытие становится событием, а личность — его субъектом. Суть поступка заключается в проявлении ответственности, его цель — в практическом снятии отчуждения, как в материальной, так и в идеальной сферах. «Поступок» не сводится лишь к представлению о том или ином моральном императиве. В данном случае он становится конкретным актом нравственного поступления, реализующего чувство личной ответственности за других людей («обобщенного Другого»), а значит — за себя, и таким образом, обеспечивающий единство личности и общества.

Другими словами, М. М. Бахтин «правильнее» Н. А. Бердяева: сначала следует ответственность, потом — свобода (как глубокое усвоение вины и вменяемости: «я — причина своего поступка»). С этой точки зрения даже «каждая мысль моя с ее содержанием есть мой индивидуально-ответственный поступок из поступков, из которых слагается вся моя единственная жизнь как сплошное поступление, ибо *вся жизнь* в целом может быть рассмотрена как некоторый *сложный поступок*: я поступаю всю свою жизнь, каждый отдельный акт и переживание есть момент моей жизни-поступления» [7, с. 38].

В своем научном творчестве М. М. Бахтин не только раскрыл и обосновал фундаментальные различия монологического и диалогического методов в гуманитарных науках (т. е. в изучении личности и общества), но и практически реализовал новые методологические установки *гуманитарного диалогизма*. Будучи убежденным в том, что в художественно-историческом и литературно-эстетическом творчестве отдельное «Я» не является пределом исследования («Я» существует лишь «...во взаимоотношении с другими личностями, то есть *я и другой, я и ты*» [1, с. 391]), он продемонстрировал научно-эвристическую продуктивность гуманитарно-диалогического подхода в сравнении с методами объектно-позитивистского и субъектно-монологического познания.

Особенность взглядов М. М. Бахтина как социального философа заключается в предпочтении субъекту ответственного поступка перед любой исторически конкретной системой общественных ценностей. Нет определенных и в себе значимых нравственных норм, но есть нравственный субъект с определенной структурой (очевидно, что не с психологической или физической), на которого и приходится положиться.

Он будет знать, что и когда окажется *нравственно-должным*, точнее говоря, вообще должным (ибо нет специально-нравственного долженствования). Отсюда М. М. Бахтин делал вполне логичное заключение, что все социальные нормы должны иметь значение лишь постольку, поскольку они утверждаются субъектом.

Таким образом, в противовес монологу советского общества, М. М. Бахтиным утверждается *принцип диалогичности* как *основа формирования подлинно гуманной социальности*. Только в *Другом* человек способен обрести свое *Я*. Здесь ярко выражен аксиологически-оценочный момент жизни человека.

В это же время в отечественной социальной философии наметилась и иная линия развития личности и ее связей с обществом. Условно ее можно назвать как «**глобальный гуманистический антропоцентризм**». Он предполагает значительное усиление роли «человеческого фактора» в кризисный «флуктуационный» период развития взаимозависимого целостного мира. В центр внимания ставятся проблемы *гармоничного развития свободной и ответственной личности*, способной критически воспринимать реальную действительность и творчески преобразовывать ее на благо себе и обществу в целом. Данное направление исследований, представленное работами Д. Е. Фролова, А. Дж. Баама, Г. К. Гюнцля, имело продолжение в ценностных ориентирах периода перестройки [3, 13 — 14, 18 — 21].

Сегодня ситуация в мире характеризуется антропологическим кризисом, истощенностью духовной энергии, наступлением массового общества, отрицанием самоидентичности, технизацией мышления, экзистенциальным вакуумом и т. д. Это лишь немногие черты, присущие современному человечеству. Выход видится в отходе от классических представлений о проблеме единства личности и общества с позиций только антропо-, или только социотризма. Нужна глобальная переориентация современной философии в сторону понимания индивида и социума в качестве органических целостностей, учета многомерности и разнородности их взаимодействия, культурного разнообразия.

Однако здесь нужно быть осторожным. Ведь всякая идеологическая унификация чревата насилием. Это проявилось в национально-освободительных движениях, пронесшихся по афро-азиатскому континенту (в первую очередь, движение неприсоединения) в ответ на патерналистские попытки западных государств навязать им свои ценности. Они должны были их ассимилировать, создав новый западно-восточный тип культуры, причем предполагалось, что первый элемент данного словосочетания будет определяющим. Изначальная ущербность задуманного синтеза привела к закономерному провалу акции.

Однако если синтез пока невозможен, то вполне реальна идея культурной *толерантности*, философского «диалога-адаптации». В современных условиях нет альтернативы стремлению народов к согласию и взаимопониманию кроме как на основе изучения истории развития разных культур, а также эволюции и трансформации собственных традиций с учетом общего исторического опыта.

Поэтому, занимая выгодное географическое положение, учитывая свое евразийство с опорой на богатство своей культуры, Россия должна включиться в *диалог* Запада и Востока, внося посильный вклад. Это поможет нашей стране сохранить свою *самобытность* и *самостоятельность*, свое *православное лицо* и *принципы коллективизма и соборности*, развиваясь не только в политико-экономическом, но также и в научно-техническом и культурно-нравственных отношениях.

Литература

1. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. М., 1986. 392 с.
2. **Глезерман Г. Е.** Рождение нового человека : Проблемы формирования личности при социализме / Г. Е. Глезерман. М. : Политиздат, 1982. 256 с.
3. **Гюнцль Г. К.** Новое время – новое мышление — новое сознание / Г. К. Гюнцль // Вестн. Мордов. ун-та. 1993. № 4. С. 9 — 14.
4. **Ермолаева О. А.** Современное общественное сознание России на государственном и региональном уровнях / О. А. Ермолаева // Регионология. 2008. № 4. С. 82 — 86.
5. **Казакова Н. В.** Русская публицистика в социально-философском осмыслении приоритетных глобальных проблем / Н. В. Казакова. Саранск, 2001. 112 с.
6. **Логанов И. И.** Свобода личности / И. И. Логанов. М. : Мысль, 1980. 158 с.
7. **Пешков И. В.** М. М. Бахтин: От философии поступка к риторике поступка / И. В. Пешков. М., 1996.
8. **Резвицкий И. И.** Личность. Индивидуальность. Общество : Проблема индивидуализации и ее социально-философский смысл / И. И. Резвицкий. М. : Политиздат, 1984. 142 с.
9. **Семенов В. В.** Диалектика взаиморазвития общества, культуры, цивилизации / В. В. Семенов // Философия и общество. 2006. № 2. С. 90 — 91.
10. **Смирнов Г. Л.** Советский человек : Формирование социалистического типа личности / Г. Л. Смирнов. М. : Политиздат, 1980. 463 с.
11. **Соловьев В. С.** Избранные произведения / В. С. Соловьев. Ростов н/Д, 1998. 176 с.
12. **Соловьев В. С.** Оправдание добра. Нравственная философия / В. С. Соловьев // Соловьев В. С. Собр. соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 1. 66 с.
13. **Фролов Д. Е.** Активность личности студента (аксиологическая концепция в комплексном социологическом исследовании) / Д. Е. Фролов, В. И. Малкин. М. : Универсум, 1994. 384 с.
14. **Фролов Д. Е.** Современный мир в эпицентре переломного этапа (философский взгляд на проблему) / Д. Е. Фролов // Реконструкция гомеостаза : материалы IX Междунар. симпозиума : в 4 т. Красноярск, 1998. Т. 3. С. 168 — 181.
15. **Фролов И. Т.** О человеке и гуманизме : Работы разных лет / И. Т. Фролов. М. : Политиздат, 1989. 560 с.
16. **Холодный В. И.** Соборно-феноменологический поиск философской (универсальной) идеологии / В. И. Холодный // Вестн. РФО. 2009. № 2. С. 103 — 108.
17. **Чжао Янь.** Крестьянская община и русское общество / Янь Чжао // Вестн. РФО. 2009. № 2. С. 138 — 144.
18. **Bahm A.** Ethics / A. Bahm // Organicism: origin and development. New Mexico ; Albuquerque : World books, 1996. P. 430 — 444.
19. **Bahm A.** The Specialist. His Philosophy. His Disease. His Cure / A. Bahm. New Mexico ; Albuquerque : World books, 1977. 120 p.
20. **Bahm A.** Whe be moral? / A. Bahm. New Mexico. Albuquerque. World books. 1992. 435 s.
21. **Günzl Ch.** Bewältigungen der Vergangenheit und der Zukunft durch «Neues Denken» / Ch. Günzl Linz, 1992. 190 s.
22. **Konickis A.** Levo Karsavino kontekstai / A. Konickis // Naujoji Romuva. 2004. N. 1 (546). С. 3 — 11.
23. **Kuhn T.** Seconds Thoughts on Paradigms / T. Kuhn // The Structure of Scientific Theories. Urbana, 1974. P. 459 — 482.
24. **Frolov D. E.** Die Hierarchie der sozialen Werte und der Wechsel des Paradigmas des Wertdenkens / D. E. Frolov // Das Neue Denken im Westen und Osten. Sammelband der Vortragen und Beitragen der internationalen wissenschaftlichen Konferenz. St. Peterburg, 2000. P. 53 — 56.
25. **Hecht R.** Das Neue Denken an der Nordakademie / R. Hecht // Das Neue Denken im Westen und Osten. Sammelband der Vortragen und Beitragen der internationalen wissenschaftlichen Konferenz. St. Peterburg, 2000. P. 112 — 119.

Поступила 04.11.2009 г.

УДК 37.014(470.345)

Г. А. Куршева
G. A. Kursheva

РЕГИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ 1930-х гг.*

REGIONAL SYSTEM OF EDUCATION UNDER THE CONDITIONS FOR MODERNIZATION IN 1930s

Ключевые слова: модернизация, социокультурное развитие, грамотность, ликвидация неграмотности, школьное образование.

В статье рассматриваются вопросы становления региональной системы среднего образования в условиях модернизации 1930-х гг.

Key words: modernization, sociocultural development, literacy, the illiteracy elimination, school education.

The problem of the regional system of secondary education formation under the conditions for modernization in 1930s is considered in the article.

Ликвидация культурной отсталости народов в многонациональной стране, в том числе и в Мордовии, являлась составной частью форсированной реконструкции советского общества. Работа в этом направлении велась уже в первые годы установления советской власти, однако по-настоящему к решению проблем советское государство приступило только в 1930-е гг. При этом социокультурное развитие выступало как условие модернизации страны и ее регионов.

Первостепенное внимание в рассматриваемый период уделялось преодолению неграмотности. 18 января 1936 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О завершении ликвидации неграмотности среди трудящихся в возрасте от 16 до 50 лет», в котором были отмечены некоторые успехи, но главным образом жестко указывалось на продолжающие бездействие культурно-просветительные учреждения, партийные, советские и профсоюзные организации краев, областей и республик в ликвидации неграмотности. ЦК ВКП(б) и Правительство СССР поставили задачу перед всеми организациями, участвующими в ликвидации неграмотности, решить проблему до конца 1937 г.

В соответствии с указанными требованиями в Мордовии проводили республиканские совещания культурно-просветительных работников, собрания рабочих и служащих предприятий, учреждений, совхозов и МТС. Повсеместно шел учет неграмотных, определялось количество культурмейцев для просветительной работы, помещений для занятий, обеспеченность учебными принадлежностями. Был утвержден план, согласно которому завершение ликвидации неграмотности и малограмотности

* Статья подготовлена в рамках конкурса РГНФ «Волжские земли в истории и культуре России», проект № 08-01-23102 а/В.

в республике было намечено к концу 1937 г. На решение этой задачи было ассигновано 553,6 тыс. руб., а в школах неграмотных и малограмотных увеличили количество работников различных категорий на 253 чел. Партийное и советское руководство Мордовии постановило организовать во всех горсоветах, райисполкомах и сельсоветах специальные секции по ликвидации неграмотности, однако реализовать это решение на местах удавалось не везде. Так, в 1938 г. из 609 сельских Советов секции были созданы только в 199, из которых реально работали 150, а остальные существовали на бумаге.

Необходимо признать, что в процессе ликвидации неграмотности и малограмотности Мордовия отставала как в темпах, так и в результатах от средних показателей в РСФСР. Так, Н. К. Крупская (заместитель наркома просвещения РСФСР) в своем письме к Первому секретарю Мордовского обкома ВКП(б) И. А. Кузнецову и Председателю Совнаркома МАССР В. В. Верендякину отмечала, что в республике срывался последний срок завершения ликвидации неграмотных и малограмотных — 1 мая 1939 г. Среди причин этого срыва Н. К. Крупская указывала на слабую работу Наркомпроса и районо, отсутствие со стороны райкомов партии и РИКов необходимого внимания к этому важнейшему и трудному участку работы.

В октябре 1940 г. был издан приказ НКП РСФСР «О мероприятиях по ликвидации неграмотности и малограмотности в Мордовской АССР», который обсуждался в каждом культурно-просветительном учреждении. Работники изб-читален, библиотек и клубов брали конкретные обязательства по обучению неграмотных. В Саранске было проведено совещание интеллигенции, на котором его участники обратились ко всей интеллигенции Мордовии и вызвали на социалистическое соревнование интеллигенцию Рузаевки. Проблему ликвидации неграмотности успешно решали в Атяшевском, Зубово-Полянском и Инсарском районах, однако во многих райцентрах к поставленной цели снова отнеслись формально. Так, в Дубенском районе из 1 994 неграмотных и малограмотных обучалось только 334 чел., в Торбеевском районе — соответственно 4 305 и 803 чел. В Чамзинском районном отделе народного образования даже не было точных данных о количестве неграмотных людей.

Состояние общеобразовательных школ в Мордовии было очень тяжелым. Отдельно стоял вопрос со школьными помещениями. Даже в Саранске — столице республики — в 1937/38 учебном году было необходимо срочно заменить ряд школьных зданий, совершенно непригодных к дальнейшему использованию. Так, одна из школ, находившаяся в промышленном районе Саранска, размещалась в бывшей конюшне пригородного совхоза [3, д. 309, л. 2]. Между тем Госплан РСФСР в 1938 г. предполагал строительство всего одной школы на 400 мест в Саранске и одной сельской школы на 400 мест, общей площадью 8,0 тыс. м². Партийное и советское руководство Мордовии сообщало секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву и председателю СНК РСФСР Н. А. Булганину, что этого крайне недостаточно, поскольку в Саранске необходимо было срочно строить несколько школ общей площадью в 20,0 тыс. м², а в сельской местности — в 201,6 тыс. м² [Там же, л. 1]. Обком ВКП(б) и СНК Мордовской АССР так же сообщали в Москву, что школы республики недопустимо перегружены. Так, в Саранске на один класс приходилось до 53 учеников, в Рузаевке было всего 5 школ, работавших в две смены. Из общего контингента учащихся Мордовии в 221,2 тыс. чел. — 36,4 тыс. чел. занимались во вторую смену [Там же]. Мордовский обком ВКП(б) и СНК Мордовской АССР настаивали на значительных

дополнительных ассигнованиях Мордовии, что было достаточно рискованно, поскольку в стране, и в Мордовии в частности, росла волна репрессий, в ходе которых нетерпимо относились к тем, кто «настаивает» [Там же]. Бюджет республики на народное просвещение неуклонно рос: в 1929 г. он составил 4 648,7 тыс. руб.; 1933 г. — 16 250,8; 1934 — 23 193,8; 1935 — 31 930,4; 1936 — 50 443,9; 1937 — 61 753,3; 1938 — 73 474,5, а в 1939 г. достиг 82 220,3 тыс. руб. [3, д. 295, л. 6; 2, с. 56], т. е. за десятилетие бюджет вырос в 17,6 раз, учитывая, что республика относилась к числу дотационных.

Развитие сети школьных учреждений в Мордовии в 1930-е гг. показано в табл. 1. Динамика численности школьных учреждений свидетельствует о сокращении числа начальных школ, что было связано с процессом укрупнения и ликвидацией малокомплектных школ.

В предвоенные годы инфраструктура школ была сравнительно развитой, хотя и существовали различия между количеством и качеством школ в городской и сельской местности (табл. 2).

Данные табл. 2 свидетельствуют, что первоначально среднее образование было доступно только жителям городов и поселков городского типа, средние школы появились в сельской местности лишь накануне войны.

Таблица 1
Сеть школьных учреждений Мордовии в 1930-е гг.*

Типы школ	1928	1932	1939
Начальные	1 223	1 251	891
Неполные средние	36	146	296
Средние	3	5	96
Итого	1 262	1 402	1 283

* Таблица составлена по: Советская Мордовия : стат.-экон. очерк. Саранск, 1940. С. 52; Мордовская АССР за годы Советской власти. Саранск, 1967. С. 156 — 157.

Таблица 2
Количество общеобразовательных школ Мордовии в 1927 — 1941 гг.*

Типы школ	Города и поселки городского типа			Сельская местность		
	1927/28	1932/33	1940/41	1927/28	1932/33	1940/41
Начальные	6	7	14	1 217	1 244	844
Семилетние	2	3	7	34	143	290
Восьмилетние	—	—	—	—	—	—
Средние	3	5	18	—	—	102
Итого	11	15	39	1 251	1 387	1 236

* См. примеч. к табл. 1.

В Мордовии достаточно остро стояла проблема кадров учителей. В 1937/38 учебном году их было 6 895, а в 1940/41 — 7 873. Однако учителей явно не хватало, особенно в сельской местности. Недостаточно высоким был и профессиональный уровень преподавателей. Так, в 1937 г. в 15 районах республики провели аттестацию учителей — всего 4 675 чел. [3, д. 295, л. 6]. Ее результаты оказались достаточно удручающими: освободили от работы в школе 366 учителей (что составило 7,8 %) и временно разрешили остаться 1 826 учителям (47,0 %). Первые «оказались не подготовленными и совершенно негодными для работы в школах» [Там же]. В национальном разрезе результаты были следующие: учителей русской национальности из об-

щего числа 2 832 чел. были освобождены 111 чел. (3,9 %), оставлены временно 989 (38,8 %); учителей-мокшан из общего числа 796 чел. освободили 123 (15,4 %) и временно оставили 291 (36,7 %); учителей-эрзян из общего числа 809 чел. освободили 79 (9,8 %) и временно оставили 375 чел. (56,0 %).

Основной причиной низких результатов аттестации была подготовка будущих учителей на краткосрочных курсах, где уровень и качество обучения оставляли желать лучшего. В связи с этим перед временно оставленными педагогами была поставлена следующая задача: учителя начальных школ должны в течение года сдать заочно экзамены в педучилищах, а учителя неполных средних и средних школ обязаны это сделать в учительских институтах и на соответствующих факультетах [Там же].

Репрессии еще больше ухудшили кадровое положение учителей Мордовии: многие из них были арестованы, погибли в тюрьмах и лагерях заключенных. Отметим, что репрессии начались в феврале 1937 г. после ареста и расстрела наркома народного просвещения республики Н. Н. Важдяева и многих его сослуживцев. Затем репрессии начались и в районах. В ряде школ «обнаружили засорения преподавательского и руководящего состава чуждыми троцкистско-зиновьевскими контрреволюционными элементами» [Там же, л. 10]. Были репрессированы заведующие роно Топтыгин, Пальцев, Четвергов и др. За последние шесть месяцев 1937 г. были невинно осуждены еще 25 учителей [Там же].

Динамика преподавательских кадров представлена в табл. 3.

Таблица 3

Динамика преподавательских кадров Мордовии*

Показатель	1928	1932	1937	1939
Город	120	181	494	504
Село	2 934	4 443	6 353	7 563
Всего	3 054	4 624	6 847	8 067

* Таблица составлена по: Советская Мордовия. С. 54.

Характеризуя учительские кадры тех лет, авторы очерка «Советская Мордовия» писали: «В основной своей массе армия просвещенцев на педагогическую работу пришла в последние годы и состоит, главным образом, из советской молодежи, проявившей себя энтузиазмом и преданностью делу культурной революции» [2, с. 54].

В марте 1938 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». В 1934/35 учебном году в Мордовии было 436 мордовских и 72 татарские начальные школы, в которых обучались соответственно 66 850 и 8 430 учащихся. Изучение русского языка в национальных школах было поставлено явно неудовлетворительно, или, как в то время отмечали некоторые руководители, русский язык приравнивали к иностранному. Это существенно тормозило развитие детей в начальных школах, ограничивая их культурный кругозор и затрудняя переход в школы следующих ступеней.

Следует сказать, что недостаточное внимание к укреплению материальной базы народного просвещения стало результатом больших серьезных ошибок при проведении индустриализации, повлекшей за собой долгострой, омертвление средств, а также огромные перерасходы на содержание быстро разраставшегося управленческого

аппарата. В 1940 г. в Мордовии управленческий аппарат состоял из 19,1 тыс. чел., а в сфере образования и искусства — 16,3 тыс. чел. Если уровень начального образования удалось заметно поднять по сравнению с дореволюционным, то неполное среднее и особенно среднее образование, количественно выросшее, серьезно отставало в содержании обучения. Одной из причин такого положения было необоснованное увеличение нагрузки на учителей, лишаящихся возможности вести индивидуальную работу с учащимися. Если в дореволюционной неполной средней школе на каждого учителя приходилось 15 — 17 учеников, то в советской школе — 30. Другими причинами недостаточного качества работы в старших классах средней школы были снижение престижа учительской профессии, низкий уровень оплаты и неустроенный быт, которые подавляли желание и способности учителей к самообразованию.

Массовые советские школы при недостатке средств порождали, с одной стороны — переполненные классы, с другой — массового учителя, собственный профессиональный багаж которого был невелик. В рассматриваемое время в Мордовии большинство учителей старших классов, особенно в сельской местности, не имели высшего образования. Такой преподаватель нуждался не только в унифицированных программах и методиках, но и в подробных инструкциях сверху. В своей массе эти учителя могли быть не столько творцами-воспитателями, сколько ограниченными предметными функционерами.

Однако в Мордовии было немало учителей достаточно высокого профессионального уровня и творческих устремлений. В рассматриваемый период успешно работали подлинными мастера своего дела, лидеры и энтузиасты, на которых равнялись и городские, и сельские учителя. В школах Саранска такими известными учителями были И. Н. Гридин, М. И. Кузавенков, Н. И. Писклигин и др.

В республике росли ряды молодых учителей-новаторов. В 1940 г. за самоотверженный и творческий труд в народном образовании были награждены орденом «Трудового Красного Знамени» 8 чел., орденом «Знак Почета» — 9, медалью «За трудовое отличие» — 12 чел. Учителя М. М. Алеева (Чамзинская средняя школа), Д. А. Журавлева (Лопатинская неполная средняя школа), А. Г. Кучаева (Ремезенская начальная школа Чамзинского района) были удостоены высшей награды Родины — ордена В. И. Ленина. Нередко учителями становились отставные военные. Так, с 1931 г. в совпартшколе военное дело и математику преподавал И. А. Юрченков, до этого служивший начальником штаба полка в г. Березове Белорусского военного округа. Позднее, в годы войны, он стал директором Старо-Горяшинской неполной средней школы в Краснослободском районе.

Со второй половины 1930-х гг. стал осуществляться переход ко всеобщему семилетнему обучению. Однако к 1941 г. он не был завершен. В Мордовии к этому периоду неграмотность не была ликвидирована. В 1938 г. от 17 до 20 % призывников в вооруженные силы Мордовии не умели ни читать, ни писать.

На развитии образования крайне негативно сказывалось отсутствие стабильности в республиканском и районном руководстве народным образованием. Так, только за 1937 г. сменились три народных комиссара просвещения: Н. Н. Важдаев, Т. И. Борисов и И. Т. Сайгушев. Второй из них работал наркомом всего несколько недель. Как правило, после смещения наркома начинали увольнять всех его сторонников в народном комиссариате, в районных управлениях, в городских и сельских школах. Ситуация несколько нормализовалась только в конце следующего года:

назначенный наркомом П. Ф. Митраков проработал на этом посту четыре года — с 1938 по 1941 г.

Несколько медленнее, но стабильно формировалась целая сеть техникумов и других средних специальных учреждений в Мордовии. Так, в 1927 г. их было только 3, в 1933 г. — уже 19, в 1938 г. — 18, в 1940 г. — снова 19. Соответственно и количество студентов было: 0,6 тыс. чел., 2,7 тыс., 5,3 тыс., 5,1 тыс. юношей и девушек. Наиболее значимыми и необходимыми для экономики и культуры республики были Саранское медицинское училище, Ардатовское культурно-просветительное училище, Zubово-Полянское педагогическое училище, Кемлянский совхоз-техникум, Краснослободский зооветеринарный техникум и др. С созданием в октябре 1940 г. новой системы государственных трудовых ресурсов в Мордовии были открыты: железнодорожное училище в Рузаевке, четыре ремесленных училища в Саранске, два — в Ардатове и Темникове, а также три школы ФЗО. Однако в развитии среднего специального образования Мордовия несколько уступала другим республикам Среднего Поволжья. Так, в 1940/41 учебном году в Чувашской АССР было 6,8 тыс. студентов, в Марийской — 3,3 тыс., а в Мордовской АССР — 5,1 тыс. студентов.

Вместе с тем необходимо отметить, что в предвоенный период среднее специальное образование в Мордовии достигло значительного развития, именно оно, преимущественно, поставляло нужные кадры специалистов для народного хозяйства и культуры. Так, в 1940/41 учебном году из средних специальных учебных заведений было выпущено 1 631 специалист, а из вузов — всего 102 чел. С 1937 по 1940 г. первые подготовили около 5 тыс. рабочих различных специальностей, вторые — около 1 тыс. и только одной специальности — учителей.

Разительное несоответствие количества выпускников среднего специального и высшего учебных заведений свидетельствует не только о достижениях первого, но и о жестких требованиях того «ускоряющегося времени», трудностях и недостатках экономики, и особенно финансового положения республики, упущениях и ошибках ее партийного и советского государственного руководства.

Стремительное развитие народного хозяйства, ускоренная индустриализация и широкое культурное строительство неуклонно и жестко требовали необходимого количества специалистов различного уровня образования. С 1920 г. в Мордовии, как и во всей многонациональной стране, начали появляться техникумы — специальные средние учебные заведения для подготовки специалистов различных отраслей народного хозяйства, здравоохранения, культуры и просвещения. С 1937 г. в РСФСР стали развиваться преимущественно техникумы и другие средние специальные учреждения технического профиля. Однако этого не произошло в Мордовии, где как и прежде тон задавали средние специальные учреждения гуманитарного направления.

Они значительно ускоряли процесс подготовки остро необходимых специалистов для относительно отсталой республики: в них учились всего два года, а в вузах — четыре. Однако существенный недостаток средних специальных учреждений состоял в осуществлении обучения по сокращенной программе, тем самым снижая качество подготовки специалистов. Руководство республики не обращало пристального внимания на эти существенные недостатки, ограничиваясь в основном количественными показателями таких учреждений и ростом числа выпускников. Менее заботило и то обстоятельство, что около половины учащихся получали образование на заочных отделениях, где качество подготовки специалистов оставляло желать лучшего.

Однако объективность и реальное понимание проблем того периода позволяют говорить о том, что у республики еще не было необходимых средств для развития и качественного совершенствования среднего специального образования. Явно недостаточны были и дотации из фондов РСФСР.

В 1929 г. в Саранске появилась новая для Мордовии специфическая форма общеобразовательной средней школы — мордовский рабочий факультет — рабфак, на которые приняли 107 слушателей [1, с. 75 — 76]. В Саранск были переведены мордовские отделения Самарского и Ульяновского рабфаков. В 1938 г. здесь была открыто русское отделение. Рабфак был создан для подготовки рабочих и крестьян к поступлению в высшие учебные заведения. Комплектование контингента слушателей строго осуществлялось по классовому принципу и с учетом социально-классовой структуры населения Мордовии: 70 — 80 % составляли крестьяне, 20 — 25 % — рабочие, остальные — служащие и воспитанники детских домов. Учебный план рабфака на дневном отделении был рассчитан на три года, на заочном — четыре [Там же, с. 85]. Его особенность заключалась в том, что наряду с общеобразовательными дисциплинами он включал достаточно много общественно-политических предметов. Организатором и первым директором рабфака был А. М. Чурин — воспитанник Казанской учительской инородческой семинарии, ученик М. Е. Евсевьева; в составе преподавателей были: А. М. Васильева, Л. С. Кавтаськин, И. П. Кривошеев, М. Е. Прокаев, Г. Д. Шалагин и др. Первый выпуск рабфака состоялся в 1931 г. За 10 лет работы он подготовил около 500 юношей и девушек для продолжения образования в высшей школе.

В 1931 г. в Рузаевке открыли филиал Саранского рабфака, но через год он был преобразован в Рузаевский транспортный рабфак. В 1933 г. его прикрепили к пединституту, а в 1939 г. закрыли. В 1940 г. рабфак прекратил деятельность во всей стране.

Результаты деятельности образовательной системы в Мордовии показала перепись 1939 г., зафиксировавшая рост процента грамотных по сравнению с 1926 г. практически в двое (табл. 4).

Таблица 4

**Грамотность населения республик Среднего Поволжья
в возрасте от 9 лет и старше*, %**

АССР	От 9 лет и старше		В том числе			
			От 9 до 49 лет		От 50 лет и старше	
	На 17 декабря 1926 г.	На 17 января 1939 г.	На 17 декабря 1926 г.	На 17 января 1939 г.	На 17 декабря 1926 г.	На 17 января 1939 г.
Марийская	47,8	78,1	54,3	87,5	19,5	35,5
Мордовская	37,4	70,6	45,0	80,0	4,9	27,8
Татарская	48,2	81,7	53,6	90,4	22,5	43,5
Чувашская	47,2	80,2	54,2	91,0	14,8	32,3

* Таблица составлена по: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992. С. 41.

Приводимые материалы свидетельствуют о росте процента грамотных в республике. Однако по сравнению с соседними республиками Среднего Поволжья Мордовия явно отставала: процент грамотных в регионе в возрасте от 9 лет и старше

был самым низким — 70,6, тогда как в Марийской республике он достигал 78,1, в Чувашии — 80,2, Татарстане — 81,7.

Представляют интерес данные о грамотности в городе и селе среди мужчин и женщин (табл. 5).

Таблица 5

**Грамотность городского и сельского населения Мордовии
в возрасте от 9 лет и старше*, %**

Население	Мужчины		Женщины		Всего	
	На 17 декабря 1926 г.	На 17 января 1939 г.	На 17 декабря 1926 г.	На 17 января 1939 г.	На 17 декабря 1926 г.	На 17 января 1939 г.
Городское	88,2	95,9	69,1	82,6	78,1	89,1
Сельское	56,2	87,1	17,8	54,8	35,6	69,1

* Таблица составлена по: Всесоюзная перепись населения 1939 года. С. 45.

Данные табл. 5 показывают высокий процент грамотности городского населения, в сельской местности процент грамотных был ниже.

Таким образом, социокультурное развитие Мордовии в 1930-е гг. характеризуется сложными и противоречивыми процессами. С одной стороны, предпринимались серьезные усилия по подъему образовательного уровня населения республики. Быстро росли капиталовложения в народное образование, строились школы, оформлялась система среднего профессионального образования, был открыт первый в республике вуз. С другой стороны, репрессии серьезно тормозили позитивные процессы социокультурного развития региона.

Литература и источники

1. **Ивашкин И. С.** Формирование советской интеллигенции в Мордовии (1917 — 1941 гг.) / И. С. Ивашкин. Саранск, 1972. С. 75 — 76.
2. Советская Мордовия : стат.-экон. очерк. Саранск, 1940. 54 с.
3. ЦГА РМ. Ф. 269. Оп. 2.

Поступила 18.11.2009 г.

УДК 37.017.016:82

И. Н. Гвоздева

I. N. Gvozdeva

ВОСПИТАНИЕ ПРАВСТВЕННОСТИ СРЕДСТВАМИ УРОКА ЛИТЕРАТУРЫ

UPBRINGING OF MORALITY BY MEANS OF THE LITERATURE LESSON

Ключевые слова: русская литература, духовная литература, нравственность, духовность, житие Сергия Радонежского, А. Г. Кутузов.

В статье поставлена проблема воспитания подрастающего поколения средствами духовной литературы на уроках литературы в средней общеобразовательной школе и предлагается опыт работы на основе программы «В мире литературы» А. Г. Кутузова.

Key words: Russian literature, spiritual literature, morality, spirituality, the life of Sergius Radonezhskiy, A. G. Kutuzov.

The problem of the growing up generation upbringing by means of spiritual literature on the literature lessons in the secondary school is posed in the article as well as work experience on the basis of «In the World of Literature» program by A. G. Kutuzov is proposed.

Сегодня среди учителей литературы нет сомневающих в том, что в целом духовная литература воздействует на сознание и на эмоции ученика значительно сильнее, чем светская, ведь она изначально направлена на преодоление негативного в человеке.

Проблема воспитания подрастающего поколения сегодня является для России главной, потому что давно известно: что посеешь, то и пожнешь. К сожалению, современная школа неоправданно мало уделяет внимания духовным основам, на которых веками стояла и стоит Россия. В русской педагогической традиции всегда особое место в воспитании отводилось художественной литературе.

Многие поколения русских людей воспитывались на идеалах добра, справедливости, милосердия, любви, чести, патриотизма, целомудрия и совести. С первых лет жизни ребенок, во многом благодаря литературе, получал прививку от влияния негативных впечатлений, и это впоследствии позволяло ему противостоять злу. Так было даже в советское время, когда детей приучали жить без Бога.

Русская литература традиционно несет в себе богатый духовный опыт Православия — культуруобразующей религии России. Русские писатели донесли до нас, людей XXI в., «глаголы жизни вечной». Создание текста со времен Древней Руси — акт служения Богу и человеку. Торжественное красноречие, жизнеутверждающее начало их творений, духовный идеал, учительный пафос, трепетное отношение к слову — все эти ценные качества древнерусской литературы унаследовала русская литература нового времени. В творчестве писателей и поэтов XIX в. — Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. М. Достоевского, И. Шмелева, А. П. Чехова и др.,

второй половины XX в. (А. Платонова, В. Астафьева, В. Распутина, В. Шукшина, Н. Рубцова и др.) мы найдем богатый материал для анализа духовно-нравственного состояния человека, следовательно, для раскрытия и осмысления важных духовных понятий. Психологически точно, глубоко и предельно правдиво они исследуют глубины человеческой души, которая всегда является христианской. Следовательно, педагогическая целесообразность диктует словеснику необходимость обращаться к изучению элементов православной культуры на своих уроках.

Ориентация учителя на духовные ценности Православия — залог его успешности и востребованности предмета у учащихся. Иначе в связи с мощным развитием информационных технологий, с избыточным потоком разной информации на ученика литературу как учебный предмет со временем ждет печальная судьба. Она уже сейчас слабо «вписывается» в круг интересов ученика как «источник информации», если в ней отсутствует «информация для души».

В духовно-нравственном просвещении нуждаются и сами учителя, во многом растерявшие за годы перестройки представление о традиционных ценностях, духовную трезвость, милосердие к ученику, национальную идентификацию.

Рассмотрим, какое место в программе по литературе под редакцией А. Г. Кузцова [1] отводится духовной литературе. Так, в 5-м классе в разделе «Духовная литература» учащимся объясняется, что такое духовная литература, происходит знакомство с Библией как Вечной книгой и как памятником человеческой цивилизации. Пятиклассники знакомятся также со Священным Преданием и Священным Писанием, некоторыми главами Ветхого Завета, получают начальные знания о жанрах духовной литературы, более подробно знакомятся с жанром русского жития, а на примере «Жития Бориса и Глеба» рассуждают о нравственных истоках святости.

В 6-м классе на примере молитвы Господней и стихотворений «К детям» А. С. Хомякова, «Молитва Ангелу хранителю» П. А. Вяземского, «Молитва» А. С. Пушкина, «Молитва» М. Ю. Лермонтова говорится о влиянии религиозной литературы на светскую.

Основным произведением духовной литературы в 7-м классе является «Житие Сергия Радонежского». Урок о преподобном Сергии Радонежском проводился в виде турнира, однако соревнования в творческих группах не являлись самоцелью. Задача педагога — в игровой форме повторить и закрепить знание учениками жития преподобного Сергия Радонежского, продолжить формирование навыка размышления над прочитанным и увиденным, развивать у учащихся способности к взаимодействию в группах в процессе выполнения коллективных поисковых заданий.

На данном уроке наблюдалось отступление от традиций в организационной структуре урока, в аспекте взаимодействия учителя и учащихся. Не было привычного руководства учителем деятельностью учащихся. Оно сводилось на уроке к минимуму: если при ответе ученики не могли точно и полно ответить на вопрос, то учитель, как один из «экспертов» в составе жюри, давал развернутый ответ. Только тщательная подготовка подобного урока (подбор первоисточников, справочной литературы, иллюстративного материала, карточек с заданиями) позволила урок закрепления знаний сделать увлекательным, вовлекающим в активную деятельность всех учащихся.

Приведем некоторые из предлагаемых вопросов и заданий.

1. Покажите на конкретных эпизодах жития преподобного Сергия Радонежского, каким евангельским заповедям Блаженства он следует.

2. Сравните картину М. В. Нестерова «Видение отроку Варфоломею» с клеймом иконы преподобного Сергия, изображающим этот же эпизод. Почему иконописный образ святого и образ его в житийной литературе создаются по библейским законам?

3. Как воплощались в жизни преподобного Сергия евангельские заповеди?

4. Какова роль Святой Троицы в жизни преподобного Сергия?

Жанр жития уже знаком школьникам, на уроке углубляется понятие об этом жанре, развиваются навыки анализа духовного текста, делается вывод о способах создания характера в жанре жития.

В 8-м классе в нетрадиционной форме изучаются такие произведения духовной литературы, как «Поучение Владимира Мономаха», «Письмо преподобного оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к превосходительной NN», говорится об огромном значении Оптиной пустыни для русской литературы.

С нравственным осмыслением основных христианских понятий греха и покаяния, чести и бесчестия, христианской любви, смерти и бессмертия изучаются в 8-м классе также произведения А. С. Пушкина «Братья разбойники» и «Капитанская дочка», М. Ю. Лермонтова «Мцыри», И. С. Тургенева «Ася», Ф. М. Достоевского «Белые ночи», рассказы В. М. Шукшина и другие произведения. Таким образом, для учителя и ученика становится возможным переход из сферы телесно-душевной в душевно-духовную.

Изучение на уроках в 9-м классе духовных текстов архимандрита Иоанна (Крестьянкина) «Слово на Светлой пасхальной седмице» и иеромонаха Романа «Пресвятая Богородица» позволяет подняться еще на одну ступень познания души человеческой: духовный опыт православного старчества помогает увидеть отношения ее с Творцом.

Состояние души греховно-падшее и искупительно-благодатное рассматривается на уроках внеклассного чтения в 5 — 7 классах, посвященных рассказам В. П. Астафьева «Конь с розовой гривой» и «Фотография, на которой меня нет». Особенности христианской любви и ее проявлений — на примере рассказа А. П. Платонова «Юшка». Богатый материал для понимания смерти и бессмертия и искупительной жертвы Иисуса Христа дают нам стихи Н. М. Рубцова.

Так, внимательное отношение к слову писателя в рассказе В. П. Астафьева «Конь с розовой гривой» позволяет понять природу греха и пленение им души. Мы наблюдаем, как человек лишается богоданной свободы, может даже впасть в безумие. Один грех тянет за собой другие. Они растут, как снежный ком, мчащийся с горы. Грех — это смерть духовная. Совесть мучает душу. Покаяться очень трудно, но необходимо.

Среди важнейших условий для покаяния главное — любовь: нужно жалеть не только себя, но и близких, нужно понять их и чувствовать их боль. Важно также проявление милосердия со стороны близких, принятие обличений и открытие правды, упование на помощь Божию, смирение и страх перед еще более страшным в тебе.

Почему бабушка подарила внуку коня с розовой гривой? Витя, через много лет ставший знаменитым писателем, не забыл этот подарок. Память сохранила мель-

чайшие детали и состояния души. Бабушка подкрепила своим даром момент истинного покаяния. Витя вышел из очень непростой для себя ситуации окрепшим нравственно, приобретя бесценный духовный опыт: «Кающемуся грешнику открыты двери милосердия». Покаяние приносит свои плоды: прощение, новое сердце и новый ум.

В рассказе «Фотография, на которой меня нет» В. П. Астафьев вновь обращается к этой проблеме, но решает ее по-другому, сообразно православным представлениям: когда человек не вразумляется, Господь спасает его от греха через скорби и болезни.

В теме рассказа А. Платонова «Юшка» образ главного героя строится на контрасте социального положения и высокого нравственного уровня развития души. Чтобы понять Юшку, нужно пристально взглянуть в образ жизни героя: имя — возраст — занятия — материальное положение — жилище.

При изучении творчества Н. М. Рубцова внимание акцентируется на праведности как одном из лучших свойств человека Святой Руси. Предлагается взглянуть на стихотворение «Конец» в контексте творчества поэта, культуры и литературного процесса. С этой целью рекомендуется проследить отношение к смерти у народов в разные эпохи и с разным вероисповеданием, вспомнить русскую литературную традицию в изображении смерти, изучить вопрос об отношении к смерти самого поэта.

Изучение русской классики второй половины XX в. — благодатный материал для духовно-нравственного становления личности учащихся и просвещения учителей в свете традиционных ценностей Православия. Лучшие писатели эпохи сумели сохранить и развить традиции русской литературы. Их заслуга в глубочайших исследованиях тех процессов в современной жизни, которые происходят в глубине народных масс.

Литература

1. В мире литературы. 5 — 11 кл. : программа по литературе для общеобразоват. учреждений. / А. Г. Кутузов, А. К. Киселев, Е. С. Романичева и др. ; под ред. А. Г. Кутузова. М. : Дрофа, 2006. 80 с.

Поступила 07.10.2009 г.

УДК 929:7

О. А. Пивцайкина

O. A. Pivtsajkina

И. Д. ВОРОНИН КАК ИСТОРИК ИСКУССТВА

I. D. VORONIN AS A HISTORIAN OF ART

Ключевые слова: живописная школа, художник, искусство, творчество, картины, музеи, галереи.

В статье рассматривается деятельность известного мордовского ученого И. Д. Воронина по установлению художественной истории Саранска. Представлен анализ работ ученого, посвященных проблеме становления профессионального художественного искусства в регионе.

Key words: pictorial school, artist, art, creative work, pictures, museums, galleries.

The activity of well-known Mordovian scholar I. D. Voronin in ascertaining of the artistic history of Saransk is considered in the article. The analysis of his works, devoted to the problem of the professional fine arts formation in the region is made as well.

Творческое наследие Ивана Дмитриевича Воронина, выдающегося мордовского ученого, огромно. Разумеется, в настоящее время многие результаты исследований ученого подвергаются критическому переосмыслению. На страницах периодической печати, в научных сборниках сегодня можно встретить статьи, посвященные его работам. Это лишний раз подтверждает то, что труды И. Д. Воронина не потеряли актуальности.

Сфера научных интересов ученого была чрезвычайно широка и многопланова: литература, культура и история родного края. Особое место в наследии И. Д. Воронина занимают труды, посвященные проблеме развития и становления живописного искусства в мордовском крае. Ивану Дмитриевичу принадлежит заслуга в открытии главного очага искусства в родном крае — Саранской живописной школы И. К. Макарова.

Впервые вопросы зарождения профессионального живописного искусства в мордовском крае он затрагивает в очерках «Живописная школа» («Саранск : историко-документальные очерки», 1961 г.) и «Очаги живописи и культуры» («Достопримечательности Мордовии. Природные, исторические, культурные», 1967 г.). В своих работах он повествует о талантливых художниках Макаровых, длительное время работавших в Саранске и основавших здесь художественную школу. «Саранская живописная школа Макаровых сыграла значительную роль в распространении изобразительного искусства в Мордовии. Но никто из местных историков до сих пор не занимался изучением этой замечательной страницы истории родного края, — отмечал исследователь. — О школе Макаровых не упомянуто даже в объемистой книге „Очерки истории Мордовской АССР, выпущенной в свет в 1955 году“» [1, с. 116].

Действительно, в советской Мордовии был распространен порок: приписывать развитие культуры в достижение революции. Было принято считать, что малые наро-

ды СССР, и мордовский народ в частности, до революции не имели своей письменности, литературы, театра и живописи — все это появилось лишь благодаря помощи «старшего брата» — русского народа. «До Великой Октябрьской социалистической революции мордовский народ не имел своего профессионального изобразительного искусства, — отмечалось в официальной литературе того периода. — Только всевозможные виды прикладного декоративного искусства были, по существу, единственной областью художественного творчества, в котором раскрылись дарования мордовского народа еще задолго до Октябрьской революции» [2, с. 281].

Восполнить этот пробел ученый попытался в дальнейших изысканиях, и в 1972 г. вышла в свет его книга «Саранская живописная школа». Занимаясь проблемой живописной школы, И. Д. Воронин поставил перед собой задачу проследить истоки и особенности становления рисовального искусства в Саранске. Автору удалось выявить и обобщить немало данных, которые позволили сделать вывод о том, что профессиональное живописное искусство в Мордовии имеет богатую и давнюю историю.

Ценность исследования заключается прежде всего в том, что многие источники для него были подобраны из архивов. Краткие сведения о художниках Макаровых были разбросаны по многочисленным, подчас старым и редким изданиям. Автор в течение многих лет проверял и уточнял полученные сведения, развивал отобранное. Однако этих сведений оказалось недостаточно. Пришлось учесть соответствующие предания и то, что сохранилось в памяти людей старшего поколения. Иван Дмитриевич сетовал на трудности сбора материала: «Писать о деятелях русского искусства — выходцах из крепостного состояния довольно трудно: их родословные мало документированы... Приходится весьма кропотливо, буквально по крупицам, собирать сведения об этих деятелях. Зато какие раскрываются картины самобытности народных талантов... Не имея достаточного количества документов, историк провинциального искусства вынужден широко применять воспоминания или предания, которые хотя и богаты романтикой, но требуют большой осторожности при выдаче их за подлинность» [1, с. 321]. Неоценимую помощь в сборе материала оказал краеведу проживавший тогда в Саранске внук И. К. Макарова — Иван Кузьмич Макаров (младший).

Говоря о Саранской живописной школе, ученый отмечал, что это «явление в истории художественной культуры старой провинции довольно примечательное. Оно находится в связи с развитием прогрессивной мысли передовых кругов России нового времени... К культуре тянулась провинция, хотя абсолютное большинство людей оставалось еще неграмотным; в искусстве, хотя и редко, стали появляться этюды из жизни малых народов; разночинная молодежь, преодолевая тяжелые препятствия, стала проникать в школы, и даже университеты» [Там же, с. 109]. Появление школы в Саранске, по мнению И. Д. Воронина, не было случайным. Это было свидетельством «развития прогрессивной мысли передовых кругов России того времени», «к культуре тянулась провинция» [Там же, с. 108]. Возникновение школы было обусловлено целым рядом обстоятельств: Саранск того времени был типичной провинцией, однако город вел оживленную торговлю, здесь имелись промышленные предприятия. Соответственно была потребность в грамотных людях, была возможность получить заказ на живописную работу. К тому времени завершилась христианизация мордвы, и во многих селениях мордовского

края развернулось строительство церковных зданий, т. е. возникла потребность в иконописцах.

Начало XIX столетия для России — пора больших свершений во всех сферах искусства. Растущие потребности государства, пробуждение общественной мысли обусловили создание школ и университетов в провинции. Выход России на мировую арену, блестящая победа в Отечественной войне 1812 г., как и выступление декабристов 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади в Санкт-Петербурге, способствовали росту самосознания не только в высших сферах русского общества, но и в среде крепостного крестьянства. Это отразилось на приобщении некоторой части деревенского населения к различным отраслям искусства. В прежние времена в профессиональном искусстве, как и в литературе, выступали преимущественно дворяне и разночинцы. В первой половине XIX в. в этих сферах проявили себя крепостные таланты. Один из таких талантов — выпускник Арзамасской живописной школы, бывший крепостной К. А. Макаров.

Значительную часть исследования И. Д. Воронин посвятил родоначальнику династии художников, основателю живописной школы — Кузьме Александровичу Макарову. Ученый в деталях восстановил биографию основателя Саранской школы живописи. Будучи подростком, Кузьма Александрович был отдан хозяином (пензенским помещиком Д. П. Горихвостовым) на учение к маляру «учиться красить крыши, полы на квадраты под паркет, мебель, стены» [Там же, с. 47]. Попробовал свои силы будущий художник и в иконописном деле, и в иконостасном, и в театральном-оформительском. В 1821 г. Кузьма Александрович поступил в Арзамасскую школу живописи Александра Васильевича Ступина. Талантливому художнику-самоучке тогда исполнилось тридцать лет, а на учебу его, вероятно, направил помещик Д. П. Горихвостов, так как художник еще числился крепостным. Уже в следующем году он получил вольную. В освобождении от крепостной зависимости активное участие, по мнению И. Д. Воронина, принял сам содержатель Арзамасской школы академик живописи А. В. Ступин, с авторитетом которого считались. Случаи заступничества прогрессивно настроенного академика за своих учеников были не редки.

В живописной школе вскоре ярко проявился талант Кузьмы Макарова. В школе А. В. Ступина способный ученик состоял в перспективном классе, которым руководил сын академика живописи Рафаил Александрович — талантливый художник и педагог. Здесь Кузьма Александрович познакомился с написанием светского портрета. Стоит отметить, что свой творческий путь в искусстве Кузьма Александрович Макаров начал с портретов простых людей — русских и мордовских крестьян.

К. А. Макаров был не только учеником, но и помощником академика А. В. Ступина: он пришел в школу уже опытным мастером иконописного дела и был ведущим мастером при выполнении педагогом живописных подрядных работ. Кузьма Макаров стал одним из лучших выпускников школы. По окончании обучения ему было предложено остаться работать в Арзамасской школе живописи. В течение семи лет К. А. Макаров заведовал школой А. В. Ступина. В эти годы наряду с исполнением основных обязанностей он выполнял многочисленные заказы и занимался творческой деятельностью. В 1925 г. за полотна «Вид города Арзамаса» и «Портрет», представленных в Санкт-Петербург, в Императорскую Академию художеств, живописец был удостоен серебряной медали первого достоинства.

Академия, заметив успехи художника, вызывала Кузьму Александровича в Санкт-Петербург для продолжения художественного образования. Художник был вынужден отказаться из-за тяжелого заболевания и по семейным обстоятельствам. Вскоре К. А. Макаров подал прошение о том, чтобы ему присвоили звание учителя. Получив звание рисовального учителя в 1828 г., Кузьма Макаров по совету наставника А. В. Ступина отправился в Саранск.

В Саранске К. А. Макаров поступил на службу в Саранское уездное училище. Здесь он на протяжении девяти лет работал в должности преподавателя рисования, причем был первым дипломированным педагогом рисовального дела в городе и приложил немало усилий для распространения живописного искусства среди местного населения. Вскоре, 27 июля 1928 г., при поддержке почетного попечителя Саранского уездного училища А. А. Нечаева К. А. Макаров основал собственную школу живописи.

Изыскания И. Д. Воронина позволяют получить полное представление о жизни и творческой деятельности Ивана Кузьмича Макарова — старшего сына К. А. Макарова, выдающегося представителя Саранской живописной школы. Один из документов, извлеченных краеведом из фондов Центрального государственного исторического архива СССР (ныне — РГИА), говорит об интересе, проявленном к живописцу из Саранска Петербургской Академией художеств. Академический совет, ознакомившись с лучшими из ранних работ И. К. Макарова, увидел в последнем «особенный талант к художеству» [Там же, с. 382]. Общеобразовательные знания начинающий художник получил в Саранском уездном училище, которое окончил в 1834 г. После окончания в 1941 г. Саранской живописной школы Иван Кузьмич изъявил желание продолжить обучение рисовальной науке. В 1845 г. талантливый юноша отправился в Санкт-Петербург и там определился вольноприходящим учеником Академии художеств.

В академии И. К. Макаров обучался в классе исторической живописи у авторитетного профессора Алексея Тарасовича Маркова. За успехи в портретной живописи воспитанник Саранской школы живописи дважды был удостоен малой серебряной медали: в 1845 г. — за портрет и картину «Девушки на гулянье в русском костюме», в 1846 г. — за рисунок.

По окончании академического курса Кузьма Александрович избрал специальностью портретную живопись, которая быстро доставила ему известность в петербургской публике. И. К. Макаров пользовался уважением и признанием в среде художественной интеллигенции. Его ценили И. Н. Крамской и другие видные мастера кисти. В частности, И. Н. Крамской называл Макарова «известным портретистом» [Там же, с. 344].

И. Д. Воронину удалось показать в своей работе особенности и национальный колорит Саранской школы живописи. «Руководствуясь своим большим опытом и движимый идеей народности в искусстве, он (И. К. Макаров) пропагандировал среди учеников такие темы, как жизнь русской деревни („Девушки на гулянье в русском костюме“), быт национальных меньшинств России („Две молодые мордовки“»)» [Там же, с. 346].

И. Д. Воронин сумел прояснить деятельность Саранской школы живописи не только в главных аспектах, но и в многочисленных, по-своему интересных и необходимых подробностях. Он выяснил место, где находилось здание школы (в нижней

части бывшей Базарной ныне Советской улицы), состав учеников, дальнейшую судьбу наиболее способных из них. Но в своей книге исследователь не ограничился одним перечислением фактов, связанных с работой школы и судьбой его создателя и учеников, он также проследил изменения, которые привнесла художественная школа в культурную жизнь российской провинции.

В 40 — 50-х гг. XIX в. начал меняться внешний облик мордовской деревни. Дома саранской округи стали украшаться резьбой, выдвигаться к передней линии улиц. В этих изменениях автор видел влияние живописной школы Макарова. Кроме того, ученый считал, что живописная школа способствовала распространению просвещения среди местного населения: «В свое время школа Макаровых, как в Пензе, так и в Саранске напоминала собой художественный музей. Среди размещенных на стенах картин были копии, привезенные из Петербурга, и ученические работы, которые можно было здесь же купить... вход для всех желающих был свободный. Посетители рассматривали живопись, приобретали понравившиеся вещи, беседовали с руководителем школы. Эти беседы повышали интерес у населения к изобразительному искусству» [Там же, с. 399]. Таким образом, И. Д. Воронин рассматривал живописную школу как своеобразный очаг культуры в провинциальном Саранске.

Анализируя материалы, собранные по живописной школе, ученый сделал еще одно немаловажное открытие — в Саранске существовали зачатки театрального искусства. В главе «Школа» он привел очерк писателя-сатирика И. В. Селиванова «Театр в Саранске», в котором описывается театральная жизнь города, имевшая сезонный характер. К сожалению, эта сторона искусства в работе ученого мало освещена. И. Д. Воронин допустил, что развитию театрального дела также способствовала деятельность живописной школы Макарова: «Можно предположить, что рекламы и декорации для этих театров-временок изготавливались в мастерских живописной школы Макарова, который, как известно, имел в этом деле не малый опыт» [Там же, с. 353 — 354].

В своей работе ученый предпринял попытку восстановить творческое наследие Саранской живописной школы. Он задался задачей нахождения работ мастеров этой школы. «В Саранском краеведческом музее сохраняется немало старинных картин местного происхождения, есть они и в частных домах любителей живописи. Настало время, — отмечает исследователь, — внимательно посмотреть их специалистам, художникам и искусствоведам, а историкам основательно порыться в архивах, и можно надеяться, что будут обнаружены новые интересные сведения о замечательной деятельности художников Макаровых в Мордовии» [Там же, с. 116].

Благодаря энтузиазму И. Д. Воронина удалось установить авторство раннее «анонимных» портретов. «Продолжая изучать художественное наследие Саранской живописной школы, мы пришли к убеждениям, что огаревские портреты, экспонируемые в Мордовском краеведческом музее, были написаны выдающимся выпускником этой школы — Иваном Кузьмичом Макаровым» [Там же, с. 377].

В 1970 г. «анонимные» портреты были представлены для атрибуции родному внуку академика Ивану Кузьмичу Макарову (младшему), который доказательно подтвердил авторство академика. В 1971 г. Министерство культуры Мордовской АССР предъявило эти портреты для заключения ленинградскому искусствоведа П. Е. Корнилову, авторитетному исследователю художественного наследия Ступинской шко-

лы, который также удостоверил их принадлежность кисти академика Макарова [Там же, с. 378].

Работая над изучением творчества выпускников Саранской живописной школы, ученый не ограничился лишь теми произведениями, которые хранились в Саранске. Он составил своеобразную географическую карту живописи саранских художников. Благодаря его изысканиям стало известно, что работы саранских мастеров живописи представлены не только в Мордовской республиканской галерее, но и в ряде российских галереях: во Всесоюзном Пушкинском музее в Ленинграде, в Толстовском музее в Москве, в Третьяковской галерее. Выдающийся ученик Саранской школы живописи И. К. Макаров, наряду с талантливыми художниками того времени В. В. Верещагиным, А. Т. Марковым и др., принимали участие в росписи Храма Христа Спасителя в Москве [Там же, с. 385].

Анализируя «Саранскую живописную школу» И. Д. Воронина, следует отметить одну характерную черту, присущую творческой деятельности ученого, а именно его любовь к историческому источнику, глубокое понимание документа, настоящую страсть к тому, чтобы каждое свое положение доказывать максимально возможным количеством фактов, выдержек из источников. В работе он широко использовал иллюстративный метод, в чем его неоднократно упрекали. Действительно, его работа изобилует большим количеством фактов. В книге автор скрупулезно рассматривает мельчайшие детали, казалось бы, лишние, не имеющие отношения к самой живописной школе. Он детально изучает все явления и документально их подкрепляет, приводя записи таможенной книги, церковные записи, статистические описания г. Саранска и др. Но с другой стороны, видимо, он пытался, как-то суммируя эти факты, выделить наиболее типичные явления, тем самым представляя полную историческую картину того времени.

Несомненно, И. Д. Воронин — историк культуры родного края. Заслуга ученого заключается в том, что в своих работах он показал очаги искусства Мордовии, причем не народного творчества, а профессионального художественного искусства.

Литература

1. **Воронин И. Д.** Избранное / И. Д. Воронин. Саранск, 2005. 432 с.
2. Под звездой Октября (Мордовская АССР за 50 лет Советской власти) / под ред. М. В. Дорожкина и др. Саранск, 1967. 332 с.

Поступила 26.06.2009 г.

УДК 351.85(470.345):377.6/378

Д. С. Шукин
D. S. Schukin

**СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРОЙ МОРДОВИИ
И ПОДГОТОВКА КАДРОВ РАБОТНИКОВ КУЛЬТУРЫ
В 1928 — 1953 гг.**

**THE SYSTEM OF ADMINISTRATION BY THE CULTURE
OF MORDOVIA AND THE TRAINING OF THE CULTURE
SPECIALISTS IN 1928 — 1953**

Ключевые слова: органы управления культурой, отделы народного образования, народный комиссариат просвещения, управление по делам искусств, министерство культуры, курсы подготовки кадров работников культуры и просвещения, культурно-просветительные училища, советско-партийные школы, политпросветработа.

Статья посвящена анализу особенностей формирования и развития системы управления культурой мордовской автономии, начиная с периода ее основания до 1953 г. Подробно рассматриваются структура и функции органов управления, характеризуется их деятельность. В статье дается обзор основных форм подготовки и обучения кадров работников культуры в Мордовии в данный период.

Key words: the authorities of administration by the culture, departments of the people's education, national commissariat of education, administration by the affairs of the arts, ministry of culture, school training of the culture specialists and the workers of education sphere, culture-educational schools, the soviet-party schools, the political-educational work.

The article is dedicated to the analysis of the special features of forming and development of the system of administration by the culture of mordovian autonomy, from the period of foundation to 1953. The author considers in details the structure and functions of the bodies of administration, gives the characteristic of their actions. In the article there is a review of the main forms of training and education of the culture specialists in Mordovia in the given period.

Конец 1920-х — 1930-е гг. в истории мордовского края был ознаменован важнейшим политическим событием — формированием государственности в виде национально-культурной автономии. Этот процесс сделал реальностью многовековые надежды мордовского народа, способствовал дальнейшему развитию самобытной национальной культуры мордвы. Вместе с тем в 1930-е гг. в СССР была создана командно-административная политическая система, в рамках которой предусматривалось место только предельно идеологизированным культурным ценностям. Культура рассматривалась как мощное средство коммунистического воспитания и важнейшее идейное оружие партии. С конца 1920-х гг. можно отметить активизацию государственного вмешательства в сферу культуры, которая выражалась в централизации управления ею, жестком регламентировании деятельности учреждений и организаций культуры, ликвидации множественности течений и направлений в искусстве. Это наложило глубокий отпечаток на все последующее развитие культуры Мордовии в

советский период, поскольку, с одной стороны, безусловно упорядочило управленческую практику в культурной сфере, а с другой — положило начало бюрократизации системы управления, полностью подавив любую инициативу в создании органов, дающих определенную свободу в творчестве. В условиях подъема национального самосознания мордовского народа и ужесточения общественно-политической системы проходила интенсификация подготовки кадров работников культуры, направленная не только на искоренение безграмотности и обслуживание культурных учреждений, но и на обучение идеологически подкованного, воспитанного в партийно-государственном духе специалиста.

К началу 1930-х гг. в общегосударственном масштабе проблема упорядочения культурной жизни не была решена, поэтому шел активный процесс складывания системы государственных и партийных органов управления культурой в центре и на местах. Специфика образования подобных органов в Мордовии напрямую была связана с этапами становления национальной государственности в регионе. На первом этапе, который начался в 1928 г. с образованием Саранского, а затем Мордовского округа Средне-Волжской области и закончился оформлением мордовской государственности путем создания автономной республики в 1934 г., происходило также законодательное оформление аппарата управления культурной сферой [7, л. 1].

Непосредственно вопросами культурной политики заведывал Отдел народного образования Мордовского окружного (с 20 июня 1928 до 10 января 1930 г.) исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Мордовский окроно). Этот орган находился в подчинении Средне-Волжского областного отдела народного образования и имел по данным на 1930 г. следующие подотделы: общий, школьный, дошкольный, социально-правовой, политико-просветительной работы, инспектуры, кадров, плановый, бухгалтерию [2, с. 49]. В связи с образованием Мордовской автономной области, в январе 1930 г. окроно был преобразован в Мордовский областной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Мордовский облоно), который с 10 января 1930 до 28 декабря 1934 г. осуществлял руководство народным образованием и просвещением в регионе. В 1933 г. отдел состоял из нескольких секторов: школьно-методического, планово-экономического, массовых мероприятий, дошкольного, кадров и управления делами [Там же, с. 52]. Поскольку важнейшей целью всей культурно-просветительной деятельности оставалась ликвидация безграмотности, то в первую очередь были созданы районные комитеты по всеобщему обучению. Заведующий облоно осуществлял общее политическое, идеологическое, организационно-хозяйственное руководство народным образованием области. Первыми заведующими областного отдела в 1930 — 1932 гг. были Т. И. Данилов, С. Д. Бодякшин, А. Л. Аriskин и вновь Т. И. Данилов. Однако работа ведомства в данный период не привела к сколько-нибудь положительным сдвигам в борьбе с безграмотностью [5, с. 184 — 185]. Наконец, в 1932 г. Средне-Волжский крайоно командировал на должность заведующего из Самары опытного руководителя Н. Н. Важдаева. Ему за короткий срок удалось наладить работу ведомства и сдвинуть с мертвой точки решение проблемы всеобщего обязательного обучения. В качестве важнейших мер в данном направлении предлагались подача заявки в Наркомат финансов с целью увеличения бюджетного финансирования всеобщего обучения, расширения сети и повышения эффективности существующих педтехникумов для увеличения плана подготовки

учительских кадров, улучшения материального положения учительства [9, л. 321 — 323]. Таким образом, для первого этапа становления системы характерными чертами являлись жесткая централизация аппарата и регламентация функций управления культурой, а также недостаточность специализации в управлении различными сферами, поскольку, например, под «массовыми мероприятиями» подразумевались многие культурные аспекты, которые в основном должны были иметь пропагандистское значение. Узкоспециализированным органом, который функционировал на данном этапе, можно считать образованное в 1932 г. Мордовское областное отделение Средне-Волжской краевой конторы Государственного треста по прокату кинокартин (Роскино) Управления кинофикации при СНК РСФСР. Интеграция функций управления народным образованием, политической пропагандой и собственно культурой в одном отделе, безусловно, была неслучайной. Это обуславливалось взаимосвязью общего и культурного просвещения на государственном уровне с коммунистической пропагандой и агитацией.

Второй этап в формировании органов управления культурой Мордовии (1934 — конец 1930-х гг.), связанный с образованием республики, характеризуется более глубокой специализацией управляющих органов. Он подытожил становление аппарата управления на территории мордовской автономии, отразив общую тенденцию к полному огосударствлению культуры, чему способствовала политика, проводимая партией на тот период. После рассмотрения вопроса на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 20 декабря 1934 г., Президиум ВЦИК утвердил преобразование Мордовской автономной области в существующих границах в Мордовскую Автономную Социалистическую Советскую Республику [7, л. 9]. Высшим органом государственной власти и управления республики, как и ранее, являлся Съезд Советов. Между деятельностью съездов высшим органом управления провозглашался избираемый съездом ЦИК МАССР, который был ответственен перед ним и представлял отчет о своей деятельности. Исполнительным и распорядительным органом МАССР был Совет Народных Комиссаров, подотчетный ЦИК. Отраслями государственного управления, входящими в ведение СНК МАССР в пределах предоставленной им компетенции, руководили народные комиссариаты [Там же, л. 10].

В соответствии с указанными изменениями, 28 декабря 1934 г. Мордовский ОБЛОНО был ликвидирован, а все его функции были переданы Народному комиссариату просвещения, просуществовавшему до 26 марта 1946 г. Наркомпрос являлся административным координирующим органом, который передавал распоряжения и постановления центральных органов на места, управлял кадровой политикой, оказывал методическую помощь учителям, издавая сборники и программы. В компетенцию наркома входило назначение начальников управлений и отделов комиссариата, заведующих городскими и районными отделами народного образования, директоров музеев и библиотек республиканского значения [15, д. 360, л. 50]. Первым наркомом стал бывший председатель Мордовского облоно Н. Н. Важдаев. В 1934 г. Наркомат просвещения имел следующую, достаточно разветвленную структуру: управление средней школы и школьной инспекции, управление начальной школы, управление подготовки учителей, управление политико-просветительской работы, планово-финансовый отдел, Главлит (затем управление литературой и издательством), группа по детским домам. В дальнейшем появились такие подразделения, как управление школ взрослых, управление капитального строительства, отдел клубов. Наконец, в 1940 г.

произошло объединение в одно учреждение управления средних и начальных школ, а также педучилищ. Главой управления был назначен С. Н. Сердцев [14, л. 7].

Одновременно с созданием Наркомпроса в 1934 г. при СНК МАССР были организованы управления, контролирующие отдельные направления культурной жизни республики. К ним относились Комитет по радиовещанию и радиофикации, Мордовское отделение Средне-Волжского краевого треста кинофикации (затем Управление кинофикации при Совнаркоме МАССР) и Управление по делам искусств при СНК МАССР, учрежденное в 1936 г. Последний орган руководил деятельностью государственных и самодеятельных творческих организаций Мордовии, работавших в театральном и музыкально-хоровом жанрах, и просуществовал до 1953 г. До 1938 г. управление находилось в подчинении Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР, а с 1938 по 1946 г. — Управления по делам искусств при СНК РСФСР. [16, д. 5, л. 9]. В сферу деятельности управления входило планирование деятельности подведомственных учреждений культуры и искусства в пределах республики, а также инспектирование и контроль над их репертуаром, т. е. фактически ведение цензуры. Так, в 1937 г. в ведомстве республиканского Управления по делам искусства находились два театра (оперы и балета и драмы), Дом народного творчества, Союз художников, музыкально-драматическое училище, кукольный театр и многочисленные кружки самодеятельного творчества [2, с. 61]. Важность цензурной задачи была велика и подтверждалась соответствующими приказами, в которых подчеркивалось, что «все эстрадные представления и театральные спектакли в театрах МАССР должны предварительно просматриваться представителем Управления... эстрадные представления за 2 суток, театральные спектакли за 5 суток до премьеры». На репертуарный комитет управления возлагалось устройство просмотров и обсуждение просмотрных постановок [16, д. 11, л. 43]. В период интенсивной деятельности управления, связанный с упорядочением структуры данного органа, его возглавлял с 1938 по 1942 г. В. Л. Светкин.

Однако, несмотря на всю значимость вышеуказанных учреждений, основную координирующую роль в сочетании с контролирующими функциями в культурном развитии государства в то время играл Агитационно-пропагандистский отдел ЦК ВКП(б) (агитпроп). В связи с усложнением структуры культурной сферы и в целях повышения эффективности работы, в мае 1935 г. агитпроп был разделен на 5 отделов. Контроль за деятельностью всей культурно-просветительной сферы — творческих союзов, радио, кино, театров стал прерогативой отдела культурно-просветительной работы. На местном уровне, в том числе и в мордовской автономии, также было организовано подобное деление. Данная реорганизация отражала стремление партии охватить все участки идеологической работы, не ослабляя надзора за государственными органами управления культурой, которые, в свою очередь, регулярно подвергались реструктуризациям.

Организационные изменения во второй половине 1930-х гг. стали сопровождаться таким явлением, как репрессии по отношению к служащим государственных органов. Эта характерная черта общественно-политической жизни данного периода в полной мере затронула сферу управления культурой и наложила свой отпечаток на ее деятельность. «Чистка» аппарата управления повсеместно сопровождалась обвинениями руководящих работников и части кадрового состава в непрофессионализме, злоупотреблениях и вредительстве. В результате данной кампании

нарком просвещения Н. Н. Важдаев в 1937 г. был репрессирован, а его должность один за другим занимали Т. И. Борисов, И. Т. Сайгушев, П. Ф. Митраков. Аппарат Наркомата просвещения республики за 1937 г. и первую половину 1938 г. потерял $\frac{1}{3}$ своего состава [5, с. 185]. Лишь в 1941 г., после назначения наркомом Н. Н. Молина, ситуация стабилизировалась. Кадровая «чехарда» в органах управления безусловно оказала отрицательное воздействие на общее положение в сфере культуры Мордовии. Другим фактором, усугубившим последствия неоправданных репрессий, стала последовавшая вскоре за этим Великая Отечественная война, по сути прервавшая второй этап формирования аппарата управления культурой Мордовии. Вследствие этих событий в системе управления культурой республики не только стал ощущаться серьезный кадровый дефицит, но и нарушилась стройность функционирования органов и учреждений.

После окончания войны начался очередной виток структурных реорганизаций, затронувших аппарат управления культурой. Третий этап формирования системы управления в данной сфере, продолжавшийся с 1946 по 1953 г., характеризовался окончательным структурным и функциональным оформлением советских республиканских органов, руководящих культурным строительством. В результате произошло расширение ряда ведомств, укрепление звеньев аппарата управления и уменьшение числа дублирующих друг друга органов. 26 марта 1946 г. Наркомат просвещения был преобразован в Министерство просвещения в связи с упразднением системы комиссариатов во всесоюзном масштабе. Под данным названием министерство просуществовало до 25 августа 1988 г. В 1946 г. министром просвещения МАССР был назначен Г. Я. Меркушкин, которого на этом посту в 1950 г. сменил М. В. Дорожкин. Если проблема структурной организации народного образования, таким образом, была в целом решена, то управление сферой культуры временно оказалось в несколько приниженном положении. С 1944 г. Управление по делам искусств возглавлял С. И. Калганов, а с 1951 г. — А. Л. Киселев. Похожее положение занимало Управление по делам культурно-просветительных учреждений при СНК МАССР. Только 16 мая 1953 г. сфера культурно-просветительных учреждений республики вошла в подчинение новообразованному Министерству культуры. Все управления были упразднены. Министром культуры МАССР стал И. М. Кшнякин [6, с. 544].

Вместе с тем создавались новые и продолжали действовать прежние органы управления в некоторых наиболее значимых областях культпросвета. Среди них — Государственный комитет МАССР по радиовещанию, Управление по делам полиграфической промышленности, издательств и книжной торговли при СНК и Совмине МАССР, Мордовская республиканская контора по прокату кинофильмов, Архивное управление при Совмине МАССР. Таким образом, в начале 1950-х гг. в республике сложилась централизованная и разветвленная система управления образованием и культурой, сохранявшаяся без кардинальных изменений до конца существования МАССР.

Построение четкой и организованной управляющей структуры выдвинуло важнейшее требование подбора квалифицированных кадров, без которых функционирование аппарата было невозможно. Проблема встала со всей очевидностью уже на первом этапе складывания политической системы мордовской автономии. В связи с усложнением структуры культурно-просветительных учреждений, расширением их

сети, появлением новых форм просветительной работы с населением стало необходимым создание эффективных механизмов подготовки и переподготовки новой категории работников культуры для решения конкретных задач на данном этапе — искоренения безграмотности и ведения пропаганды социалистической культуры в различных проявлениях.

С конца 1920 — начала 1930-х гг. в мордовской автономии ускорилась работа по организации и развитию системы подготовки квалифицированных работников культуры. Основными формами обучения стали культурно-просветительные училища, техникумы, советско-партийные школы и курсы по подготовке работников учреждений культуры. Важное значение стали приобретать открывавшиеся вузы. Однако первыми учебными заведениями, выпускающими специалистов данного профиля, были областной Дом мордовки и Мордовский рабфак. Открытый в 1929 г. Дом мордовки на тот момент являлся единственным учебным заведением, занимающимся обучением женщин мордовской национальности для работы на селе. Продолжительность учебы варьировала от 2 месяцев до 1 года. С 1928 по 1934 г. Дом мордовки подготовил около 600 мордовских женщин на партийную, советскую, колхозную и культурно-просветительную работу. Сыграв свою роль на начальном этапе, в 1934 г. Дом мордовки был реорганизован в трехмесячные областные курсы низового советского и колхозного актива [1, с. 95; 3, с. 95]. Создание рабфака в 1929 г. предусматривало обучение студентов по педагогическим, медицинским и агрономическим специальностям, в результате которого они получали соответствующее среднее образование. В первый год на рабфаке обучалось 197 студентов. Всего до 1938 г. рабфак выпустил около 400 чел. В 1931 г. в Рузаевке был открыт филиал Мордовского рабфака, реорганизованный в 1932 г. в Рузаевский вечерний транспортный рабфак. Значительная часть выпускников тем не менее продолжала обучение в вузах, либо направлялась на работу в культурно-просветительные учреждения [12].

Первое высшее учебное заведение в Мордовии было открыто в 1931 г. — Мордовский государственный агропедагогический институт, в котором готовились учительские кадры высшей квалификации. В структуре вуза были 3 отделения: общественно-литературное, физико-техническое и агрохимико-биологическое. На общественно-литературном отделении готовились в том числе и кадры работников культурно-просветительной сферы. В 1931 г. в институте обучались 200 чел., а на 1 января 1935 г. по дневной, вечерней и заочной формам — 897 чел., в том числе мордвы — 360 чел. В 1934 г. был открыт Саранский учительский институт, в 1938 г. — Темниковский учительский институт, готовившие учителей 5 — 7 классов семилетних и средних школ. По данным на 1940 г., в трех вузах республики обучалось 1 300 студентов.

Весомую роль в подготовке работников культуры играл и созданный в 1932 г. Научно-исследовательский институт мордовской культуры (с марта 1937 — Мордовский государственный научно-исследовательский институт истории, языка и литературы). Важной задачей института стала подготовка научных кадров через открытую при нем аспирантуру, но в его стенах повышали свою квалификацию и специалисты сферы культуры. Из 5 образованных секторов данным направлением занимался сектор культурной революции, в функции которого входила и политпросвет-работа.

Однако главное внимание партийных органов было сосредоточено на организации средних специальных учебных заведений. В начальный период становления

национальной государственности, в 1928 — 1929 гг. в Мордовском округе действовали три техникума. Самым крупным из них был Саранский педагогический техникум, в котором обучалось 163 чел., в Краснослободском педтехникуме насчитывалось 114 чел. [8, л. 52 — 53; 10, д. 123, л. 346]. В дальнейшем сеть техникумов, готовивших кадры для школ и учреждений культуры, постоянно расширялась. В мордовском крае в 1929 — 1930 гг. насчитывалось 5 ссузов, в 1930 — 1931 — 15, а в 1932 — 1933 — 19, в 1936 — 1937 гг. — 18 [4, с. 107 — 110]. К 1933 г. из 19 ссузов 9 являлись педагогическими, а Ардатовский политехпросветтехникум готовил специалистов именно для культурно-просветительной работы. Суммарно в 1932 г. в этих техникумах обучалось 1 603 учащихся [11, л. 7, 11; 10, д. 63, л. 2]. В 1933 г. в техникумах педагогического профиля обучались 1 417 чел. (46,2 %) из общего числа учащихся ссузов, а в специализированном Ардатовском — 186 (6%) [4, с. 106]. Таким образом, профессиональных культпросветработников подготавливалось совсем немного. Тем не менее в целом количество учащихся в техникумах из года в год возрастало: если в 1929/30 учебном году их насчитывалось 1 169, то в 1932/33 г. — 3 093, в 1939/40 г. — 5 800. По национальному составу ситуация складывалась следующим образом: в 1930/31 г. обучалось русских 1 480 чел. (52,2 %), мордвы — 1 310 (46,2), татар — 40 чел. (1,4 %) [Там же, с. 106 — 107].

Значительную роль в расширении базы подготовки работников сферы культуры играли советско-партийные школы. В Саранске в 1928 г. была организована первая мордовская совпартшкола с трехгодичным сроком обучения, в которой проходили обучение студенты со всего Средне-Волжского края. В ней было 4 отделения: советского строительства, организационно-партийной работы, пропагандистов и колхозного строительства. В конце 1930 г. в совпартшколе обучались 284 учащихся; в 1932 г. были выпущены 53 чел. [13, л. 5 — 6; 8, л. 52 — 53]. Другим известным центром подготовки кадров стала Краснослободская совпартшкола. В 1936/37 учебном году в целях повышения эффективности обучения она была реорганизована в политехпросветшколу с дневным и заочным отделениями. На основном дневном отделении в этот год обучались 90 чел., на заочном — 300. Срок обучения был двухгодичным. Кроме того, при школе действовали краткосрочные курсы для повышения квалификации работников учреждений культуры. В Краснослободской политехпросветшколе готовились кадры «избачей» (заведующих избами-читальнями), заведующих колхозными клубами, директоров Домов культуры, инспекторов политехпросвета. Например, в 1936 г. в ее стенах были подготовлены 70 заведующих и директоров [15, д. 131, л. 15 — 16]. Тем не менее следует отметить, что по данным проверки, в 1937 г. в Краснослободской политехпросветшколе не хватало преподавателей основных дисциплин; на качество подготовки отрицательно влияли бытовые факторы, а именно отсутствие электричества и керосина. В том же 1937 г. начались массовые исключения учащихся из школы, связанные с волной репрессий. Во многих районах республики работа по организации системы обучения специалистов политехпросвета велась недостаточно интенсивно, не было создано заочное обучение.

Настоящей кузницей кадров в рассматриваемый период стали курсы подготовки работников культуры и просвещения. Эта форма обучения пользовалась популярностью из-за ее доступности и краткосрочности, поскольку продолжительность курсов обычно составляла от двух недель до шести месяцев, а проводились они чаще всего в летнее время с окончанием учебного года. Профессиональная

направленность курсов определялась потребностями времени. Наиболее востребованными являлись такие специальности, как избачи, библиотекари, ликвидаторы неграмотности, учителя. Необходимым при освоении любой специальности было обучение политической грамотности, причем последняя часто приобретала решающее значение. Недостаток финансовых средств приводил к тому, что проведение курсов нередко откладывалось, однако количество обучающихся постоянно увеличивалось, хотя и в неодинаковых пропорциях. Например, в 1929/30 г. на курсах были подготовлены 100 учителей и 50 политико-просветительных работников, в 1930/31 г. — 500 учителей и 50 работников политпросвета. Таким образом, происходило стабильное увеличение только числа учителей, но не культработников. Большая часть прошедших обучение работников культуры направлялась на руководящую работу. Так, в 1935 г. на республиканских курсах были подготовлены 80 чел., из которых — 50 стали заведующими избами-читальнями. Среди заведующих было 17 эрзян, 19 мокшан, 10 русских, 4 татарина. Заочно прошли обучение 124 заведующих избами-читальнями.

Согласно данным доклада Наркомпроса МАССР от октября 1936 г., в республике насчитывалось 655 политико-просветительных работников, из которых 519 являлись заведующими колхозными клубами и избачами, 82 — работниками библиотек, 22 — инспекторами, 18 — заведующими клубами МТС, 14 — директорами Домов социалистической культуры [Там же]. К 1941 г. в МАССР числились 590 клубных, 360 библиотечных и несколько сотен работников других культурно-просветительных учреждений. По численности эта категория служащих уступала только преподавателям школ. Квалификация же подавляющего большинства культпросветработников оставалась невысокой, так как ликбез, рабфак и даже специальные краткосрочные курсы, игравшие основную роль в обучении, не давали требуемого качества подготовки для данной работы [3, с. 98 — 100].

Особенностью культурного строительства в условиях военного времени стало усиление политико-просветительной патриотической пропаганды. X пленум Мордовского обкома ВКП(б) 18 ноября 1941 г. в постановлении о задачах областной партийной организации указывал о необходимости «перестроить работу... домов соцкультуры, изб-читален, превратив их в агитпункты, и организовать при них систематическое проведение лекций, докладов, консультаций по вопросам Отечественной войны и текущей политики» [4, с. 33 — 34]. В годы войны главным лозунгом работы культурно-просветительных учреждений республики, как и всей страны, стал лозунг «Все для фронта, все для победы!» [3, с. 125]. Главной задачей работников культуры провозглашалось поддержание патриотического духа армии и трудящихся, в том числе путем проведения массовых мероприятий на фронте и за его линией, в госпиталях, в тылу. На эту работу была направлена вся подготовка кадров сферы просвещения. По мере приближения победы, культпросветработа активизировалась. В частности, 5 февраля 1944 г. Мордовский обком ВКП(б) и СНК МАССР постановили «в целях оживления работы... изб-читален, сельских клубов, домов социалистической культуры, библиотек» провести конкурс на лучшую организацию работы политпросветучреждений с 20 февраля по 20 июня 1944 г. По итогам конкурса предлагалось установить премии промтоварами (одеждой, обувью) для лучших директоров ДСК, инспекторов политпросветработы, избачей и библиотекарей, а также денежно премировать лучшие учреждения [4, с. 53 — 54].

Неукомплектованность культурно-просветительных учреждений квалифицированными работниками в республике остро ощущалась и в первые послевоенные годы. Это было связано как с объективным фактором недостатка людей после безвозвратных военных потерь, так и с текучестью кадров. Причинами высокой текучести были неподготовленность сотрудников, низкая заработная плата и недостаточная престижность работы культпросветспециалистов. Большую часть проблем пытались решить изменениями в системе подготовки кадров и через усиление пропаганды. В июле 1945 г. Саранская партшкола была реорганизована в вечерний университет марксизма-ленинизма [Там же, с. 261]. В сентябре 1948 г. постановлением бюро обкома ВКП(б) было организовано Мордовское отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. По данным на 1 апреля 1952 г., оно объединяло 1 859 членов и имело, в свою очередь, отделения в 32 районах республики и в г. Рузаевке. За 1951 г. и 3 месяца 1952 г. членами общества было прочитано 3 430 лекций, на которых присутствовало более 393 000 чел. Параллельно было создано Республиканское лекционное бюро при Управлении по делам культурно-просветительных учреждений. В 1952 г. лекционную работу вели 37 штатных и внештатных лекторов и 3 096 лекторов-общественников. В республике на тот период работали 337 лекториев, из которых 32 состояли при районных Домах культуры, 305 — в сельских клубных учреждениях. В 1951 — 1952 гг. при Управлении были проведены три республиканских семинара руководителей объединений лекторов. На мордовский язык были переведены и разосланы 5 стенограмм лекций Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Всего же по республике складывалась следующая ситуация: в 1948 г. было прочитано около 10 000 лекций, в 1949 г. — 18 000, в 1950 г. — более 31 000, в 1951 г. — более 35 000 [Там же, с. 264 — 268]. Значительную часть содержания лекций составляла теория марксизма-ленинизма, которая являлась основой основ культурно-просветительной деятельности.

Вместе с тем увеличивалось количество средних специальных учебных заведений, число которых сократилось за годы войны. Если в середине 1930-х гг. в республике насчитывалось 18 ссузов, а после войны в 1945/46 г. — 16, то к 1949/50 г. — снова 18. Из 16 ссузов в 1946 г. 8 были педагогическими и размещались в Саранске, Ардатове, Зубовой Поляне, Инсаре, Ичалках, Козловке, Краснослободске и Лямбуре. Росло и число обучающихся, хотя количество студентов в послевоенное время еще не достигло довоенных показателей. В 1940 г. в техникумах, училищах и средних специальных школах Мордовии насчитывалось 5 800 студентов, в 1946/47 г. — 4 630, а в 1949/50 г. — 4 900 чел. Что касается вузов, то их число до 1953 г. оставалось неизменным, а динамика количества студентов была такова: если в 1940 г. в трех высших учебных заведениях республики обучались 1 300 чел., то в 1946/47 г. — 1 723 и в 1949/50 г. — более 4 000 чел. [17, л. 26 — 30].

Таким образом, после войны четко прослеживается тенденция повышения престижа высшего образования. Количество студентов вузов увеличивалось быстрее, чем учащихся ссузов. Тем не менее в 1953 г. был закрыт Саранский учительский институт, а в 1956 г. — Темниковский [1, с. 130]. Учительские институты были ликвидированы в связи с решением об открытии единого педагогического института. Однако следует отметить, что и значение среднего специального образования продолжало оставаться высоким, в том числе в подготовке специалистов культур-

но-просветительной сферы, при сохранении в целом роли различных курсов лекционного характера. Дальнейшее развитие системы подготовки кадров работников культуры и просвещения во второй половине 1940-х гг. — первой половине 1950-х гг. содействовало расширению сети учреждений соответствующего профиля и постепенному увеличению числа квалифицированных специалистов, работающих в них.

В Мордовии с конца 1920-х гг. происходило складывание единой унифицированной системы управления культурой, которое в целом завершилось к середине 1950-х гг. формированием аппарата, министерств и ведомств. Работа органов управления культурой и всей системы культурно-просветительных учреждений обеспечивалась специалистами данного профиля. Несмотря на высокий кадровый потенциал республики, темпы, масштабы и качество подготовки работников культпросвета в первые десятилетия существования мордовской автономии отставали от насущных потребностей. Однако ситуация постоянно изменялась в лучшую сторону в связи с открытием новых учебных заведений, развитием и совершенствованием системы обучения кадров.

Литература и источники

1. **Ивашкин В. С.** Формирование советской интеллигенции в Мордовии / В. С. Ивашкин. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1972. 160 с.
2. **Исаев Е. В.** Власть и культура в конце 20-х — 30-е гг. XX века: региональный аспект взаимоотношений (на примере Мордовии) : дис. ... канд. ист. наук / Е. В. Исаев. Чебоксары, 2008. 246 с.
3. **Киселев А. Л.** Социалистическая культура Мордовии / А. Л. Киселев. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1959. 320 с.
4. Культурное строительство в Мордовской АССР : сб. док. : в 2 ч. Ч. 2. 1941 — 1980 гг. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1988. 384 с.
5. **Кутузов В. Б.** Органы управления образованием в мордовском крае в 30-е гг. XX в. / В. Б. Кутузов // Финно-угорский мир: история и современность : материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Саранск, 2000. С. 183 — 185.
6. Мордовия : энцикл. : в 2 т. Саранск, 2003. Т. 1. 576 с.
7. НА НИИГН. И-1519.
8. ЦГА РМ. Ф. Р-149. Оп. 2. Д. 22.
9. ЦГА РМ. Ф. Р-238. Оп. 2. Д. 17.
10. ЦГА РМ. Ф. Р-238. Оп. 4. Д. 63, 123.
11. ЦГА РМ. Ф. Р-238. Оп. 6. Д. 11.
12. ЦГА РМ. Ф. Р-249. Оп. 1. Д. 235.
13. ЦГА РМ. Ф. Р-296. Оп. 1. Д. 56.
14. ЦГА РМ. Ф. Р-297. Оп. 1. Д. 226.
15. ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 131, 360.
16. ЦГА РМ. Ф. Р-578. Оп. 1. Д. 5, 11.
17. ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 252.

Поступила 19.11.2009 г.

УДК 130.2(470.345-22):728.48

А. В. Ломшин

A. V. Lomshin

**РОЛЬ СЕЛЬСКОГО КУЛЬТУРНОГО КОМПЛЕКСА
В УДОВЛЕТВОРЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ
ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА МОРДОВИИ В 1975 — 1982 гг.**

**ROLE OF RURAL CULTURAL COMPLEX
IN SATISFACTION OF CULTURAL NEEDS OF THE VILLAGE
INHABITANTS IN MORDOVIA IN 1975—1982**

Ключевые слова: село, культурный комплекс, учреждения культуры, партийное руководство, культурное обслуживание.

Предметом исследования данной статьи является изучение культурного комплекса села с целью рассмотрения в нем развития культуры под руководством власти.

Key words: village, cultural complex, cultural institutions, party leadership, cultural services.

The study of the village cultural complex is the object of research in this article. The purpose of the article is to consider the culture development in the country under the authorities direction.

Анализ структуры, содержания, форм и средств воздействия сельского культурного комплекса необходимо начать с клубов и Домов культуры как наиболее массовых и сложных культурных учреждений. Сельский клуб в середине 70-х — первой половине 80-х гг. XX столетия — это уникальное идеологическое учреждение, обеспечивавшее присущими ему средствами, формами и методами работы пропаганду политической и практической деятельности партии и государства, советского образа жизни, достижений передовой науки, техники, опыта новаторов социалистического производства. Одной из важнейших функций советского клуба являлось коммунистическое просвещение и воспитание трудящихся. Следующая функция клуба заключалась в том, чтобы всемерно развивать самодеятельность и инициативу, творчество трудящихся масс в процессе социалистического и коммунистического строительства. Важной функцией сельского клуба было содействие максимальному развитию разносторонних дарований жителей села, а также организация отдыха и развлечений. Большая роль отводилась проведению массовых мероприятий. Именно на них, проводившихся в честь знатных земляков, ветеранов и передовиков производства, на лекции и беседы собирались, как правило, большое количество посетителей. Так, только в 1980 г. сельскими клубными учреждениями культуры МАССР было проведено 12 322 тематических вечера, в которых приняли участие 1 157 тыс. чел., были прослушаны почти 29 122 лекции по различным темам, состоялись 11 368 спектаклей и концертов художественной самодеятельности [3, л. 36].

Многоплановую деятельность клубных учреждений обеспечивал коллектив специалистов, созданный из клубных работников.

Из сельского культурного комплекса необходимо выделить библиотеки, которым отводилась особая роль в подъеме культуры и образования сельского населения. За годы своего существования сельские библиотеки успешно осуществляли важные социальные функции — воспитательную и просветительную работу, оказывали всемерную помощь жителям села в организации чтения профессиональной литературы, постоянно при этом обогащая содержание и формы работы в зависимости от характера задач, которые вставали перед сельским сообществом [1, с. 31].

Сельские библиотеки имели большие возможности. Обеспеченность книгами на селе была выше, чем в городе. Заметно росло число выдаваемых книг читателям: если в 1975 г. одному читателю было выдано 17 книг, то уже в 1980 г. — 19. Заслуживает внимания такой факт: несмотря на известное сокращение сельского населения, а значит, и сокращение числа жителей, приходившихся на одну библиотеку, количество читателей не только не сократилось, а наоборот, заметно выросло [3, л. 38].

Сложные демографические процессы, начавшиеся во второй половине XX столетия в сельской местности России, особенности расселения на ее территории способствовали организации и созданию разветвленной сети нестационарных библиотек. Только в Нечерноземной зоне насчитывалось около 142 тыс. сельских населенных пунктов, половина из которых имела 50 и менее жителей. Естественно, что в таких поселениях стационарных библиотек быть не могло, а заботу об обеспечении жителей этих сел книгами брали на себя автобиблиотеки, передвижки, пункты выдачи и т. д., работавшие в составе централизованных библиотечных систем или на базе крупных районных библиотек.

Сельские библиотеки имели большие возможности для удовлетворения населения в книгах. С каждым годом заметно росло число книг и журналов, выдаваемых в сельских библиотеках одному читателю. В 1980 г. сельский читатель прочитывал в среднем 20 книг, в 1981 г. — 21 книгу. Читателями практически являлись 87 % жителей села, к не читающим относились люди преклонного возраста или с низким уровнем образования [2, с. 4].

К самым читающим можно отнести школьников и молодежь в возрасте до 14 лет и от 15 до 20 лет включительно, что составляло 52 % от всех читателей. Заметно меньше было читателей в возрасте 25 — 29 лет (9 %). В возрасте 30 — 49 лет читали примерно 26 %. Люди в возрасте 50 — 59 лет читали еще меньше, примерно 10 %, от 60 лет и старше только 3 % [6, с. 31 — 37]. Можно предположить, что падение интереса к книге у сельских жителей 25 — 29 лет объясняется изменением жизненной ситуации: образованием семьи, созданием нового домашнего хозяйства.

Если обращать внимание на уровень образования среди читателей сельских библиотек, то лица с неполным средним образованием составляли 42 %, общим и специальным средним образованием — 26 %, с высшим и незаконченным высшим — 5 % и 27 % — школьники и учащаяся молодежь. Приведенные данные говорят о большой читательской активности сельских жителей, имевших уже образование и стремившихся к постоянному его повышению [Там же].

С точки зрения социально-профессиональной занятости читателей сельских библиотек можно разделить на следующие группы: рабочие и колхозники (самая многочисленная группа), учащиеся с отрывом от производства и учителя, работники культуры и сельские специалисты [5, с. 38].

Потребность в чтении находила выражение в приобретении жителями села литературы для личных библиотек. Желание сельских жителей иметь личные библиотеки фиксировали многие участники социологических исследований. Однако, ученые отмечали в связи с этим трудности. Это касалось прежде всего дефицита книжной продукции в магазинах, обслуживавших сельскую местность. В ходе социологического исследования, проведенного сотрудниками Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в сельских домах книжные собрания были в целом незначительными: 68 % обследованных семей являлись владельцами «карликовых» библиотечек, имевших до 50 книг; 37 % из них хотели бы купить книги и пополнить свои библиотеки; 11 % семей совсем не имели книг [2, с. 5].

Большой исследовательский интерес представляет характер читательских предпочтений. В 1981 г. сельские библиотеки выдали более 772,6 млн книг (21 книгу в расчете на одного человека). При этом 20 % выданных книг были общественно-политического содержания, около 15 % — техническая и сельскохозяйственная литература. Согласно данным статистики, в Мордовской АССР в 1981 г. было выдано сельскими библиотеками около 6,5 млн книг [3, л. 42].

При выборе книг, предпочитаемых сельскими жителями, определяющую роль играли: характер и содержание труда читателей, уровень образования, количество свободного времени и др. Именно эти факторы оказывали существенное воздействие на формирование основных направлений и целей чтения. Главной целью чтения сельские жители ставили получение разносторонней информации, которую можно было бы использовать в сфере труда и в общественной работе, а так же для самообразования и содержательного отдыха.

Естественно, что уровень потребности в чтении специальной литературы находился в зависимости от характера и содержания труда сельского жителя. В основном сельчане читали художественную литературу, в которой видели источник познания мира. Благодаря книге они удовлетворяли свой интерес к прошлому и настоящему не только своей страны, но и всего человечества. Наиболее предпочитаемой была историческая литература, читали книги на морально-этические темы, про сельскую жизнь. Отмечая значительную широту сельских читателей, необходимо отметить, что отдельные отрасли знаний (естественно-научная и искусствоведческая) почти не пользовались спросом. В среднем на каждую сельскую библиотеку приходилось 300 книг по естествознанию, математике, медицине и около 200 книг — по искусству [Там же, л. 44].

В середине 1970-х гг. библиотеки направили свои усилия на информационное обслуживание читателя. Основное содержание библиотечно-информационного обслуживания заключалось в дифференцированном обеспечении различных категорий специалистов информацией о новинках литературы, т. е. в непосредственном участии в процессе внедрения технических новшеств на производстве; наглядной пропаганде достижений науки и передового опыта на производственных участках колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий.

К числу основных функций библиотек также относилось проведение массовых мероприятий, связанных с удовлетворением запросов трудовых коллективов. Быстрый рост общеобразовательного и культурно-технического уровня сельского населения, дальнейшее развитие потребности в чтении и получении новейшей научно-технической информации требовали совершенствования библиотечного обслуживания.

Одним из средств, призванных не только воспитывать, но и удовлетворять разнообразными духовными потребностями жителей села, было кино. Оно было самым доступным для населения. Воспитание жителей села на лучших произведениях киноискусства обеспечивалось, прежде всего, совершенствованием технической оснащённости сети киноустановок, улучшением репертуара.

В 1982 г. в селах Мордовской АССР действовали 767 стационарных и 22 передвижных киноустановки, число посещений киносеансов составило 6 212 тыс. чел. [4, с. 193].

По сравнению с предыдущими годами, снизилось число киноустановок и посещение киносеансов. Это объясняется тем, что произошло сокращение числа мелких сел за счет их укрупнения, а также увеличением телевизоров у сельских жителей. Кроме отмеченных причин, на падение престижа кино в исследуемый период повлиял и репертуар, который, как правило, на половину состоял из повторных фильмов и менее чем на половину — из новых, но поступающих в село со значительным опозданием.

Для большинства сельских кинозрителей было характерно вдумчивое и серьезное отношение к фильмам. При этом выбор фильмов зависел от характера трудовой деятельности и уровня образования зрителя. С ростом образованности зрителя кино давало ему повод для размышления.

Кино как массовое искусство пробуждало и удовлетворяло высокие запросы различных социальных групп населения. В деревне его значение было очень велико, но для выполнения своей роли нужна была организация сельского кинопроката, учет особенностей той или иной деревни, культурных запросов и потребностей ее жителей. Однако на эти факторы мало обращали внимания.

Таким образом, сельский культурный комплекс, состоявший из клуба, Дома культуры, библиотеки и показа кино играл огромную роль в сельской жизни. Те функции, которые были на него возложены, выполнялись в полном объеме: удовлетворялась потребность человека в общении с другими людьми, создавалась благоприятная атмосфера для развития самодеятельности в часы досуга.

Литература и источники

1. Задачи библиотек в свете решений XXVI съезда КПСС. М., 1981. 32 с.
2. Книга и чтение в жизни советского села // Исследования Государственной библиотеки им В. И. Ленина. М., 1975. Вып. 5.
3. НА НИИГН. И-1117.
4. Народное хозяйство Мордовской АССР за годы одиннадцатой пятилетки 1981 — 1985 гг. Саранск, 1986. 194 с.
5. **Осипова И. П.** Чтение в жизни села / И. П. Осипова. М., 1981. 40 с.
6. **Селигерский А. П.** Книжные фонды массовых библиотек / А. П. Селигерский. М., 1981.

Поступила 18.11.2009 г.

УДК 130.2:271.2-788

В. В. Семелев

V. V. Semelev

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИСТОКИ ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСКОГО ПОДВИЖНИЧЕСТВА

SOCIOCULTURAL SOURCES OF THE ORTHODOX MONASTIC SELFLESSNESS

Ключевые слова: Русская православная церковь, христианство, монашество, православный аскетизм, социокультурные истоки.

Статья посвящена сущности православного монашества в социокультурном контексте. Традиции монашеского подвижничества являются неотъемлемой и важной частью духовного опыта и культурного наследия России. Определены основные характеристики, особенности и формы монашеского подвижничества.

Key words: the Russian Orthodox Church, Christianity, monasticism, Orthodox asceticism, sociocultural sources.

The article is dedicated to the essence of Orthodox monasticism in the sociocultural context. The traditions of monastic selflessness are the inherent and important part of the spiritual experience and cultural heritage of Russia. Fundamental characteristics, special features and forms of monastic selflessness are determined in the article.

Употребление понятия «монашество» предполагает наличие некоей уникальности монашеского образа жизни. Слово «монах» в русском языке означает «уединенный» [5, с. 5 — 6]. Другое обозначение «монаха» — инок, т. е. «иной». У иноков все является иным: жизнь, мышление, отношение к Богу, миру и ближнему. В первые века христианской эры в Египте, Сирии, Палестине и Малой Азии появились люди, желавшие послужить Богу особым образом. Они поселялись в пещерах и пустынях, питаясь дикими плодами, кореньями трав и съедобными насекомыми.

Безусловно, возникновение монашества на Востоке было обусловлено ценностными ориентирами христианства, сформировавшимися на этапе взаимодействия христианства с греко-римской античной культурой, располагавшей значительным запасом разнообразных аскетических систем. Древние греки называли аскетизмом упражнения, необходимые для борьбы на арене. Пифагорейцы, философы-стоики употребляли это слово в смысле упражнения в добродетели и воздержании. Аскетический образ жизни наряду с духовными упражнениями предполагал определенную степень асоциальности, уход от мира, уединение во имя созерцания божественного.

Согласно учению отцов христианской церкви, термин «аскетизм» употребляется в двояком значении: в общем смысле — «трудиться», «упражняться», и в частном — со времени возникновения монашества — для обозначения подвижничества [4, с. 12].

Христианин — это аскет, сутью его аскезы является подвиг, в основе которого лежит отречение от себя ради Христа и взятие креста, чтобы следовать за ним:

Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, ибо кто хочет жизнь свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет жизнь свою ради Меня, тот обретет ее (Мф. 16: 24 — 25).

Преподобный Иоанн Римлянин говорил о том, что посты, бдения, нищета, отшельничество, упражнение в Священном Писании и трата всего имущества не составляют совершенства, но являются только средствами к совершенству, посредством которых достигается цель [7, с. 13].

Л. П. Карсавин писал: «Монашество — историческая форма осуществления аскетического идеала» [5, с. 34], т. е. автором подразумевалась особая форма посвящения своей жизни Богу. Формы монашества включают в себя отшельничество, столпничество, странничество и т. д.

Так, в раннем христианском аскетизме сложилась традиция анахоретства — отшельничества, на которое в Ветхом Завете указывал псалмопевец Давид: *Се удалился бегая, и водворился в пустыни. Чаях Бога спасающего мя от малодушия и от бури* (Пс. LIV: 7 — 9). Преподобный Иоанн Лествичник подчеркивал особое положение анахоретов: «Не так спасается уединенный монах, как монах, живущий с другим монахом. Ибо уединенный имеет нужду в великом трезвении и в неразвлекаемом уме. Сожительствующему с другим часто помогает брат, а безмолвнику споспешествует Ангел» [10].

Происхождение в IV в. в Сирии столпничества как особой формы монашеского подвижничества церковные историки связывают с именем преподобного Симеона Столпника. Блаженный Феодорит Кирский, современник и свидетель подвигов преподобного, писал: «Знаменитого Симеона — это великое чудо вселенной — знают все подвластные Римской державы: узнали о нем и персы, и мидяне, и эфиопы; распространившаяся молва о его трудолюбии и любомудрии долетела даже до скифских кочевников» [1]. Столпники несли также старческое служение, вразумляя приходивших к ним советом и наставлением. Не оставались они в стороне и от догматических споров, волновавших православный мир. Преподобный Симеон поддерживал Халкидонский Собор, убедил императрицу Евдокию оставить монофизитство и вернуться в лоно православной церкви. Преподобный Даниил сходил со столпа, чтобы приехать в Константинополь для обличения императора Василиска.

Среди русских святых столпниками были Никита Переяславский и Савва Вишерский. Столп, который устроил преподобный Никита для своих подвигов, находился не поверх, а внутри земли. Преподобный Серафим Саровский нес подвиг столпничества тысячу дней и ночей. Каждую ночь он поднимался на огромный камень в лесу и молился с воздетыми руками, взывая: «Боже, милостив буди мне грешному» [11].

Подвиг странничества, часто соединяющийся с подвигом юродства о Христе, являет собой одно из высших состояний духа христианина, поправшего все искушения и соблазны мира и достигшего совершенства по слову Иисуса Христа: *Аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим... и гряди в след Мене* (Мф. 19:21). «Странничество, — говорил преподобный Иоанн Лествичник, — есть невозвратное оставление всего, что сопротивляется нам в стремлении к благочестию» [8]. В Древней Руси подвиг странничества выполняли калики переходящие. «Калика» определяется в словаре В. И. Даля как «паломник, странник, богатырь во смиреннии, в убожестве, в богоугодных делах» [13].

Российская специфика, выразившаяся в весьма суровых условиях существования людей и делавшая привычной повседневностью многие зарубежные аскетические правила, потребовала внесения в монашескую практику определенных дополнений, особенно в русле смещения акцентов с проблем истязания плоти на ужесточение приемов воспитания духа. Согласно Феофану Затворнику, нужно «умерщвлять не тело, а страсти» [9, с. 100]. Таким образом, плоть укрощалась не через карательные орудия, а через оздоровляющее, терпеливое воздействие духовности, преданной Богу, уничтожающей чувственные мысли путем смирения, слезного сокрушения о поступках, отвращения к делам, не достойным Христа. Когда страстные помыслы порушены, земной мир переставал интересовать аскета и, в конечном счете, умирал для него. Место земного мира занимал Божественный мир, наполняя его совершенно новыми ощущениями.

Любовь к Богу не могла обращаться вовне, на мир; считалось греховным растрачивать ее в чувстве, мысли и поступке. Искусство аскетизма заключалось не в преобразении действительности, а в совершенствовании души. П. Н. Милюков отмечал, что «монашество стало казаться необходимым условием христианского совершенства» [6, с. 25].

Вместе с тем уже первые монахи, появившиеся на Руси, оказывали влияние на людей нравственными средствами, проповедуя Евангелие путем убеждения и личного примера. С первых веков христианства на Руси «сборники житий святых, проникнутые самой возвышенной поэзией отшельнической жизни, были любимым чтением наших предков. Они заучивались наизусть и мало-помалу входили в воззрения и убеждения народа» [2, с. 231 — 232].

За рамками классического средневековья в России постепенно менялись и представления о святости, акцент все более перемещался с жестокой аскезы на милосердие, со смирения — на кротость, с самоистязания — на терпение. Уже с первой половины XVI в. религиозные идеалы начали соотноситься с понятиями о социальной справедливости. Стал важным не только и не столько подвиг во имя индивидуального спасения, но общественное значение монашеского служения.

В конце XVIII в. утвердилось восприятие православными верующими монастыря как школы, этапа молитвы и размышления, пути к духовному совершенствованию. Монахи выходили на старческое служение народу-миру. Примером служат святые преподобные Феодор Санаксарский* и Паисий Величковский**. Деятельность подвижников наложила глубокий отпечаток на всю социальную жизнь не только в регионах их служения, но и России в целом: отрицательное отношение к забавам и развлечениям, похвала слез и безмолвия, воздержание, простота в пище, жилище и обстановке, строжайшее соблюдение постов, ежедневные многочасовые церковные службы с многочисленными поклонами стали неотъемлемой частью жизни русского народа.

С первой половины XIX в. монастыри стали своеобразными «центрами социальной работы». Социально-благотворительная деятельность играла главную роль в жизни женских обителей и была гораздо обширнее, чем в мужских монастырях. Женское монашество можно отнести к тем самым мотивированным, окормляемым старчеством и направляемым на подвиги в миру. И. К. Смолич небезосновательно утверж-

* Преподобный Феодор Санаксарский (1718 — 1791), память 19 февраля, 4 марта и 21 апреля/4 мая.

** Преподобный Паисий Величковский (1722 — 1794), память 15, 28 ноября.

дает, что рост женского монашества во второй половине XVIII — начале XIX в. «нельзя объяснить одним только подъемом аскетических настроений у русских женщин — это было не только проявление религиозных исканий. Религиозный подъем и искания были очень сильны, но то обстоятельство, что эти духовные искания не вышли за рамки монастырской жизни, объясняется влиянием старчества» [12].

Так, Арзамасская Алексеевская женская община, основанная в конце XVIII — начале XIX в. иеромонахом Феодором Ушаковым, при всей скудости средств и несмотря на увеличившееся в общине число сестер, ежедневно кормила странников и нищих, а настоятельница схимонахиня Марфа Протасьева никогда не отпускала без подаяния бедных, «приходивших за куском хлеба, квасом или просивших другой какой-либо монастырской пищи, говоря, что рука дающего никогда не оскудевает» [Там же].

В начале XX в. благотворительная деятельность монашеских общин становилась важной составляющей социальной политики государства. Следует отметить, что в данный период русской истории церковь и государство не были отделены, поэтому материальные проблемы церкви нередко решало государство, а также отдельные его граждане — меценаты.

В советские времена система церковной благотворительности была разрушена и в настоящее время восстанавливается с огромным трудом. Однако православная церковь и монашество в течение тысячи лет оказывали колоссальное влияние на все стороны жизни русского народа.

Таким образом, мы можем констатировать, что целью монашества является духовное спасение человечества. «Наилучший путь, чтобы войти в православную духовность, — через монашество», — пишет современный автор [3, с. 20]. Если обобщить его историческую роль, то справедливым, на наш взгляд, будет следующее утверждение: монашество представляет собой преимущественно социокультурное явление, поскольку веками духовное восхождение человека осуществлялось благодаря этому феномену.

Литература и источники

1. Библиотека святых отцов и учителей церкви. URL: www.ni-ka.com.ua/index.php?Lev=histeo
2. **Буслаев Ф. И.** Исторические очерки русской народной словесности / Ф. И. Буслаев. Leipzig, 1970. 648 с.
3. **Иоанн (Крестьянкин)**, архим. Настольная книга для монашествующих и мирян / Иоанн (Крестьянкин). М. : Отчий дом, 2006. 398 с.
4. **Карсавин Л. П.** Монашество в средние века / Л. П. Карсавин. СПб., 1912. 192 с.
5. **Милюков П. Н.** Очерки по истории русской культуры : в 3 т. Т. 2. Вера. Творчество. Образование. Ч. 1: Церковь. Религия. Литература / П. Н. Милюков. М. : Прогресс, 1994. 496 с.
6. **Осипов А. И.** Православное понимание смысла жизни / А. И. Осипов. Киев : Изд-во МДА, 2001. 240 с.
7. **Платонов О.** Святая Русь : энцикл. слов. / О. Платонов. 2001.
8. Православный календарь. М., 1998.
9. Преподобный Иоанн Лествичник: Слово 27. О священном безмолвии души и тела. URL: www.vsetsaritsa.ru
10. Преподобный Серафим Саровский, чудотворец. Житие. URL: www.zavet.ru/ssarovz.htm
11. **Смолич И. К.** Русское монашество 988 – 1917. URL: www.sedmitza.ru
12. Толковый словарь Русского языка В. Даля. URL: www.vidahl.agava.ru/P075.HTM
13. **Evdokimov P.** L'Orthodoxie / P. Evdokimov. Paris, 1959.

Поступила 21.10.2009 г.

УДК 374.7(470.345)

О. В. Зарубина

O. V. Zarubina

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МОРДОВИИ В КОНЦЕ 1920-х — 1930-х гг.

CULTURAL-EDUCATIONAL INSTITUTIONS ACTIVITY IN MORDOVIA AT THE END OF 1920s — 1930s

Ключевые слова: культурная революция, уровень грамотности, культурно-просветительные учреждения, клубы, библиотеки.

В статье рассматривается деятельность культурно-просветительных учреждений Мордовии в 20 — 30-е гг. XX в.

Key words: cultural revolution, literacy level, cultural-educational institutions, clubs, libraries.

The activity of cultural-educational institutions of Mordovia in 1920s — 1930s is considered in the article.

1920 — 1930-е гг. вошли в историю нашей страны как период осуществления «культурной революции». Этот процесс предполагал, во-первых, смену идеологии, мировоззрения, формирования новых принципов познания, во-вторых, развитие культуры «вширь» и «вглубь».

Смена идеологии занимала в плане культурной революции значительное место и означала в первую очередь борьбу с религиозным мировоззрением. На практике это выражалось в массовых гонениях на церковь и широкой пропаганде коммунистических идей. В конце 1920-х гг. по всей стране началась кампания закрытия культовых учреждений. В Средневолжском крае, в который входила и Мордовия, этот процесс приобрел особую активность в годы коллективизации. Так, в Мордовии к 1 июля 1930 г. из 703 культовых учреждений были закрыты 172 (131 православная церковь, 38 мечетей, 3 молельных дома) [6].

Развитие культурной революции «вширь» и «вглубь» предполагало приобщение к культурным достижениям широких масс населения и повышение их общекультурного уровня, формирование национальной научно-гуманитарной интеллигенции.

Культурное строительство мордовского края началось с момента образования Мордовского автономного округа в составе Средневолжской области в 1928 г. К концу 1920-х гг. на территории современной Республики Мордовия развивалась сеть культурно-просветительных учреждений: изб-читален, клубов, библиотек и пр. Их основная задача заключалась в пропаганде коммунистических идей, повышении общекультурного уровня и удовлетворении творческих потребностей населения. Однако, прежде чем приступить к осуществлению поставленных целей, необходимо было решить проблему ликвидации массовой неграмотности населения Мордовии. Эта проблема возникла с первых месяцев установления советской власти и стала одной из самых актуальных. Культурно-просветительные учреждения были активно при-

влечены в решение данной государственной проблемы. В «красных» уголках, избах-читальнях и клубах организовывались пункты по ликвидации неграмотности. Работники учреждений культуры вели агитационно-разъяснительную работу среди населения, выявляя неграмотных и малограмотных, собирали средства, учебники, создавали кружки ликбеза. Однако, несмотря на значительные масштабы этой кампании, темпы обучения населения республики значительно уступали показателям других народностей Поволжья. Так, согласно Всесоюзной переписи населения 1926 г., уровень грамотности мордовского населения составил 22,9 % (для сравнения: уровень грамотности русских — 45,1 %, татар — 33,4, чувашей — 30,7, марийцев — 26,6 %) [8, с. 81]. В период реконструкции народного хозяйства для решения задач индустриализации стране требовались грамотные рабочие, способные овладеть сложной новой техникой. Поэтому вопрос с ликвидацией неграмотности встал более остро. Создание Мордовского автономного округа активизировало работу по ликвидации неграмотности, организации более широкой сети мордовских ликпунктов. В 1928 г. Президиум Мордовского окружного исполкома проанализировал состояние работы по ликвидации неграмотности в округе. В докладе руководителя отделом народного образования указывалось, что уровень грамотности среди мордовского населения составляет 27,3 %, что является ниже уровня грамотности населения Средневолжской области на 36,4 % и еще ниже средней грамотности населения по РСФСР (44,1 %). Значительно ниже был уровень грамотности среди женщин округа — 17,6 %, особенно среди женщин-мордовок — 3,6 % [Там же].

Большие требования к ликбезу центральных партийных и государственных органов активизировали работу культурно-просветительных учреждений. В 1928 г. в Мордовии, как и в целом по стране, была начата широкомасштабная кампания по ликвидации неграмотности — Всесоюзный культпоход. Связанные с ним проблемы и задачи обсуждались на пленумах окружных комитетов партии, заседаниях сельских советов, комсомольских и профсоюзных собраниях. В процесс ликвидации неграмотности все активнее включались работники культурно-просветительных учреждений, учителя и комсомольцы. Было организовано шефство города над деревней. Предприятия и организации выделяли средства на приобретение учебников, письменных принадлежностей; увеличивалось количество культармейцев и т. д. [9, с. 108]. В 1931 г. в Мордовии был объявлен культштурм, для проведения которого было сформировано 98 бригад и организовано 200 учащихся вторых курсов техникумов сроком на 3 месяца. Важное значение имело культурное шефство крупных индустриальных центров над промышленными республиками и областями. Так, существенную организационную, материальную и техническую помощь культурно-просветительным учреждениям Мордовии оказывали рабочие Москвы, в частности Ленинского и Замоскворецкого районов. Только в 1931 г. в порядке культшефства в учреждения Мордовии, были направлены 1 500 ликбезработников-москвичей [Там же, с. 109]. В результате культпохода к 1932 г. было обучены 101 610 неграмотных и 50 068 малограмотных [1, с. 47]. К концу 1930-х г. уровень грамотности мордовского населения, по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., составил 68,1 % (для сравнения: уровень грамотности русских составлял 83,4 %, татар — 77,9, чувашей — 78,2, марийцев — 70,6 %) [3, с. 125]. Это свидетельствует о том, что проблема ликвидации неграмотности в республике продолжала оставаться актуальной. Так, из письма заместителя Наркома просвещения РСФСР Н. К. Крупской секретарю Мордовского обкома

ВКП(б) И. А. Кузнецову и Председателю Совнаркома МАССР В. В. Верендякину следует, что в Мордовской республике срывается последний срок ликвидации неграмотности — 1 мая 1939 г. Среди причин срывов Н. К. Крупская указала на слабую работу Наркомпроса и районов, которые не уделили необходимого внимания «этому важнейшему и трудному участку работы» [2, с. 84]. Было указано, что к решению проблемы необходимо привлечь широкие слои интеллигенции, как в городе, так и на селе: учителей, избачей, библиотекарей, агрономов, врачей и др. При отсутствии учебников помещать на страницах республиканских и районных газет странички для начинающих читать, в средствах республиканской и местной печати освещать положительный опыт по ликвидации неграмотности [Там же, с. 84 — 85]. Следует отметить, что в историографии нет единого мнения о сроках окончания работы по ликвидации неграмотности. Однако, несмотря на это, решение данной непростой задачи стало несомненным успехом мордовской автономии. Немаловажную роль в этом процессе сыграли культурно-просветительные учреждения Мордовии — ликвидация массовой неграмотности явилась их первым зримым успехом.

Общее просвещение населения осуществлялось не только с помощью школ. В 1920 — 1930-е гг. центром политической пропаганды и культурно-просветительной работы стали избы-читальни, осуществлявшие многофункциональную деятельность: они были и библиотекой, и клубом, и школой для взрослых. В избах-читальнях организовывались разные формы политико-просветительной деятельности: собирались сельские сходы, организовывались лекции по вопросам внешней и внутренней политики государства, чтение газет и журналов, осуществлялась атеистическая пропаганда, велась кружковая работа и др. Кроме этого, сотрудники изб-читален занимались популяризацией различных кампаний, организуемых государством. Особенно активно они работали во время избирательных кампаний. Наряду с этим многие избы-читальни организовывали «справочные столы», где предоставляли гражданам информацию на интересующие их вопросы. Многогранность и многопрофильность работы, осуществляемой избами-читальнями, объясняют тот факт, что за 10 лет их количество увеличилось практически вдвое. Так, с 1928 по 1929 г. в Мордовии было 176 изб-читален, в 1939 г. — 363 [Там же, с. 312].

Во второй пятилетке больше внимания стали уделять новым типам клубных учреждений: в городах и ряде районов появились «Дома социалистической культуры», клубы на предприятиях, в совхозах и колхозах, МТС. Эти учреждения строились с более вместительными зрительными залами, помещениями для работы кружков и др., что закономерно приводило к сокращению количества изб-читален и красных уголков. Если в 1927 — 1928 г. в Мордовском округе было 9 клубов, то в 1939 г. их стало 398, из них Домов культуры и пионеров — 10, районных домов культуры — 25, колхозных клубов — 255, клубов профсоюзов — 68, клубов сельских советов — 36, клубов других органов — 4 [8].

Однако положительная динамика роста количества изб-читален и клубных учреждений еще не свидетельствует о том, что проводимая в них работа выполнялась на должном уровне. Этому «способствовали» недостаточное финансирование, слабое материальное оснащение, недостаточное количество периодических изданий и книг, квалифицированных кадров, выполнение работниками клубов и изб-читален непрофильной работы, низкий уровень образования работников, сезонность и непостоянство работы изб-читален и клубов, использование помещений не по назначению,

аварийное состояние помещений и др. В результате этого в 1935 г. бюро Мордовского обкома ВКП(б) приняло постановление о работе колхозных клубов и изб-читален [2, с.316], на основании которого районным комитетам партии, Наркомпросу МАССР, партгруппам РИКов необходимо было провести глубокую проверку работы клубов и изб-читален. Рекомендовалось отремонтировать помещения, обеспечить топливом и необходимым инвентарем, организовать кружки по интересам (сельскохозяйственный, военный, драматический, музыкальный, хоровой и др.), столы справок. Наркомпросу МАССР было поручено выделить средства для приобретения политической и справочной литературы, разработать план проведения лекций на научно-популярные темы. Кроме этого были предусмотрены организация в клубах и избах-читальнях радиокомнат, приобретение музыкальных инструментов, шашек, шахмат и пр. Районным комитетам партии совместно с партгруппами РИКов и Наркомпросу МАССР было предложено провести работу по комплектованию изб-читален и клубов квалифицированными кадрами, в национальных селах — специалистами коренной национальности, запретить работникам изб-читален и библиотек выполнять работу, не соответствующую их профилю, организовать заочное обучение всех заведующих клубами, привлекать к работе в клубах, избах-читальнях сельскую интеллигенцию. Совнаркому МАССР, Наркомфину и Наркомпросу рекомендовалось установить порядок дифференцированной оплаты труда заведующим колхозными клубами и избами-читальнями. Это постановление оказало немаловажное влияние на развитие материальной базы клубных учреждений и изб-читален, а также на их функционирование и более продуктивную деятельность, хотя следует отметить, что этот нормативный документ на местах не всегда выполнялся. Это приводило к тому, что СНК МАССР принимал дальнейшие меры по налаживанию работ изб-читален и клубных учреждений.

В 1930-е гг. руководство страны обращало особое внимание на развитие библиотечного дела. Библиотеки наряду с избами-читальнями и общеобразовательными школами занимались в первую очередь ликвидацией неграмотности среди населения. Кроме этого библиотеки проводили масштабную работу по массовой агитации и политической пропаганде, являясь, таким образом, своеобразным пропагандистским центром. Об этом свидетельствует наглядная агитация в библиотеках, посвященная популяризации решений партийных съездов, ликвидации неграмотности, повышению урожайности и пр. В эти годы широкое распространение получили специальные кампании по пропаганде книг — проводились дни и недели книг, формировались различные кружки любителей книг и т. д. Для массового распространения книг при городских библиотеках были организованы передвижные библиотеки, вводилось книгоношество, проводились читательские конференции, организовывались ячейки «Друзей книги», чтение вслух газет и журналов [8, с. 136.]. В 1927 — 1928 г. в Мордовии функционировало 167 библиотек [4, с. 68], к 1939 г. сеть библиотек, включавшая бюджетные библиотеки, библиотеки колхозов и профсоюзов увеличилась до 495, книжный фонд всех библиотек составил более 600 тыс. книг [8, с.195]. Содержание книжного фонда массовых бюджетных библиотек состоял в основном из общественно-политической литературы — 30 % всех фондов, в том числе 8 % составляли произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина и других руководителей партии и государства. Литература по точным наукам составила 5 % фондов, по прикладным наукам — 15, из них по сельскому хозяйству — 10 %. На художественную литературу приходилось 25 % и на детскую — 20 % [Там же, с. 57]. Это свидетельствует о том,

что деятельность библиотек, как и клубных учреждений, была ориентирована, прежде всего на указание партийных организаций.

Однако в развитии библиотечного дела в 1920 — 1930-е гг. было много несовершенного. В частности, рост сети библиотек в Мордовской республике продолжал отставать от потребностей населения. В связи с остаточным принципом финансирования культурного строительства многие библиотеки, особенно сельские, оставались плохо обеспеченными литературой. Не хватало литературы на национальных языках (литература на мордовском и эрзянском языках составляла 5 % книжного фонда, тогда как читателей мордовской национальности было 36 %) [6], остро чувствовалось отсутствие необходимого количества квалифицированных кадров, особенно мордовской национальности, оставался низким уровень подготовки библиотекарей и др. Для преодоления недостатков библиотечного дела Совнарком МАССР в 1940 г. принял очередное постановление «О состоянии библиотечного дела в республике» [2, с. 329], в котором наряду с положительным опытом библиотечной работы (увеличение числа библиотек, книжного фонда, увеличение книговыдачи и др.) указывались и недостатки: бесхозяйственность, отсутствие надлежащего учета, неудовлетворительное комплектование книжного фонда, недостаточное финансирование библиотек и др. В результате этого Наркомпросу МАССР и районным отделам народного образования было предложено оказывать систематическую методическую помощь библиотекам, организовывать через них пропаганду общественно-политической и научно-популярной литературы, обеспечивать работу передвижных библиотек, организовывать работу межбиблиотечного абонемента, увеличивать книжные фонды и др.

В целом, несмотря на то что в 1920 — 1930-х гг. работа культурно-просветительных учреждений была поставлена на службу идеологии и превратилась в инструмент пропаганды марксистско-ленинских идей, в работе изб-читален, клубов и библиотек можно увидеть много положительного. Главным достижением в успешной работе культурно-просветительных учреждений республики была ликвидация массовой неграмотности среди населения. Рост числа библиотек, изб-читален и клубов в республике явился одним из показателей интеллектуального и культурного потенциала мордовского народа.

Литература и источники

1. **Киселев А. Л.** Социалистическая культура Мордовии / А. Л. Киселев. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1959. 320 с.
2. Культурное строительство в Мордовской АССР : сб. док. : в 2 ч. Ч.1 (1917 — 1941гг.) / сост. М. В. Дорожкин, Е. И. Бакаев, Е. П. Кабаева и др. Саранск, 1986. 396 с.
3. **Куршева Г. А.** Образование и власть в Мордовии (1917 — 1941 гг.) / Г. А. Куршева ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. 136 с.
4. Мордовия : энцикл. : в 2 т. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2003. Т. 1. 576 с.
5. ЦГА РМ. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 25.
6. ЦГА РМ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 264.
7. ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 77.
8. **Шукшина Т. И.** Мордовская школа 1920 — 1930-х гг.: основные этапы и проблемы развития / Т. И. Шукшина ; Мордов. гос. пед. ин-т ; под науч. ред. проф. Е. Г. Осовского. Саранск, 2003. 176 с.
9. **Ямашкина Р. Н.** Деятельность культурно-просветительских учреждений Мордовии (1928 — 1941 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / Р. Н. Ямашкина. Саранск, 1998. 200 с.

Поступила 30.11.2009 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Батаев Сергей Викторович — научный сотрудник отдела общественно-политических исследований НИИГН,

e-mail: bataevs@mail.ru

Бикейкин Евгений Николаевич — кандидат философских наук, заведующий отделом истории НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Видяйкин Сергей Васильевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Гвоздева Ирина Николаевна — учитель русского языка и литературы гимназии № 29 г. Саранска,

e-mail: gvozdeva.69@mail.ru

Денискин Евгений Иванович — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории НИИГН,

e-mail: edeniskin@yandex.ru

Зарубина Ольга Владимировна — соискатель отдела теории и истории культуры НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Ивлиев Сергей Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Ильин Дмитрий Федорович — кандидат философских наук, заведующий отделом общественно-политических исследований НИИГН,

e-mail: ilidmitrii@yandex.ru

Кемаев Евгений Николаевич — аспирант отдела археологии и этнографии НИИГН,

e-mail: evg.kemaev@yandex.ru

Кириллова Елена Александровна — соискатель отдела археологии и этнографии НИИГН,

e-mail: kirilka1979@mail.ru

Котляров Сергей Борисович — кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Саранского кооперативного института (филиала) АНО ВПО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации»,

e-mail: kandidatistorii@rambler.ru

Кукушкина Елена Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Саранского кооперативного института (филиала) АНО ВПО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации»,

e-mail: guniign@list.ru

Кунев Сергей Викторович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела социально-экономического развития Мордовии НИИГН,

e-mail: brendgeneric@rambler.ru

Куршева Галина Александровна — доктор исторических наук, заместитель директора НИИГН по научной работе,

e-mail: guniign@list.ru

Ломшин Андрей Владимирович — аспирант отдела теории и истории культуры НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Ломшин Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по проблемам социально-экономического развития региона НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Матюшин Алексей Викторович — аспирант отдела социально-экономического развития Мордовии НИИГН,

e-mail: alexmatjushin@yandex.ru

Моисеева Ирина Владимировна — аспирант отдела социально-экономического развития Мордовии НИИГН,

moira-22@mail.ru

Надькин Тимофей Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Отечественной истории и этнологии МГПИ им. М. Е. Евсевьева,

e-mail: ntd2006@yandex.ru

Некаева Людмила Николаевна — аспирант отдела литературы и фольклора НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Никонова Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом археологии и этнографии НИИГН,

e-mail: congress7@list.ru

Осипова Мария Ивановна — аспирант отдела теории и истории культуры НИИГН,

e-mail: osipovasmi@mail.ru

Охотина Татьяна Николаевна — старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии НИИГН,

e-mail: congress7@list.ru

Пашуткина Валентина Николаевна — аспирант отдела литературы и фольклора НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Пивцайкина Ольга Александровна — аспирант отдела теории и истории культуры НИИГН,

e-mail: irisha_2781@list.ru

Рапова Сергей Тариельевич — аспирант отдела социально-экономического развития Мордовии НИИГН,

e-mail: sergeirapava@rambler.ru

Сальникова Элеонора Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела общественно-политических исследований НИИГН,

e-mail: guniign@list.ru

Семелев Вячеслав Васильевич — соискатель отдела теории и истории культуры НИИГН, преподаватель Саранского музыкального училища им. Л. П. Кирюкова,

e-mail: vvsemel@gmail.com

Соколов Александр Викторович — аспирант отдела социально-экономического развития Мордовии НИИГН,
e-mail: sokolov.aleksand@mail.ru

Сомкин Александр Алексеевич — кандидат философских наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Историко-социологического института Мордовского государственного университета,
e-mail: alexsomkin@mail.ru.

Спицина Ольга Викторовна — аспирант отдела археологии и этнографии НИИГН,
e-mail: spicina_olga@mail.ru

Топорков Сергей Николаевич — аспирант отдела социально-экономического развития Мордовии НИИГН,
e-mail: topgrey@yandex.ru

Торопов Александр Иванович — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления аграрным производством Мордовского государственного университета,
e-mail: alex-toropov@mail.ru

Цыплякова Ольга Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания НИИГН,
e-mail: guniign@list.ru

Шерстобитова Жанна Викторовна — соискатель отдела археологии и этнографии НИИГН,
e-mail: guniign@list.ru

Шеянова Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН,
e-mail: guniign@list.ru

Шкердина Надежда Олеговна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИГН,
e-mail: shnadejda@bk.ru

Щанкина Любовь Николаевна — докторант Института этнологии и антропологии РАН,
e-mail: Schancina@yandex.ru

Щукин Дмитрий Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела теории и истории культуры НИИГН,
e-mail: schukin53@rambler.ru

Юрченков Валерий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, директор НИИГН,
e-mail: guniign@list.ru

АРХИВЫ

ГАПО — Государственный архив Пензенской области.

НА НИИГН — Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

ЦГА РМ — Центральный государственный архив Республики Мордовия.

НА ЧГИГН — Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук.

В Е С Т Н И К
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

№ 2 (12) 2009

Перевод на английский язык *А. В. Чернова*
Редактор *Т. А. Чужайкина*
Макет *Л. А. Челкановой*

Подписано в печать 09.12.2009. Формат 70 x 100 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ №

ГУ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия».
430005 г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3.

Отпечатано в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь“».
430000 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а.